

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РИСУНКА

**АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА.
ПРОБЛЕМЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под общей редакцией доктора архитектуры, профессора В.Ф. Морозова

ББК 85.11
УДК 725.945(476.6)(476.7):796.5

*Рецензенты: С.А. Сергачёв, доктор архитектуры, профессор
В.В. Трацевский, кандидат архитектуры, доцент*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Морозов Валерий Францевич, доктор архитектуры, профессор Белостокской политехники, г. Белосток, Республика Польша.

Кожар Нина Владимировна, доктор архитектуры, профессор, профессор кафедры «Архитектура» Ченстоховской политехники, г. Ченстохов, Республика Польша.

Морозова Елена Борисовна, доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции» БНТУ, г. Минск.

Устинович Ежи Романович, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура локальных культур» Белостокской политехники, г. Белосток, Республика Польша.

В сборнике научных трудов содержатся материалы, рассматривающие вопросы сохранения и культурно-туристического использования архитектурного наследия Прибужского региона.

Сборник предназначен для специалистов в области архитектуры и смежных областей знаний, преподавателей, научных и инженерно-технических работников, аспирантов, студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

Бакша Е.Б. ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	5
Басов С.В., Качановская Г.М. ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОНЯТОВСКИХ-ЧАРТОРЫЙСКИХ В ВОЛЧИНЕ	6
Бородулько А.А. ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЖИЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ	9
Будыко Н.С. СТАРИННЫЕ ПАРКИ БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ	11
Власюк Н.Н. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ЖИЛОЙ СРЕДЫ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИОРИТЕТАМИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	13
Воробей В.А., Лукьяненко А.В. СВЯТО-НИКИТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В Д. ЗДИТОВО ЖАБИНКОВСКОГО РАЙОНА	17
Воробей А.В. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ДОЛЕТОПИСНОГО БЕРЕСТЬЯ	21
Давидюк Э.А. АНАЛИЗ ВОССОЗДАНИЯ УСАДЬБЫ МЕРЕЧЕВЩИНА В ГОРОДЕ КОССОВО ИВАЦЕВИЧЕСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	29
Данько Е.С. АРХИТЕКТУРНАЯ СТИЛИСТИКА ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ПОЛТАВА	30
Дранец И.Л. АРХИТЕКТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЛИЦОВОЧНЫХ СЛОЕВ В НАРУЖНЫХ СТЕНАХ	34
Желудко А.И. ЭТНОТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «НАШ РОДНЫ КУТ САБАЛІ», ИСТОРИЯ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	38
Залесская Г.П. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ	42
Кабаява М.В., Пузеев А.А. АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ НЕСВИЖА	43
Кароза А.И. ТИПОЛОГИЯ СОХРАНИВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ И ОБЪЕКТОВ ТУРИСТСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ, СОЗДАВАЕМОЙ НА ИХ ОСНОВЕ	50
Климук Н.А. ОБЗОР ОБЪЕКТОВ ПИЩЕВКУСОВОЙ ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ	53
Коняев Н.В. ПЛАНИРОВОЧНАЯ ГИБКОСТЬ И ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ	57
Кривицкая М.П. ВЫСОТНАЯ КОМПОЗИЦИЯ МАЛОГО ГОРОДА	58
Курсевич И.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕШЕХОДНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ГОРОДАХ	61
Лаврецкий Н.Г. ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ПРОТЕСТАНСКОГО ХРАМА	64
Малков И.Г., Власюк М.М. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ВОКЗАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ – ВАЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ	66

Малков И.Г., Коняев П.Н. ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УНИКАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНЖЕНЕРИИ, ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И ИХ РУИН	71
Малков И.Г., Коняев Н.В. ОПТИМИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВОЧНЫХ РЕШЕНИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗОН БЕЛАРУСИ	73
Матвеева Е.В. АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТЕЧЕК ПРИНЕМАНСКОГО И ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ В XVI-XIX ВВ.	75
Мисиюк В.С. ДЕКОРАТИВНЫЕ ЩИТЫ НА ФРОНТОНАХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ ПРИБУЖЬЯ (20-60-е гг. XX в.)	80
Musiuk Adam KONSERWATORSKIE UWARUNKOWANIA REWALORYZACJI I REKONSTRUKCJI KOMPLEKSU OBIEKTÓW KLASZTORU MĘSKIEGO ZWIASTOWANIA NMP W SUPRAŚLU NA PRZESTRZENI WIEKÓW W KONTEKŚCIE KONIECZNOŚCI NADANIA MU NOWEGO PROGRAMU KULTURALNO-TURYSTYCZNEGO	85
Морозов В.Ф. РАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛАССИЦИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ АРХИТЕКТОРА К. ПОДЧАШИНСКОГО В БЕЛАРУСИ. АРХИТЕКТУРА УЧЕБНЫХ ЗДАНИЙ	92
Морозова Е.Б. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ	98
Морозов Е.В. МОДЕРНИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ ЗАПАДНЫХ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ	104
Нисс Е.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АДАМА ИДЗЬКОВСКОГО КАК ПРИМЕР ЭКЛЕКТИЧНОГО МЫШЛЕНИЯ	109
Нитиевская Е.Е., Дарьин Э.Р., Косак М.А. РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА В Г. ЛОГОЙСКЕ	113
Ожешковская И.Н. ПРОГРАММА АРХИТЕКТУРНОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ИНОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ В БРЕСТЕ	115
Ондра Т.В. КОМПЛЕКС ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА БАЗЕ АГРОТУРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В КАМЕНЕЦКОМ РАЙОНЕ «ТРИ КОЛОДЦА»	118
Панченко Т.А. ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ТИП РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ	120
Пацкевич Ю.И., Пацкевич А.В. ИСТОКИ «БИОСФЕРНОЙ АРХИТЕКТУРЫ» В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	123
Пацкевич А.В., Пацкевич Ю.И. РОЛЬ МЫШЛЕНИЯ В СОЗДАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	126
Протащук Н.Н. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ – АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ РАЙОННЫХ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ	129
Рачкевич Т.Е., Протасова Ю.А. АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ЖИЛЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	131
Trojnieł P. SYNAGOGI W AUGUSTOWIE – ANALIZA FORM	134
Тур Э.А., Басов С.В. ИССЛЕДОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВОКЗАЛА «БРЕСТ-ЦЕНТРАЛЬНЫЙ»	141
Uścińowicz Jerzy MONASTYR ŚW. ŚW. MARTY I MARII NA ŚWIĘTEJ GÓRZE GRABARCE – HISTORIA DAWNA I WSPÓŁCZESNA	145

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В современных социально-экономических условиях основной формой развития промышленного производства является реконструкция, реновация и ревитализация¹. Главная задача на сегодняшний день – повысить технический уровень выпускаемой продукции, внедрить энергосберегающие и ресурсосберегающие технологии, используя технический промышленный потенциал страны, повысить качество жизни населения, использовать территориальные резервы крупных городов с максимальным экономическим и социальным эффектом.

Территориально – пространственное развитие города должно быть направлено на освоение наиболее инвестиционно-привлекательных, значимых территорий и основных узлов городской структуры. Путем комплексной реконструкции и ревитализации застройки решаются не только градостроительные, но и социальные задачи по обеспечению населения необходимыми учреждениями, созданию полноценной структуры жилья и обслуживания.

В зависимости от соответствия предприятия требованиям, которые предъявляет к нему город, от его рентабельности и роли в хозяйственно-экономической структуре, от степени его воздействия на окружающую среду, от архитектурно-эстетического качества застройки целесообразны либо частичная, либо полная замена производственной функции промышленного объекта. В первую очередь это касается предприятий в центрах городов. Здесь вступает в силу ряд факторов, объясняющих неуклонно растущую тенденцию к смене функционального назначения промышленных объектов, а именно: притягательность центра для активности людей; размещение предприятий обслуживания и досуга, торговли и бизнеса в центре; вывод предприятий за счет уплотнения и перераспределения уже существующих площадок в сложившихся производственных зонах города.

В новых экономических условиях любое предприятие в центре города может позволить себе перенос производственной базы в промышленную зону, а освободившиеся площади адаптировать, исходя из коммерческой и социальной привлекательности участка. Это особенно актуально, если у предприятия существует санитарно-защитная зона, которая при адаптации превращается в полезную городскую территорию. Средства, полученные от использования промышленных объектов в их новой функции, могут быть инвестированы в развитие производства на новой площадке. Это один из действенных способов выживания предприятий в непростых экономических условиях. К тому же, расходы на обслуживание жизнеспособности локально расположенного предприятия в центре города больше расходов предприятия, входящего в состав промышленного парка.

Города Беларуси имеют невостребованный потенциал для развития территорий в виде промышленных зон с большой санитарно-защитной зоной или пустующих зон. Особенно это актуально с введением Указа об ужесточении использования сельскохозяйственных земель для развития городов. Основная часть заброшенных или нерентабельных промышленных территорий в городах Беларуси на сегодняшний день используются как складские зоны, логистические центры или не используются вообще, что не позволяет окупить затраты на их содержание.

Одной из крупнейших промышленных зон Республики Беларусь является Брестский промышленный узел, который имеет свои исторические предпосылки для его формирования. На сегодняшний день на территории г. Бреста насчитывается 57 промышленных предприятий, которые образуют большой промышленный узел. Можно выделить несколько основных зон в градостроительной структуре города, которые на сегодняшний момент находятся в центре отдельных жилых и производственных микрорайонов, таких как Речица, Дубровка, Ковалево, Граево, Вычулки, а также крупнейший промышленный район города – Восток.

Таблица 1 – Классификация процессов ревитализации

<i>Критерии</i>	<i>Характеристика</i>
Цели	- восстановление;
	- приспособление;
	- поддержание активности;
Причины инициирования	- превентивные;
	- кризисные;
Масштаб действия	- в пределах одного предприятия;
	- в пределах промышленной зоны или отрасли;
Функциональное содержание	- организационная;
	- производственная;
	- архитектурно-планировочная;
	- финансовая;
	- информационная;
Модели осуществления	- эволюционные;
	- революционные
Принципы	- системность (комплексность);
	- последовательность;
	- целенаправленность;
	- оперативность и гибкость (вариабильность);
	- концептуальность;
	- инновационность;
- стабилизация и управляемость.	

Анализ территорий г. Бреста обнаруживает очевидную неоднородность сети промышленных зон и предприятий в структуре города. Основная их часть (крупные заводы) располагается в виде непрерывной цепи в восточной и северо-восточной части города. Отдельные комплексы находятся на периферии города, частично вклиниваясь в его жилую структуру. Некоторые локальные промышленные образования рассредоточены непосредственно внутри городской застройки. Все эти комплексы отличаются по времени постройки, по типу производства, а следовательно, и по виду сооружений. Некоторые предприятия практически не функционируют. Существующие комплексы, занимая огромные участки города, имеют весьма разряженную застройку – плотность ее лишь местами увеличивается. В результате, многие территории пустуют, заброшены и не освоены.

Для ревитализации производственных зон и их включения в систему города не обойтись без анализа существующей застройки и генплана территории. Планировочное упорядочение, повышение плотности застройки промышленных площадок, переход к многоэтажным модулям, ввод современных принципов эффективного развития производства, перепрофилирование предприятий, создание инновационных и многопрофильных комплексов позволяют проще интегрировать промышленные комплексы в структуру города и целесообразнее использовать городские территории. Данная структуризация промышленности в городе приведет к упорядочению промышленных зон, планировочная структура приобретет более четкие черты, ее хаотичность сойдет на нет, транспортные схемы станут более рациональными и т.д.

Одной из задач при ревитализации архитектуры промышленного предприятия является создание единого архитектурного ансамбля в увязке с архитектурой прилегающих районов города. При этом нужно учитывать этажность, объемно-планировочные параметры, характер архитектуры промышленно-производственной застройки, ориентированность на основные городские магистрали.

Можно выявить общие рекомендации архитекторам и проектировщикам в разработке проекта ревитализации промышленной зоны или отдельного промышленного предприятия:

- 1) анализ градостроительной ситуации и расположения территории промышленного предприятия в городской системе для повышения эффективности ее использования;
- 2) анализ возможности создания функционального переоснащения с учетом требований данного региона в системе обслуживания и окружения;
- 3) анализ и упорядочивание транспортной и пешеходной схемы и обеспечение эффективного использования транспортного обслуживания;
- 4) анализ конструктивных особенностей здания и архитектурно-планировочной схемы, специфика планировочной и конструктивной схемы объекта, его пригодность для ревитализации и совместимость этих параметров с особенностями предполагаемой новой функции;
- 5) анализ экономической эффективности ревитализации;
- 6) анализ экологической характеристики территории и улучшение санитарно-гигиенических условий в районе и на прилегающих территориях.
- 7) разработка проектного предложения по приспособлению промышленного предприятия.

В настоящее время в г. Бресте существует целый ряд проблем и противоречий, связанных с функционированием промышленных объектов и городской застройкой в целом. Предлагаемый подход в переоснащении и перепрофилировании промышленных территорий и отдельных промышленных предприятий может нести как экономический эффект для развития города, так и упорядочить градостроительную схему города.

Ревитализация промышленного предприятия – комплекс реконструктивно-восстановительных мероприятий, направленных на эффективное использование объектов промышленного назначения в современных условиях с учетом особенностей архитектурно-планировочной системы, градостроительного решения в системе городской застройки и визуально-эстетических особенностей объектов промышленной архитектуры.

Список цитированных источников

1. Архитектура промышленных предприятий, зданий и сооружений: Справочник проектировщика. – М.: Стройиздат, 1990. – 638 с.
2. Бочаров, Ю.П. Совершенствование планирования и проектирования экономической базы городов / Ю.П. Бочаров, В.А. Щиглов // Формирование системы мест приложения труда в крупных городах: сб. научн. трудов ЦНИИП Градостроительства. – М., 1982. – 16 с.
3. Костов, К. Типология промышленных зданий. – М.: Стройиздат, 1987. – 208 с.
4. Матвеев, Е.С. Промышленные зоны городов. – М.: Стройиздат, 1985. – 216 с.
5. Морозова, Е.Б. Архитектура промышленных объектов: прошлое, будущее, настоящее. – Мн.: Технопринт, 2003. – 313 с.
6. Торговые центры и зоны городов с использованием существующих зданий / Общественные здания / Под ред. Т.В. Порхачева – М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1988. – 45 с.
7. Хромец, Ю.Н. Совершенствование объемно-планировочных и конструктивных решений промышленных зданий. – М.: Стройиздат, 1986. – 315 с.
8. Шевердяева, Н.Н. Опыт организации производственных зон за рубежом // Функциональная и планировочная структура производственной зоны города: сб. научн. трудов ЦНИИПГрадостроительства. – М., 1984. – С. 5-21.

УДК 947.6 (04)

Басов С.В., Качановская Г.М.

ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОНЯТОВСКИХ-ЧАРТОРЬСКИХ В ВОЛЧИНЕ

XVIII век – период наивысшего расцвета дворцово-паркового ансамбля в Волчине. Известно, что в 1710 г. Казимир Сапега, продавая имения Волчин и Радваничи (в Брест-Литовском повете) фельдмаршалу Якубу Генриху Флемингу за 382,5 тысячи злотых, выделил 30 тысяч тынфов на возведение в Волчине дворца и восстановление

уничтоженных шведами фольварков, усадеб и хозяйственных построек.

Краковский кастелян, генерал Станислав Понятовский – отец будущего последнего короля Речи Посполитой, 14.IX.1720 сочетался браком с Констанцией Чарторыйской (ок. 1695-1759), дочерью кастеляна виленского Казимира Чарторыйского и Изабеллы Морштын. Констанция получила в приданое 400000 злотых, за которые Понятовские в 1721 г. приобрели у Флеминга имения Волчин и Радваничи.

Именно Понятовские начали проводить масштабные хозяйственные преобразования в своих владениях, заложив основу будущего великолепного дворцово-паркового ансамбля. Станислав Понятовский, осев в Волчине, заметно расширил границы имения, приобретая земли и деревни у обедневших соседей. Число фольварков увеличилось до восемнадцати. Построив на реках Пульве и Лесной семь мельниц, вел оживленную торговлю зерном, разводил породистый скот, проводил экономические преобразования – уменьшил дни барщины, отменил гвалты (вид повинности). Фундовал строительство нового каменного костела Св.Троицы. Однако сведений о внешнем виде и внутреннем убранстве усадьбы и дворца того времени, к сожалению, до наших дней дошло совсем мало, даже несмотря на то, что Волчин в тот период часто посещали знаменитые художники и писатели.

После того, как в конце 1730-х годов волчинский ключ перешел во владение князю Фредерику Михаилу Чарторыйскому, великому канцлеру ВКЛ, начинается обустройство нового имения по аналогии со многими европейскими дворцово-парковыми комплексами того времени. К середине в 50-х годов XVIII века, по отзывам современников, построенная в Волчине резиденция не уступала по блеску и великолепию столичным, полностью соответствовала положению и богатству ее владельца. Кроме внешнего и внутреннего великолепия, резиденция Фредерика Михаила Чарторыйского (в которой он расположил свою канцелярию) имела очень выгодное геополитическое положение, поскольку находилась на границе земель Короны и Литвы.

К сожалению, единственные свидетели блеска этой резиденции в Волчине сейчас – это реставрируемый костёл Святой Троицы и фрагменты гидросистемы садово-паркового комплекса.

Благодаря литературному наследию Юлиана Урсын Немцевича, а также некоторым другим немногочисленным источникам [1-5], можно представить, как выглядел Волчинский дворцово-парковый ансамбль в период своего расцвета.

Вот, что отметил Юлиан Урсын Немцевич в своих мемуарах: *«...1777г. В это же время получил мой отец от князя Чарторыйского из Волчина приглашение, чтобы навестить его. Был там большой съезд по причине ожидаемого прибытия короля Станислава Августа. Все Брест-Литовское воеводство съехалось в Волчин. Мои родители, взяв меня с собой, также туда прибыли. Дворец одноэтажный обширный, с несколькими флигелями и тремя внутренними дворами для прислуги и гостей. Комнаты богато обставлены, с большими портретами Августа II и III, портрет Карла XII, портреты отца и матери короля. Мать короля изображена обучающей на географической карте маленького мальчика в белом жупанчике и темно-красном контушике. Мальчик этот был правящий позже Станислав Август. Король родился здесь в Волчине, в мурованом доме, отдалённом от дворца, неподалёку костелика...»*

Впоследствии это здание стало именоваться архивным павильоном, служило библиотекой в несколько тысяч томов и архивом, включающим архив волынский с древними актами Волынского воеводства. Ещё в течение нескольких десятилетий здесь показывали «королевскую комнату» с мебелью, сохранившейся, по легенде, без изменений от рождения Станислава Августа.

«...Комната именовалась королевской, в ней сохранялась прежняя обстановка: камин, комод французской работы, кресла, на стенах картины. Висела мраморная доска с соответствующей надписью; вторая аналогичная имела на стене дома со стороны парка...»

Авторы настоящего исследования более 10 лет были заняты поиском иконографических материалов, которые позволили бы объективно представить, как выглядел этот первый волчинский дворец, впоследствии – архивный павильон. Таким источником стала опубликованная в 2011 году на сайте <http://kresy24.pl/> Богданом Нелюбовичем небольшая заметка и фотографии этого здания до и после Первой мировой войны [8].

Весьма интересный фрагмент воспоминаний Ю.Немцевича касается Гремячи – одного из фольварков волчинского имения: *«...Когда прибыли в Волчин, отец мой представил меня князю Чарторыйскому. «Дорогой пан, – обратился князь к моему отцу, – не беспокойся за сына, беру его под свою опеку». Вскоре прибыл король и начался праздник, между прочими на Гремячах, которые княжна украсила и поставила там домик...»*

До недавнего времени, кроме воспоминаний Юлиана Урсын Немцевича, Адама Чарторыйского (1776-1809), нескольких исторических рассказов Ю.И. Крашевского и энциклопедических статей, не было других достоверных данных о композиционном решении величественного волчинского ансамбля. Известная картина *«Портрет Элеоноры Чарторыйской с ангелами на фоне Волчинского дворца»*, хранящаяся в фондах Краковского музея Чарторыйских, по мнению многих исследователей, вряд ли может претендовать на фотографическую точность, являясь скорее выражением художественного видения автора.

В 1994 г., в Парижской национальной библиотеке, польским исследователем П. Вантробой было найдено девять рисунков французского архитектора Пьера Рико де Тиргая, среди которых оказался и план 1762 года волчинского дворцово-паркового комплекса.

В соответствии с этим планом, резиденция была построена вдоль приблизительно полуторакилометровой архитектурной оси, протянувшейся от костёла на востоке и до пещеры Нептуна на западной оконечности Большого Канала, являвшегося главным элементом парка.

Спланированный в форме подковы дворец включал в себя парадный двор, по обе стороны которого располагались два хозяйственных двора. Северный окружали кухонные помещения, дровяной сарай и жилище кондитера, в то время как вокруг южного были конюшни, каретный сарай и прилегающий к дворцу гостевой павильон. Этот двор выходил на площадь, где находился костёл Св.Троицы, торжественное освещение которого состоялось в 1743 г., а также

дома приходского священника, церковного сторожа и столярная мастерская. Эта площадь посредством моста и дороги сообщалась с расположенным на другом берегу небольшого канала Волчином. Аккуратно спланированное местечко тянулось вдоль широкой улицы и большой прямоугольной площади с двумя постройками (вероятно, колодцами) посередине и церковью.

С тыльной стороны дворца находился обширный, расположенный на трёх террасах парк, с четырьмя фонтанами и открытым театром с южной стороны. С северной стороны был огород с оранжереей, теплицей, участком инжира и жилищем садовника. В дальней части сада располагались: канал, огибавший два искусственных острова, а также уже упоминавшийся Большой Канал с двумя овальными водоёмами – посередине канала и в конце. Северную сторону канала занимал пересеченный аллеями парк с салоном, из которого радиально расходилось восемь аллей, и западнее которого располагался сад. Между лесом и лежащим далее к северу прудом расположился просторный загон с оленями. Территория к югу от Большого Канала предназначалась для зверинца.

Дворцово-парковый ансамбль и поместье были окружены несколькими естественными и искусственными водоёмами. Вся гидросистема садового комплекса была искусно связана с естественной системой водоёмов, окружавших волчинское имение. Соединённые между собой при помощи каналов, рвов, шлюзов и трубопроводов, они составили основу развитой и сложной водной системы парка.

Еще одним, ранее недоступным описанием волчинского дворцово-паркового комплекса, являются мемуары генерала Отрощенко, который 13 января 1801 года прибыл в местечко Волчин для прохождения военной службы. В то время на территории бывшей резиденции Чарторыйских была штаб-квартира 7-го Егерского полка Русской армии. Вот, как описывает Отрощенко Волчин [9]:

«...До сего времени я не сказал ничего о местечке Волчине, где мы стояли.

Оно принадлежало, как я уже прежде сказал, князю Чарторыйскому. Окрестности его не представляют ничего особенного и даже скучны. Неровные песчаные поля, усыпанные каменными гольшами, не вознаграждают даже трудов земледельца. Но здесь построено огромный княжеский дворец на возвышенном и сухом месте. Дворец этот делится на три отделения и обведен каменными стенами; к нему примыкает к северной стороне большой регулярный сад с оранжереями; в нем в приличных местах устроены прекрасные беседки, и в парке ротонда и пустынный домик. Сад этот разделен на три Части огромным прудом, в нем в светлое время прогуливаются жирные карпы. [22] Берега его окаймлены липовыми аллеями, сделанными на подобие стен с окошками и с дверьми. В разных местах расставлены группы статуй искусно из песчаного камня сделанные. А на оконечности пруда, против главного выхода дома, устроена возвышенность, площадь и под ней несколько гротов украшенных раковинами. На самой площади поставлен Нептун с тритонами. Верность в размерах с величайшею точностью соблюдена и издали очаровывает зрение. С западной стороны запружена речка, протекающая мимо сада, и в сад льется беспрерывно гремящий каскад.

Против дворца каменный костел. Местечко, бойкое и торговое, отделяется от дворца потоком, через который перекинут каменный мост. За ним начинаются корчмы, набитые жидами, и каменные торговые лавки, построенные полукругом с двухэтажными жильми башнями на оконечности. Против лавок униатская деревянная церковь, а за лавками деревянная также жидовская школа и торговая баня; далее тянутся крестьянские строения и оканчиваются водяною мельницей.

С полуденной стороны против дворца в поле выстроен огромного размера костел, и как видно, намерение было строителя учредить здесь кляштор, но он не dokonчен. Въведены каменные стены, поставлены стропила и так предоставлено времени для разрушения его.

Во дворце, в двухэтажном большем флигеле, в нижнем этаже помещалась полковая церковь и имели квартиры адъютанты, полковой лекарь, аудитор, тут же помещалась швальня. Я также имел тут квартиру. А в верхнем этаже мой полковой цейхауз; сторона эта была к саду. Ее осеняли прохладною тенью роскошные каштаны и грабовые деревья, между коих разноцветный кустарник изливал ароматный воздух ко мне в растворенное окошко...».

Увы, дворцово-парковый комплекс в Волчине был практически уничтожен на рубеже XIX-XX веков. Сегодня идет реставрация здания Троицкого костела и расположенного рядом старинного дома, бывшего в XVIII веке костельной плебанией, в котором планируется разместить музей истории Волчина. Возможно в будущем будут, тем или иным образом, восстановлены гидросистема дворцово-паркового комплекса и фрагменты его парка.

Список цитированных источников

1. Niemcewicz, J.U. Pamiętniki czasów moich. T.1 opr. Jan Dłhm / J.U.Niemcewicz. – Państwowy instytut wydawniczy, 1957.
2. Aftanazi, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazi. – Wrocław; Warszawa; Kraków. 1992. – T.2. – S.157
3. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т.Федорук – Мн.: Беларуская энцыклапедыя, 2004.
4. Arciszewski, W. Wolczyn dawni i dziś / W. Arciszewski // Rocznik ziem wschodnich na rok 1938. Warszawa, 1939. – S.181-186.
5. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X-XX стагоддзя / Л.М. Несцярчук. – Мн.:БЕЛТА, 2002. – С.167-169.
6. Szpilewski, G. Wolczyn // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowanskich. – W., 1893. – T.13. – S. 865-867.
7. Watroba, P. Nieznany plan założenia pałacowo-parkowego kseiznej Eleonory Michaowej Cartoryskiej w Wolczyne / P. Watroba // Ikonotheka: Prace Instytutu Historii Sztuki uniwersytetu Warszawskiego. 2000. – №14. – S.35-48.
8. Басов, С.В. Волчинская резиденция Понятовских-Чарторыйских глазами Юлиана Урсын Немцевича и его современников / С.В.Басов, Г.М.Качановская // Юльян Урсын Нямцевіч: асоба у кантэксце часу. Да 250-годдзя з дня нараджэння: матэрыялы міжнар. нав.-практычн. канферэнцыі, 30-31 мая 2008 г. – Брэст: ААТ «Брэсцкая друкарня», 2008. – С. 207-212.
9. Nielubowicz, B. Król urodził się w archiwum [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://kresy24.pl>. – Дата доступа 15.03.2012.
10. Записки генерала Отрощенко (1800-1830 гг.) [Электронный ресурс] / Москва ООО "Братина" 2006 г. – Режим доступа: <http://adjutant.ru>. – Дата доступа 15.03.2013.

ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЖИЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В настоящее время к проектированию жилых территорий городов в Беларуси предъявляются более высокие требования по иррациональному использованию территорий, сохранению природного окружения, формированию комфортной и безопасной жилой среды.

Рассматривается возможность комплексного применения подходов, направленных на сохранение экологической устойчивости, повышению комфортности и биологического разнообразия жилой среды, на основе эколого-ориентированных архитектурно-градостроительных методов.

Введение. Благоприятная городская среда – одна из ключевых предпосылок для полноценного и всестороннего развития человека, является одним из основополагающих факторов устойчивого развития города.

Особое место в структуре города занимают жилые территории, как наиболее крупные и быстро развивающиеся планировочные образования. Качество жилой среды имеет большое социально-психологическое значение для человека, играет важную роль в восстановлении сил и поддержании здоровья.

Жилые территории постоянно развиваются, как внутри города, так и на новых территориях. Вид застройки и проектные решения структурно-планировочных единиц определяют базовые параметры жилой среды на значительный отрезок времени.

В настоящее время при застройке жилых территорий уделяется недостаточно внимания таким факторам среды, как формирование экологически устойчивых и сбалансированных пространств, привлекательных ландшафтов, поддержанию биологического разнообразия.

Особую актуальность вопросы экологического благополучия жилых территорий приобретают на фоне роста количества личного автотранспорта, возрастающей ценности территорий.

Основная часть. На фоне накопленного опыта по комплексному преобразованию и улучшению общегородских и природных ландшафтов, жилые территории не рассматривались как самостоятельный, экологический, рекреационный и эстетически ценный структурно-планировочный элемент.

Жилая застройка отличается разнообразием планировочных решений разработанных в разные годы, однако основным методом остается кардинальное переустройство территории, где экологическим аспектам отводилась второстепенная роль.

Эколого-ориентированное проектирование предусматривает комплекс мер, применяемых совместно с мероприятиями, предусмотренными для общегородских и пригородных территорий, направленных на повышение экологического качества застройки, сохранение природных ландшафтов, устойчивость, привлекательность и комфортность жилой среды.

Среди основных методов можно выделить следующие:

- Устойчивость урбанизированных ландшафтов и экосистем.
- Сохранение и использование природных ландшафтов.
- Оптимизация микроклиматических характеристик.
- Поддержание биологического разнообразия.

Устойчивость урбанизированных ландшафтов и экосистем – необходимое условие сохранения комфортной жилой среды, ландшафтов, экосистем с течением времени. При эксплуатации жилых территорий оказывается антропогенное воздействие на ландшафты и экосистемы, нередко приводящее к их деградации и истощению.

Для повышения устойчивости зеленые насаждения жилых образований должны формироваться как единая система, ядром которой является парк, по возможности доступный для всех жителей. Доля озелененных территорий в жилых образованиях не должна быть менее 30%. В качестве линейных связей, пространственно объединяющих озелененные дворы с парком, используются озелененные пешеходные и велосипедные дорожки [1].

Обеспеченность озеленением для парков, лесо- и лугопарков городского и районного значения использовался критерий 20-минутной транспортной доступности, для ландшафтно-рекреационных территорий районного значения (скверов, бульваров, озелененных территорий общественных центров) – критерий 15-минутной пешеходной доступности, для озелененных территорий местного значения – 5-минутной пешеходной доступности.

При архитектурно-планировочной организации городской территории важно рационально разместить ландшафтно-рекреационные объекты по отношению к жилым территориям, транспортным и инженерным коммуникациям, производственным объектам.

Внутридворовые пространства должны быть максимально освобождены от автотранспортных средств, исключен пешеходный транзит через дворы и придомовые участки. Озеленение должно осуществляться использованием разнообразных сортов растений, устойчивых к антропогенным воздействиям и безопасных для человека.

Важными предпосылками поддержания устойчивости ландшафтов и экосистем жилых территорий являются:

- Связанность и системность озеленения. Наличие укрупненных зеленых образований.
- Обеспеченность зелеными насаждениями различного назначения (защитного, декоративного, saniрующего).
- Разнообразие применяемых сортов и видов. Устойчивость растений к антропогенным нагрузкам.

Сохранение и использование естественных ландшафтов – важный вопрос в области сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия в Беларуси.

Для снижения антропогенного давления на природную среду, сохранения биологического разнообразия на урбанизированных территориях и поддержания экологического равновесия, необходимо оказывать минимальное разрушительное воздействие на сложившееся биогеоценозы и ландшафты.

Многие города республики расположены в благоприятных природных условиях: на высоких и живописных берегах полноводных рек, в окружении обширных лесных массивов. Задача состоит в том, чтобы максимально сохранить и органически включить природный ландшафт в городскую и жилую среду.

Для застройки на сложном рельефе характерны многоярусная застройка, ленточные, полосовые комплексы жилых зданий, вытянутые вдоль склона. Наряду с традиционными, применяются особые типы зданий: ступенчатые (каскадные), террасные, переменной этажности.

Для размещения озеленения территорий обычно используются участки не пригодные для застройки – ложбины, овраги.

Размещение зеленых массивов и полос на возвышенностях рельефа позволяет обеспечить защиту от ветров нижележащих жилых территорий [1].

Оптимизация микроклиматических характеристик жилых территорий позволяет существенно улучшить качество жилой застройки за счет формирования благоприятных для здоровья человека условий проживания. Создание и поддержание таких условий способствует восстановлению сил, физическому и психологическому комфорту.

Инсоляция – облучение прямыми солнечными лучами застраиваемых территорий, ограждающих конструкций и внутренних помещений в зданиях и сооружениях [2].

Жилые здания в застройке необходимо размещать и ориентировать так, чтобы обеспечивать непрерывную продолжительность инсоляции помещений не менее 2 ч в день в нормируемый период (с 22 марта по 22 сентября) [3].

Для территорий детских игровых площадок, спортивных площадок и зон отдыха жилых домов должно быть обеспечено не менее 2,5 ч непрерывной инсоляции.

Естественное освещение должны иметь все квартиры вне зависимости от расположения. Продолжительность непрерывной в течение дня инсоляции квартир в расчетное время года должна составлять не менее 2,5 ч [4].

Наиболее сложными для обеспечения нормативной инсоляции являются жилые помещения, расположенные во внутренних углах зданий, особенно первые этажи, расположенные с северной стороны здания, жилые помещения, попадающие в тень от расположенных рядом объектов.

Наряду с архитектурным проектом жилого дома, важное значение в обеспечении инсоляционного режима играет планировка жилой застройки. Эффективными планировочными решениями по обеспечению оптимальной инсоляции помещений и территорий являются:

- ориентация застройки;
- использование преимущественно мало- и среднеэтажной застройки (до 4-5 этажей) [5];
- плавные формы жилых домов, исключая затененные углы;
- разрывы между зданиями, сооружениями, зелеными насаждениями.

Аэрация жилой застройки должна обеспечивать достаточную вентиляцию территорий и препятствовать сквознякам. Для Беларуси преобладающая скорость ветра составляет 3,7 м/с [6]. Наиболее характерные проблемы, возникающие в жилых районах, связанные с аэрацией, – это отсутствие или недостаточность проветривания, создание вихревых потоков (турбулентность) и сквозняков в жилых территориях.

Для формирования благоприятной аэрации необходимо учитывать следующие факторы: скорость, направление, периодичность воздушных потоков, форму и протяженность здания (аэродинамические характеристики), особенности влияния поверхностей здания и ландшафта на воздушные потоки. Если здание находится в застройке, необходимо учитывать влияние соседних строений на ветровые потоки.

Для улучшения аэрации жилой застройки благоприятными бризами в ней создаются разрывы (не менее 1,5-2 высот зданий при протяженности фронта застройки не более 200 м), озелененные полосы (шириной не менее 180-200 м). Аэрация внутренних пространств жилой застройки способствует также устройству проездов и проходов под протяженными зданиями, поднятие их на опоры.

Наиболее эффективно использование для ветрозащиты полос зеленых насаждений и 9-этажных протяженных зданий. Ширина ветрозащитной зоны от полос зеленых насаждений составляет 35-40 высот деревьев. Зона ветрового затишья перед зданием составляет 0,25-0,5 высоты, зона пониженных скоростей, образуемая за зданием (ветровая тень), составляет 5-6 высот.

Улицы желательнее располагать перпендикулярно или под углом к направлению господствующих ветров, создавая изломы при трассировке улиц. Для торможения ветровых потоков используется ступенчатая в плане застройка [1].

Эффективные методы формирования благоприятного аэрационного режима:

- использование особенностей ландшафта;
- использование формы и расположения зданий;
- трассировка улиц и открытых пространств;
- ветрозащитное озеленение.

Снижение шума от железнодорожного и автомобильного транспорта, производственных объектов в жилой застройке может быть эффективно решено архитектурно-планировочными средствами.

Сегодня нормируемые максимальные уровни звука для площадок отдыха на территории жилых домов составляют 60 дБА, для территорий, непосредственно прилегающим к жилым домам, – 70 дБА [6].

Для жилых районов, микрорайонов в городской застройке наиболее эффективным является расположение в первом эшелоне застройки магистральных улиц шумозащитных зданий в качестве экранов, защищающих от транспортного шума внутриквартальное пространство [7].

Для защиты жилых территорий от шума и загазованности, создаваемых автомобильным и железнодорожным транспортом, используются специальные приемы моделирования рельефа, озеленения, размещения шумозащит-

ных экранов в виде естественных или искусственных элементов рельефа местности; откосов выемок, насыпей, стенок, галерей, тоннелей, а также их сочетание.

Одним из эффективных способов снижения шумового загрязнения является организация минимального движения автотранспорта в жилой застройке путем организации тупиковых и кольцевых проездов.

Использование архитектурно-планировочных методов снижения шума в значительной степени сокращает затраты на средства шумозащиты, повышает привлекательность жилой среды.

Температурный и влажностный режимы жилой застройки в значительной части зависят от природно-климатических условий, однако существенное влияние также оказывают аккумулирующие тепло железобетонные поверхности зданий, асфальтобетонные поверхности, тепловыделение автотранспорта, промышленных предприятий, инженерная инфраструктура города. Температура многих городов выше на 1⁰ - 2⁰ С. Особенно остро вопрос температурного и влажностного режима, в условиях Беларуси, встает в летние месяцы. Наличие искусственных и естественных водоемов и водотоков позволяет за счет испарения при солнечной погоде, понизить температуру воздуха, а достаточное количество зеленых насаждений образует тень, защищая от прямых солнечных лучей.

Для формирования комфортного температурного и влажностного режима окружающего воздуха используются:

- обводнение и озеленение жилых территорий;
- вертикальное озеленение фасадов;
- использование дорожных покрытий с низкой аккумуляцией тепла.

Поддержание биологического разнообразия жилых территорий – необходимое условие обеспечения общей устойчивости городских ландшафтов, чей экологический потенциал во многом определяется структурой растительности, ее видовым составом, полнотой, возрастом, состоянием и устойчивостью к факторам антропогенного воздействия.

Для поддержания биологического разнообразия на сохраняемых природных территориях в жилой застройке необходимо ограничение антропогенных нагрузок, прогулочными и прочими видами отдыха, для которых не требуется преобразование или уничтожение природных (лесных, луговых, болотных, водных) сообществ. Также важное значение имеет сохранение и восстановление русел малых рек, как коридоров для миграции и местообитаний городской фауны.

Снижение антропогенной нагрузки, сохранение природных сообществ, использование для озеленения разнообразных устойчивых сортов растений, способствует поддержанию биологического разнообразия жилых территорий.

Заключение. Развитие жилых территорий, без ущерба для окружающей среды, позволяет сократить затраты на ее охрану и восстановление, расширяет возможности рекреационного и хозяйственного использования.

Человек адаптирован к биологическому окружению и понятие «качество среды» подразумевает сохранение экологического равновесия и относительной устойчивости видовой структуры природных экосистем.

Эколого-ориентированное проектирование позволяет обеспечить сохранение и создание зеленых территорий, приемлемых условий для существования видов, обеспечить устойчивость, безопасность и комфортность жилой среды.

Список цитированных источников

1. Экологическая реновация городов: монография / Г.А. Потаев. – Минск: БНТУ, 2009 – 173 с.
2. Гольшев, А.Б. Архитектурно-строительная энциклопедия: Справочник-словарь. / А.Б. Гольшев, Вл.И. Колчунов, В.И. Колчунов; под редакцией доктора техн. наук А.Б. Гольшева. – М.: Издательство Ассоциации строительных вузов, 2006. – 360 с.
3. Градостроительство. Населённые пункты: ТКП 45-3.01-116-2008 Нормы планировки и застройки – Минск: Министерство архитектуры и строительства, 2009. – 64 с.
4. Жилище: СТБ 1154-99 Основные положения – Минск: Министерство архитектуры и строительства, 1999. – 13 с.
5. Жилые здания: СНБ 3.02.04-03 – Минск: Министерство архитектуры и строительства, 2003. – 22 с.
6. Строительная климатология: СНБ 2.04.02-2000 – Минск: Министерство архитектуры и строительства, 2001. – 37 с.
7. Защита от шума: ТКП 45-2.04-154-2009 – Минск: Министерство архитектуры и строительства, 2010. – 39 с.
8. Основные направления государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2007-2010 годы.

УДК 712.03

Будыко Н.С.

СТАРИННЫЕ ПАРКИ БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ

В настоящее время известно более 350 адресов парков, созданных до революции. Состояние подавляющего большинства из них можно оценить как очень плохое. От многих парков практически сохранились лишь небольшие фрагменты с отдельными деревьями или их группами, руины усадебного дома, высохшие водоемы или, наоборот, заболоченные участки. От других парков не сохранилось уже ничего. С каждым годом состояние значительной части парков или их фрагментов становится хуже. Исключения, к сожалению, составляют незначительную часть.

В этом контексте дальнейшее изучение памятников садово-паркового искусства приобретает все большую актуальность, так как это целый пласт нашей истории и культуры, который может безвозвратно исчезнуть. Причиной гибели старинных парков становятся не только заброшенность этих территорий и действия, приводящие к их разрушению, но и естественное исчезновение древесно-кустарниковой растительности, связанное с гибелью деревьев из-за болезней, вредителей, изменений гидрологического режима и старости.

Выявлением и изучением садово-паркового наследия Беларуси в семидесятые-девяностые годы прошлого века занимались как архитекторы, в том числе и автор статьи, так и биологи, рассматривая парки с позиций архитектурной композиции, ландшафтной организации, расположения в системе населенных мест, дендрологического состава и др.

Следует признать, что и в нынешнем столетии интерес к паркам, как историко-культурному наследию Беларуси, не пропал, а даже активизировался.

С 2004 г. вопросами историко-культурного наследия ведает Министерство культуры, в структуре которого создано управление по охране историко-культурного наследия и реставрации. В компетенцию управления входит контроль за исполнением требований законодательства, согласование проведения реставраций и учет объектов наследия. Кроме того, Беларусь ратифицировала ряд конвенций ЮНЕСКО, среди которых и Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия [1].

Предпринимаются действия, направленные на сохранение старинных парков на уровне областей и районов. Начаты работы по сохранению усадьбы в Наровле, строительство которой относится к XIX веку. В свое время в парке площадью около четырнадцати гектаров насчитывалось более 30 видов деревьев и кустарников. Сейчас разрабатывается проектно-сметная документация.

Существуют программы по охране историко-культурного наследия районов некоторых областей. Программа по охране историко-культурного наследия Минского района предполагает охранные мероприятия на период с 2010 по 2014 годы: обоснование и разработку проектов охранных зон усадеб с парками в деревнях Семково, Калинино, Новое Поле. Пытается привлечь внимание широкой общественности к проблеме охраны историко-культурного наследия республиканский совет общественного объединения «Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры».

Определенная роль в деле сохранения историко-культурного наследия, в частности парков, отведена правоохранительным и контролирующим органам по выявлению и пресечению правонарушений в этой области. С этой целью осуществляется прокурорский надзор, который в силу своей универсальности может и должен играть действенную роль в выполнении подобных задач.

Однако на практике оказывается, что даже при наличии разработанных и утвержденных проектов, целью которых является сохранение парков и архитектурных сооружений, в состоянии этих объектов ничего не меняется. Это же подтвердили проверки прокурорского надзора Минской области, в ходе которых было зафиксировано отсутствие региональных программ по охране историко-культурного наследия в ряде районов. Было отмечено, что если подобные программы даже существуют, контроль за их исполнением практически отсутствует.

Подобная картина наблюдается во многих областях: парк в Борисовщине, некогда знаменитый огромной дендрологической коллекцией экзотов [2], гибнет из-за бесхозяйственности. Территория парка в Большом Можейково, одного из нескольких регулярных парков, сохранившихся в Беларуси, превратилась в строительную площадку, невзирая на существующий статус памятника и охрannую зону. Участок бывшего усадебного парка, на котором размещается санаторий «Беларусачка» под Минском, потерял все старые деревья, их просто вырубил в связи с «благоустройством» территории. Правда, парк не внесен в список памятников. От парка в Радзивиллимонтах остались небольшие фрагменты. К сожалению, подобных примеров можно привести много.

Анализ судебно-следственной практики по делам об уничтожении (или повреждении) историко-культурных ценностей, а также результатов прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране памятников истории и культуры, проводившийся в 2000 году [3], показал, что объектами правонарушений становятся в первую очередь памятники архитектуры и градостроительства. Причем, как отмечает автор, нарушение законности начинается на самых ранних стадиях (стадии предпроектных исследований) и продолжается в течение всего периода, пока ведутся реставрационные, восстановительные или другие работы. В некоторых случаях нарушение законности продолжается длительный период после завершения работ, вплоть до очередной прокурорской проверки. Наказание является символическим. Все это говорит о необходимости более жесткого контроля за должностными лицами, ответственными за соблюдение законодательства об охране памятников истории и культуры и ужесточения ответственности этих лиц.

Несмотря на большое количество негативных фактов, напрямую связанных с состоянием и охраной старинных парков, изучение садово-парковых композиций в настоящее время, исследование истории их создания остаются насущно необходимыми, так как могут дать новые сведения о них, до сих пор незамеченные. Особый интерес представляют знания о парковых массивах, полученные в предшествующее время, когда их образная картина значительно больше соответствовала задуманному облику, а в некоторых случаях были еще живы современники, рассказы которых дают более полное представление о жизни парков.

Древесно-кустарниковая растительность является формообразующей основой парка, и ее роль в его объемно-пространственной организации очень велика. Компонировка парковой растительности, подбор ее по цветовой гамме, по форме кроны, скорости роста и некоторым другим показателям во многом определяет пейзаж парка.

Интересной особенностью белорусских парков XVIII века является своеобразное формирование аллейной посадки, которая на отдельных участках представляла собой сплошную стену, образованную стволами деревьев. Методику формирования подобных «стен» описывал автору этих строк потомственный садовник из Большого Можейково. Для этого деревья, обрамляющие аллеи (традиционно это были липы), сажались вплотную друг к другу. Чтобы достигнуть лучшей стыковки деревьев, проводилась специальная «операция»: к заранее высаженному и укорененному дереву подсаживалось другое, кора обоих стволов по вертикальной линии надрезалась, а деревья плотно связывались друг с другом. Через некоторое время стволы деревьев срастались, создавая сплошную стену, которая периодически прерывалась, чтобы открывались виды живописного окружения.

К отличительным чертам наших парков следует отнести также своеобразную, знаковую, роль серебристого (белого) тополя. Быстро обгоняя в росте другие породы, его серебристые трепещущие кроны, возвышаясь над более низким ярусом общей массы деревьев, обозначали место усадебного дома. Фиксация местоположения главной постройки в общем пространстве усадьбы с помощью мощного дерева, выделяющегося цветом своей листвы из

общей гаммы растительности, можно было наблюдать во многих парках, в том числе в Шклове, Бельмонтах, Жиличах, Радзивиллимонтах и др.

Реже встречается прием формирования из различных видов туй «букетов», которые представляли собой от семи до одиннадцать стволов, выходящих почти из одной точки и за счет этого отклоненных в разные стороны. Располагались такие группы на центральных полянах в непосредственной близости от дома, как например в Борисовщинском, Смолянском и Станьковском парках. Характерно, что посадки туй были лишь в парковых массивах конца XIX - начала XX вв.

Растительность находится в тесной взаимосвязи с водной системой. Практически все парки (усадебные или дворцовые) Беларуси расположены в бассейнах рек. Бассейны рек обладают определенным гидрологическим единством, что дает основание воспринимать их как природные системы. Взаимозависимость гидрологических факторов природных систем приводит к необходимости рассматривать их как единое целое, которое неминуемо реагирует на вмешательство человека. Достаточно оказать воздействие хотя бы на один фактор природной среды, входящей в экосистему, как это влечет за собой изменения, иногда необратимые, других. Взаимозависимость всех факторов природных систем необходимо учитывать при решении вопросов охраны старинных парков. Этот аспект особенно важен для нашей страны, где 12,4% территории занимают болота (2,48 млн га) [4]. Особую остроту эта проблема приобретает сейчас, когда после масштабных действий по осушению болот начались работы по восстановлению болот, которые в экосистеме (и не только Беларуси) играют колоссальное значение.

Известно, что мелиорация земель (осушение или обводнение) вызывает понижение или подпор уровня грунтовых вод. Научные данные говорят об изменении режима грунтовых вод в радиусе от трех до семи километров от мелиорируемого места [5]. Естественно, что подобное вмешательство человека неминуемо сказывается на состоянии древесно-кустарниковой растительности исторического парка. Смена видового состава растительных ассоциаций происходит при любом изменении гидрологического режима: как повышении, так и понижении уровня грунтовых вод. Проблема состоит в том, что негативные последствия становятся заметными не сразу, а через несколько лет.

Понижение уровня грунтовых вод, вызванное вмешательством человека – осушением территорий, разрушением плотин – ведет к гибели первоначальной растительности или замене ее видового состава на малоценную в связи с нарушениями водного, теплового и воздушного режимов. В этом случае происходит снижение уровня воды в прудах, озерах, реках, каналах, расположенных на прилегающих территориях.

Повышение уровня грунтовых вод, вызванное вмешательством человека – строительством водохранилищ, подъемом уровня воды в системе, связанным с хозяйственными нуждами, ведет также к смене растительных ассоциаций, ускоряет процессы заболачивания, способствует разрушению сооружений.

Одним из главных условий полноценного перспективного сохранения парка является создание экологической устойчивости сложившихся комплексов, необходимость разработки комплекса специальных мер, по возможности максимально компенсирующих нарушения в природной среде.

Список цитированных источников

1. Гусакова, Н. Историко-культурное наследие для будущих поколений / Н. Гусакова, И. Чернявский // Наука и инновации. – 2012. – №3 – С. 4-6.
2. Забела, П.У. Парк пры саўгасе «Барысаўшчызна» Гомельскай акругі / П.У. Забела, Т.С. Шацкі // Наш край. – 1929. – №10. – С. 64-70.
3. Мартыненко, И.Э. Законодательство об охране историко-культурного наследия и прокурорский надзор за его исполнением / И.Э. Мартыненко. – Минск.: ТЕСЕЙ, 2001. – 191 с.
4. Скоропанов, С.Г. Мелиорация земель и охрана окружающей среды / С.Г. Скоропанов, В.Ф. Карловский, В.С. Брезгунов. – Минск: Ураджай, 1982. – 167с.
5. Состояние природной среды Беларуси: экологический бюллетень, 1996: сборник информационных материалов / Национальная Академия наук Беларуси, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь; под общей редакцией В.Ф. Логинова. – Минск: издатель Н.А. Королев, 1997. – 255 с.

УДК 711.1

Власюк Н.Н.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ЖИЛОЙ СРЕДЫ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИОРИТЕТАМИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сегодня во всем мире меняются подходы к проектированию городов, городской среды. Происходит революция в понимании «качество жизни». И связано это с тенденциями, когда важна «интересная» среда для жизни, когда имеются возможности для самореализации, развития инновационных, умных технологий, внимание к экологической составляющей, здоровью людей. Развитые страны трансформируют свои города индустриальной эпохи в так называемые «креативные города», где творчество и самореализация человека становятся основой всего. Принимаются программы по развитию креативных городов (Нью-Йорк, Лондон, Стокгольм, Амстердам). Главный ресурс города – люди: человеческий ум и творческие способности. Творческий потенциал тех, кто живёт в городах, определяет их будущий успех.

Принимаются программы устойчивого развития (англ. sustainable development) – равномерное, гармоничное развитие – процесс изменений, в котором использование природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, вообще развитие личности согласованы друг с другом и направлены на удовлетворение человеческих потребностей и устремлений [4].

В 1992 г. на Международной конференции ООН в Рио-де-Жанейро была принята «Повестка дня на XXI век», позже в Женеве были приняты «Руководящие принципы планирования устойчивого развития населенных пунктов»[4].

В 2004 г. в нашей стране принята «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.». В данных стратегиях определены цели и задачи, этапы перехода страны к устойчивому развитию.

В 2011 г. приняты «Основные направления Государственной градостроительной политики РБ на 2011-2015 годы» [2]. Целью градостроительной политики является дальнейшее совершенствование среды жизнедеятельности на основе внедрения инновационных подходов в области градостроительства и поэтапной реализации планов социально-экономического развития страны, ее регионов и населенных пунктов. В документе определены пять основных направлений, связанных с территориальной организацией Республики Беларусь, планировкой поселений, комплексным формированием жилой среды, развитием транспортной инфраструктуры и улучшением архитектурного облика страны. Особое значение для решения вопросов качества жилой среды имеют направления по совершенствованию пространственной организации городских и сельских поселений с учетом новых принципов градостроительного планирования, предусматривающих безопасность, комфортность и эффективность поселения, а также комплексное формирование жилой среды, обеспечивающее удовлетворение различных потребностей человека, в том числе в жилье и социальных услугах, достижение высокого уровня благоустройства территорий.

Для реализации *принципа безопасного поселения* необходимо решить следующие задачи:

- оздоровление среды жизнедеятельности, строгое соблюдение режима санитарно-защитных зон;
- формирование безбарьерной среды жизнедеятельности, снижение рисков нарушения общественной безопасности на общедоступных объектах и территориях;

- создание на озелененных территориях площадок, трасс и объектов для занятий физкультурой и спортом.

В целях реализации *принципа комфортного поселения* требуется:

- повышение уровня санитарно-технического комфорта и благоустройства городской, сельской усадебной застройки, а также застройки территорий садоводческих товариществ и дачных кооперативов. Необходимо довести уровень санитарно-технического комфорта и благоустройства в малых городах и средних городах с численностью населения от 20 тыс. до 100 тыс. жителей (далее – средние города) до уровня больших и крупных городов соответственно;

- насыщение общественных территорий разнотипными пространствами и объектами, предоставляющими широкие возможности для общения, отдыха и реализации творческой инициативы;

- обеспечение удобного передвижения от места проживания человека к месту работы, другим районам и поселениям, повышение комфортности поездок и пересадок с использованием личного и общественного транспорта. Затраты времени на передвижение к месту работы должны составлять не более 45 минут в г. Минске и крупных городах, 30 минут – в больших и средних городах, менее 20 минут – в малых городах;

- упорядочение системы архитектурных доминант и оснащение среды жизнедеятельности средствами информационного дизайна, облегчающими ориентацию в пространстве;

- своевременное обеспечение районов жилищного строительства объектами социальной инфраструктуры, благоустроенными территориями, парковками и стоянками автомобильного транспорта на уровне европейских стандартов качества жизни. Комплексное формирование жилой среды должно осуществляться без ущерба для экономической доступности жилья;

- внедрение разнотипных жилых комплексов, соответствующих жизненному укладу и доходам семей;

- применение гибких и экономичных планировочных решений застройки, обеспечивающих комплексное формирование жилой среды в условиях реконструкции.

Реализации *принципа эффективного поселения* будут способствовать:

- ограничение территориального роста г. Минска, крупных и больших городов, повышение интенсивности использования их территорий, включая подземное и надземное пространство;

- формирование компактных районов площадью от 11 до 50 гектаров, включающих жилую, общественную, производственную, деловую застройку и озелененные пространства с пешеходными зонами и велодорожками;

- сохранение и укрепление ландшафтно-рекреационных территорий. Обеспеченность населения насаждениями общего пользования должна составлять не менее 8 кв. метров на человека, уровень озелененности территорий города – не менее 40%;

- увеличение доли жилищного фонда, возводимого в сельских населенных пунктах и малых городах и снабжаемого за счет местных и возобновляемых источников энергии, до 40%, в других городах – до 10%;

- создание и расширение зон энергоэффективной эксплуатации зданий в реконструируемых жилых районах.

В существующих микрорайонах можно выделить *следующие проблемы*:

- завышенный масштаб зданий и пространств;

- низкий уровень озеленения новых жилых районов;

- недостаточное использование рекреационных придомовых территорий и подземных пространств;

- функциональный и психологический дискомфорт;

- слабый социальный контакт и отсутствие общественных пространств и мест отдыха для жильцов различных возрастных групп;

- однообразие архитектурных решений жилых зданий;

- экологические проблемы, связанные с загрязнением воздуха автотранспортом;

- отсутствию культурно-досуговой инфраструктуры;
- неэффективности правовых механизмов, регулирующих гармоничное развитие жилых районов (строительство жилья ведется параллельно с развитием социальной инфраструктуры и благоустройством территории жилого района);
- управления существующим жилым фондом и придомовыми территориями.

За последние несколько десятилетий появились новые подходы к проблемам генерального планирования. У большинства этих инициатив есть общие особенности. Генеральный план должен быть стратегическим, гибким, нацеленным на принятие мер и их выполнение, обусловлен действиями заинтересованных сторон и общественности, отражающим появляющиеся новые городские интересы [3].

Для критериев «качества жилой среды» в городах определяются следующие ключевые факторы: *комфортная и доступная инфраструктура, комфортное и мобильное жилье, гармоничные отношения между городом и окружающими территориями, экологическая ответственность, безопасная городская среда* [1].

• **Комфортная и доступная инфраструктура.** Сюда входит *транспортная доступность*, которая включает развитие всех видов транспорта (транспортной мультимодальной системы). Создание новой системы общественного транспорта, использование современных возможностей информационно-коммуникационных технологий нацелено на управление существующими потоками городского транспорта, а также на замещение индивидуального автотранспорта общественным, что позволяет повысить эффективность использования дорожной сети в два-три раза. Развитие легкорельсового транспорта (скоростной трамвай, метро).

Доступность услуг. Применение информационно-коммуникационных технологий для предоставления горожанам удаленного доступа ко всем видам услуг. В первую очередь доступ к информационным, а также доступ к медицинским, образовательным услугам, услугам торговли и бытовым услугам. Доступ к любой необходимой услуге дистанционно, не выходя из дома.

Развитие общественных пространств. Формирование публичного пространства (площадь, сквер, прогулочная зона) – так называемое «третье место» («первое место» – это жилье, «второе» – работа). Символом «третьего места», например, может является городское кафе, где есть беспроводной интернет. «Третье место» является одновременно и территорией общения, и зоной отдыха, и местом работы для людей творческих профессий. Развитые общественные пространства являются важной составляющей «высокого качества» жилой среды в городе. Они меняют структуру города: до «третьего места» человек обязательно должен дойти пешком – это стыкуется с идеей пешеходного масштаба города. Теория «нового урбанизма» предполагает плотную городскую среду, насыщенную коммуникациями. Скверы, кафе, торгово-развлекательные центры, спортивные комплексы становятся демпферами (от нем. *dämpfer* – глушить, сглаживать) между кварталами элитной и социальной застройки. В таких местах происходит общение горожан самых разных социальных слоев.

Общественные пространства обеспечивают возможности для саморазвития и сотворчества горожан, вовлеченность жителей в городское развитие, сближение различных социальных слоев.

Шаговая доступность услуг (сокращение перемещений по городу, повышающих интенсивность жизни отдельных районов и города в целом).

Создание компактных городов – концепция новой жилой единицы – «жилой модуль» с высокой плотностью квартальной застройки, что сокращает количество перемещений по городу, нагрузку на городскую транспортную инфраструктуру. Помимо более низких энергетических затрат, значительного сокращения количества передвижений по городу, компактный город с плотной застройкой обеспечивает «шаговую доступность» всех необходимых услуг.

Многофункциональность застройки и городских районов. Переход к смешанному использованию застройки позволяет решить сразу несколько проблем. Уходит маятниковая миграция населения по маршруту район жилья – район работы. Рабочие места появляются непосредственно в жилых районах. Частично решается и проблема парковок: одну и ту же парковку днем занимают машины работников офисов, а ночью – жителей квартала. Сегодня в составе одного района могут быть и жилье, и офисы, и развлекательные центры, и магазины, и экологически чистые даже промышленные предприятия с санитарно-защитной зоной, не выходящей за границы участка. Многофункциональная застройка создает новую жилую среду – более разнообразную, интенсивную по коммуникациям. Такие районы «живут» все 24 часа в сутки.

• **Комфортное жилье и высокая жилищная мобильность.** *Доступность жилья* является основной задачей массового строительства, достижение избыточности единиц жилищного фонда по отношению к числу домохозяйств. Первичным критерием оценки эффективности строительных программ является число построенных жилищ (единиц жилья), а не квадратных метров.

Избыточность единиц жилья создает условия для инновационного обновления жилищного фонда, так как строить неэффективное жилье становится нерентабельно. Жильцы откажутся покупать или арендовать жилища, не отвечающие их представлениям о комфортности и стоимости.

Мобильность жилья. Необходимо строить жилье, удобное для дальнейшей реконструкции, иметь возможность для перепланировки, оборудования в будущем более современными инженерными системами, а также системами управления «умный дом».

Важна возможность и пригодность использования жилья людьми с ограниченными возможностями (предусмотрение такой возможности на стадии проектирования зданий).

Человек, семья в постиндустриальном обществе все чаще испытывают необходимость в смене места занятости. Решение этой проблемы в ускоренном развитии института и рынка арендного жилья. Поэтому доля арендного жилья в современных городах неуклонно растет.

Отказ от стандартизации социального жилья и его нормирования по стоимости. В современных подходах проектирования граница между социальным и коммерческим жильем неуклонно размывается, что обусловлено постоянным повышением стандартов первого. В развитых странах уже 30 лет назад отказались от строительства многоквартирных многоэтажных домов с упрощенной планировкой и «экономичными» архитектурными решениями, которые возводились целыми кварталами по типовым проектам индустриальными методами. Там размеры кварталов и районов, застроенных социальным жильем, неуклонно уменьшаются. Основным архитектурным типом социального жилища стал мало- и среднеэтажный безлифтовый секционный и блокированный дом. Многоэтажные дома неэффективны как с точки зрения использования территорий, так и с точки зрения стоимости эксплуатации.

Необходимо отказываться от застройки социальным жильем вновь осваиваемых пригородных территорий, более эффективно использование небольших участков в сложившейся городской среде, в том числе и в центральных районах, чтобы социальное жилье соседствовало с коммерческим.

При строительстве жилья важно сочетать комфорт и доступность строительства. Обеспечение широкого выбора массовых архитектурных решений по стоимости жилья, его этажности, технологиям и строительным материалам. Строительный «фастфуд» – гибкие и недорогие технологические и архитектурные решения, способные удовлетворить самый широкий круг потребителей.

• **Гармоничные отношения между городом и окружающими его территориями.** Урбанизация влияет на социальные и демографические процессы. Во всем мире, в т.ч. в Беларуси, наблюдается рост мегаполисов (Минск), больших городов.

В связи с этим отношения между городом и деревней, между мегаполисами и малыми городами приобретают особое значение для устойчивого развития городов. Форсированная урбанизация несет в себе целый ряд серьезных угроз, где приток сельского населения в города стимулируется не столько расширением промышленного производства и растущей потребностью в трудовых ресурсах, сколько экономической и социальной деградацией и запустением традиционной деревни.

Традиционно между городским и деревенским миром и между мегаполисами и малыми городами сложились односторонние и неравноправные отношения «потребитель – поставщик ресурсов». Мегаполисы притягивают к себе основные ресурсы – прежде всего экономически активное население и инвестиции.

Неравноправные отношения создают угрозу устойчивого развития, как города, так и деревни. Очевидно, что успешное развитие городов в долгосрочной перспективе невозможно в отрыве от устойчивого развития деревни. И город, если понимать его как место сосредоточения властных, экономических, финансовых, социальных и иных ресурсов, несет ответственность за это развитие.

• **Экологическая ответственность.** Включает внедрение новых строительных стандартов, обеспечение энергоэффективности зданий, инженерных решений, застройки. Например, УП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА» сегодня реализует пилотный проект энергоэффективный жилой квартал – новый городской модуль – (рис. 1), в соответствии с принципами безопасности, комфортности и эффективности.

ГОРОДСКОЙ МОДУЛЬ

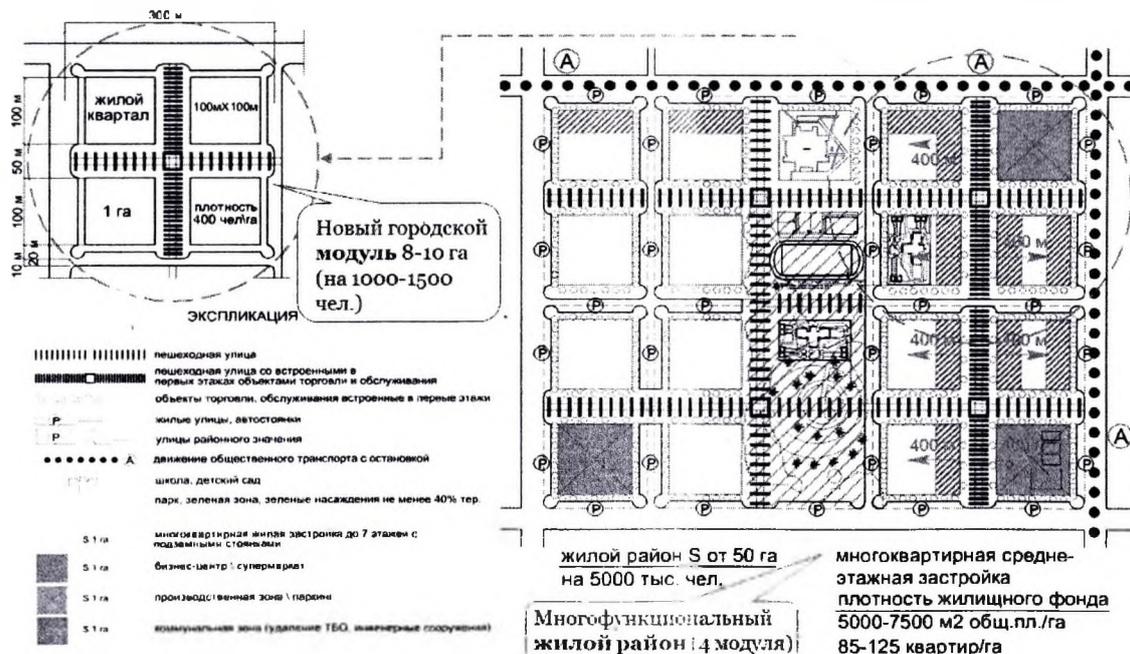

Рисунок 1 – Вариант модели нового городского модуля

Поэтапному улучшению состояния экологической обстановки в наших городах и вокруг них будут способствовать:

- внедрение постепенно ужесточающихся норм загрязнения окружающей среды и потребления ресурсов;
- стимулирование снижения потребления разного рода ресурсов – через льготы при бережном отношении, установление контрольных приборов;

– ужесточение требований (стандартов) по энергоэффективности к вновь возводимым и реконструируемым зданиям и в целом к застройке.

• **Безопасность городской среды.** Безопасность – один из ключевых факторов обеспечения высокого качества жизни в городе. Обеспечение безопасности является комплексной проблемой, решение которой в значительной степени облегчается применением современных технологий, инновационных градостроительных и управленческих решений, направленных на недопущение возможных рисков:

- информационная безопасность;
- противодействие преступности и терроризму;
- пожарная безопасность;
- ликвидация последствий и снижение уровня воздействия природных и техногенных катастроф;
- экологическая безопасность;
- санитарно-эпидемиологическая безопасность;
- безопасность объектов инфраструктуры и транспорта.

• **Развитие городского самоуправления.** Активное участие общества в разработке планов реконструкции на всех ее этапах – это единственно эффективный подход к реконструкции и развитию городских территорий, учет взглядов и интересов максимально широкого круга горожан. Необходима разработка эффективных механизмов включения жителей города и экспертного сообщества в процесс разработки, обсуждения и принятия значимых управленческих решений. Сюда могут входить:

- социологические опросы;
- проведение городских (районных) референдумов по ключевым вопросам городского развития;
- формирование общественных комиссий, призванных проектировать и согласовывать городские преобразования на условиях софинансирования.

Социологизация городского управления значительно удлиняет процессы проектирования и согласований, однако обеспечивает консолидацию усилий большинства городских сообществ с местными органами власти в процессе реконструкции и дальнейшего сохранения, совершенствования городской среды. Современное градостроительство представляет собой сложнейшую систему обратных связей, в которой достигается временный компромисс городского развития, приводящий к реализации различных градостроительных концепций.

Заключение. Жизнь и окружающий мир отражают нам состояние нашего сознания, нашего внутреннего мира. Существует прямая и обратная взаимосвязь между той средой, где мы живем, и нашим видением мира. Поэтому необходимо начинать с изменения понимания качества среды, «качества жизни» уже сегодня.

Пилотные проекты жилой застройки, которые разрабатываются УП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА», направлены на качественное улучшение застройки городов, что повысит «качество жизни» граждан РБ.

Список цитированных источников

1. Национальный доклад «Развитие городов: Лучшие практики и современные тенденции», Экспо-2010, КЕМ – М., 2011. – 82 с.
2. Основные направления Государственной градостроительной политики на 2011-2015 годы: Указ президента Республики Беларусь от 30.08.2011 №385 с комментариями / Министерство архитектуры и строительства РБ. – Минск, 2012 – 72 с.
3. Планирование устойчивых городов: Направления стратегии. Глобальный доклад о населенных пунктах (сокращенная версия). ООН ХАБИТАТ – Лондон Стерлинг, Вирджиния, 2009. – 120 с.
4. Руководящие принципы планирования устойчивого развития населенных пунктов. Европейская экономическая комиссия ООН. – Нью-Йорк - Женева, 1996. – 94 с.

УФК 711.581(476-25)

Воробей В.А., Лукьяненко А.В.

СВЯТО-НИКИТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В Д. ЗДИТОВО ЖАБИНКОВСКОГО РАЙОНА

Свято-Никитинская церковь в д. Здитово Жабинковского района по своим пропорциям, завершенности и выразительности композиции является наиболее значимым памятником деревянного культового зодчества Прибужского региона.

Первое известное упоминание о храме относится к 1502 г. Ее фундаторм был владелец деревни, литовский шляхтич Иван Гурин. Дальнейшие фундации от местной шляхты были в 1687, 1704, 1723, 1736 гг. В 1787 г. был произведен капитальный ремонт храма, в 1830 г. был пристроен каркасный притвор и проведен очередной ремонт.

Храм расположен в живописной местности на высоком берегу реки Мухавец в окружении вековых деревьев. Сохранились остатки дубовой аллеи, ведущей к имению. Церковь ориентирована входом на запад, но колокольня каркасной конструкции, возведенная, по всей вероятности, не позднее второй половины XVIII века, расположена со стороны апсиды. От каменного забора, опоясываемого территорию храма, остались лишь следы фундамента.

Равнинный ландшафт, несомненно, повлиял на композицию храма, лишенную динамичных вертикальных элементов. Она включает три прямоугольных в плане сруба и завершается общей кровлей, которая не повторяет абрис плана, а соединяет углы срубов, образуя треугольные застрешки.

Свято-Никитинская церковь – классический пример бескупольного трехсрубного храма продольноосевой композиции. Этот тип храмов включает размещенные на продольной оси бабинец, неф и алтарь. Бабинец церкви представляет собой самостоятельный объем, имеющий ширину корпуса, идентичную ширине апсиды, и объединен с нефом вальмовой кровлей, на вильчаке которой возвышается главка с кованым крестом. С восточной стороны к

нефу примыкает накрытый вальмовой кровлей сруб апсиды с низкими ризницами (одна из которых имеет собственный вход) под плоскими кровлями.

Храму присущи следующие пропорциональные закономерности. Общая высота храма равна половине диагонали прямоугольника, в который вписан его план. Длина бабинца равна $1/2$ длины алтаря и составляет примерно $1/3$ длины нефа. Высота нефа равна длине алтаря. Высота сруба храма относится к длине сруба храма (без притвора) как 1:3. Отношение высоты кровли церкви к высоте сруба равно 1:1.

Храм возведен на каменном фундаменте высотой до 50 сантиметров над уровнем земли. Под углы сруба и сам сруб уложены большие валуны, а промежутки между ними заполнены более мелкими камнями, пересыпанными глиной и землей. На фундаменте лежит нижний венец из дуба, а остальной сруб церкви выполнен горизонтальными венцами из сосновых брусьев рубкой бруса в замок (известна с XVI века), позволявшей трактовать стены сруба как гладкую поверхность. Кроме того, такая рубка давала возможность более надежно предохранять углы здания от загнивания.

Художественная выразительность храма заключается в композиционном построении (симметричная трехсрубная композиция, в которой бабинец получил такую же ширину корпуса, как и апсида), тектоничности форм, пропорциональности частей и целого, масштабности, гармоническом единстве с окружающей средой. Создание архитектурной композиции и художественной выразительности сооружения достигнуто за счет конструктивного решения, а художественный декор только подчеркивает его тектонику. Контраст проявляется в противопоставлении стен и кровли, ритм фасада создан проемами, нащельникам шалевки. Активно использованы светотеневые контрасты, особенно усиленные в местах соединения срубов.

Вертикальная направленность храма подчеркнута шалевкой. Конструктивно-декоративный прием вертикальной шалевки досками с профилированными нащельниками усиливает художественный эффект, создает свой специфический ритм игры света и тени на фасаде (нащельники прибиты один от другого на расстоянии 20-21 см, а их ширина составляет 6 см). Храм был ошалеван в 1830 году во время реконструкции и пристройки притвора каркасного типа (шалевка храма и притвора идентична). Ошалевана была только часть сруба, выполненная из соснового бруса, над нижним венцом была прибита доска-отлив, опирающаяся на деревянный кронштейн. Для прибивки досок шалевки и нащельников использовались кованые гвозди.

Вертикальную направленность храма усиливают и кляммеры (вертикально поставленные брусья) примененные для укрепления деревянных стен церкви. Кляммеры стянуты между собой металлическими анкерами, что позволяет конструктивно усилить сруб и придать ему большую жесткость. В нефе они расположены между оконными проемами примыкая к ним и образуют на фасаде четко читаемую конструктивную систему. Усиление стен нефа и апсиды произведено одновременно с его шалевкой (кляммеры принимают доски шалевки к стене как нащельники).

Такой подход к архитектурному решению ограничивал применение средств декорирования, особенно на фасаде. Сдержанность во внешнем декоративном оформлении была характерна для монументального строительства Прибужья. Элементы декоративного оформления употреблялись главным образом в интерьере, где широкое пространство приобрела архитектурно-орнаментальная резьба. В XVI-XVII веках сложились традиции и оформился самобытный стиль «белорусской резьбы». Он отличался применением пышного растительного орнамента и изображениями животных и человека. Резчики из ВКЛ в XVII веке работали в Москве, Измайлове, Коломенском и других городах России. На территории Прибужья свои школы декоративной резьбы и живописи были в г. Малорита.

По всему периметру сруб церкви опоясывает профилированный карниз, прикрывающий выпуск балок и стропильных ног, смягчающий переход от стены к крыше. Его вынос составляет 30 см, карниз ризниц имеет меньший вынос и не соответствует по высоте основному.

Важное место в архитектуре храма занимают дверные и оконные проемы. Их художественному оформлению придавалась большое значение. Для Свято-Никитинской церкви характерна прямоугольная форма и предельно простая конструкция дверных проемов. Обвязка проемов (косяки, притолока) изготовлена из массивного бруса, подчеркивающего прочность, монументальность дверей. Толщина бруса обвязки притвора – 16 см, бабинец и ризницы – 19 и 20 см. В дверных проемах имеются пороги. Двери в храм изготовлены одновременно с пристройкой притвора в 1830 г. Они оформлены коваными завесами и рисунком из шляпок гвоздей. Двери в притвор обрамлены профилированным наличником шириной 12 см. Интересны дверные полотна размером 2040х680 мм каждое. Они отличаются изящной пропорцией рисунка ромба, выполненного профилированными дощечками. В центре каждого полотна расположена розетка из ромба с четырьмя коваными шляпками от гвоздей (0 2,5 см).

Обшивка накладными профилированными дощечками придает входу большую нарядность, кроме того, она имеет и практическое значение, т.к. повышает прочность дверей. Боковые двери в притвор и дверь в ризницу выполнены без облицовки накладными профилированными дощечками.

Большой интерес представляют дверные кляпки, замочные накладки, завесы (петли), отличающиеся оригинальностью решения, в котором в полной мере проявилась связь конструктивной целесообразности и художественной выразительности.

Дверные полотна в храме крепятся к коробке декоративно обработанными петлями (завесами). Концы полосовых завесов фигурно обработаны в виде ромба с предшествующей частью полосы, изогнутой в виде спирали. Крепятся завесы к полотну двери коваными гвоздями. Интересную форму имеет металлическая накладка для дверной клямки.

Стены храма прорезаны высоко расположенными оконными проемами. Окна конструктивно имеют полноценную коробку (косяки, верхнюю часть – притолоку и нижнюю часть – подоконник). В нижней части окна, под подоконником, установлена доска – очелье, для защиты от дождя и снега. Размеры окон храма одинаковы, и они имеют вертикальные пропорции. В ризницах прорезаны маленькие оконные проемы одинаковой формы. Все оконные проемы обрамлены наличниками из профилированных досок шириной 12 см.

В оконных проемах церкви установлены металлические решетки, не представляющие художественной ценности.

Выразительным элементом Свято-Никитинской церкви является кровля, образующая вальмы над бабинцем и апсидой, а в местах стыковки срубов – застрешки. Примыкающие к апсиде с двух сторон низкие ризницы накрыты односкатными кровлями.

Данная форма кровли создана на основе интересной стропильно-балочной системы. Храм имеет восемь стропильных пар, расположенных от одной вершины вальмы до другой. Стропильная нога состоит из двух брусев сечением 130x130 мм, опирающихся на верхний венец сруба и соединенных между собой двумя стяжками такого же сечения. Установлены стропильные пары с интервалом примерно 114 см. Для соединения элементов стропильных пар применены деревянные нагеля. Представляет интерес коньковое соединение стропильных пар. Стропильные ноги крепятся к проходящему по всей длине двускатной кровли квадратному брусу сечением 21x21 см, а затем за подлицо с выступающим брусом набивается доска обрешетки шириной до 20 см. Подобное конструктивное решение придает коньковой части стропильной системы большую прочность. Под каждым вильчаком для создания большей устойчивости установлено по три вертикальных бруса (сечение аналогично сечению стропильных ног), опирающихся на перекрытие. Кровля имеет напряженный по рисунку ломаный профиль, образованный нарожниками, прикрепленными к стропильным парам, с их помощью создан выгиб кровли в нижней части. По стропильной системе набиты обрешетка толщиной 3 см и шириной до 10 см и покрытие из гонта. В конце XIX века поверх гонта было устроено покрытие из оцинкованной жести.

Все стропильные конструкции, если судить визуально по состоянию древесины, изготовлены примерно в одно и то же время. Устройство кровли храма можно отнести к XVIII в (как было сказано выше, в 1787 году производится ремонт церкви). Кровля с идентичными застрешками была распространена у храмов продольно-осевой композиции, возводившихся в это время в Прибужском регионе (храмы в деревнях Еремечи Кобринского района – 1787 г., Большие Сехновичи Жабинковского района – 1727 г., Городец Кобринского района – 1735 г.).

Вильчак главного фасада Свято-Никитинской церкви венчала легкая, пропорциональная, рвущаяся в высь главка, установленная, по всей вероятности, во время ремонта 1830-го года. Главка была расположена на восьмерике, разделенном карнизом на две части. Каплевидная восьмигранная главка, окрашенная в сине-голубой цвет, изящные барочные восьмерики производили впечатление утонченности, изящности и возвышенности. Главку храма завершал ажурный по рисунку кованый крест – настоящее произведение кузнечного искусства. В 2006 году барочная главка с крестом были заменены, и фасад храма утратил свою неповторимость. Был заменен и кованый крест на притворе храма.

В тридцати метрах от храма со стороны апсиды расположена отдельно стоящая колокольня. Она создает самостоятельный двухъярусный объем, архитектурно подчиненный объему храма. Колокольня представляет собой наиболее простой тип сооружения на четырех столбах, несколько сходящихся к центру. Нижняя часть колокольни ошалевана, а верхняя (голосниковая) открытая и оформлена прямоугольными проемами. Почти квадратная в плане, она завершается шатровой кровлей из гонта (сейчас, как и на храме, поверху уложено покрытие из оцинкованной жести). Колокольня была возведена ранее 1830 года, об этом свидетельствует ее архаичная конструкция и место расположения. От колокольни прослеживаются остатки дубовой аллеи, ведшей к поместью. Время ее возведения, вероятнее всего, 1787 год. В композиционном решении колокольни прослеживаются специфические приемы построения архитектурной формы. Каркас колокольни конструктивно выполнен из соснового бруса сечением 130x130 мм и снаружи она ошалевана аналогично, как и церковь, т.е. вертикально поставленными досками с нащельниками (в конце прошлого столетия стены колокольни были обиты жостью).

Свято-Никитинская церковь – трехсрубный храм продольно-осевой конструкции, включающий размещенные на продольной оси бабинец, неф и апсиду. Интерьер храма зальный. Здесь применен вариант потолка по балкам с двумя несущими трамами (трам – массивный брус сечением 20x25 см, опирающийся концами на сруб апсиды и бабинца). На трамы уложены балки, к которым крепятся доски потолка. Потолок в нефе и на хорах подшит досками впритык, а в апсиде, внахлест. В пространстве нефа каждый трам поддерживается колонной сечением 20x19 см, установленной посередине нефа. В месте опирания трама на колонну к последней по периметру прибиты пластины, имитирующие простейшую капитель. Колонны самого простого вида – брус со снятыми кромками на углах (в плане восьмигранник).

Как и во всех храмах, ступенчатая система раскрытия внутреннего пространства создана с помощью проемов, связывающих неф с апсидой, бабинцем и хорами. Проемы в вышеперечисленных помещениях имеют простой прямоугольный абрис. Хоры поддерживаются массивными балками, опирающимися на венцы стен бабинца. Вынос хоров чрезвычайно мал и составляет 123 см. Ограждены хоры балюстрадой из резных дощечек с поручнями, выполненными из обыкновенного бруса. После иконостаса хоры – это второй по значимости архитектурный акцент интерьера храма. Солеи вместе с клиросом приподняты на одну ступеньку над полом нефа и составляют продолжение пола апсиды. Клирос огражден балюстрадой из резных балясин.

Одноярусный иконостас – главный композиционный элемент храма, замыкающий пространство нефа. Иконостас представляет собой простую архитектурную композицию, поднятую на высокий цоколь и оформленную карнизными поясами, нижний из которых поддерживается прямоугольными пилястрами. В центральной части композиции располагаются царские врата, подчеркивающие значимость вертикального регистра иконостаса. Поле царских врат занимает сквозная резьба, главным мотивом которой стала выющаяся виноградная лоза. Изящные резные виноградные кисти, упруго закрученный ствол и листья – все детали царских врат позолочены и выделяются мастерством исполнения и утонченностью. В поле царских врат среди резьбы расположено шесть икон (по три на каждой створке) в круглых резных киотах. Стык полотен царских врат прикрывается брусом с богатой орнаментацией. Над царскими вратами располагается часть вертикального регистра иконостаса под названием сень. Она

находится в одной плоскости с воротами и ее низ повторяет очертание верха створок врат. В центре сени находится икона в резном восьмиугольном киоте, а свободное поле заполнено изящной резьбой.

Необходимо отметить, что весь вертикальный регистр иконостаса выполнен в начале нынешнего века. Сам иконостас Свято-Никитинского храма изготовлен в 1836-1837 годах. Это видно из рапорта по переустройству уникальных церквей Кобринского уезда к ведению службы по канонам греко-восточной Церкви за 1835 год. В этом году в храме были только заготовлены материалы для изготовления иконостаса.

Первоначально поле створа царских врат было решетчатым: состояло из пересекающихся дощечек, имевших в местах пересечения резное изображение в виде цветка (аналогичные царские врата находятся Свято-Параскевинской церкви д. Дивин).

Простота и лаконизм внутреннего убранства храма соответствует лаконичности его экстерьеров. Свято-Никитинская церковь – классический пример бескупольных труксрубных храмов продольно-осевой композиции, особенность архитектуры которых определена лаконичными концепциями деревянного зодчества – достижение максимального художественного эффекта при помощи ограниченных средств выразительности (симметрии, ритма, контраста и пропорции).

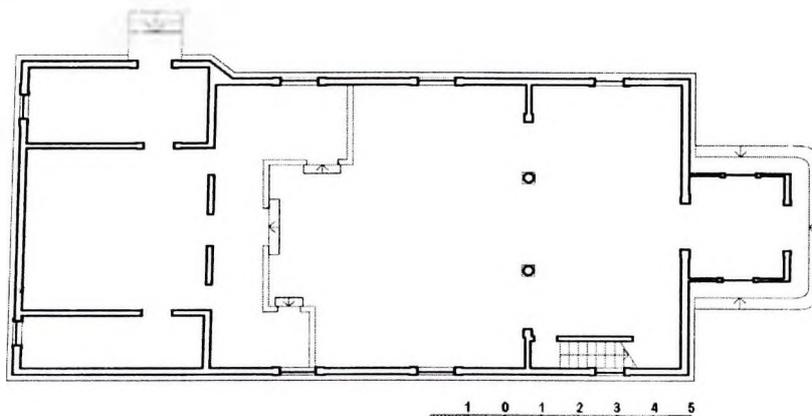

Рисунок 1 – План

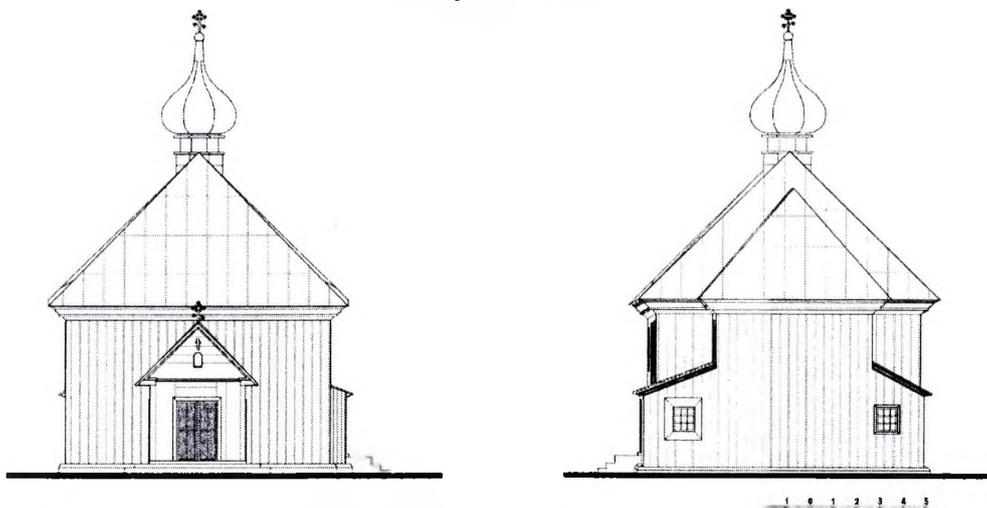

Рисунок 2 – Главный фасад и фасад со стороны апсиды

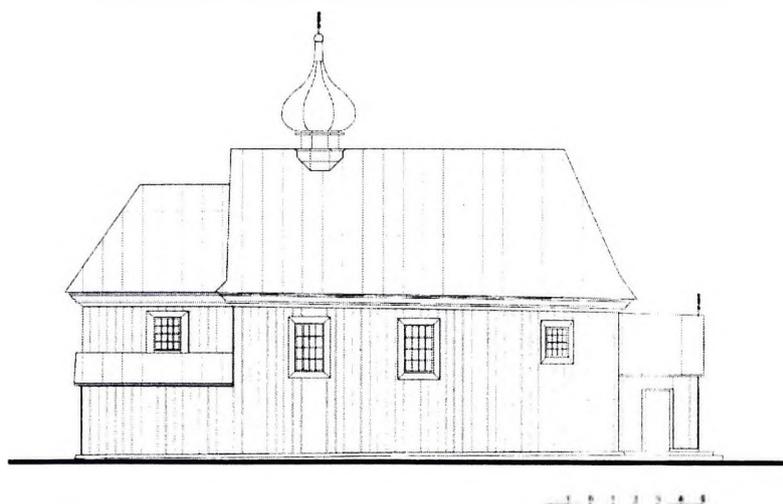

Рисунок 3 – Боковой фасад

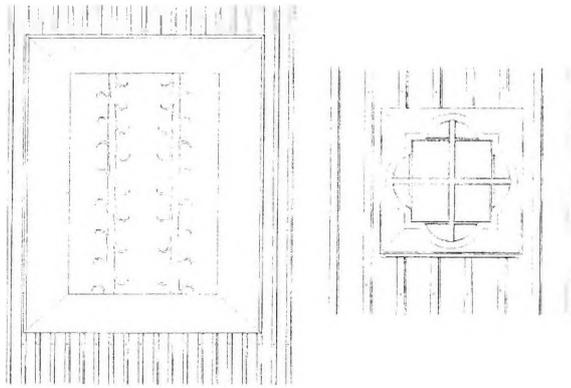

Рисунок 4 – Фрагменты окон

Список цитированных источников

1. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. – Мінск, 2006.

УДК [711+72] (09) (476.7)

Воробей А.В.

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ДОЛЕТОПИСНОГО БЕРЕСТЬЯ

Задача данного исследования – определить структуру и планировочные особенности раннесредневекового Берестья, выявить черты его своеобразия. Планировочная структура города – это не просто взаиморасположение его составных частей. Она, по сути дела, отражает функциональную среду городской общины, являясь её строительной оболочкой.

Анализ структуры средневекового города логично начать с такого элемента, как оборонительные сооружения. Не случайно, у всех славян слово «город», «град», «груд» обозначало укрепленное поселение, крепость, защитную оГРАДУ. Исходя из этого, сначала проводится анализ городских укреплений, их замков, детинцев, кремлей. Но необходимо помнить, что появление оборонительных сооружений было, как правило, следствием, а не причиной возникновения города. Не случайно, в Польше, Чехии, Великом княжестве Литовском термин «град», означавший укрепленное первобытнообщинное поселение, сменился термином «miasto», «место», означавшим как укрепленное, так и неукрепленное поселение [3, с. 3].

Казалось бы, на вопрос о расположении берестейского детинца ответил П.Ф. Лысенко в результате археологических исследований 1970 - 1980 гг. Анализ материалов археологических раскопок на территории Волынского укрепления Брестской крепости позволил сделать вывод о расположении детинца средневекового Берестья на мысу у слияния левого рукава Мухавца с Зап. Бугом.

Однако возникает ряд вопросов. Самая ранняя из обнаруженных построек датирована серединой XII в. [1, с. 396]. Предметы материальной культуры датированы не ранее X - XI вв., то есть периодом первых известных упоминаний Берестья в летописных источниках. Как правило, поселения возникали до их первого упоминания в источниках (если упоминание не связано с основанием поселения). Раскопки проводились на ограниченной территории. Не проводились археологические исследования соседних островов, образованных рукавами Мухавца. В результате проведенных в рамках охранных работ летом 2006 г. раскопок на центральном острове Брестской крепости были обнаружены остатки глинобитной печи и керамика X века. Это позволяет сделать предположение о том, что указанная территория была заселена раньше, территории предполагаемого детинца.

Автор делает попытку установить первоначальное месторасположение Берестья и его планировочную структуру, опираясь на анализ литературных и картографических источников.

Существует несколько теорий возникновения городов на землях Восточной Европы. Согласно одной из них, «замковой», город развивался с основания крепости (замка), даже вне сложившихся поселений. Сторонники теории «племенных городов» считали, что города вырастали на основе существовавших ранее племенных или родовых поселений [2, с. 14].

При анализе европейского средневекового градостроительства на первое и второе место из градообразующих факторов ставится рынок и добывающая и обрабатывающая промышленность (ремесло). Стратегический фактор занимает лишь третье место. Если причиной возникновения города были торговля и ремесло, то рыночная площадь и торгово-ремесленный посад вокруг неё должен рассматриваться как исходное пятно города. В данном случае неважно, где появилось это «пятно» – у стен замка, монастыря, на переправе через реку или на перекрестке торговых путей. В последнем случае как раз наоборот – замок и монастыри «приходили» к городу.

В основе возникновения и роста славянских городов лежали те же принципы. Поэтому и города эти можно рассматривать с точки зрения расположения рыночной площади и прилегающей сетки улиц посада [3, с. 4].

В данном контексте интерес представляет «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» П.М. Шпилевского, изданное в 1858 г. Шпилевский пишет: «...стали возле него (купца) селиться различные кочующие племена. Впоследствии славянские племена имели уже там постоянные свои оселища, свои колонии и, по древнему обычаю, *острог*, ... потом соорудили *городок* с замком на том самом месте, где ныне находится крепость... Таковую осед-

лость славянских племён в этих местах нужно относить по крайней мере к X, если не к XI веку (а может быть, и раньше). Хроника польская свидетельствует, что Болеслав Храбрый первый овладел *этими колониями*, или поселениями, в 1020 году и присоединил их к своим землям... В 1182 году Казимир Справедливый присоединил к Польше все *колонии брестския* и построил *над рекою Бугом, на взгорье, окружённом болотами*, оборонительный *замок*... Постройку нового, лучшего замка приписывают Волынскому князю Владимиру, прозванному Философом в 1275 году...» [5, с. 16, 17].

Безусловно, следует отметить, что ссылка на указанный источник не является научным трудом, скорее, он имеет краеведческий и научно-популярный характер. В своём тексте Шпилевский интерпретирует Длугоша: «...Лета Господня 1182... Казимир, князь и монарх польский, узнав о выходе из-под послушания Брестской земли и её столицы, расположенной над рекой Буг, сразу же взялся за оружие и, собрав войска как конные, так и пешие, быстрым маршем прибыл под Брест (Brzesc), осадил его и через 12 дней взял силой. После чего главных виновников заговора покарал смертью и, замок над городом (grodek nad miastem) поставив, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удержать народ в послушании под страхом наказания...» [9, с. 106].

Автор исследования неспроста выделяет жирным курсивом отдельные фрагменты текста. Упоминаемые Шпилевским «оселища» и «колонии» соответствуют закономерности, выявленной академиком Рыбаковым – предысторические поселения (грады, присёлки) располагались, как правило, группами. К середине XII в. посреди почти каждой подобной группы появился летописный город – центр одного из племён, составлявших славянские племенные союзы [4, с. 25].

В данном контексте интересен фрагмент из Хроники Титмара Мерзебургского, где говорится про «город польского короля (Берестье)» 1017, обозначенный в оригинале не *arx* (крепость) или *civitatis* (город), но *urbem* – термин, применяемый Титмаром к Киеву и др. крупным городам [10, с. 175].

С XI века начинается борьба за Берестье между польскими и русскими правителями. Это говорит о том, что Берестье был на то время значительным населённым пунктом, владение которым позволяло контролировать торговый путь из Волыни на Балтику и из Польши в Турово-Пинское княжество. Результаты дендрохронологического анализа элементов деревянных конструкций с раскопок П.Ф. Лысенко не противоречат датам строительства замка Казимиром Справедливым и последующего строительства «нового, лучшего замка» князем Владимиром. Шпилевский утверждает, что Казимир Справедливый построил замок «над рекою Бугом, на взгорье, окружённом болотами», то есть на новом, незаселённом месте, выгодном для постройки замка, контролирующего водные пути. Причём сделал это после присоединения «колоний Брестских» к Польше. Отсюда можно сделать следующие выводы:

– территория, частично исследованная П.Ф. Лысенко, являлась местом заложения замка просуществовавшего с XII в. до 1-й половины XIX в.;

– замок как резиденция и опорный пункт правителя являлся вторичным по отношению к поселению (что подтверждается находками из раскопа лета 2006 г.);

– на островах в устье Мухавца могли располагаться одно или несколько поселений, объединённые к XI веку под названием Берестье (Берестий, Берестие).

Версию возникновения Берестья как поселения, воздвигнутого на месте пристаней и днёвок купцов, выдвигает и Х. Зонненберг, приписывая основание Берестья заезжим еврейским купцам [6, с. 18].

При реконструкции планировочной структуры города наиболее достоверные данные дают материалы археологических раскопок. В данном случае опираться на них проблематично. Площадь раскопанного участка ничтожно мала как по сравнению с территорией предполагаемого нахождения первоначального поселения (поселений), так и с территорией средневекового города.

Восстановить первоначальную структуру поселения можно благодаря исследованию плана города. Европейскими учёными был разработан метод структурного анализа городского плана. Однако его возможности ограничены степенью сохранности исторически сложившегося городского комплекса.

Необходимо также учитывать общественно-политические процессы, происходившие в определённые исторические периоды. С XIII в. на землях западных славян, а с XIV и на восточнославянских, (на территории ВКЛ) проходит городская реформа с введением Магдебургского права. Правовое и пространственное переустройство городов получило название *локация*.

При даровании городу права на самоуправление королём назначался локатор (войт), выделявший участки мещанам. Реализацией локация являлось уплотнение застройки, организация рынка (как правило, прямоугольной формы), прокладка новых улиц и нарезка участков.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: насколько планировочная структура долокационного города была трансформирована в результате локация? Тут следует обратиться к исследованиям польских учёных, предложивших оригинальную методику восстановления планировочной структуры долокационных городов. Эта методика была использована при реконструкции планировки доисторического Гродно [2]. Учитывая то, что колонизация славянскими племенами балтских земель Гродненщины и Берестейщины происходила в один период [8, с. 20], а также соседство с польскими землями в обоих случаях, автор считает целесообразным применить данную методику к реконструкции планировочной структуры древнего Берестья.

В наиболее полном объёме эта методика разработана архитектором Бобинским и освещена в книге «Польские города долокационного периода». Бобинский опирается на нерушимость собственности на землю как основу феодализма. Соответственно, земельный надел – первичная единица городской структуры – являлся достаточно стабильной единицей. Собственность на землю освящалась церковью и поддерживалась властью [3, с. 12].

Земельные наделы раннего Средневековья, различаясь по габаритам, имели схожую ориентацию относительно улицы – как правило, располагались перпендикулярно по отношению к фронту застройки. С Бобинский разработал

регрессивный метод воссоздания структуры раннесредневековых городов. Он выделил следующие случаи сохранения планировочных реликтов:

- веерная планировка клинообразных наделов, образовавшаяся на месте маленьких общинных градов;
- фрагменты застройки криволинейных улиц, уцелевшие от планировочного элемента «овальница»;
- малые земельные участки, расположенные узкой полосой, образовавшиеся на месте утраченных оборонительных укреплений;
- квадратные или прямоугольные торговые площади, размещавшиеся в середине древнего веретена;
- деформированные границы земельных участков, ранее имевших прямоугольную или клинообразную форму.

При поиске реликтов долокационной планировки следует учитывать планировочную композицию всего города, схему первоначальных дорог, расположение ведущих сооружений (доминанты), а также характер размещения и величину наделов в разных частях города. И главное условие для проведения исследования по регрессивному методу – наличие плана города с нанесёнными границами земельных наделов, т.н. опорного плана.

При проведении исследования автор использует план с гравюры Эрика Дальберга «Осада Бреста шведами 1657 г.», план города 1740 и 1823 гг. При сравнении этих планов видно, что планировочная структура города оставалась практически неизменной с середины XVII по первую половину XIX вв.

Учитывая, что инструментальная съёмка появилась во второй половине XVIII в., в качестве опорного плана принимаем план 1823 г. с корректировкой по планам более раннего периода (илл. 1). На этом плане наиболее чётко видно расположение участков. На планах середины XVII в. застройка показана поквартально (илл. 2). Представление о расположении зданий может дать перспективное изображение с гравюры (илл. 3). План 1740 года выполнен с расстановкой зданий (илл. 4). На всех планах показаны архитектурные доминанты (Замковая гора, сакральные здания), улицы, дороги, мосты. На планах XVII в. показаны не только существующие, но и проектируемые оборонительные сооружения.

Реконструкцию логично осуществлять в следующей последовательности. Сначала, исходя из общей градостроительной ситуации, определить трассировку доисторических путей сообщений (дорог). Исходя из расположения коммуникаций, выявить место предполагаемого нахождения града, присёлков, торжищ. Затем попытаться восстановить развитие планировочной структуры Бреста на основных этапах развития.

Для начала попытаемся воссоздать трассировку раннеисторических дорог исследуемого региона. Обратимся к картографическому и историографическому материалу. В XVI веке упоминаются гостинцы Виленский, Краковский, Кобринский, Теребуньский, Луцкий [7].

В доисторический период реки являлись основными путями сообщения. Сухопутные дороги прокладывали в первую очередь вдоль рек по надпойменной террасе. По Бугу проходили торговые пути из Волыни, Венгрии на Балтику и с востока на запад. В данном контексте логично предположить, что Луцкий и Теребуньские гостинцы возникли в долетописный период истории Берестья как сухопутные «дублёры» Бужского водного пути. Гостинец Кобринский проходил вдоль реки Мухавец на восток. Он шёл из польских земель в Туровскую и далее, к Днепру. Касаемо гостинцев Краковского и Виленского, автор предполагает, что они возникли в более поздний период (илл.5). Возникновение Виленского гостинца логично отнести ко времени переноса столицы ВКЛ в Вильно. В совокупности с Краковским Виленский гостинец формирует важнейшую для того времени ось Вильно-Краков.

Итак, получаем три основных дороги, точнее направления, которые должны были сформировать структуру доисторического Берестья. Они отлично прочитываются на планах города. Продолжением Теребуньского гостинца в городской топографии являлась улица Пясецкая. Она выходит к прямоугольной в плане рыночной площади. С востока от площади отходит ул. Волынская (в XVI веке - Ковальская), ведущая к ул. Виленской (Виленский гостинец) и Кобринской (соответственно, Кобринский). Улица Ковальская в южной её части выходит к мосту через левый рукав Мухавца и далее – на Луцкий тракт. Интересно то, что в XVII – XVIII вв. он проходил ближе к Бугу, чем в начале XIXв. Теребуньский гостинец утратил, очевидно, своё значение к концу XVII в., что отчётливо прослеживается на планах (илл. 1).

Улица Кобринская как продолжение Кобринского гостинца за мостом через рукав Мухавца (в XVI веке – р.Угринка) переходит в ул. Базильянскую и Долгую (в XVI в. – ул. Жидовская). Выделяя эти улицы – Пясецкую, Жидовскую, Бернардиевскую – на плане мы получаем рудименты – т.н. овальницы или веретена. Проводим линию по границе застройки в северной части острова и получаем ярко выраженную овальницу, «спрятанную», но сохранившуюся в плане более позднего поселения (илл. 6).

Овальницей называлось открытое раннеславянское поселение, улица которого имела заметное расширение. Считается, что устройство расширения было необходимо для торговли, ночной стоянки купеческого каравана, выпаса скота. Овал с миндалевидной рыночной площадью – древнейшая форма поселения, характерная для городов Польши, Чехии, Словакии. Однако следы овальницы обнаружены в плане центральной части швейцарского Берна и др. западноевропейских городов (илл. 7) [3, с. 4].

Лавки, дома, склады, мастерские, превращавшиеся со временем в сплошные торговые ряды, выходили на улицу или площадь с обеих её сторон на всём протяжении. На одном конце такого «длинного рынка» за пределами поселения, контролируя переправу, мог находиться замок, на другом – приходской храм, в середине – общественный рыночный колодец.

Если на овальное поселение падал фокус торгово-географических связей и дороги становились оживлённей, то оно быстро разрасталось. Новая застройка обволакивала его, потом окружалась крепостной стеной (парканом) До строительства стены среди застройки появлялся городской собор с площадью, несколько монастырей. По перпендикуляру от новой застройки к длинному рынку устраивались улочки-проходы, что приводило к возникновению мягкой, не строго геометрической сетки улиц.

Размещение берестейского поселения-овальницы вполне логично – на самом большом острове в устье Мухавца, где достаточно места для проживания не только ремесленников, торговцев, но и землепашцев, вдоль транзитной сухопутной дороги. Поселение было слегка удалено от Буга, возможно, закрыто лесом со стороны реки – из соображений безопасности. При этом размещение его весьма благоприятно – центр острова и поныне является самой высокой точкой в окрестности. Сухопутный торговый путь из Польши на восток проходил по берегам Западного Буга, затем сворачивал вдоль Мухавца и, пересекая острова в его устье, шёл дальше по высокому правому берегу.

По мнению российского историка Костомарова: «...Жители расположенных близко между собой сёл строили укрепленные места, принадлежащие всем им вместе, в равной степени служившие в случае надобности убежищами. Такие укрепленные места назывались градами, или, по русскому наречию, городами» [2, с. 15]. Так называемые городища-убежища встречаются на Брестчине. Ближайшее к Бресту – городище-убежище в д. Филиповичи Жабинковского района. Подобную роль могло выполнять городище рядом с селищем Франополь Брестского района, уничтоженное в X веке во время вражеского набега.

Где мог располагаться преесторический град Берестья? Раннеисторическое население не оседало где попало: при формировании элементов поселений старались использовать выгодные качества участка. Для града наиболее рационально использовать небольшую возвышенную площадку с максимальной естественной защитой (слияние рек, заболоченная старица и т.д.). Древний град должен быть планировочно увязан с присёлком, дорогами, торжищем. По Бобинскому, признак существования маленького общинного града – веерная планировка клинообразных наделов на плане более позднего периода. На опорном плане в данном контексте интересны два участка. Первый – мыс в восточной части острова, восточнее Бернардинской улицы. Второе – остров, в XVI веке Заугрынецкое (Заугринское) предместье (илл.8). Улица Бернардинская соединяла Кобринский и Луцкий гостицы. На этой территории расположена Николаевская церковь, которая считается одним из древнейших христианских храмов Берестья (дата основания неизвестна). Размещение этого древнейшего храма не случайно: на пересечении трёх важных дорог, он мог быть поставлен на месте древнего капища или града. В любом случае, в легенде об основании церкви неоднозначно говорится, что она была основана «в городе Бресте». Подразумевался ли под «городом» древний град, точнее место его расположения (основание христианской церкви в языческом граде невероятно), или город в смысле «территория», сказать трудно.

Вероятным местом для размещения града автору видится соседний остров – Заугрынецкое предместье. На опорном плане в южной части острова привлекает внимание конфигурация улиц – Старой Копиской (бывш. Преорской) и примыкающей к ней безымянной. Не тут ли и располагался долетописный град? Сюда сходятся древние дороги. Название улицы Кописка происходит от слова «капище», «капцы» – еврейское кладбище, расположенное южнее этой улицы. Известно, что еврейские кладбища нередко оказывались на месте доисторического града или капища. Логичнее предположить, исходя из анализа рельефа, что град располагался на возвышенном месте на оси Кобринской улицы, которая служила въездом на городище. Доисторическая дорога на Кобрин могла проходить ближе к реке, под защитой валов городища, через подградье. Мысленно продлевая трассу Кобринского тракта на запад вдоль Мухавца, мы попадаем как раз на Старую Кописку улицу (илл. 8). Прямоугольная территория в южной части острова, восточнее кладбища и южнее ул. Копиской, застроенная деревянными зданиями – место расположения Августинского кляштора. Монастыри, как архитектурные доминанты, могли размещать как в сложившейся застройке на свободных (либо пожертвованных), так и у въезда в город в качестве дополнительной защиты. Возможно, в более поздний период дорога изменила своё направление и стала проходить севернее, мимо основанного в начале XVII века доминиканского монастыря. «Переехал» в центр города с непристижного места за «копищем жидовским» в середине XVII века и Августинский кляштор. Небольшое изменение в трассировке дороги (улица Кобринская), скорее всего, произошло благодаря появлению Виленского гостицы, который по значимости превосходил Кобринский.

До августинцев на данной территории находился «палац Бируты» – жены Кейстута и матери Витовта. Данный факт также указывает на возможное расположение укрепления на рассматриваемой территории. Место, выбранное для дворца княгини, не могло быть случайным. Не в последнюю очередь тут учитывался стратегический (оборонительный) фактор.

Размещение городища (града) у слияния двух рек, но на некотором отдалении от большой судоходной реки имеет распространение на территории Беларуси. Детинец древнего Полоцка располагался в километре от впадения Полоты в Двину. Подобные примеры можно наблюдать в развитии Волковыска и Заславля (илл. 10). Когда же, с ростом поселения, существующий град переставал удовлетворять потребностям как обороны, так и контроля за торговыми путями, феодал, владевший или захвативший город и присоединивший его к своим владениям, строил новую крепость на новом, более удобном месте. Это могло делаться и в целях противопоставления власти сюзерена местной племенной знати. Расположение града (замка) на небольшом острове, образованном рукавами Мухавца и Угринки, соответствовало требованиям обороны и позволяло контролировать путь по Мухавцу, но не позволяло контролировать движение по Западному Бугу. Следует заметить, что замок, связанный с городом посредством моста, стоит как бы особняком в планировочной структуре города, олицетворяя дистанцию между верховной властью князя (короля) и местным самоуправлением. На это указывает и Длугош: «...замок над городом (grodek nad miastem)» поставив, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удержать народ в послушании под страхом наказания...» [9, с. 106].

С ростом поселения и активизацией торговых связей внутреннее пространство овалницы стало тесным для торгового двора. К тому же появился новый градостроительный акцент – княжеский, а позже королевский замок, к которому не могла не стремиться торговая площадь. Учитывая, что значительный процент товаров доставлялся по воде, место для торговли «перемещается» южнее поселения, ближе к реке (и к замку), оставаясь привязанным к старым сухопутным трассам. Недаром на этом месте и в более поздние, постлокационные времена размещалась торговая

площадь – «пляц мейский». Небольшое торжище могло размещаться под градом на берегу Мухавца. В результате мы получаем трёхчастную структуру: град-присёлок-торг, характерную для раннеславянских поселений (илл. 11). Эта структура предвосхищала более позднюю, постлокационную структуру средневековых городов замок-место-предместья, где торговая площадь входит в состав места, являясь, как правило, его композиционным центром.

Автор выражает благодарность А.Д. Никитчику за конструктивные дискуссии и предоставленный историографический материал.

Иллюстрации

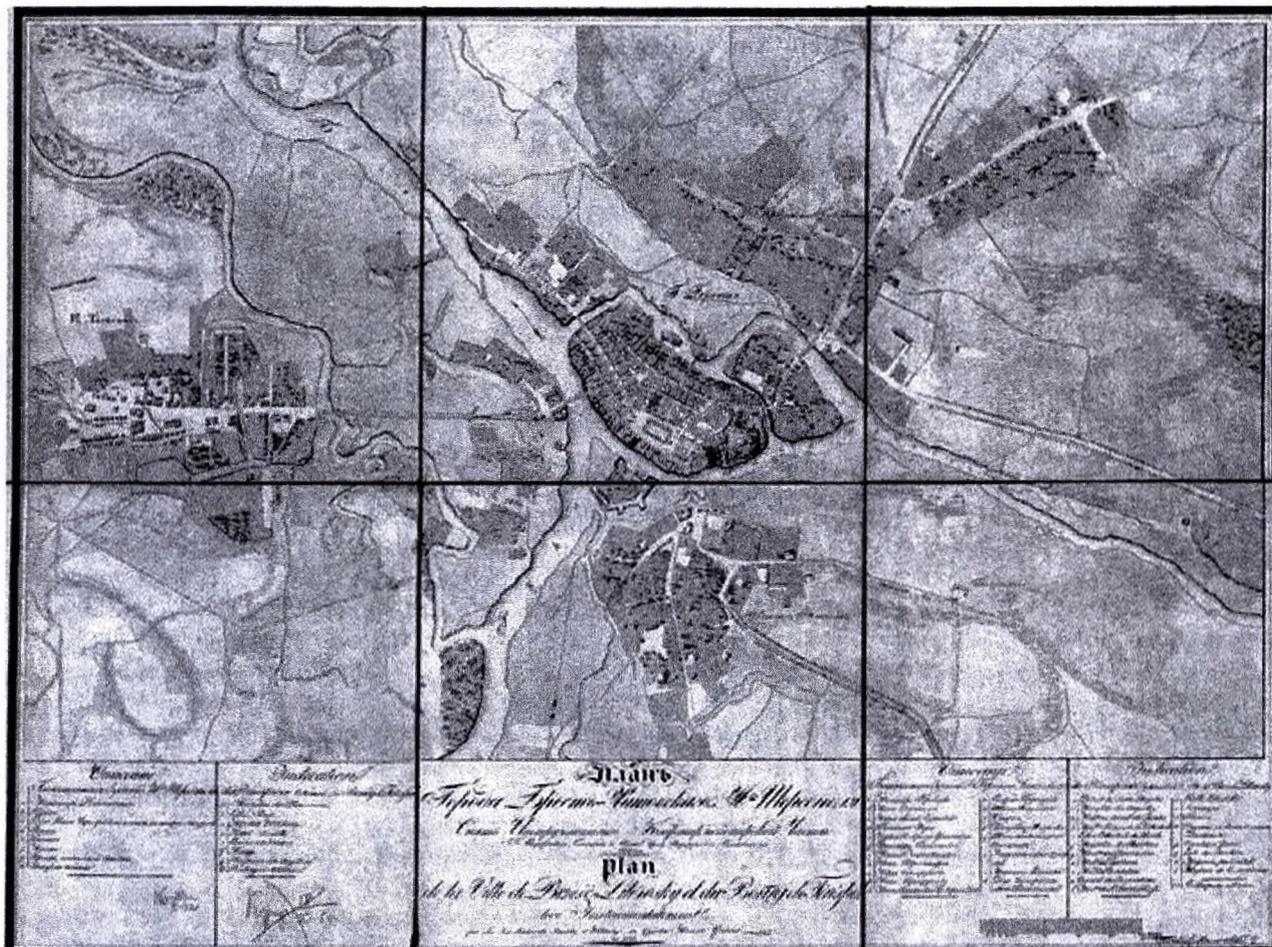

Иллюстрация 1 – План города Брест-Литовска 1823 г.

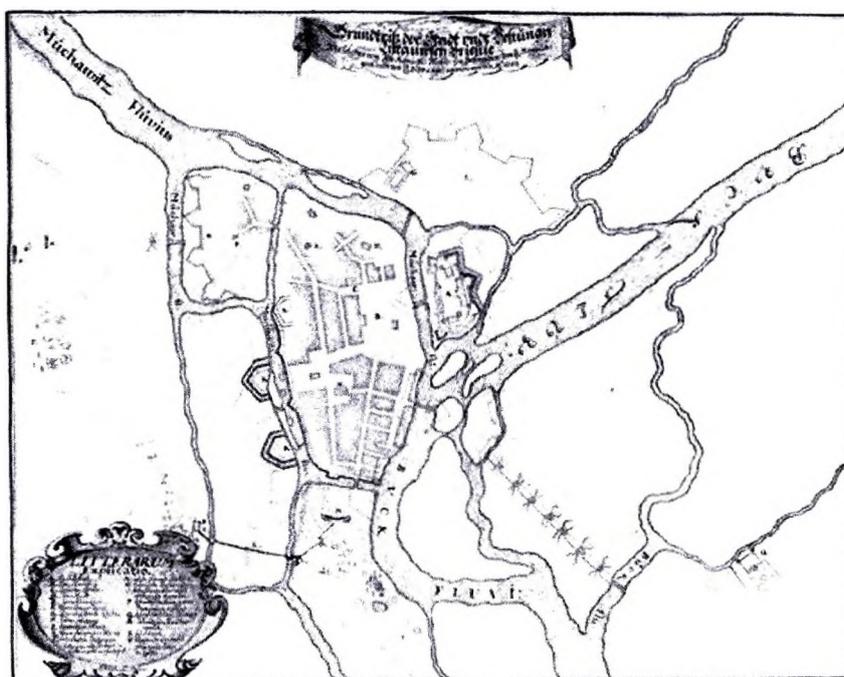

Иллюстрация 2 – План города 1657 г.

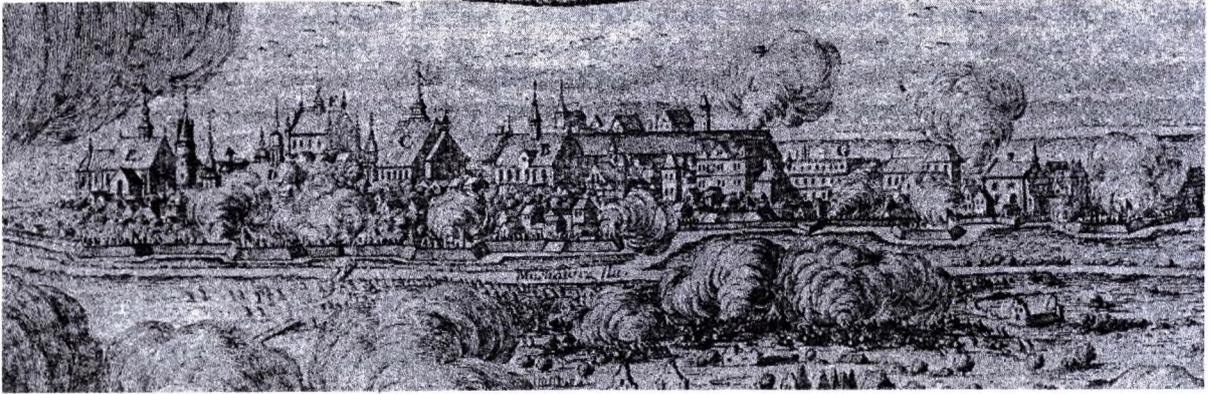
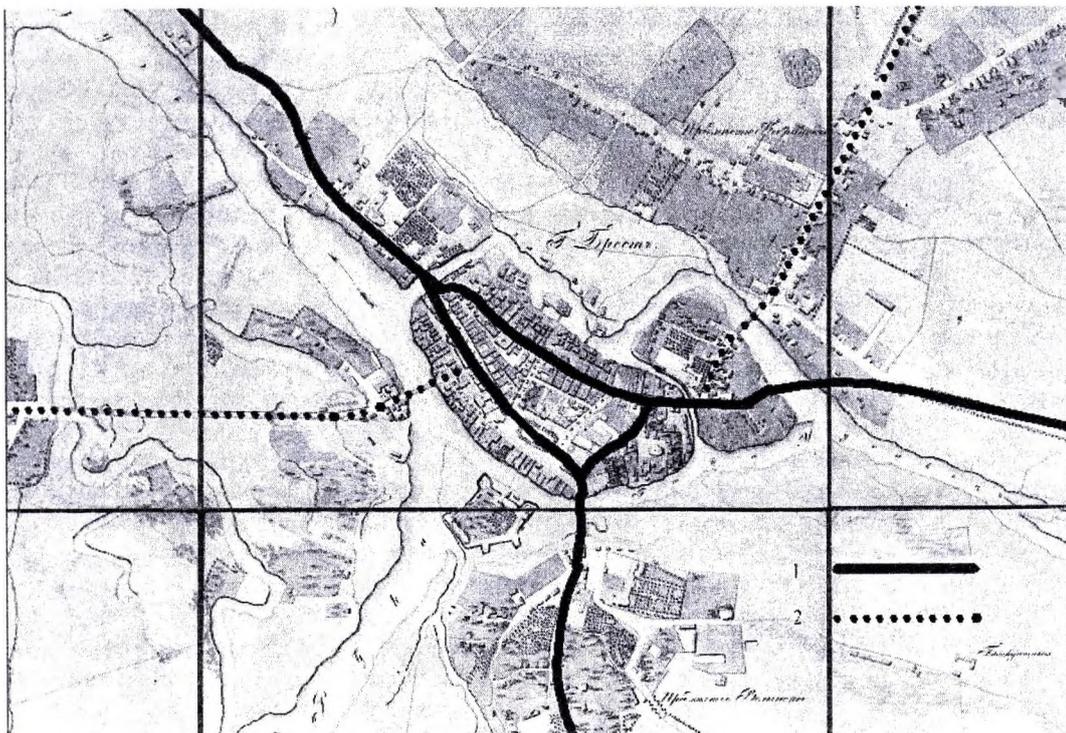

Иллюстрация 3 – Панорама города 1657 г.

Иллюстрация 4 – План Бреста 1740 г.

1 – дороги долетописного периода; 2 – дороги периода формирования ВКЛ
Иллюстрация 5 – Схема сухопутных дорог долокационного Берестья

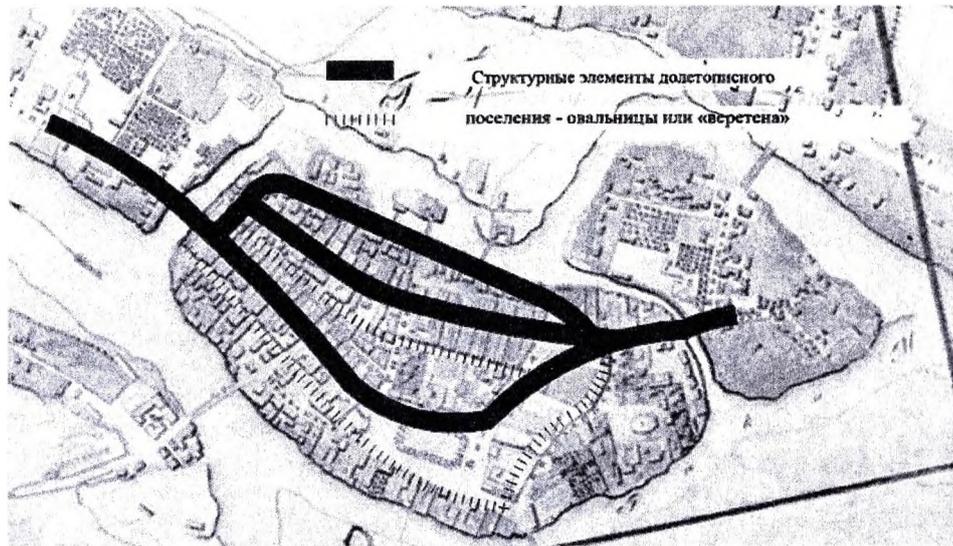
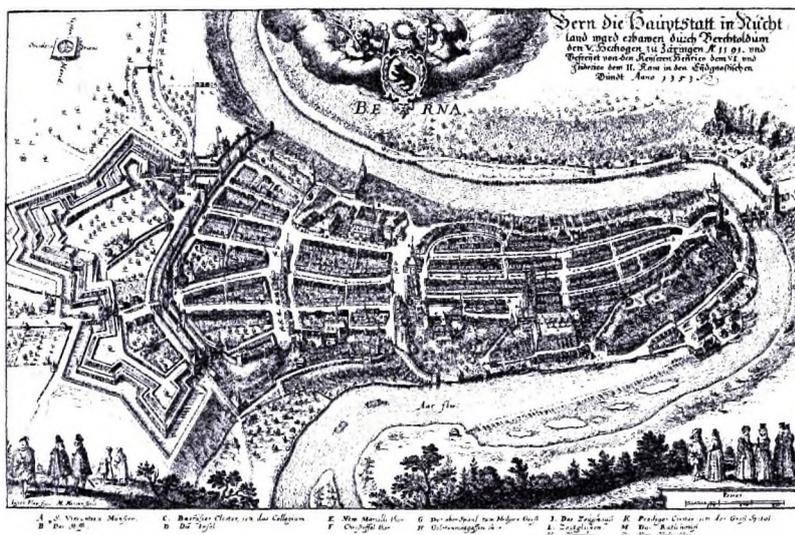
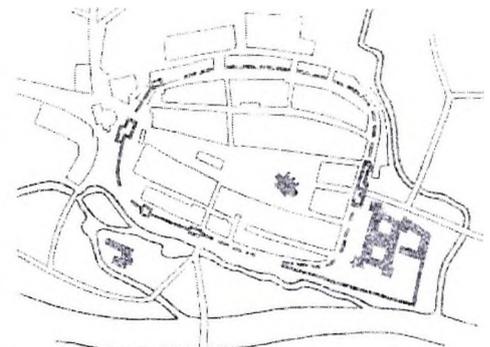

Иллюстрация 6 – Рудименты овалницы в плане Брест-Литовска

а. Берн XVII в.

б. Подолинец (Словакия)

Иллюстрация 7 – Планы

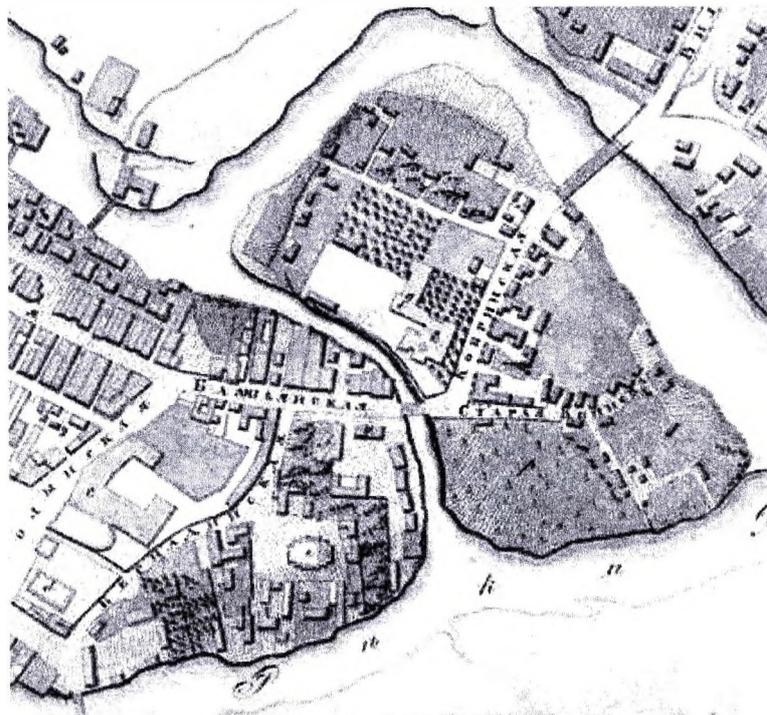

Иллюстрация 8

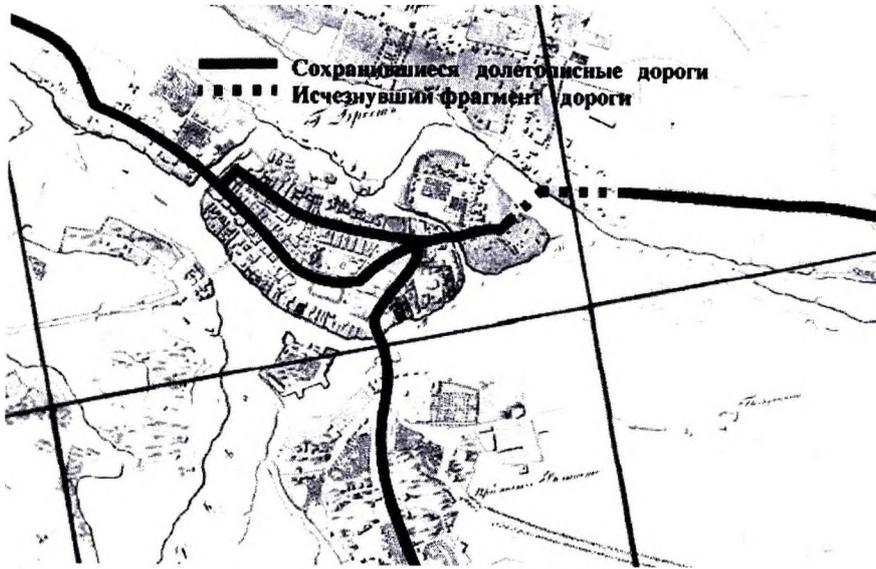

Иллюстрация 9 – Первоначальная трассировка Кобринского гостинца. Реконструкция автора

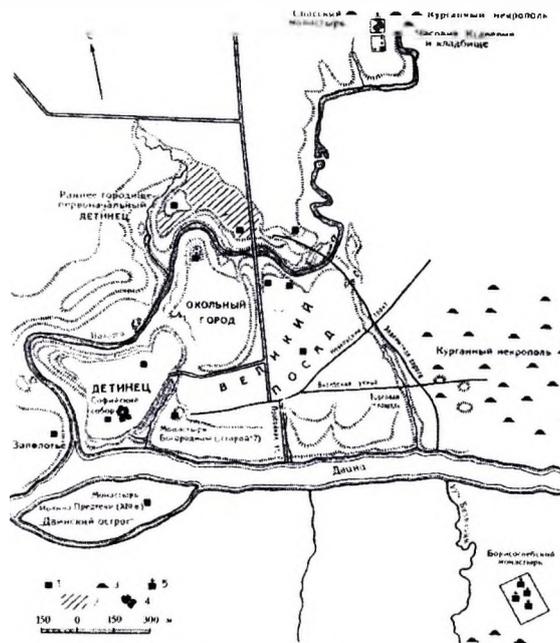

Иллюстрация 10 – План средневекового Полоцка

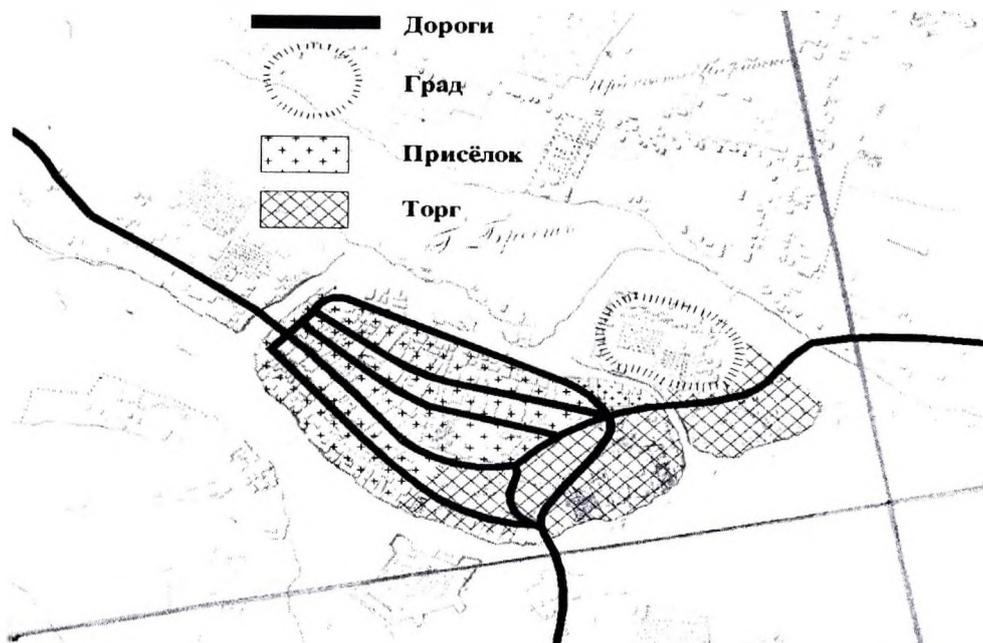

Иллюстрация 11 – Предлагаемая автором схема планировки доисторического Берестья

Список цитированных источников

1. Лысенко, П.Ф. Берестье. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 399 с.ил., 4 отд.л. черт.
2. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно пособие проектировщику/ Ю.Н.Кишик – Минск: Минскпроект, 2007. – 282 с.: илл.222.
3. Мокеев, Г.Я. Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян // Архитектурное наследство, – М: Стройиздат, 1975. – №23. – С. 3-13.
4. Древнерусское градостроительство X – XV вв. – М.: 1993. – 392 с.
5. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. – СПб., 1858. – 242 с. (по матер. сайта www.ibrest.ru)
6. Зоненберг, Х. История города Брест-Литовска. 1016 – 1907. По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям – Брест-Литовск., 1907. – 104 с. (по материалам сайта www.ibrest.ru)
7. Описание староства Берестейского 1566 г // Документы Московского архива Министерства юстиции. – Москва: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. – Т.1. (по материалам сайта www.ibrest.ru)
8. Іоў Алег. Берасцейская зямля у X – XIII стст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – №2. – С. 20-23.
9. Długosz, Jan. Dzieje Polski / Ян Длугош // История Польши. – 107. Krakow, 1868. – Т. II. S. – 106. (по материалам wostlit.ru)
10. Титмар из Мерзебурга. Хроника (Chronikon) / Перевод 2004-2005 гг. (по материалам wostlit.ru)

УДК 728.83.025.4

Давидюк Э.А.

АНАЛИЗ ВОССОЗДАНИЯ УСАДЬБЫ МЕРЕЧЕВЩИНА В ГОРОДЕ КОССОВО ИВАЦЕВИЧЕСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Фольварк Меречевщина входил в состав большого комплекса Коссовских имений и известен с XVI в. Первое упоминание в письменных источниках об этом фольварке относится к 1494 г. Начиная с этого времени, около 400 лет фольварк был частным владением. В первой половине XVIII века земли в фольварке Меречевщина взял в аренду отец Андрея Тадеуша Костюшки – Людвиг Костюшко. В местечке Коссово, которое получило это право в 1510 г., существовали две усадьбы. Первая – “дворная” – в конце улицы Дворной, вторая – фольварк у урочища Меречевщина. Меречевщинский фольварк представлял собой двухчастный комплекс, состоящий из двора и гумнища. На территории двора были размещены два жилых дома. Главный дом был со светлицей и каморой через сени. В состав второго челядного дома входила большая гридня и изба через сени. Возле домов находилась клеть с погребом, далее располагалась сырница на столбах. Покрывают эти хозяйственные постройки были драницами. Еще в состав фольварка входили две конюшни, покрытые соломой. В центре комплекса размещалось гумнище, разделенное на два гумна: большое “ в пятнадцать стен” и малое. Гумнище состояло из двух одрин, евня и большого свирна с ганком [1, с. 180].

На территории фольварка усадебный дом построен в XVIII веке. Точная дата постройки неизвестна. По данным историков и биографов, именно в этом усадебном доме в 1746 году родился Андрей Тадеуш Костюшко, будущий генерал, руководитель национально – освободительного восстания 1794 г. в Белоруссии, Литве и Польше, почетный гражданин Франции и национальный герой Соединенных Штатов Америки и Польши.

Фольварк до наших дней не сохранился, а усадебный дом несколько раз восстанавливали. Так, в 1857 г. под руководством архитектора Михаила Остреметского усадебный дом возродил сын Войцеха Пусловского – Вандалин Пусловский, который в то время был хозяином Коссовского имения [2, с. 154-156]. Современный вид усадьба получила в 2003 г., именно в это время началось ее четвертое воссоздание.

Анализируя последнее воссоздание, сначала обратимся к дошедшим до наших дней изображениям дома Тадеуша Костюшки. Самое раннее датируется 1845 г., выполненное М. Кулешей. Очень похожим на это изображение является рисунок Костревского. На рисунках этих художников дом представляет собой деревянную усадьбу, характерную по своей архитектуре для первой половины XVIII в., с двухъярусной ломаной крышей, покрытой соломой или камышом. Над крышей возвышаются две дымоходные трубы. Перед входом в дом находится крыльцо с крышей на четырех столбах и щитком. С каждой стороны дома размещаются по два окна. На более поздней литографии 1871 г., выполненной Наполеоном Ордой после восстановления усадебного дома Вандалином Пусловским, есть значительные отличия. Крыльцо дома акцентировано большим портиком и окружено с трех боков колоннами. Количество окон также изменяется. На литографии Орды изображены по три окна на каждой из сторон дома. То, как выглядел дом после третьей реставрации, дает нам представление фотография начала XX в. Изображенный на ней дом имеет вид, схожий с рисунком М. Кулеша. Единственное отличие в покрытии крыши, оно не соломенное, а гонтовое. Перед 2-й мировой войной составлены и сохранившиеся в польских архивах чертежи дома, включающие план размещения внутренних помещений.

Воссоздание усадебного дома в 2003 г. выполнено после проведения археологических работ. В ходе этих работ был найден бутовый фундамент XVIII в., обнаружены фрагменты “муравленой” кафли, использованные как изразцы при возведении печи и каминов в возрожденном доме.

Последнее воссоздание усадьбы характеризуется научным подходом. Оно произведено на анализе исторической и технической литературы. Технологии проведения строительных работ тщательно изучались авторами воссоздания. Для возведения камышовой крыши привлекались старые мастера, еще помнящие технологию возведения. Работы по возрождению дома осуществлялись архитекторами и инженерами организации “ Брестреставраципроект”. В работе над проектом принимали участие археолог В. Соболев, историк С. Адамович [3, с. 79-81].

Хартия архитектурного наследия, принятая на Международном конгрессе реставраторов в г. Москве в мае 1996 г., представляет возможным воссоздание утраченных исторических объектов только в структуре исторической среды

[4, с. 30-31]. В рассматриваемом случае дом воссоздан, но не воссоздана та архитектурная среда, частью которой он являлся. Из-за этого происходит диссонанс в восприятии данного сооружения. Усадебный дом входил в состав фольварка, для которого характерны производственные и хозяйственные постройки. В данном случае требуется возрождение фольварка Меречевщина, о котором упоминалось в начале статьи.

В существующем виде воссоздание имеет мемориальную ценность. Здание усадьбы восстановлено как дом-музей Тадеуша Костюшко. Воссоздание фольварка возродит историческую ценность сооружения. А так как данная усадьба размещена на территории Коссовского дворцово-паркового комплекса это позволит проследить развитие усадебного строительства в белорусской архитектуре от эпох ренессанса до эпохи романтизма. Воссоздание фольварка восстановит истинное предназначение усадьбы XVI в., когда красивое понималось как полезное, и усадьба, в отличие от более позднего времени, была развитым хозяйственным комплексом.

Продолжая возрождения усадьбы с учетом предложенных дополнений можно сместить акцент воссоздания в сторону исторической роли усадьбы в культуре Беларуси. Тогда сравнивая данное возрождение с другими воссозданными усадьбами в Белоруссии (городской усадьбой А.В. Суворова, усадьбой Здравнево И.Е. Репина), можно сформировать следующую логическую цепочку:

1. Усадьба Тадеуша Костюшко, воссозданная вместе с фольварком – как производственный комплекс сельскохозяйственных продуктов.

2. Усадьба А.В. Суворова – пример городской усадьбы первой половины XVIII в.

3. Усадьба Здравнево И.Е. Репина – пример усадьбы второй половины XIX в. Здесь усадьба – сосредоточение культурной и светской жизни.

Вывод: усадьбы занимали одно из главных мест в культурно – историческом развитии Белоруссии. В их планировочном расположении прослеживается четкая логика соответствующая принципам эпохи, в которую они существовали. Возрождение усадеб в наше время вместе с утраченной архитектурной средой, окружавшей памятник, позволяет восстановить не только архитектурный образ утраченной усадьбы, но и воссоздать роль усадебных комплексов в истории Белоруссии.

Список цитированных источников

1. Якимович, Ю.А. Зодчество Белоруссии XVI - сер. XVII в.: справ. пособ. / Ю.А. Якимович. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 368 с.
2. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X - XX ст. (гісторыя, стан, перспектывы) / Л.М.Несцярчук. – Мн.: БЕЛТА, 2002. – 336 с.
3. Казаков, В. Возвращение / В.Казаков // Архитектура и строительство. – 2004, сентябрь – октябрь – С. 79-81.
4. Хартия архитектурного наследия // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 1999. – №1 (11). – С. 30-31.
5. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук; ред. Т.Г. Мартыненко. – Мн.: Бел. эн., 2004. – 576 с.
6. Сергачев, С. А. Белорусское народное зодчество / С. А. Сергачев. – Мн.: Ураджай, 1992. – 255 с.
7. Локотко, А.И. Белорусское народное зодчество: середина XIX – XX в. / А.И. Локотко. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 287 с.
8. Трацевский, В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии: учеб. пособ. для вузов. – Мн.: Выш. шк., 1989. – 191 с.

УДК 718.2

Данько Е.С.

АРХИТЕКТУРНАЯ СТИЛИСТИКА ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ПОЛТАВА

Изучение анализа работ по стилистическим особенностям исторических городов показал, что данная тема актуальна не только для фиксации существующей ситуации, но и для разработки рекомендаций по проектированию новых зданий в исторической среде.

Актуальность данной темы обусловливается необходимостью проектирования жилья в исторически сложившейся среде, со своими градостроительными и объёмно-пространственными композиционными закономерностями и стилистическими особенностями.

Целью данной статьи является изучение стилистических особенностей, анализ композиционных закономерностей и планировочных решений жилых зданий центральной части города Полтава для выявления ограничений и рекомендаций при проектировании новых зданий на основе выявления наиболее характерных и часто используемых существующих приёмов.

В исторических городах существуют различные подходы к формированию среды обитания человека: системный, методологический, рациональный, средовой подход [14]. Системный подход очень обширен, он позволяет учитывать все элементы изучаемой проблемы и взаимосвязи между ними, но он также достаточно наукоёмкий и сложный и не всегда используется широким кругом проектантов, работающих в отрасли реконструкции исторической среды. К группе методологических подходов можно отнести синергетический, квалиметрический, интеграционный, программно-целевой, динамический, комплексный, оптимизационный и нормативный подходы [13]. Особенностью средового подхода проектирования является то, что он перенаправлен с достижения сугубо утилитарных целей на социально-психологические и эколого-физиологические ценности [14]. А так как проблема реконструкции исторических центров заключается не только в поддержании существующего состояния среды, но также и в формировании улучшенной среды, основанной на выявлении новых необходимых функций, связанных с изменением потребностей населения, то средовой подход является наиболее приемлемым при изучении исторической среды с целью её реконструкции и нового строительства. Одной из таких новых потребностей населения является проблема энергосбережения. И решаться она должна комплексно, учитывая не только технические требования к повышению герметичности оболочки здания, его инженерным системам, и геометрическим параметрам, но и учитывая ме-

стные градостроительные, композиционные и стилистические особенности, для создания внешнего образа, гармонично интегрировавшего в исторически сформировавшуюся среду.

Проблемы исторических городов и их исследованием занимались: О. Беккер, В. Вечерский, Н. Гуляницкий, О. Карнабид, М. Кудрявцев, Т. Кудрявцева, В. Лавров, Г. Логвин, В. Лукьянченко, Н. Мирошник, Г. Мокеев, О. Олейник, Н. Онищенко, Л. Пляшко, Т. Проскуракова, М. Рудинский, О. Седак, Г.Сомов, А. Станиславский, Л. Тверской, М. Цапенко, А. Щенков, В. Швариков.

Вопросы, касающиеся охраны историко-культурного наследия, рассматривали: В. Акуленко, Б.Г. Бархин, М. Бевз, В.В. Вечерский, Е. Водзинский, Г.Н. Логвин, О. Пруцин, Ю. Ранинский, С. Регаме, Л.В. Прибега.

Проблемами жилья решали: Л.Г.Бачинская, С.Н. Булгаков, Ю.Г.Репин, Д.Н.Яблонский.

Изучением истории и стилистики украинской архитектуры занимались Ю.С. Асеев, В.Е. Ясиевич, В.І. Тимофеенко [6].

Эстетику городской среды, архитектурную и градостроительную композиции изучали: М. Бархин, Ю. Божко, Н.М. Дёмин, В.И. Ежов, А. Иконников, И.Ю. Каракис, Ю. Кишик, Д. Кострикин, В. Кравец, К. Линч, А. П. Мардер, А. Тиц, Т. Устенко, О. Фоменко, А.А Пучков, В.В. Чепелик О. Шило, В Шимко, З.Яргина.

Проблемам реконструкции городской среды посвящали свои труды: Д. Кострикин, В. Шимко, В. Сосновский, Т. Товстенко, Ю. Кишик, В. Белоусов.

Проблемы охраны историко-культурного наследия города Полтава освещали: Л.С. Вайнгорт, В.М.Вадимов, Г.О. Осиченко, В.А. Трегубов, О. Белявская.

Жилая застройка центральной части Полтавы, как рядовая или фоновая, формировалась под воздействием наиболее значимых памятников архитектуры в разные периоды времени, и на данный момент времени Полтава является историческим городом, что утверждено документально в ст.32 Закона Украины «Об охране окружающей среды» от 08.06.2000 № 1805-III. На основании комплексного анализа был разработан и утверждён историко-опорный план центральной части, где показаны национальные и местные памятники архитектуры и объекты исторической застройки.

Процесс развития и преобразования архитектуры жилой среды города Полтава можно разделить на 6 временных этапов, в каждом из которых, среди разных стилей, течений и направлений, выделяется свой преобладающий стиль с характерными для него композиционными особенностями.

1. XVII-XVIII вв. Преобладающим стилем является украинское барокко (Мазепинское). Архитектура данного стиля, имея высокую эстетическую ценность, нашла своё отображение в основном в культовых сооружениях – Крестовоздвиженский монастырь, Святоуспенский кафедральный собор и ещё некоторые храмы, уничтоженные в XX в [10, 15]. Примерами жилых зданий в стиле барокко могли служить особняки и усадьбы полтавской знати, но до наших дней они не сохранились. В современной архитектуре многоквартирного жилья видно лишь применение отдельных элементов в стиле барокко.

2. Середина XVIII в. – середина XIX в. Преобладающий стиль – российский классицизм. Самый распространённый стиль города Полтава. Наиболее ярким примером памятника архитектуры в стиле русского классицизма, который повлиял и на рядовую застройку, является ансамбль Круглой площади. В начале XIX в. губернским архитектором М. Амвросимовым была запроектирована большая площадь, от которой лучеподобно восьмирадиально расходились улицы в направлении главных градостроительных доминант города [2]. По периметру площадь была застроена общественными и жилыми зданиями строго белого цвета в классическом стиле. Вдоль радиально расходившихся улиц велось строительство также зданий в классическом стиле. Композиционно и стилистически поддерживая архитектуру ансамбля Круглой площади, главная улица центральной части города – Александровская (сейчас Октябрьская) также была застроена зданиями (в основном жилыми) в классическом стиле [2].

Классицизм, имея высокую эстетическую ценность и приоритетное положение в Полтаве, является «визитной карточкой» города [10], определяет архитектурный стиль жилых зданий, как исторических, так и современных.

3. Начало XX в. Преобладающий стиль – модерн. Данный стиль в Полтаве имеет примеры нескольких направлений: европейский модерн, российский модерн и украинский модерн. Европейский модерн отличается яркой художественной выразительностью образа здания. В пластике фасада отсутствуют прямые линии и острые углы, используются естественные изгибы линий, напоминающие образы из природы. Здание может быть также криволинейным и в плане. Материалы отделки – металл, стекло [11].

Украинский архитектурный модерн (УАМ) также называют украинским национальным стилем, так как в его основе лежат народные традиции украинского строительства и достижения украинской профессиональной архитектуры [4, 6, 7, 8]. Самыми яркими зданиями Полтавы, выполненными в этом стиле, являются дом Полтавского земства (сейчас Краеведческий музей), выполненный по проекту В. Кричевского, а также мемориальная часовня (архитектор И.А. Колбаса) с высокохудожественной отделкой фасадов [10].

Украинский архитектурный модерн имеет высокую эстетическую ценность, так как является украинским стилем, использует элементы народной архитектуры и частично применяется в архитектуре жилых зданий, особенно тех, которые располагаются вблизи памятников архитектуры, представляющих данный стиль. Элементы УАМ находят отображение в мозаичных отделках фасадов современных жилых зданий, форме окон и дверей, а также общей стилистике фасадов.

4. Конец 1930-х – начало 1950-х гг. Довоенный и послевоенный советский стиль – неоклассицизм. В этот период времени в Полтаве, как и в других городах бывшего Советского Союза, начинают возводиться жилые здания с типовым решением секций и неофициальным названием «сталинки». Эти здания можно разделить на два подтипа – номенклатурные (для начальников) и рабочие. Номенклатурные здания выделяются из фоновой застройки высоким первым этажом (иногда с колоннадой), более ярким декором, нежели у «рабочих сталинок», громоздкостью объёма всего здания и повышенной этажностью (более 5 этажей). Планировочное решение таких зданий также

отличается. Здания имеют большие холлы с 2-4 квартирами большой площади на этаже. Фасады зданий оштукатурены и украшены лепным декором.

У «рабочих сталинок» архитектура утилитарная, не имеющая ярко выраженного образа, украшений или декора. Фасады зданий выполнены либо из красного или силикатного кирпича, либо оштукатурены. Высота таких зданий не превышает 5 этажей [9]. В Полтаве в основном встречаются здания «рабочего» типа «сталинок» из красного кирпича или оштукатуренные.

Благодаря приоритетной классической стилистике Полтавы, неоклассицизм советского периода гармонично вписался в существующую застройку исторического города.

5. Послевоенный период – 1959-1985 гг. Этому периоду характерно массовое строительство жилых домов по типовым проектам, так называемых «хрущёвок». Основные отличительные черты жилищного строительства этого периода – ориентация на малоэтажные дома для посемейного заселения, массовое внедрение сборного строительства (блочное, панельное), массовое внедрение в строительство новых типовых проектов. Такие реформы в области архитектуры и строительства позволили преодолеть нарастающий кризис в жилищном строительстве, заменить покомнатное заселение квартир посемейным и вернуть советской архитектуре статус стилиобразующего направления в мировом масштабе [16]. Первые проекты фасадов крупноблочных и крупнопанельных зданий были решены при помощи следующих художественно-композиционных приёмов: обработка блоков в виде крупных квадратов, иллюзорная разрезка блоков на мелкие элементы («бриллиантовый» руст), двухрядная разрезка стены с декоративной обработкой блоков, скатные крыши [16]. Но со временем архитектура жилой застройки данного стиля была редуцирована в связи с преобладанием экономического критерия. Произошла оптимизация использованных композиционных приёмов и подчинение их рациональности и утилитарности: замена скатных крыш на плоские, отказ от фасадного декора, уменьшение высоты этажей, сокращение площади подсобных помещений, внедрение проходных комнат и "заемов". Такое упрощение объёмно-пространственной композиции здания привело к потере навыков инженеров решать сложные архитектурные задачи [3, 16].

6. Конец XX – начало XXI вв. – период современной архитектуры. Жилые здания, проектируемые последние несколько лет, в центральной части города возводятся как по типовым, так и по индивидуальным проектам. В моде псевдоисторическая застройка с применением основных художественно-композиционных приёмов классического стиля. Часто используется приём стилизации. При этом выбор стилистики проектируемого здания зависит от особенностей градостроительной и архитектурной композиции окружающей застройки, а также от исторической ценности территории. Для создания гармоничного образа жилого дома в исторической среде необходимо учитывать характерные композиционные особенности преобладающих стилей.

Проанализировав форму зданий этих периодов строительства, мы пришли к выводу, что архитектуре классического и неоклассического стилей характерна прямоугольная и г-образная форма плана, зачастую со срезанным углом. Высота зданий классического стиля не превышает 2-3 этажей, при этом доходит до 14 м, а высота неоклассических жилых зданий составляет 3-5 этажей, достигая 16,5 м. Жилые здания в стиле модерн имеют прямоугольную форму, вытянутую в плане. Их высота не превышает 2-3 этажей, достигая 12 м. Жилые здания массового строительства 1959-1985 гг. имеют прямоугольную форму не очень большой длины, как правило, 2-3 секции, и стандартные размеры с типовыми секциями. Особо значимые жилые дома послевоенного периода имели достаточно сложную и разнообразную объёмно-пространственную композицию, фасады были решены с использованием различных художественно-композиционных приёмов, но основная масса жилой застройки данного стиля, проходившая во время кампании по борьбе с архитектурными излишествами, была упрощена до минимума. Высота этих домов колеблется от двух до пяти этажей, достигая 14 м. Современные жилые здания подчеркивают сложившийся тип застройки центральной части города и повторяют форму классических зданий – прямоугольную и г-образную со скруглёнными в плане углами. На фасадах зданий большая площадь остекления (окна и псевдоокна), рустовка по всей высоте или только первого этажа, крыша – скатная, сложной формы, с вертикальными или горизонтальными членениями и башенками, часто используется мансардный этаж. Высота современных жилых домов достигает 9 этажей до 27 м.

Проанализировав конструктивное решение жилых зданий этих периодов строительства, сделаны следующие выводы: в зданиях классического стиля стены выполнены из полнотелого кирпича, толщиной, как правило, более 510 мм, отделка – штукатурка с покраской, перекрытия деревянные, высота этажа – до 4,5 м. Ограждающие и несущие стены жилых зданий в стиле модерн также выполнены из кирпича, толщиной более 510 мм, оштукатурены и окрашены, перекрытия деревянные, высота этажа – до 4 м. Ограждающие и несущие стены жилых зданий неоклассического стиля выполнены из красного или силикатного кирпича, могут быть оштукатурены, или материал стен оставлен как отделочный. Перекрытия деревянные, высота этажа – 3,3 м. Жилые здания массового строительства 1959-1985 гг., выполнены из полнотелого кирпича, толщиной не более 510 мм или из бетонных блоков. Отделка фасадов выполнена керамической плиткой, или фасад имеет тот же вид, что и материал строительства – кирпич красный или силикатный, перекрытия железобетонные, высота этажа – 2,8 м, крыша битумная, плоская. Стены современных жилых зданий кирпичные, отделка может быть штукатурка с покраской, перекрытия железобетонные, высота этажа – 3 м.

Обследование технического состояния жилых зданий этих периодов строительства показало, что классические здания находятся в удовлетворительном техническом состоянии. При проведении реконструкции нуждаются в минимальном количестве энергосберегающих мероприятий. Зданий в стиле модерн также имеют удовлетворительное техническое состояние, при реконструкции необходимо минимальное количество энергосберегающих мероприятий. Жилые здания неоклассического стиля имеют удовлетворительное техническое состояние, есть небольшие отклонения от нормативных требований по теплотехническим показателям. «Хрущёвки» находятся в наихудшем техни-

ческом состоянии и требуют проведения неотложных комплексных мероприятий по реконструкции и повышению их энергосберегающих свойств. Современные жилые здания имеют удовлетворительное техническое состояние, могут иметь незначительные отклонения от нормативных требований по теплотехническим показателям в связи с недавним обновлением нормативной базы по требованиям к энергосбережению [1].

Изучив композиционное решение кварталов, автор определил типичное расположение жилых зданий разных периодов в квартале. Классические и неоклассические здания формируют основу периметральной и квазипериметральной планировочной организации центральной части города Полтава, располагаются по периметру кварталов и стилистически формируют внешний облик основных улиц города. Здания в стиле «модерн» также располагаются по периметру кварталов и выходят главным фасадом на улицу. Но из-за их небольшого количества не могут формировать стилистику всего квартала. Жилые здания массового строительства 1959-1985 гг. располагаются как по периметру жилого квартала, так и во внутриквартальном пространстве. Современные жилые здания также располагаются как по периметру жилого квартала, так и во внутриквартальном пространстве, заполняя возможные участки строительства или реконструкции.

Анализ существующих композиционных приёмов показал, что архитектурное решение жилой застройки центральной части Полтавы характеризуется своими специфическими особенностями, которые и создают неповторимый облик исторической среды города. В этом разнообразии особенностей можно выделить основные приёмы решения жилых зданий, характерные для того или иного временного периода строительства и стилового направления [12].

Для композиции фасадов классических и неоклассических жилых зданий характерно, что плоскость фасада и планировочное решение строится на симметричной композиции и ярусности (высокий первый или цокольный этаж, как правило, горизонтально членённый рустовкой, выступающие карнизы, вертикальное членение фасада колоннадой, пилястрами, пилонами). Основным средством архитектурной выразительности фасада жилых домов классического и неоклассического стиля является осевая симметрия. Осью может быть парадный вход для односекционных зданий или лестничные клетки, которые задают ось симметрии для отдельных секций. Парадный вход в здание акцентирован пластическими средствами и часто решён в виде арки-ниши с лепным декором. Оконные проёмы создают метрическую композицию и имеют разнообразный характер: от прямоугольной формы до циркульных арок, вытянутых по высоте. Пластика крыш скатная, с чердаком [12]. На фасадах зданий в стиле модерн большое количество декора, отделка вокруг окон и дверей, балконы, округлой формы с коваными решетками, арочные окна и двери, завершение зданий скатными крышами. На фасадах жилых зданий массового строительства не было никаких отличительных индивидуальных черт, деталей, декора или росписей. Окна квадратные или прямоугольные, вытянутые в длину с соотношением сторон до 1:2, наличие неостекленных балконов. Декор фасадов современных жилых зданий – мозаика в украинском архитектурном стиле, кованные решетки на окнах и балконах, выступающие элементы – прямоугольные или полукруглые балконы, лоджии, эркеры, чаще всего остеклённые, входная группа размещается в скруглённом или срезанном углу здания, оформлена колоннадой и защищена козырьком или маркизом.

Общим для всех временных периодов формирования жилой среды центральной части Полтавы является осевая симметрия фасадов и планировочных решений, ярусность фасадов, метрические закономерности построения композиции окон.

При создании новых композиционных приёмов необходимо учитывать существующие, и, исходя из них, можно сформировать общие приёмы, которые рекомендуется использовать при новом строительстве и реконструкции в историческом центре города Полтава, согласовывая их с существующими приёмами индивидуально для каждого случая. Это – высокий первый этаж, ярусность, возможно горизонтальное и вертикальное членение фасада (карнизами, колоннадой, пилястрами), метрические закономерности построения композиции окон прямоугольной или арочной формы, скатные крыши с чердаком или мансардой, отделка вокруг окон и дверей (сандрики, пилястры), наличие выступающих из плоскости фасада объёмов (балконы, эркеры, лоджии, террасы).

Изучение композиционных и стилистических особенностей решения фасадов, планировочных и конструктивных решений жилых зданий, применяемых в исторической застройке, позволит современному строительству реализовать высокий потенциал эстетической ценности современной архитектуры и интегрировать в окружающую архитектурную среду комфортное и технически высококачественное жильё, не нарушая целостности, гармоничности, содержания и значения композиции города [2, 5].

Список цитированных источников

1. Тепловая изоляция зданий: ДБН В 2.6-31:2006.
2. Методические основы реконструкции композиционных структур исторических городов (на примере городов центральной Украины): диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Г.А. Осиченко.
3. Иванов, В.Ф. История строительной техники. – 1962.
4. Ивашко, Ю.В. Проблемы реставрации памятников архитектуры и реставрационные технологии // Будмайстер, 2003. – №4. – С. 22-24.
5. Рудинський, М.Я. Архітектурне обличчя Полтави / Передмова Л.С.Вайнгорта, О.Б.Супруненко – Полтава: Метоп, 1992.
6. Тимофієнко, В.І. Зодчі України кінця XVIII – початку XX ст.: біографічний довідник. – Київ: НДІТІАМ, 1999. – 477 с.
7. Чепелик, В.В. Український архітектурний модерн / Упорядник З. В. Мойсеєнко-Чепелик. – К.: КНУБА, 2000.
8. Википедия. Украинский архитектурный модерн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
9. Википедия. Сталинка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
10. Классицизм – это визитка, часть архитектурного облика города. – [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://yomus.ru/intro/news/klassicism-eto-vizitka-chast-arxitekturnogo-oblika-goroda.html>
11. Википедия. Архитектура модерна. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

12. Основные композиционные приемы жилых домов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://прораб.com.ua/osnovnye-kompozicionnye-priemy-zhilyx-domov/>

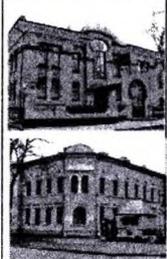
13. Пермяков, О.Е. Методологические подходы к проектированию систем оценки качества образования // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Том: 308. – Номер выпуска: 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-proektirovaniyu-sistem-otsenki-kachestva-obrazovaniya>

14. Проблемы развития средового подхода в проектировании. Архитектура и строительство России / Л.А. Викторова – Москва. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://makonstroy.ru/forum/?p=1477> – Дата доступа: 25.08.2008.

15. Словари и энциклопедии на Академике. Мазепинское барокко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1017468>

16. Хан-Магомедов С.О., академик РААСН, докт.иск. Хрущевки – благо или зло... [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://dwg.ru/pub/26>

Анализ стилистических особенностей архитектуры жилой застройки центральной части города Полтава

Название стиля	XVII в. – XVIII в. Украинское барокко (отдельные элементы)	Середина XVIII в. – середина XIX в. Российский классицизм	Начало XX в. Украинский модерн	Начало XX в. Европейский модерн	Конец 1930-х – начало 1950-х гг. Довоенный и послевоенный советский неоклассицизм	Послевоенный период 1959-1985гг	Современный период конец XXв - начало XXIв
Примеры рядовой застройки							

УДК 72.025

Дранец И.Л.

АРХИТЕКТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЛИЦОВОЧНЫХ СЛОЕВ В НАРУЖНЫХ СТЕНАХ

За последнее десятилетие архитектура РБ заметно преобразилась. Однако внешний облик наших зданий заслуживает критики. Следует обратить внимание на тот факт, что фасады недостаточно эстетичны, а применение облицовочных материалов дает новые возможности выразительности.

В Республике Беларусь активными темпами идет рост строительства жилья и жилых комплексов. Если в 2012 г. планировалось ввести 4.2 млн. м², то к 2015 году планируется 9.5 млн. м². Причем в энергоэффективном исполнении должно быть возведено не менее 60% жилья.

Сегодня во всем мире при удорожании энергоресурсов важную роль при строительстве занимает вопрос энергоэффективности зданий, как новых, так и уже существующих. В 2009 году в Беларуси утверждена Республиканская программа энергосбережения до 2020 года [1]. Проектируемые здания должны быть не только надежными и долговечными, но и учитывать факторы, благоприятствующие комфортной среде обитания человека. «Энергоэффективный дом» – это здание с пониженным потреблением энергии на отопление (по сравнению с действующими нормами в 2-5 раз). В настоящее время активно внедряются различные архитектурно-планировочные приемы, применяются новые подходы, специальные устройства, в том числе и интеллектуальные, способствующие регулированию микроклимата в зданиях. Ужесточаются нормы и требования по теплотехнике. Но, помимо инженерных и конструктивных задач, необходимо больше уделять внимания к внешнему облику зданий, их архитектуре.

Ужесточение требований к термическому сопротивлению наружных ограждающих конструкций обусловило в постперестроечное время интенсивное строительство в странах СНГ, в том числе и в Республике Беларусь, каркасно-монолитных зданий с наружными стенами, поэтажно опирающимися на диски перекрытий.

В России при строительстве каркасных жилых и общественных зданий широкое распространение получила технология, по которой стеновое ограждение выполняется в виде слоистой кладки, с защитно-декоративной облицовкой из кирпича и других мелкоштучных материалов. Конструктивное решение многослойных стен с наружной облицовкой кирпичом было разработано ЦНИИСК им. В.А. Кучеренко и представлено в рабочих чертежах серии 2.130-8 (выпуски 0 и 1), выпущенной в 1988 г. В этой серии не было предусмотрено поэтажное опирание наружных стен, а высота зданий со стенами из облегченной кладки ограничивалась пятью этажами. Массовое строительство зданий с монолитным каркасом потребовало новых, более эффективных с точки зрения теплопередачи и адаптированных к требованиям высотного строительства конструктивных решений стенового ограждения. В то же время действующие нормы по проектированию каменных и армокаменных конструкций не содержали указаний по проектированию таких стен. По этой причине при проектировании многослойных стен каркасных зданий было допущено много ошибок касающихся устройства температурных и деформационных швов в стеновом ограждении, выбора материалов

для каменной кладки. Обследованием стенового ограждения было выявлено также и низкое качество работ при кладке облицовки вследствие дефицита высококвалифицированных каменщиков. Указанные обстоятельства явились причиной высокой дефектности слоистого стенового ограждения.

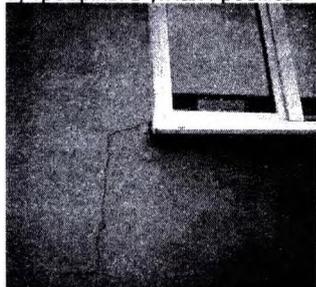
В Республике Беларусь стеновое ограждение каркасных зданий, как правило, выполняется в виде однослойной или двухслойной кладки, поэтажно опирающейся на диски перекрытий. Кладка однослойных стен обычно ведется из ячеистобетонных блоков на тонких растворных швах, с последующей защитно-декоративной облицовкой штукатурным раствором и окраской. Значительно реже возводятся здания, стеновое ограждение которых выполняется двухслойным из ячеистобетонных блоков с защитно-декоративной облицовкой из кирпича [2].

Архитектурно-эстетический аспект облицовочного слоя слоистых стен каркасных зданий. В настоящее время в институте БелНИИС проводятся обследования каркасно-монолитных зданий. Как показывает практика, существует ряд недостатков. Рассмотрим некоторые методы решений этих проблем на конкретных примерах.

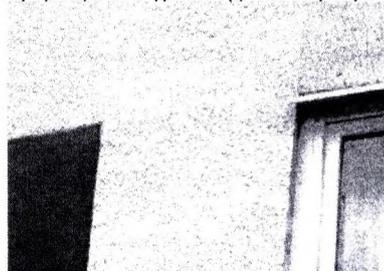
Одним из самобытных и древних материалов является кирпич. По таким показателям, как эстетичность, долговечность, экологичность и т.д. этот материал является одним из лучших. При выборе конструкции стены перед архитектором стоит задача, какой облицовочный материал выбрать, чтобы он отвечал вышеперечисленным требованиям. Хотелось бы обратить внимание на столь популярный лицевой кирпич. Много полемики и дискуссий возникает как его лучше использовать, при различных архитектурных приемах, когда пластика здания имеет нестандартную геометрию. Ввиду высокотехнологичных и дорогостоящих элементов узла, зачастую приходится отказываться от данного решения или упрощать фасад здания. А также хотелось бы затронуть проблемы отделочно-декоративного слоя.

Фасады домов с облицовочным кирпичным слоем по сравнению со штукатуркой в значительно меньшей степени подвержены загрязнению. Они более стойки к химически агрессивной среде, характерной для больших промышленных городов. Следует отметить, что слоистые стены с лицевым кирпичным слоем являются более дорогостоящими по сравнению с такими же стенами со штукатурным защитно-декоративным слоем. Например, согласно зарубежным данным, 1 м² слоистой стены с внутренним слоем из керамических пустотных блоков, утеплителем толщиной 14 см и лицевым слоем из клинкерного кирпича оказывается на 35-40% дороже такой же стены, но со штукатурным слоем, нанесенным на утеплитель. Причем основное различие заключается не в трудозатратах, а в стоимости материалов лицевого слоя. Следует, однако, иметь в виду, что это разовые затраты, а их удельный вес в стоимости всего здания незначительный. Так, например, наружные кирпичные стены в многоэтажных зданиях составляют около 10% их общей стоимости, а стоимость лицевого слоя из клинкерного кирпича – всего 2.5-3% стоимости здания. В то же время стены с лицевым кирпичным слоем более долговечны (более 60 лет) по сравнению со стенами с лицевым штукатурным слоем, нанесенным на утеплитель (10-15 лет). В связи с этим исключительно важными экономическими показателями слоистых стен являются эксплуатационные затраты. Правильно и качественно выполненные стены с лицевым кирпичным слоем практически не требуют ремонта. Согласно немецким данным, стоимость ремонта стен, выполненных из обыкновенного глиняного кирпича, после 80 лет эксплуатации составляет около 30% их первоначальной стоимости возведения. В случае же штукатурных слоев, стоимость ремонта за указанный период составляет 130%, а при применении окрашенных слоев – 100% первоначальной стоимости возведения стены. В качестве примера на рисунке 2 приведены характерные повреждения штукатурных слоев, нанесенных по газосиликату, которые были выявлены при обследовании стенового ограждения каркасных зданий, построенных в 2005-2007 гг. Показанные повреждения носят системный характер и имеют массовое распространение. В настоящий момент стеновое ограждение практически всех обследованных зданий требует капитального ремонта. Причиной данных повреждений является то, что штукатурные слои наносятся, когда еще не в полной мере произошло затухание усадочных деформаций газосиликатных стен, которые длятся примерно 0.5-1 год.

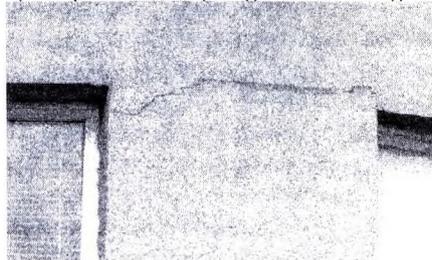
а) трещины в углах проемов

б) трещины в уровне диска перекрытия

в) выпучивание штукатурного слоя в уровне дисков перекрытий

г) трещины в уровне диска покрытия

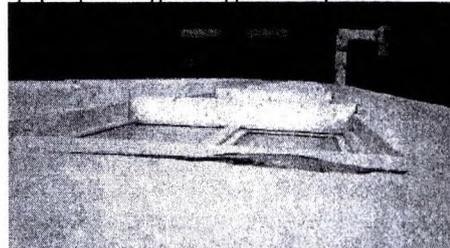

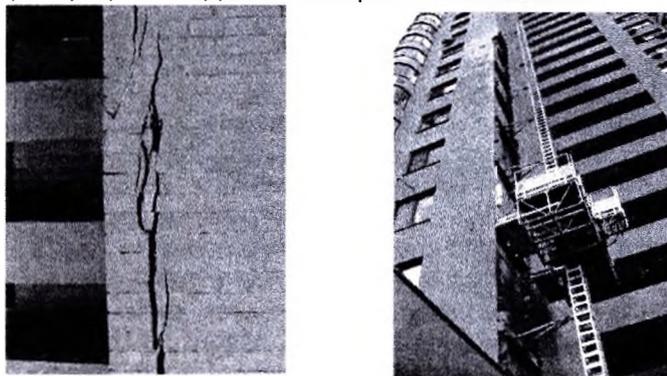
Рисунок 1 – Характерные повреждения стенового ограждения с защитно-декоративным штукатурным слоем [3]

Такой технологический перерыв сдерживает сдачу объекта в эксплуатацию и в условиях климата Белоруссии приводит к переувлажнению стен атмосферными осадками. Штукатурные слои должны выполняться из минеральных гидрофобизирующих растворов, обладающих высокой паропроницаемостью. Применение плотных паронепроницаемых штукатурок способствует накоплению влаги в стенах и, как следствие, их преждевременному разрушению [3].

Также важно обратить при выборе окраски фасада внимание на следующее. Цветовые картины на отделочно-декоративном слое должны быть не только гармоничны, но также необходимо учитывать их технические характеристики. Сочетание темных и светлых колеров приводит к значительным температурным деформациям защитно-декоративного слоя и, как следствие, к его трещинам.

Широкое применение слоистые стены с лицевым кирпичным слоем в странах СНГ получили начиная с середины 90-х годов прошлого столетия в связи с ужесточением нормативных требований к сопротивлению теплопередаче. При этом, без соответствующей нормативной базы и опыта строительства многие решения были заимствованы за рубежом и в первую очередь из европейских стран, где слоистые стены начали широко внедряться на 20-30 лет ранее. Эксплуатация слоистых стен особенно в многоэтажном каркасно-монолитном домостроении уже в первые 3-5 лет выявила ряд серьезных недостатков, которые во многих случаях приводили к аварийному состоянию стенового ограждения. На рисунке 3 приведены характерные повреждения лицевого кирпичного слоя каркасных зданий. К ним, прежде всего, относятся трещины в углах фасадов, обрушения облицовочного слоя, разрушение облицовки в уровне дисков перекрытий.

а, б – трещины и обрушения облицовочного слоя г. Москва

в, г – трещины в углах здания и разрушение кирпича в уровне дисков перекрытий г. Санкт-Петербург

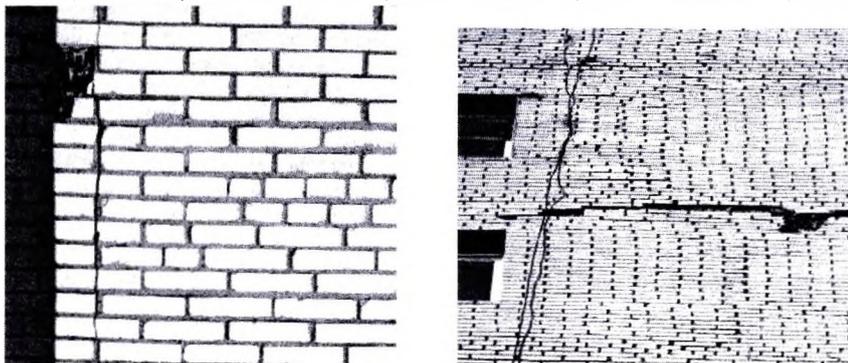
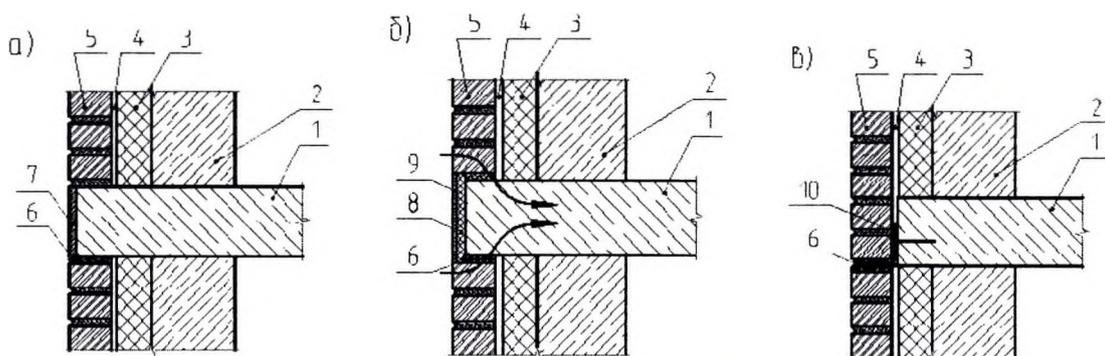

Рисунок 2 – Характерные повреждения слоистых стен[3]

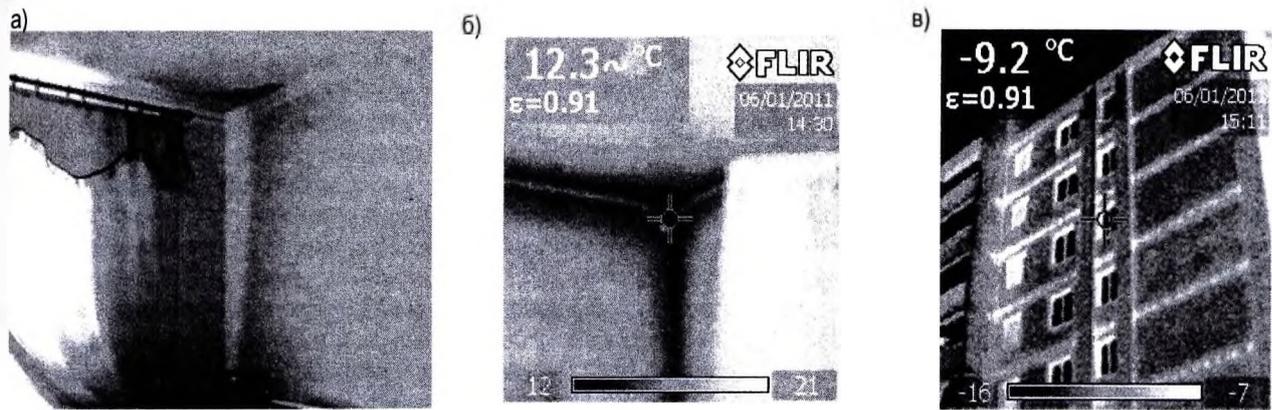
При строительстве каркасных зданий в странах СНГ наибольшее распространение получило поэтажное сопряжение лицевого слоя с монолитными плитами перекрытий (рис. 3).

1 – железобетонная плита перекрытия, 2 – внутренний слой, 3 – утеплитель, 4 – воздушный зазор, 5 – лицевой кирпичный слой, 6 – деформационная прокладка, 7 – керамическая плитка, 8 – термоизоляция, 9 – тонкая армированная штукатурка, 10 – металлический опорный уголок

Рисунок 3 – Варианты сопряжений лицевого слоя с плитой перекрытия [3]

Данное конструктивное решение обладает рядом существенных недостатков. Выходящие на контакт с наружным воздухом диски перекрытий являются мостиками холода, обеспечивающие теплопотери стен более 20%. Кроме того, мостики холода приводят к образованию конденсата на поверхности стен внутри помещений, что в свою очередь является причиной развития плесени и грибов, отдельные виды которых, как показывают исследования, имеют канцерогенный характер (рис. 4).

а – плесень на потолочной поверхности; б, в – результаты тепловизионных съемок
Рисунок 4 – Результаты обследования каркасно-монолитного дома, построенного в 2009 г. [3]

Декоративная облицовка торцов плит перекрытия керамической плиткой является недолговечной – из-за разности температур расширения керамики и бетона плитка начинает отпадать уже в первые годы эксплуатации. Снижение теплопотерь путем облицовки торцов перекрытий полистиролом небольшой толщины является недостаточным, так как тепловые потоки в данном случае полностью не перекрываются (стрелки на рис. 3б). Кроме того, свес кирпичной кладки лицевого слоя приводит к его внецентренному опиранию на плитах перекрытий и концентрации сжимающих напряжений в нижних кирпичах. Последние суммируются с касательными напряжениями, которые возникают на контакте лицевого слоя и плит перекрытий в силу разности температурных деформаций керамической кладки и бетона. В результате наблюдается раздробление нижнего ряда кладки в случае применения лицевых кирпичей с высокой пустотностью [3].

Исходя из научных исследований сотрудников института БелНИИС, важно отметить, что при проектировании каркасных зданий предпочтение следует отдавать слоистым стенам с защитно-декоративной облицовкой кирпичом. Апробированные в странах Европы технические решения слоистых стен следует осторожно внедрять в практику строительства каркасных зданий, адаптируя их для конкретных климатических условий эксплуатации.

Архитектурно-эстетический аспект при тепловой реабилитации. В Беларуси реализуется программа проведения капремонта старых зданий и их модернизации. Готовятся списки домов, подлежащих тепловой реабилитации, горисполком их утверждает и выделяет средства для этих целей. Планово все дома так или иначе должны пройти капремонт, в т.ч. и тепловую реабилитацию, замену инженерных систем, окон, ремонт кровли и т.д. Когда дом попадает в такой список, на него разрабатываются ТУ и приводится перечень необходимых работ.

По законодательству модернизация должна проводиться далеко не у всех типов зданий. Например, объекты охраны историко-культурного наследия включены в Государственный список объектов историко-культурных ценностей: в соответствии с законом об охране памятников историко-культурного наследия не допускается проведение мероприятий, изменяющих или ухудшающих восприятие здания, и поэтому буквой закона они защищены от каких-либо изменений.

Утепление фасада меняет внешний вид здания, потому что пенопласт или оштукатуренная минвата выглядят не так, как старая кладка. На торце вроде бы и деталей архитектурных нет, поэтому, казалось бы, можно утеплять. Но после укладки слоя утеплителя окно оказывается на большем заглублении. В результате изменяется облик здания, и, когда смотришь на фасад, возникает вопрос: почему так глубоко установлены окна?

При утеплении дворового фасада зачастую забывают о межэтажных и венчающих карнизах. Получается, что утеплитель доходит до верха и часть этого карниза скрадывает.

Что касается балконов, то на них, как правило, устанавливались старые кованые решетки. При модернизации здания утеплитель «поглощает» часть кованого ограждения, и эстетика старой архитектуры, которая отражается в виде какого-либо завитка, «улитки» и т.п., частично скрывается утеплителем. При этом изменяются изначальные размеры балкона. Архитекторы, принимающие решение об утеплении здания, должны шире смотреть на эту проблему и предусматривать последствия такой модернизации для архитектурного облика [4].

Архитектурный вид зданий старой застройки недопустимо изменять, даже если это продиктовано такими благими намерениями, как снижение теплопотерь при эксплуатации. К сожалению, немногие понимают, что здание не может являться памятником только потому, что оно красиво с точки зрения выраженных архитектурных особенностей. В действительности оно может не иметь множества интересных архитектурных деталей, по которым его визуально относят к памятникам историко-культурного наследия. Ведь основной признак памятника, согласно Международной хартии по вопросам сохранения и реставрации памятников и исторических мест, которую подписала и Беларусь, – то, что здание является свидетелем истории. При утеплении фасадов зданий следует учитывать, что далеко не все здания включены в список объектов историко-культурного наследия, в т.ч. и по той простой причине,

что еще не прошло 50 лет с момента их строительства. Но архитектурные детали на фасаде нередко говорят о том, что к этому зданию необходимо относиться бережно и сохранять его [4].

Какие должны применяться подходы к реставрации зданий? Идеальной реставрацией считается использование старых технологий и материалов, с помощью которых возводилось здание.

В ТКП 45-1.04-206-2010 (02250) «Ремонт, реконструкция и реставрация жилых и общественных зданий и сооружений. Основные требования по проектированию» в одном из пунктов написано, что здания, имеющие архитектурные детали, дорогостоящую отделку, не подлежат утеплению. Несмотря на это требование, на практике нередко на фасадах таких зданий начинают сбивать детали, упрощать их, и тогда фасады становятся совершенно безликими. В результате подобной деятельности постоянно теряется качество архитектуры.

Представление о том, что все здания должны без разбору утепляться, не может быть верным, потому что, если посчитать реальные затраты, то работы по тепловой модернизации зданий определенной категории не окупаются. В Беларуси на утепление зданий затрачивается много средств без учета того, что они не смогут вернуться через 50 и даже 100 лет. Такие прогнозы и у нас, и на Западе делаются на основе методик, которые предполагают расчет стоимости энергоносителей на долгосрочный период. Здесь нужно учесть, что Беларусь, к сожалению, не относится к числу богатых стран [5].

Чтобы избежать дисгармонии в архитектуре, достаточно было бы на практике проводить массовое утепление фасадов панельных домов, где отмечаются постоянные затраты на ремонт стыков, внутренний утеплитель часто приходит в плохое состояние из-за уплотнения по высоте, а утечки тепла из железобетонных стен большие. Утепление фасадов панельных домов снимает проблему стыков, улучшает условия проживания и внешний вид панельных домов, потому что они с точки зрения архитектуры достаточно безликие: фасады банально разбиты на квадраты [4].

В статье представлен ряд проблемных задач: **мосты холода, недолговечность облицовочных материалов, температурные деформации защитно-декоративного слоя, целесообразность применения архитектурных деталей**, которые требуют дополнительных как научных, так и проектных разработок. На сегодняшний день эти вопросы актуальны и недостаточно учитываются при разработке проектно-сметной документации. От решения этих задач зависит психологическое и физическое состояние человека и качество проживания в целом.

Список цитированных источников

1. Республиканская программа энергосбережения на 2011–2015 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2010 г. № 1882.

2. Деркач, В.Н. Об энергоэффективности стенового ограждения каркасных зданий/ В.Н. Деркач, А.Я. Найчук // Строительство и архитектура. – 2011. – №1. – С.22-25.

3. Деркач, В.Н. Долговечность слоистых стен каркасных зданий/ В.Н. Деркач, А.Я. Найчук // Проблемы современного железобетона: материалы III Международного симпозиума: сб. тр. в 2 т. – Минск: Минсктиппроект, 2011. Т. 1: Бетонные и железобетонные конструкции. – С. 134-140.

4. Шайтар, В. К лицу ли фасаду «шуба»? // Мастерская. Современное строительство – 2012. – №5. – С. 42-43.

УДК 338.48(476.7)(091)

Желудко А.И.

ЭТНОТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «НАШ РОДНЫ КУТ САБАЛІ», ИСТОРИЯ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Идея создания данного комплекса вынашивалась в течение долгих лет. По крупицам по региону собирались экспонаты, изучалась история края, фольклор, традиции, обычаи, ремесла. На личном энтузиазме, с помощью земляков и фирмы «Трайпл» обустроены местное кладбище и братская могила повстанцев 1863 года, воздвигнут памятный знак в честь земляков, погибших в годы Второй мировой войны и крест-оберег, создан музей-усадьба, написана серия картин, фирмой «Трайпл» построена баня, реконструирована СШ в Ревятичах, прорабатывались эскиз-проекты будущего комплекса. Но все эти действия не остановили процесс вымирания деревни. Хотя из городов начали возвращаться земляки и обустраивать своими силами родительские усадьбы. Пример тому – усадьбы Кугача, Чижа, Оскирко Ярославла, Желудко.

Вместе с тем, местными властями были ликвидированы значимые для деревни объекты: начальная школа, кузница, амбар, клуб, библиотека.

Мои обращения в высшие инстанции, поддержка прессы и телевидения, передовой интеллигенции не решили проблемы. Было зачитано три доклада на эту тему на различных международных конференциях по архитектурному наследию региона, сохранению и культурно-туристскому использованию. И только благодаря решению и поддержке Ю.А. Чижа, владельца ООО «Трайпл», появилась перспектива воплощения данного замысла: решено построить у д. Соболи этно-туристический комплекс. В стране существует острая проблема: что делать с неперспективными вымирающими деревнями? Какие меры применить для их возрождения и адаптации к современным условиям жизни?

Строительство этно-комплекса будет проходить как эксперимент в решении существующей проблемы, при этом без привлечения средств государства. Фирма ООО «Трайпл» выделяет на эти цели 15 млн. долларов.

В конце августа 2012 года Президент РБ издал Указ о передаче в аренду земельных угодий (333 га) для строительства комплекса сроком на 99 лет. Проект должен быть реализован уже до 2015 года. Основными инвесторами выступают ООО «Трайпл», ООО «Вариант», ООО «Нефте Хим Трейдинг». Объявлен тендер, который определит генеральных подрядчиков и проектное бюро.

Под строительство можно использовать пашен – 3%, леса – 5%. На выделенной территории предполагается построить: комплекс придорожного сервиса (ресторан, гостиница, стоянка), лыжероллерную трассу, музей истории Полесья с галереей изобразительного искусства, историческую реконструкцию городища, ферму, зоопарк, туристическую базу и другие объекты, а также инженерную и транспортную инфраструктуру, обеспечивающую их функционирование.

Итак, первая задача состоит в обустройстве придорожного сервиса. Он может быть современным, поскольку трасса М1 – это не древний тракт, а современная магистраль, в спешке построенная к Московской олимпиаде. В свое время проектировщики не предусмотрели на данной территории съездов и заездов, а также безопасных переходов, что привело к массовым авариям и жертвам. Самовольные мини-рынки еще более усугубляют аварийность на дороге. Комплекс устранил данные недоработки.

Вторая задача – обустройство прилегающих территорий для развития в крае этноагротуризма, сохранения и популяризации самобытной культуры Полесья и его природы. Бездумная мелиорация края привела к его обезвоживанию. Некогда Европейская Амазония, «легкие» Европы, Полесье само чувствует нехватку воды. Нужно и на данной территории провести гидроразведку. Так, проведенные сейчас чистка и углубление канала Винец привели к резкому падению уровня воды в примыкающих каналах и колодцах. Дубрава Городище может пострадать от таких действий. Сам лесной массив можно увеличить за счет создания лесопитомника. Уже имеющиеся лесные тропы использовать под прогулочные маршруты и лыжероллерную трассу. Просеку на месте пересечения газопровода с лесом использовать под вольеры для диких животных. Строительство туристической базы планируется подальше от дороги М1 на Урочище Высоком. Весь придорожный сервис располагается возле трассы М1 между водоемом Шпарске и лесом. Водоем углубляется, зарыбляется и обустраивается (пляж, спортплощадка). Музейная зона также располагается здесь.

Места эти археологами практически не исследовались, поэтому Юрий Александрович поддержал идею проведения таких работ. Первые археологические раскопки, проведенные представителями Академии наук О.В. Иов, В.Г. Белевцом, краеведом А.И. Желудко, а также артефакты, найденные мною ранее, подтвердили, что человек жил здесь издревле. Здесь, в дубраве, окруженной со всех сторон болотами и речкой Винец, было многофункциональное городище-святилище. Уже на основе этого открытия возможна его историческая реконструкция. Более подробный отчет будет представлен учеными позднее. Археологических находок еще недостаточно для полноценной экспозиции, поэтому нужны более обширные археологические исследования региона. Этнографического материала, собранного по региону, предостаточно для музейной экспозиции. На основе этого можно создать крестьянское подворье (хутор). Со всеми видами народных ремесел (ткачество,ковка, гончарство, лозоплетение), бровар, пасека. Все объекты комплекса желательно стилизовать под народную архитектуру Западного Полесья. Для консультаций привлечь доктора архитектуры Сергачева С.А.

Территория комплекса имеет вид треугольника, в вершинах которого следует предусмотреть съезды и заезды в комплекс с соответствующими указателями. Комплекс примыкает к М1 и в непосредственной близости к старой дороге Р2.

Вырисовывается вокруг комплекса туристический маршрут: д. Свадьбичи – действующая мельница, городские постройки начала XX века, дом поэта В. Сахарчука; д. Ревятичи – церковь, школа; д. Сигневичи – господская усадьба, парк, костел, немецкое кладбище; д. Черняково – церковь; д. Соболи – этнодвор, братская могила повстанцев 1863 года. Данные объекты обследовались мною и волонтером кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок» БрГТУ. Пожелание к местным властям – привести эти объекты в надлежащий вид.

Значимые историко-культурные объекты, находящиеся в непосредственной близости от туристического комплекса и входящие в предлагаемый мною туристический маршрут, требуют неотлагательных мер по реставрации и благоустройству. Так, в д. Свадьбичи оставшиеся постройки от господского дома, а это три здания, полностью заброшены и бесхозны. Несколько лучше выглядит здание старой мельницы. Сохранились все старые механизмы, и мельница до сих пор работает на нужды местного хозяйства. Здесь, при малых затратах, все можно привести в надлежащий вид и использовать данный усадебный комплекс для туристических целей, как образец усадьбы помещика середины XX века.

У д. Соболи находится братская могила повстанцев-кассионеров 1865 года. Хотя сейчас она моими стараниями приведена в надлежащий вид, но данный памятник истории тоже бесхозен. История этого захоронения такова: здесь с апреля по май 1863 года в глухих лесах в сторону д. Детковичи базировался повстанческий отряд под командованием Р. Траугутта, в этой местности произошло три боя с царскими карателями. До наших дней каким-то чудом сохранилось единственное захоронение, напоминающее о тех далеких событиях.

Из исторических источников известно, что здесь до 1939 года стоял дубовый крест, есть и фото в архивах Березовского музея. Но в 1939 году с приходом «Советов» крест местными активистами был спилен. После этого захоронение было забыто. И только в 1990 году стараниями местных жителей захоронение было обустроено.

Наибольшую озабоченность сейчас вызывает усадебно-парковый комплекс у д. Сигневичи. Чудом сохранившийся деревянный господский дом и парк, после ухода местной больницы остались также бесхозными и пришли в полный упадок. Объект имеет большую историко-культурную ценность, поскольку это единственная сохранившаяся в крае деревянная усадьба конца XIX века, и она имеет богатое историческое прошлое. Здесь же находится старейший католический храм Березовщины. Построен он был Ю. Прозором в 1785 году. Сын Юзефа Король был руководителем восстания 1794 года и собрал для него около миллиона злотых, продав часть своих имений. Русская императрица Екатерина II отнесла его к числу «злостнейших бунтовщиков», а Сигневичи, возможно, были одним из центров восстания под предводительством Т. Костюшко. Здесь летом 1812 года прошел бой между французскими и русскими войсками, который затронул и д. Соболи.

Уникальный памятник народного деревянного зодчества находился в д. Черняково. Построен в 1725 году из дерева, ошалеван и накрыт гонтом. В 1868 году сделан иконостас и пристроен притвор. На данный момент реставрирован и действует как православная церковь. Все эти уникальные объекты находятся от будущего этнокомплекса в радиусе 6 км. К ним возможно проложить пешие, конные, велосипедные маршруты. А если привести в надлежащий вид р. Винец, можно проложить байдарочные маршруты до реки Ясельда.

Регион обладает богатейшим историко-культурным и природным потенциалом, и это открывает перспективу комплексу в развитии туристических маршрутов, не замыкаясь только на отведенной территории.

В данном регионе было два замка – в д. Запруды и д. Жабер и г. Здитов (не сохранились). Их архитектурный облик можно положить за основу здания музея. Данный доклад носит рекомендательный характер для проектировщиков комплекса, а также разъяснительный для некоторых СМИ, искаженно трактующих данный замысел. Саму деревню Соболи никто не дарил и не продавал. Она, как и сотни других неперспективных деревень, живет своей патриархальной жизнью. Но ей, как и другим близлежащим к комплексу, дается шанс («удочка, а не рыба»), чтобы не порождать иждивенческих настроений. Возможно, в будущем она превратится в музей под открытым небом. Проект для этого подготовлен, но ждет доработок и корректировок. Сейчас вторжение массового туриста может создать неудобства для стариков-пенсионеров.

На первом этапе возможно строительство ветряка (он существовал исторически) и водохранилища перед деревней. Это оживит вид с магистрали. В крае наметилась интересная тенденция. Уже обустроена д. Клетно бизнесменом из Санкт-Петербурга. В Соболях несколько другой подход и задачи. Сельскохозяйственные угодья будут использоваться как полигон для современного агрохозяйства. Старое и новое будет уживаться вместе, показывая этапы развития Полесской этногруппы.

Научные изыскания продолжаются по всем направлениям. Из последних интересных открытий – клад монет (1664 года выпуска, «боратинок»). На данный момент мною найдено более 1000 шт. Специалисты предполагают, что это часть армейской кассы, утерянной в ходе боевых действий того периода.

1664 год. Армии Речи Посполитой второй десяток лет ведут кровопролитные войны с могущественными соседями за существование своего государства, одновременно на две, а то и на три стороны. Ареной боевых действий становится и Великое княжество Литовское: с юга оно обороняется от казацкого «Потопа», с востока – от Московского княжества, с севера – от шведов. Измученные и вымотанные войска требуют жалования. Военная казна, предназначенная одному из армейских соединений, не доходит до адресата. По дороге от Виленского монетного двора она утоплена в реке Винец у деревни Соболи. Спустя три сотни лет деньги найдены.

Произошло это во время чистки и спрямления речки Винец в канал в 1975 г. Ковш экскаватора вместе с илом выбросил на поверхность тысячи красных медных кружочков. Деревенские дети набивали этими монетками карманы и использовали их для своих игр. Кое-кто из взрослых, нашедших монеты, обращался тогда в Березовский историко-революционный музей, но музейщиков находка не заинтересовала. А зря. Соболевский клад, назовем его так, является уникальным в археологии Беларуси. Во-первых, он состоял исключительно из монеток «боратинок». Во-вторых, все они – чеканки Виленского монетного двора. В-третьих, все датированы 1664 годом. И главное – все они в отличной сохранности, буквально, «только что с завода». Многие даже не потемнели за три сотни лет. Найти «боратинку» сегодня в принципе не сложно. Но, как правило, все они уже окисленные, стершиеся, «убитые» временем и людьми.

Что же за монета такая – «боратинка»? В конце 1750-х гг. в Речи Посполитой достиг пика финансово-экономический кризис. И в первую очередь выплаты долгов требовали армии ВКЛ и Короны. В это время в Варшаве заявляет о своей способности стабилизировать финансовую систему страны итальянец Тит Ливий Боратини. Согласно его плану, выйти из кризиса можно путем эмиссии медных солидов. Монетные дворы Речи Посполитой начинают штамповать солиды. А с целью увеличения эмиссионных тиражей в 1664 год открываются и новые монетные дворы – в Вильне, Бресте и Ковно. Всего в это время было отчеканено более миллиарда монет! Кроме того, их во множестве подделывали фальшивомонетчики. Медные солиды со временем получили название «боратинки» – по фамилии их создателя. И, к слову, результат их выпуска оказался прямо противоположным ожидавшемуся.

Окончательно прояснить, как оказалась немалая масса монет в реке у д. Соболи, сегодня не может никто. Исходя из особенности находки, можно лишь предположить, что монеты не были еще в употреблении и в момент потери направлялись из Виленского монетного двора получателю. Утеряны они были на пересечении старинной дороги Пружаны-Малеч-Антополь и реки Винец. В этом месте, на возвышенности, в те времена стоял деревянный мост. Кому предназначались монеты? Явно, это не был клад. Клады прячут под строениями, деревьями, на своих участках, но не в реке. И вряд ли клад мог состоять из монет, выпущенных одной партией. Наиболее реалистичная версия – это была военная казна, т.е. деньги должны были поступить в одну из армий ВКЛ в качестве денежного обеспечения. В какую именно армию – сейчас тоже практически невозможно вычислить. С казаками на Полесье было покончено еще в 1650-е годы г., а к 1664 году их оттеснили к Днепру. Война с Московией к этому времени тоже откатилась на Витебщину и Могилевщину. Согласно хроникам, на территории Березовского района в этот период отмечены два сражения. 15 января 1660 года около Малеча произошла битва отряда стражника ВКЛ Михаила Обуховича с войском русского воеводы Хованского. А в 1733 году была битва с московским отрядом около Сельца. Ни та, ни другая по датам не подходят. Может быть, «боратинки» предназначались для строительства Березовского монастыря картузов? Но прямой путь из Вильни в Березу лежал не через Соболи.

Ясно одно: на мосту у д. Соболи произошли какие-то драматические события. На отряд, перевозивший деньги, могло быть совершено нападение. Либо внутри его возникла ссора. В итоге деньги были брошены в реку. Или же кем-то припрятаны под мостом, да так и остались там. Думается, все-таки они были брошены в воду, потому что медь не окислена. Значит, монеты находились в бескислородной среде, погрузившись глубоко в ил. Летом 2012 г.

русло канала Винец было опять почищено и углублено. И на этом самом месте я насоби́рал еще с две сотни «боратинок». Любопытно, что у одной из них на реверсе отчеканен польский орел, в то время как на всех остальных герб «Погоня» ВКЛ.

Судьба «боратинок», растащенных детьми в 1970-е годы, увы, печальна. Они просто потеряны. И ценность они представляли бы, находясь вместе.

Граница леса и поля четко очерчена земляным валом, видно, что очень древним, в метр высотой. Я нашел на этом валу бронзовый нож. Если есть вал, логично, что должен быть и ров. Вероятно, за столетия сравнялся с землей. Вал – это оборонительное сооружение. А сохранившийся пяточок пущи находится на возвышенности среди окрестных болот, потому и укреплен. Вал, впрочем, мог выполнять дополнительную защитную функцию от паводковых вод. Здесь три раза за лето были археологи из института истории Национальной Академии Наук РБ. Изучив ближайшие возвышенности, они пришли к выводу, что в старину на них находились селища – небольшие поселения наших предков. Укрыться в труднодоступных болотах от врага – это было естественно и тогда, и не в столь давние времена.

Археологи Олег Иов и Вадим Белевец нашли здесь пласты культур каменного, бронзового и железного веков – керамику, железный наконечник стрелы. Известно, что славяне в этих местах появились лишь в VI-VII веках нашей эры. Ученые заняты сейчас обработкой найденного материала, и, думаю, мы с интересом ознакомимся с их окончательным и подробным заключением.

Так что же здесь было? Жители окрестных деревень называют это место Городище. Я склоняюсь к версии, что в часы опасности жители близлежащих селищ прятались здесь и использовали укрепленную гору как убежище, площадь внутри вала довольно внушительна. А по периметру мог стоять и частокол. Это могло быть капище – место поклонения языческим богам. Никаких каменных изваяний или валунов здесь нет, вероятно, в центре круга стоял деревянный идол.

Все это хорошо вписывается в картину, нарисованную сегодня учеными о тех давних временах: «Идея круга нашла свое отражение во всех типах славянских святилищ. Воплощена она и в так называемых малых городищах-святилищах. Они представляют собой небольшие (от 7 до 30 метров в диаметре) площадки, огороженные системой концентрических рвов и валов. Известны городища-святилища по всей территории славянского мира. Эти культовые памятники располагались на уединенных территориях, непригодных для ведения сельского хозяйства и защищенных естественными преградами. Основное место постройки подобных святилищ на территории Беларуси – острова сухой земли на болоте. Своеобразное положение определило названия ряда таких памятников – болотные городища. Сакральная сущность подобных городищ-святилищ заключалась, по-видимому, в убежище от действий злых сил. Удаленность и труднодоступность способствовали защите общины, построившей подобное убежище, не только от духовных, но и от физических противников. Как отмечал Б.А. Рыбаков, «несомненная их связь с культом подводно-подземных сил, «нижним миром», лучше всего выражена самим болотом», местом, на котором в основном и располагались подобные памятники.

Я рассчитываю, что найденный мной археологический памятник под условным названием «Многофункциональное городище-капище» прекрасно впишется в туристический культурно-этнографический комплекс «Наш родны кут Сабалі». Естественная эстетика природы при искусной доработке получит еще и культурный компонент. В дубраве лишь нужно поставить беседки для туристов, указатель на гору и сделать деревянный пантеон славянских богов – вокруг капища либо вдоль дорожки, ведущей к нему. Все это для туристов, ведь по тропинкам дубравы пройдет лыжероллерная трасса, а заодно можно посмотреть достопримечательность. В другом месте можно будет сделать реконструкцию городища – как оно выглядело тысячу лет тому. Но это пока планы.

Полесской этногруппе уготована судьба ассимиляции более сильными этносами. Идет процесс глобализации, урбанизации, выстоять и сохранить свою самобытность практически невозможно. Но народ-созидатель имеет право на свою резервацию или музей. Полесье, по мнению многих ученых, колыбель славянства. Уже первые упоминания о нем Геродота свидетельствуют, что здесь был высокий уровень цивилизации, но разобщенность по причине болотистой местности мешала объединению и созданию административных центров и его государственности. Но, тем не менее, при любых системах Полесье сохранило свою культурную самобытность. Доказательство этому – еще сохранившаяся в деревнях полесская «микромова», на которой говорят и поныне более 1 млн. чел., народная архитектура, ремесла, быт. Отсюда вышел сильный генофонд, обогативший другие культуры. Это – Костюшко, Немцевич, Орда, Достоевский, Кричевский, Крашевский, Туровский, Скирмунты, Голда Меир, Бегин, Войцман и многие другие.

Именно Полесье сохранило для мира дивные природные уголки: Беловежскую Пущу и Полесские болота, Белую Вежу. Государственные музеи, а их на Брестчине более 20, не отражают в полной мере ту богатейшую культуру и историю полешуков, для этого нужен музей-скансен. Это музей под открытым небом, где будет представлена архитектура, быт и ремесла в живой среде. Все это будет жить, работать и каждый зритель будет участником этих действий, а не смотреть как на кладбище предметов за витринами музейных экспозиций. Уже на созданной мною музейной усадьбе советско-колхозного периода отработаны приемы ведения экскурсных мероприятий, где каждый посетитель, соприкасаясь с историей своих предков, становится как бы участником всех трудовых процессов. Каждый может поработать на жерновах, сечкарне, в кузне, столярке, попробовать себя в народных промыслах. Ребенок может пописать перьевой ручкой, поиграть в народные игры. Все это в век гиподинамии пробуждает интерес и желание к физическому труду. Сейчас же, нещадно эксплуатируя природные ресурсы и засоряя тем самым среду своего обитания, человек может усвоить уроки прошлого, сделать определенные выводы. Пример в этом направлении показала человечеству Япония и Финляндия, где старое не выбрасывается, а помогает двигаться поэтапно вперед. Еще не поздно переориентировать поколение «next» на свои патриархальные ценности и не искать счастья

в чужих землях. То наследие, веками выработанное нашими предками, мы как-то и не замечаем, молясь чужим ценностям и богам. Комплекс неполноценности до сих пор довлеет над нами.

Мировую общественность интересует именно автэнтоника места. И тут задача сохранить свое. Хотелось бы процитировать слова П. Машерова: «Полешук – это белорус со знаком качества». И сейчас Полесье дает нашему молодому государству мощный генофонд.

Пришло время «собрать камни», без всякого сепаратизма, на своих местах, по мере возможности отстраивать свою страну. Возродить Киевскую Русь, ВКЛ, Речь Посполиту – это утопия, а вот обустроить наш кут – в наших силах.

Итак, что же предпринимается в этом направлении? Комплекс «Наш родны кут Сабалі» – это маленький кусочек нашей Беларуси и то, что здесь имеется. Как это обустроить и подать под своим брендом – задача, которую решит планируемый комплекс. Он же затронет и смежные с ним территории. В каком состоянии находятся данные территории, описано в книгах и публикациях А. Козловича – уроженца этих мест. Мои комментарии здесь излишни. Хотя мы здесь все в ответе, как и оккупанты, завладевавшие этими землями. А эти земли видели варяг и монголо-татар, шведов, крестоносцев, французов, Первую и Вторую мировую войны. И во время этих катаклизмов полешук выживал, сеял и кормил разные армии, сохраняя свою самобытность, хотя привнесенная чужая культура его обогащала.

Печально констатировать тот факт, что наше художественное наследие уходит за рубеж. Мне, как художнику, пришлось ощутить на себе и по моим коллегам, когда лучшие работы пришлось продавать за рубеж. А ведь у нас была своя западно-полеская художественная школа иконописи и живописи и ее современные продолжатели: Шишкин, Рудчик, Соболевский, Ващук, Крупский, Козак, Желудко, Чурабо, Селещук и др. Все их лучшие работы уже за рубежом. Возможно, у нас на Полесье появятся свои Третьяковы, Мамонтовы, Скимунты, которые спасут это наследие, сконцентрировав в одну коллекцию, создав видеоряд своих достопримечательностей и героев.

Возможно, туристический комплекс «Соболи» решит и эту проблему. Много объектов народной архитектуры по региону, хотя и взяты под охрану государства, находятся в бедственном состоянии. Много еще не выявлено. В этом направлении работает кафедра «Архитектурное проектирование и рисунок» БрГТУ, исследуя все это, проводя конференции, волонтерские работы, обмеры, но она не в состоянии спасти это наследие. Возможно, и эту проблему будет решать этнокомплекс, перевезя их в одно место, где в комплексе под охраной и заботой приобретут они достойное место.

Пора отойти от такого понятия – «все наше, все колхозное», ибо этот подход привел к печальным результатам, которые мы видим наяву. Вот наглядные примеры: усадьба Прозоровских в Сигневичах и ряд ей подобных объектов. Указ Президента РБ о наведении порядка на селе местные власти трактуют по-своему – «нет объекта – нет проблем», поэтому скоро мы не увидим ничего исторически ценного, что «портит вид населенных пунктов». И если не принять конкретных мер, мы останемся только с «красивыми новоделами».

Будущее питается прошлым. Если мы в это прошлое «сейчас выстрелим из пистолета, завтра оно в нас выстрелит из пушки». Спасая его, мы спасем и себя и будущее поколение.

Также в этом году издана книга «Голоса Берестейщины» по результатам изучения фольклора в данном регионе и непосредственно в д. Соболи.

Результаты всех исследований еще будут обобщаться и анализироваться. Но уже проделана немалая подготовительная работа к реализации этого проекта. В частности, заключен инвестиционный договор с Брестским облисполкомом. Комиссия Березовского исполкома подписала акт выбора земельного участка для дальнейшего проектирования и строительства. Акт выбора будет отправлен на согласование в Брестский облисполком, после чего можно будет начинать проектирование и подготовительные строительные работы. Параллельно специалисты провели геологические испытания. Проведена санитарная чистка лесного массива. Зима станет временем проектирования и возможных согласований. Итак, главная цель – это развитие туристической инфраструктуры и привлечение инвестиций на Брестчину.

Список цитированных источников

1. Свод памятников культуры Брестской области. – Мн., 1990. – 125 с.
2. Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины. – Мн., 2006. – С. 21-204.

УДК 725.1(476)
Залеская Г.Л.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Развитие техники, технологии производства, а затем наращивание промышленного производства породили индустриальную культуру, эпоха которой завершилась, но ее присутствие в мировой культуре, в том числе и в белорусской, неоспоримо. Деиндустриализация была вызвана смещением приоритетов общества от производственной в сторону непроизводственной сферы. В связи с этим предприятия в традиционно промышленных районах, формировавшие их жизнь и развитие, сократили свое производство и в конечном итоге закрылись, а их материальные составляющие пришли в упадок.

Материальное наследие индустриального периода ценится, прежде всего, как документальное доказательство исключительности этого периода в истории. Само понятие «индустриальное наследие» возникло относительно недавно. В Великобритании создан Международный комитет по сохранению индустриального наследия (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage (TICCIH)) как общественная организация жителей индустриальных центров в 1960-х годах, которая выступала за сохранение промышленных объектов как исто-

рико-культурных памятников и важных элементов социокультурной среды обитания современного общества. Россия вошла в Международный комитет по сохранению индустриального наследия в 1994 г. [1, с. 211].

Для зарубежного мирового опыта индустриальное наследие – это, в первую очередь, памятники массового индустриального производства, относящиеся к периоду с конца XVIII и до середины XX вв.: предприятия, вокзалы, энергетические объекты, а также агрегаты и механизмы, построенные как по индивидуальным, так и по массовым проектам. В основном объект начинают относить к индустриальному наследию, как только он перестает работать по назначению. Оборудование становится индустриальным наследием, когда его технологии устаревают. В настоящее время к индустриальному наследию принято относить оборудование, произведенное до перемен в послевоенном мире в 1950–1960-е гг. Все, что было создано после этого времени, считается постиндустриальным.

В самом общем понимании индустриального наследия к его объектам относятся сооружения и оборудование в соответствии со следующими функциями: а) производственными (мастерские, металлургические заводы и фабрики, шахты и те места, в которых есть какое-либо производство); б) складскими (для хранения сырья, полуфабрикатов и готовой продукции); в) энергетическими (места, где энергия генерируется, передается и используется, включая энергию падающей воды); г) транспортными (пассажирские и грузовые транспортные средства и их инфраструктура, состоящая из железнодорожных путей, портов, дорог и аэровокзалов); д) социальными (места поселения рабочих, школы, церкви, больницы при фабриках и т. д.).

С другой стороны, объекты индустриальной культуры – это объекты, сохраняющие, воссоздающие или имитирующие свойства, состояния, развитие ландшафта, которые связаны с научно-технической, инженерной, производственной, транспортной деятельностью человека и имеют ту или иную историческую и эстетическую ценность. Следовательно, к индустриальному наследию следует относить значительно более широкий перечень объектов, которые свидетельствуют о влиянии науки и техники, технологии на формирование материальной среды жизнедеятельности человека. Например, гидротехнические сооружения и заводские пруды, которые были неотъемлемой частью любого завода в период, когда основным источником энергии была энергия водного потока, инженерные сооружения различных производств, например, трубы, опоры, этажерки, эстакады, путепроводы. Отдельное внимание следует уделить индустриальным ландшафтам.

Индустриальное наследие, являясь частью материального культурного наследия, определяется как «совокупность строений и артефактов, произведенных обществом с использованием труда и считающихся достаточно важными для сохранения их для будущих поколений» [2, с. 44]. В этом случае такие критерии, как эстетичность и уникальность, отходят на второй план. Изучение и восстановление индустриального наследия помогает понять индустриализацию – один из наиболее значительных периодов в истории каждой страны.

Существует и ряд проблем. Первая из них – инвентаризация и кадастр объектов индустриального наследия и насыщенных ими промышленных зон. Хотя такая работа и достаточно громоздка, она сопряжена с работой технического характера, поскольку в краеведении, архитектуре и градостроительстве накоплена необходимая информация значительной части объектов индустриального наследия и содержащих их промышленных зонах. Вторая проблема значительно более сложна – разработка и развитие нормативной базы для охраны и заповедания объектов индустриального наследия и промышленных ландшафтов. Третья актуальная проблема охраны и заповедания индустриальных объектов – комплексный подход, и в ее решении закономерно участие как архитекторов и градостроителей, так и ландшафтоведов, географов, историков, культурологов.

Для Беларуси расцвет индустриального периода пришелся на вторую половину XX века, причём в нашем обществе понимания уникальности опыта отечественной промышленной архитектуры, к сожалению, не сложилось. Тем не менее, мировое движение в мире по сохранению объектов индустриального наследия определяются необходимостью донести до современного общества и потомков материальную среду в качестве напоминания о технологии, производстве и рабочем классе.

Список цитированных источников

1. Запарий, В.В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) / В.В. Запарий // Экономическая история. Вып. 13 / Под ред. Л.И. Бородинки. М., 2007. – С. 211–217.
2. Тютюник, Ю.Г. Объекты индустриальной культуры и ландшафт / Ю.Г. Тютюник; Предисл. В.М. Пашенко. – К.: Издательско-печатный комплекс Университета «Украина», 2007. – 152 с.

УДК 712(476)

Кабачева М.В., Пузеев А.А.

АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ НЕСВИЖА

В данной работе сделана попытка проанализировать характеристики одного из главных пространств Несвижа, образованного природным ландшафтом, водоемами и архитектурными доминантами старого города, с целью сохранения сложившегося природного ландшафта.

1. Первые летописные упоминания о городе Несвиже относятся к XIII веку. С XV в. небольшое поселение на берегу речки Уша с переходом во владение княжеского рода Радзивиллов начинает активно развиваться и приобретает черты европейского города.

На примере архитектуры Несвижа можно видеть, как особенности рельефа отражались на прокладке улиц, выборе мест для возведения каменных зданий и оборонительных укреплений в XVI–XVII веках, и как на протяжении

столетий мало изменялась его пространственная структура. Живописное природное окружение и ценные исторические памятники архитектуры придают городу индивидуальный и незабываемый облик (рисунки 1-3).

Рисунок 1 – Вид на центр города с высоты птичьего полета

Рисунок 2 – Вид центра города со спуска к видовой точке А (согласно рисунку 6)

Рисунок 3 – Панорама города

Проведенные во второй половине XX в. натурные и документальные исследования историко-культурного наследия Несвижа выявили на территории города остатки городских валов и оборонительных укреплений, принесли много информации о несохранившихся архитектурных объектах.

Собранная богатейшая информация позволила архитекторам БелНИИГрадостроительства разработать концепцию развития города, основанную на регенерации исторического центра и сохранении окружающего его природного ландшафта (рисунок 4).

Древний Несвиж обладает высоким туристско-рекреационным потенциалом, поэтому в генеральном плане отражены не только вопросы обеспечения комфортной среды для жителей города, но и рациональные связи городского центра с изолированными от жилых районов автомобильными стоянками и подцентрами по обслуживанию туристов. Градостроительным планом определена стратегия создания туристско-рекреационных комплексов и объектов для более продолжительного пребывания отдыхающих на территории города-заповедника. Допускается возможность строительства объекта курортно-оздоровительного характера, место для которого в рекреационной структуре пока не определено (рисунок 5, 6).

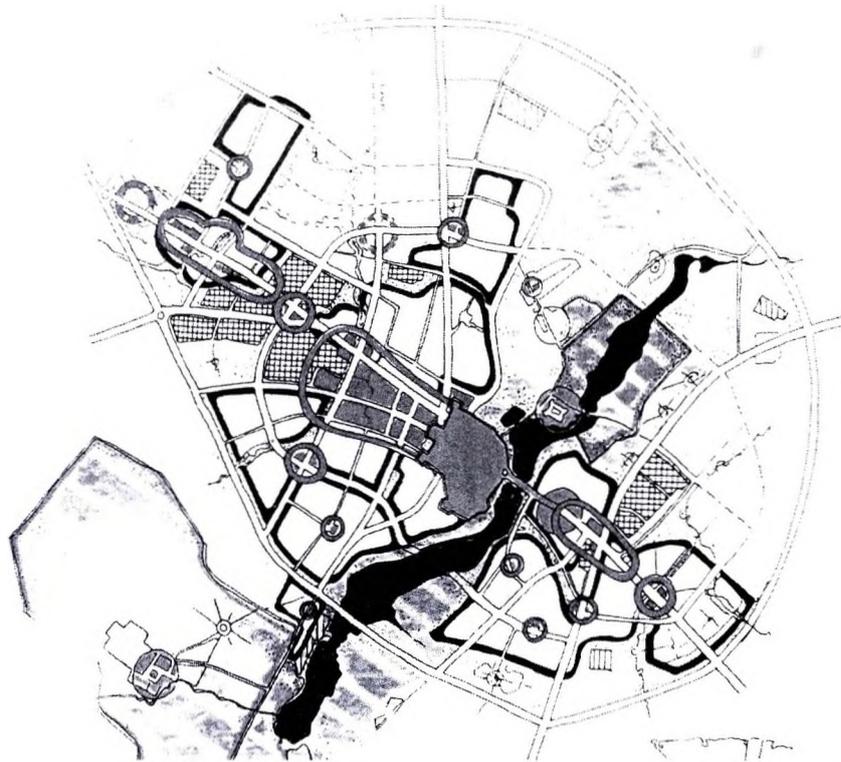

Рисунок 4 – Концепция планировочной организации Несвижа. Схема генерального плана. Архитектор О. Лабоцкая. БелНИИГрадостроительства, 2003 г.

Условные обозначения: А – Исторический парк «Альба»; Б – территория города

Рисунок 5 – Проектное предложение архитектурно-ландшафтной организации рекреационной системы в городе Несвиже на основе историко-культурных и природных ресурсов. Фрагмент дипломного проекта И. Гавриленко, 2007 г.

Таблица 1 – Характеристика зданий и отдельных участков, расположенных на территории исторического центра г. Несвижа и охраняемого природного ландшафта

№ п/п	Название объекта	Высота, м	Высотные отметки
1	Замок	32	192
2	Костел	45	184
3	Ратуша	45	184
4	Бенедиктинский монастырь	36	187
5	Слуцкая брама	10	191
6	Строящаяся православная церковь	32	
7	Дворец культуры	16	189
8	Здания поместья XIX в.	10-12	185
9	Сельское кладбище (деревья)	До 25	186
10	Идеальное место в ландшафтном пространстве для размещения доминанты		
11	Приемлемая по регламентам и визуальным связям зона для строительства рекреационного комплекса		
12	Проект: Администрация парка «Альба», Центр обслуживания транзитных туристов и т.п		
13	Существующая элитная коттеджная застройка в зоне охраняемого ландшафта		

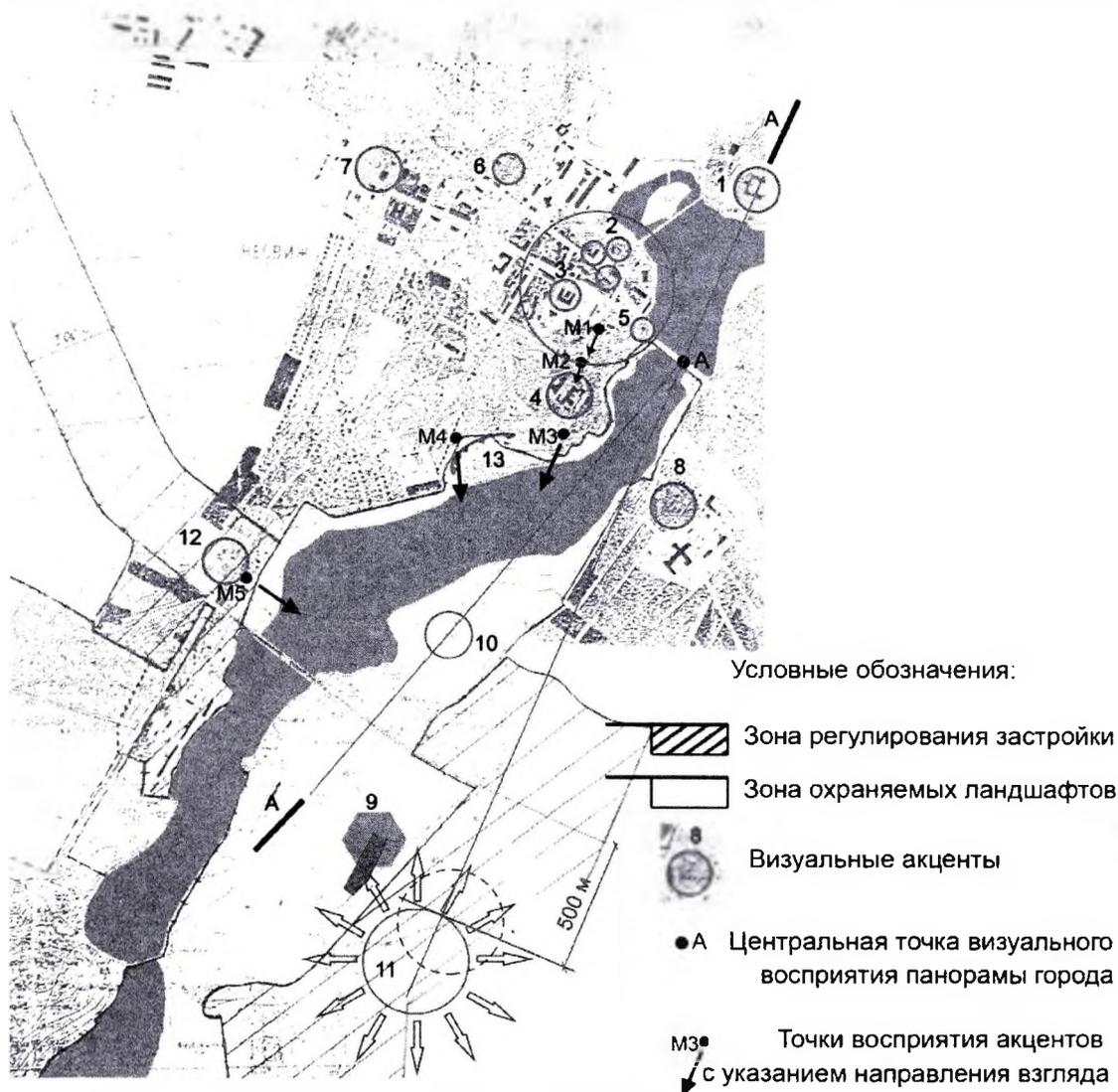

Рисунок 6 – Схема генплана Несвижа с указанием территорий охраняемых ландшафтов и зон регулируемой застройки (Архитектор Л. Луцевич, 2003 г.)

По издавна сложившимся дорожными маршрутам с севера, запада и юго-запада можно попасть в центр города по трем дорогам, сливающимся в одну улицу; с востока – по одной старинной (улица Слуцкая) и по новой объездной (обе проходят по дамбам, создающим обширные водоемы в пойме реки Уша) (рисунки 3-6).

Знакомство с городом начинается с восприятия и изучения окружающего пригородного ландшафта.

При въезде в город с западного направления (со стороны городского поселка Городея) в районе поселка Рудавка дорога проходит по вершине самого высокого изо всех окружающих город холмов. Путешественник поражается виду, возникшему перед глазами прямо по оси дороги: на фоне светлого утреннего неба далеко за городом, высится силуэт горы (!) правильной формы. Это один из многочисленных холмов Копыльской моренной гряды на плато водораздела, и называется он в народе Михальская гора. Туристам из боковых окон автобуса такую красоту не увидеть – вот и повод подумать о том, как донести эту красоту до каждого современного группового туриста.

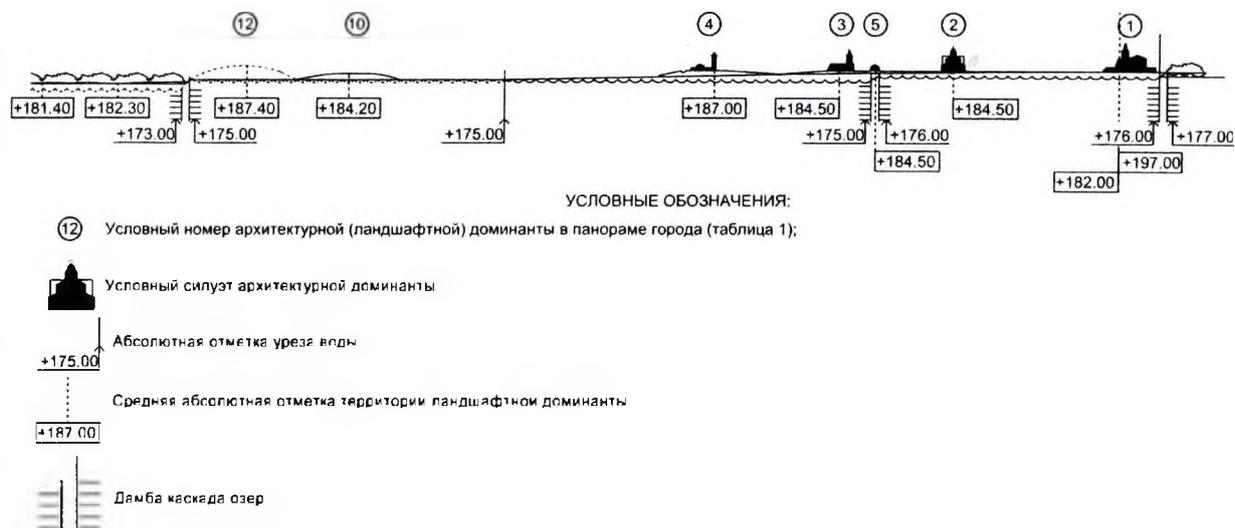

Рисунок 7 – Схема панорамы с условным разрезом

Видение было прекрасным, но начался спуск в долину к городу-музею, городу-сказке...

Оценка незнакомого города как объекта восприятия происходит с позиций целевых установок (у туристов они в основном одинаковы), и только воздействие собственной атмосферы города ощущается каждым человеком индивидуально с самого начала знакомства с ним. Если информацию о здании, памятнике или событии можно получить из музейных экспонатов, книг и повествований, то оценить и почувствовать качества окружающего пространства человек может самостоятельно даже на бессознательном уровне и без чьей-то подсказки. Почувствовать «дух» исторического города не мешает даже непогода в самых разных своих проявлениях. Главное, чтобы человек был настроен на положительное восприятие объекта.

В старинном городе надо провести зрителя-туриста по тем «волшебным» местам, где он сможет впитать красоту панорам и перспектив, ощутить благодатное воздействие окружения не только духовно, но и физически.

Надо только направить зрителя в «сакральную точку» градостроительного ансамбля – особо ценное с позиций психоэмоционального восприятия место. Одно из таких мест – пространство между старым и новым городом, образованное природным ландшафтом, водоемами и архитектурными доминантами старого города – видовая точка «А» на мосту через речку Уша (Рисунок 6, объект № 1). На свободном пространстве можно почувствовать свободу, свет, радость и ощутить красоту мироздания...

Кто и какими средствами создал такое символически сакральное пространство? Чем сформировано это волшебное пространство?

2. Характеристика панорамных видов из точки А.

Находясь в центре данного пространства, мы видим на северном направлении главный элемент композиции – светлый каменный замок XVI века в стиле барокко. На северном берегу Иванова пруда, образовавшегося после сооружения дамбы поперек речки, на расстоянии 700 м от зрителя он возвышается на холме, искусственно увеличенном подсыпкой до отметки 192 м (рисунок 8).

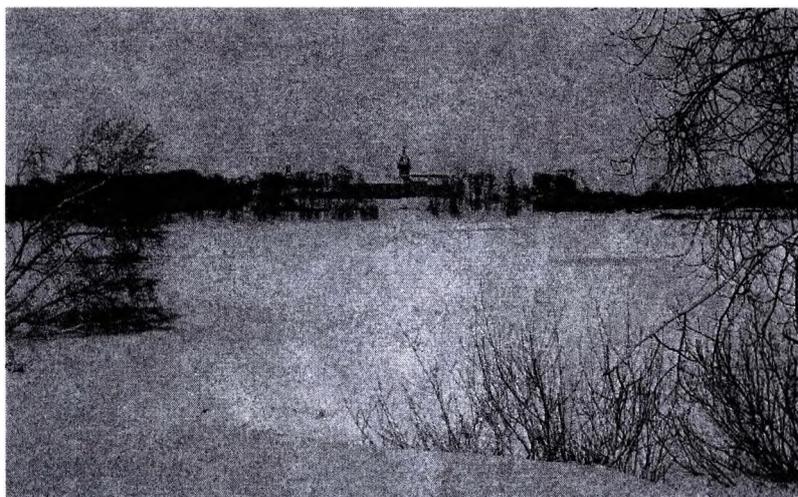

Рисунок 8 – Вид на замок

Панорама природного ландшафта в противоположном, юго-западном, направлении сформирована водной гладью пруда Девичьего, далекой узкой полоской объездного шоссе на фоне невысокой растительности, темным пятном древесного массива (рисунок 6, объект №9) и незастроенным относительно невысоким холмом на переднем плане (рисунок 6, объект №10) (рисунок 9).

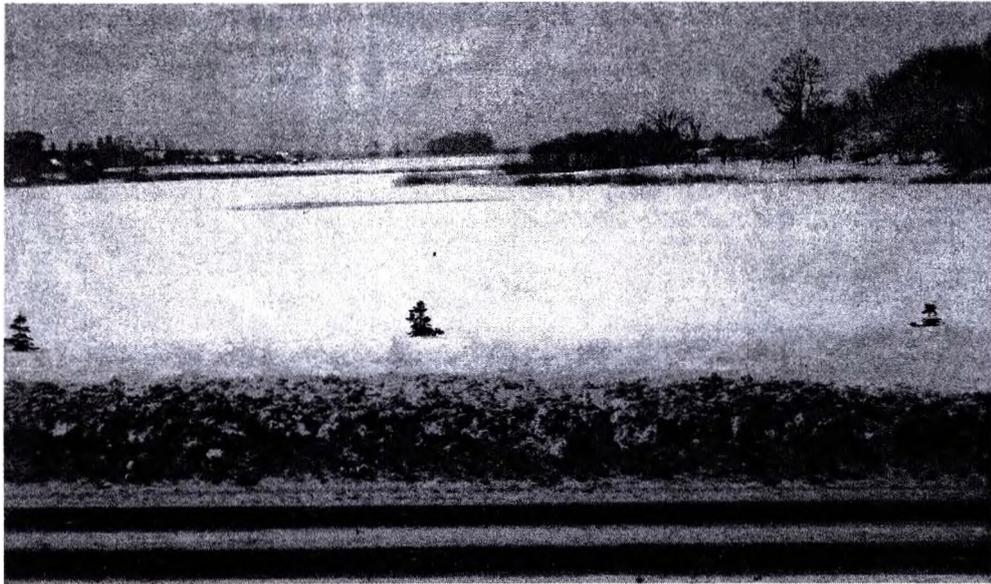

Рисунок 9 – Вид на древесный массив (объект №9 согласно рисунку 6)

Расположенный на расстоянии 1300 м от точки А холм (рисунок 6, объект №10) представляет собой очень ценную с точки зрения градостроительной композиции точку (рисунки 10, 11). Но этот холм внесен в зону охраняемого ландшафта памятника истории и культуры «Лесопарк Альба» именно для того, чтобы сохранить характер первоначального ландшафта.

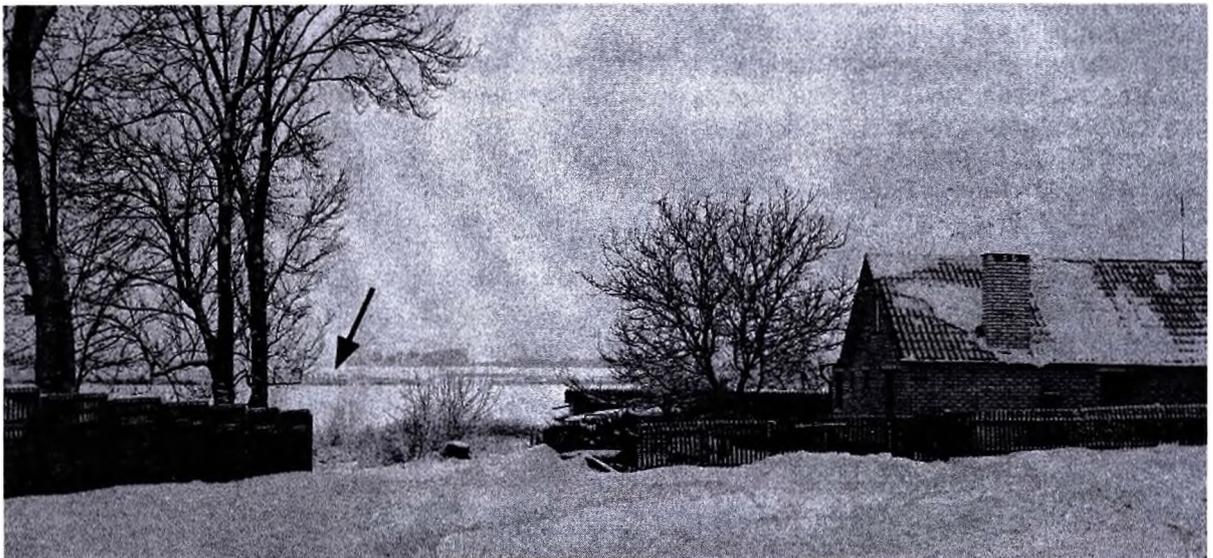

Рисунок 10 – Вид на холм (объект №10 согласно рисунку 6)

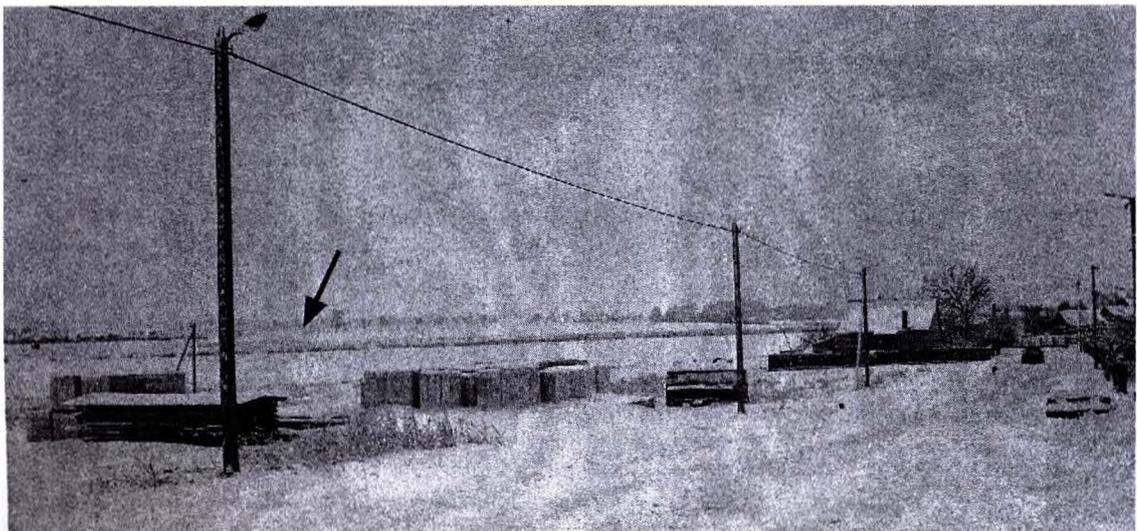

Рисунок 11 – Вид на холм (объект №10 согласно рисунку 6)

В западном направлении от фронтального пейзажа расположились прибрежные зеленые массивы, а за ними на холме справа – здания Бенедиктинского монастыря (рисунок 6, объект №4) (рисунки 12, 13).

Рисунок 12 – Вид на Бенардинский монастырь

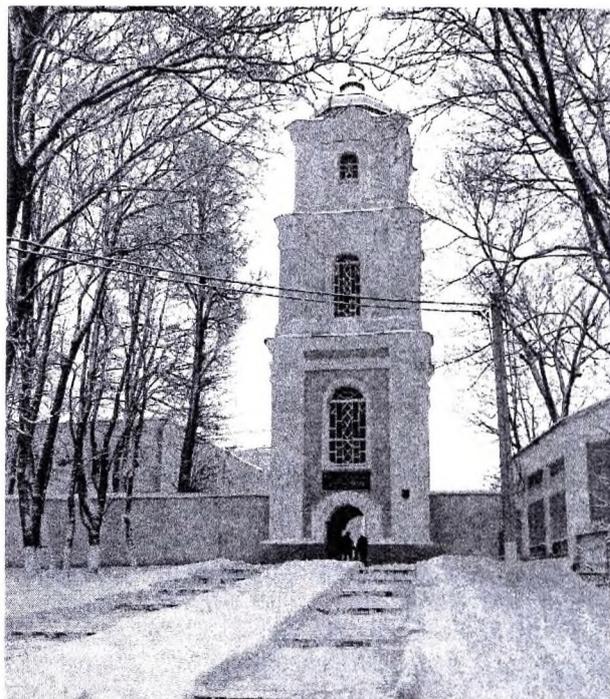

Рисунок 13 – Вид на Бенардинский монастырь

С восточной стороны вдоль улицы и берега взбегают на ближайший холм (рисунок 6, объект №8) одиночные деревья и сады, скрывающие жилые домики и здания старинного поместья.

Акцентом во фронтальной композиции (рисунок 9) является плотная высокая группа деревьев на территории кладбища у пригородной деревни Войниловичи.

Она также расположена на холме на расстоянии от видовой точки А в 2 км.

Эта группа как будто «держит» на себе все обширное пространство.

Следует отметить, что деревья простых высокорослых видов были высажены здесь 90–100 лет назад. С течением времени эта группа из старых тонких деревьев может исчезнуть сама по себе, но в связи с нашими активными действиями по благоустройству и поддержанию порядка и обеспечению безопасности на кладбищах это произойдет в недалеком будущем. Поэтому необходимо подумать о заблаговременном замещении главного элемента данной эстетически ценной пространственной композиции с учетом масштабов, пропорциональных соотношений, а также нормативных требований к охране исторических рекреационных ландшафтов.

Как вариант предлагается ввести в глубинно-пространственную композицию данной части ландшафта архитектурный объект, который сможет ненавязчиво поддержать имеющийся акцентный силуэт на линии горизонта, а в дальнейшем превратиться в самостоятельную доминанту в этом силуэте (рисунок 6, объект № 11). Таким объектом может быть комплекс курортно-рекреационного назначения с санаторием для лечения отдыхающих с сердечно-сосудистыми или опорно-двигательными заболеваниями.

Этот комплекс не только рационально впишется в планировочную структуру города и пригорода (продление автобусного маршрута №1), но и позволит решить существующую проблему с трудоустройством большого количества населения города и окрестных поселков. Комплекс может занять 7–8 га с нагрузкой на участок 100–120 чел/га в зоне регулирования застройки и в соответствии с градостроительными регламентами. Особенности рельефа на предполагаемом участке позволяют создать довольно высокий архитектурный объект, с верхних этажей которого можно будет наблюдать панорамный вид города, пруд Альбянский, озеро Свитязь и парк «Альба», холмы копыльской возвышенности и прекрасные сельские пейзажи. Даже отдаленная Михальская гора (в некоторых источниках ее называют Ангельской, Николаевой) будет пробуждать фантазию и завораживать своей таинственностью.

Парк-заповедник «Альба» станет весьма притягательным для отдыхающих объектом с различными лечебными и ознакомительными маршрутами. Главное условие, которое надо соблюдать при разработке туристских маршрутов, это не создавать избыточную транспортную нагрузку на главную аллею парка, которая является продолжением городской улицы К. Либкнехта.

На пересечении кольцевой дороги с улицей К. Либкнехта (бывшей Клецкой) на самом высоком холме (рисунок 6, объект №12, отметка 187 м) можно разместить высокий корпус административного управления туристско-рекреационного комплекса, включить объекты для обслуживания транзитных и активных мобильных туристов, а также организовать дополнительный въезд в город с южного направления. Здесь же можно запроектировать основные административно-хозяйственные службы загородного парка «Альба», которые будут обеспечивать конные и пешие прогулки по парку и городу.

Студенты-архитекторы БНТУ предложили ввести в пространственную композицию Несвижа еще одну доминанту недалеко от исторического центра города при реконструкции Районного дома культуры (рис. 6, объект №7) (рис. 14).

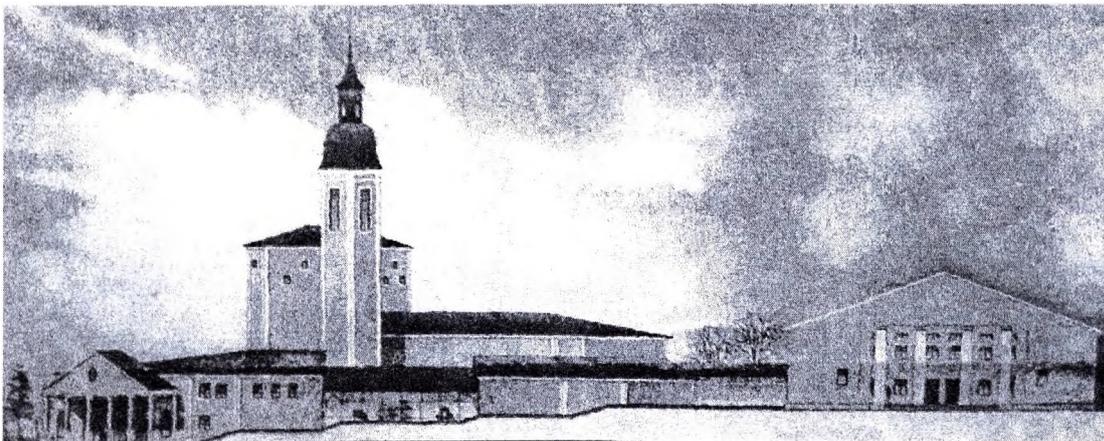

Рисунок 14 – Предложение по реконструкции Дворца Культуры

Выводы:

1. Взаимоотношения природного и урбанизированного ландшафтов в городе Несвиже оцениваются довольно высоко, так как они формировались в результате продолжительной и плодотворной работы администрации, проектировщиков, исследователей и исполнителей всех уровней.

2. Необходимо осуществлять мониторинг состояния природно-ландшафтного каркаса Несвижа и развивать доступную систему пешего и конного туризма в охраняемых ландшафтных территориях.

3. Поскольку в настоящее время в Несвиже преобладает туризм в виде однодневных программ, следует развивать систему культурно-познавательного туризма с продолжительным отдыхом в мотелях и сельских усадьбах.

Список цитированных источников

1. Городская среда: Технология развития: Настольная книга / Академия городской среды; под ред. В.Л. Глазычева – М. Ладыя, 1995 – 239 с.

2. Малые города Беларуси: пособие проектировщику / Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь Научно-проектное республиканское унитарное предприятие "БелНИИПградостроительства" Э.Н. Клевко [и др.]. – Минск: Минский проект, 2006. – 192 с., [1] л. табл.

3. Потаев, Г.А. Рекреационные ландшафты: охрана и формирование / Г.А. Потаев. – Мн.: Университетское, 1996. – 160 с.

4. Градостроительство. Населенные Пункты. Нормы планировки и застройки: ТКП 45-3.01-116-2008 (02250) – Минск: Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2008.

5. Шимко, В.Т. Архитектурное формирование городской среды / В.Т. Шимко. – М.: Высшая школа, 1990. – 223 с.

УДК [623.1+338.48] (476)

Кароза А.И.

ТИПОЛОГИЯ СОХРАНИВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ И ОБЪЕКТОВ ТУРИСТСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ, СОЗДАВАЕМОЙ НА ИХ ОСНОВЕ

Возможности использования исторических фортификационных сооружений в системе туризма. Фортификационные сооружения Беларуси: остатки земляных укреплений различных эпох, башня-донжон, замки и древние крепости, укрепленные культовые сооружения, крепости XIX века с фортами, сооружения укрепрайонов XX века – являются частью мирового наследия. Они обладают исторической, культурной, художественной, научно-познавательной, природной ценностью. Как объекты историко-культурного наследия, белорусские фортификационные сооружения нуждаются в сохранении, включении их в современную жизнь общества и обеспечении доступа к ним широких слоев населения. Одно из наиболее эффективных направлений современного использования исторических фортификаций – всестороннее включение их в сферу туризма.

Фортификационные сооружения Беларуси могут служить ресурсом познавательного, развлекательного, ностальгического туризма. В самостоятельное направление выделился форт-туризм – разновидность туризма, основной целью которого является посещение и изучение фортификационных сооружений. Во всем мире набирает популярность военный туризм.

В поддержку развития туризма на основе памятников оборонного зодчества принят ряд государственных программ. Определяющие данное направление следующие: программа устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., национальная программа развития туризма на 2011-2015 гг., государственные программы по сохранению историко-культурного наследия. Программа «Замки Беларуси» включает 38 объектов (замки и земляные укрепления). Утверждена программа развития специального туристско-рекреационного парка «Августовский канал», в границы которого входят три форта гродненской крепости и несколько сооружений 62 Гродненского укрепрайона. В Бресте стартовал проект «Брест 2019» с целью разработки конкретного решения дальнейшего развития Брестской крепости и прилегающих территорий, планируется создание Фонда развития Брестской крепости. Ведутся работы по восстановлению Бобруйской крепости, организации на её основе объектов туризма. Многие памятники фортификационного зодчества включены в «Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь», что даёт правовую основу для их охраны.

Несмотря на положительные изменения в государственной политике по отношению к объектам историко-культурного наследия и желание государства активизировать туристский рынок, потенциал исторических фортификационных сооружений Беларуси используется недостаточно. Из более сотни сохранившихся исторических фортификационных сооружений Беларуси в сфере туризма используются 17 объектов: Каменецкая башня-донжон, городище в г. Заславль, старый и новый замки в г. Гродно, замки в г.п. Мир, г. Несвиж, г. Лида, г. Новогрудок, г.п. Любча, частично Брестская и Бобруйская крепости, отдельные сооружения Полоцкого и Минского укрепрайонов, один из форт-Гродненской крепости. Остальные объекты не используются вовсе либо функционируют как хозяйственные строения. Наиболее удачными примерами использования фортификаций в системе туризма являются замки в Гродно, Мире, Несвиже, Каменецкая вежа, Брестская крепость, ИКК «Линия Сталина».

К сожалению, большинство из них используются только как музеи, ряд памятников (Крево, Смоляны, Гольшаны и др.) включены в туристские маршруты без комплексного развития туристской инфраструктуры, отвечающей разнообразным потребностям туристов. Все сохранившиеся культовые сооружения оборонного типа, кроме синагоги в г. Быхове, используются как действующие церкви и костёлы. Многие объекты пустуют и посещаются туристами стихийно, что не способствует их сохранности. Это делает исторические фортификационные сооружения Беларуси неконкурентоспособными на рынке туризма и непривлекательными для иностранных и отечественных туристов.

Можно выделить 6 типов современного туристского использования исторических фортификационных сооружений, сохранившихся на территории Беларуси:

1. Объекты экскурсионного показа (например, замки в Гольшанах, Смолянах, городище в Заславле).
2. Мемориалы (Брестская крепость).
3. Музейные экспозиции (замки в Гродно).
4. Культурно-развлекательные комплексы (Мирский, Несвижский замки).
5. Физкультурно-оздоровительные комплексы (Бобруйская крепость, дом-крепость в Гайтюнишках, правда, закрытого типа).
6. Многопрофильные комплексы (ИКК «Линия Сталина»).

Данную типологию использования исторических фортификаций в системе туризма могут дополнить и другие типы туристских объектов, такие как гостиницы, культурно-просветительские, образовательные учреждения, рекреационные.

Всё вышеизложенное говорит о необходимости разработки научно-обоснованных рекомендаций по архитектурно-планировочной организации на основе исторических фортификационных объектов туристской инфраструктуры и туристских комплексов, отвечающих требованиям сохранности исторического наследия и запросам отечественных и зарубежных туристов.

Для разработки конкретных требований и рекомендаций к архитектурно-планировочной организации туристских комплексов на основе исторических фортификационных сооружений необходимо выявить характерные черты всех исторических сооружений и их современного использования в системе туризма. Также необходимо разработать их типологию согласно целям исследования – возможности использования фортификационного наследия в качестве объектов туризма и организации на его основе туристской инфраструктуры. Для вынесения предложений по организации туристских комплексов, создаваемых на основе исторических фортификаций, необходимо изучить сами фортификационные сооружения: историю их создания и развития, степень сохранности, современное использование, условия размещения в плане населённого пункта, занимаемую площадь. Поскольку исторически фортификация Беларуси развивалась в общеевропейском контексте, то проведение классификации по историческим типам сооружений и рассмотрение исторических этапов их развития не требуется. Данная работа уже проведена другими отечественными и зарубежными исследователями (Шперк, Яковлев, Ткачёв, Кулагин).

Наибольший интерес для дальнейшей разработки типологии туристских комплексов и выдвижения рекомендаций по их организации имеет определение существующих объёмно-пространственных характеристик. По названному признаку (критерию) сохранившиеся фортификационные сооружения Беларуси можно разделить на следующие категории:

1. Фортификационные сооружения в составе других объектов историко-культурного наследия – к этой группе относятся памятники архитектуры, имеющие отличное от оборонного функциональное назначение (усадьбы, дворцовые комплексы), в структуре которых сохранились элементы фортификаций. Наиболее известный объект данной категории – Несвижский дворцово-парковый комплекс.
2. Земляные фортификационные сооружения – древние городища, земляные укрепления полностью разрушенных сооружений других типов. Примером может служить Верхний замок в г. Полоцке, городище в г. Заславль.
3. Руины – исторические фортификационные сооружения, находящиеся в полностью руинированном состоянии. К этой категории можно отнести остатки замков в Новогрудке, Крево, Смолянах, Гольшанах.
4. Сооружения, представляющие собой единый объём. Это все фортификации, находящиеся в удовлетворительном состоянии и представляющие собой одно или несколько компактно размещённых сооружений. К данной категории относятся хорошо сохранившиеся и полностью отреставрированные замки (г.п. Мир, г. Гродно, г.п. Лида, г.п. Любча), башня-донжон в г. Каменец, дом-крепость в Гайтюнишках, культовые сооружения оборонного типа.
5. Пространственные сооружения – фортификации, представляющие собой несколько объёмов, рассредоточенных на большой территории.

Для рационального использования фортификационных сооружений необходимо выработать для каждого типа рекомендации по возможностям их использования, функциональному назначению потенциального туристского комплекса, составу и ёмкости объектов обслуживания туристов.

Кроме современного состояния объекта фортификации, для организации на его основе туристского комплекса важны следующие факторы: удобная транспортная доступность сооружения по отношению к крупным городам и

транспортно-коммуникационным коридорам международного и национального значения; подготовленность объектов к туристскому использованию; степень развития туристской инфраструктуры в районе потенциального объекта; наличие в регионе других объектов историко-культурного наследия, крупных рекреационных образований, других объектов притяжения туристов; градостроительные условия размещения объекта: в центре или на окраине населённого пункта, в пригороде, на межселенной территории.

По степени сохранности исторические фортификации можно классифицировать на хорошо сохранившиеся – степень сохранности зданий, сооружений и ландшафта которых составляет более 70%, удовлетворительно сохранившиеся – от 30 до 70% сохранившихся объектов, относительно плохо сохранившиеся – сохранность которых составляет 10-30% и плохо сохранившиеся – дошедшие до нас в виде фрагментов земляных укреплений или культурного слоя.

Из изученных 43 объектов фортификационного зодчества (были рассмотрены наиболее характерные объекты каждого исторического типа и объёмно-пространственного типа) хорошую сохранность имеют 22,7% сооружений удовлетворительную – 11,4%, относительно плохую – 13,6%, плохую – 52,3% (таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение исторических фортификационных сооружений Беларуси по степени сохранности

Степень сохранности	Количество	%
Хорошая (более 70%)	10	23,2
Удовлетворительная (от 30 до 70%)	5	11,6
Относительно плохая (от 10 до 30%)	6	14
Плохая (менее 10%)	22	51,2
Итого	43	100

Следует отметить, что сохранность памятников архитектуры во многом зависит от их современного использования. Анализ сохранившихся памятников фортификационного зодчества показал, что хорошую сохранность в основном имеют объекты, которые уже используются в целях туризма. Использование в других целях (военные склады, хозяйственные постройки и пр.) вызывают значительные нарушения, как планировки, так и внешнего облика здания. Неиспользуемые объекты пустуют и разрушаются.

Наличие объектов туристской инфраструктуры, других объектов историко-культурного наследия и рекреационных территорий оказывает большое влияние на туристскую привлекательность исторических фортификаций.

Туристская инфраструктура включает экскурсионное обслуживание, торговые объекты, объекты питания и развлечения, места для проживания и пр. Собственную инфраструктуру в основном имеют объекты, уже используемые в целях туризма. При создании туристских объектов на основе фортификаций, расположенных в крупных населённых пунктах, может использоваться инфраструктура всего города или района, где они расположены. Некоторые ценные в историко-культурном отношении исторические фортификационные сооружения не имеют собственной туристской инфраструктуры и расположены в местах, не развитых в этом отношении, что негативно сказывается на их туристской привлекательности.

Исторические фортификации Беларуси можно разделить на: обладающие туристской инфраструктурой, со слабо развитой туристской инфраструктурой и с неразвитой туристской инфраструктурой. Из 43 изученных объектов имеют развитую туристскую инфраструктуру 30%, слабо развитую туристскую инфраструктуру имеют 14% ФС, и 56% исторических фортификаций не обладают туристской инфраструктурой (таблица 2).

Таблица 2 – Соотношение исторических фортификационных сооружений Беларуси по развитию туристской инфраструктуры

Степень сохранности	Количество	%
Развитая	13	30
Слабо развитая	6	14
Отсутствует	24	56
Итого	43	100

Транспортная доступность объектов историко-культурного наследия хоть и не является решающим фактором (т.к. ради посещения выдающегося памятника туристы преодолевают сотни километров), однако существенно влияет на посещаемость объекта.

Транспортная доступность – время, которое необходимо затратить для посещения памятника. При анализе транспортной доступности сохранившихся фортификаций Беларуси рассматривалась их удалённость от мест концентрации потенциальных туристов: городов с населением более 100 тыс. жителей и трасс международного и национального значения. Кроме того, учитывалось наличие благоустроенных подъездных дорог. По условиям транспортной доступности от вышеуказанных объектов фортификационные сооружения можно разделить на следующие: с хорошей транспортной (до 30 минут), удовлетворительной (30-60 минут) и плохой транспортной доступностью (более 60 минут, и объекты, не имеющие благоустроенных подъездов).

Из изученных объектов хорошую транспортную доступность имеют 47%, удовлетворительную – 30%, плохую – 23% (таблица 3).

Используя исторические фортификации для целей туризма, создавая на их основе объекты туристской инфраструктуры, необходимо подходить к каждому памятнику индивидуально. Как уникально историческое развитие, современные его характеристики и условия места его нахождения, так и уникальными должны становиться создаваемые туристские комплексы. Для возможности разработки рекомендаций предложений к туристскому использованию каждого отдельного памятника автором предлагается сводная таблица, где вышеперечисленные параметры

соотнесены с конкретным объектом. Учитывая большое количество памятников исторической фортификации сохранившихся на территории современной Беларуси, в настоящей статье приводится только часть таблицы для демонстрации предлагаемой методики.

Таблица 3 – Соотношение исторических фортификационных сооружений Беларуси по условиям транспортной доступности

Степень сохранности	Количество	%
Хорошая (до 30 мин.)	20	47
Удовлетворительная (за 30-60 мин.)	13	30
Плохая (более 60 мин.)	10	23
Итого	43	100

Таблица 4

	Наименование памятника и местоположение	Время создания	Размещение в плане населённого пункта	Сохранность	Современное использование
Арх.-план. решение	2. Замок Сапеги с элементами оборонительных сооружений, д. Гольшаны, Ошмянский р-н, Гродненская обл.	XVI-XVII вв., XVIII-XX вв.	На границе (в пригороде) населённого пункта	Руины замка	Туристско-экскурсионное обслуживание. Проходит туристско-экскурсионный тур «Легенды Великого княжества Литовского» и «Зодчество Налибокского края»
	3. Руины замка, д. Геранёны, Ивьевский р-н, Гродненская обл.	XV-XVI вв.	В нас. пункте, в окружении застройки	Руины замка	Туристско-экскурсионное обслуживание. Проходит туристско-экскурсионный тур «Легенды Великого княжества Литовского»
	4. Руины замка, г. Новогрудок, Гродненская обл.	XIII-XVI вв.	В нас. пункте, в окружении застройки	Руины замка	Проходит туристско-экскурсионный тур «Дорогой замков». Проводится ежегодный фестиваль средневековой культуры
	5. Замок, д. Крево, Сморгонский р-н, Гродненская обл.	XIV-XVIII вв.	В нас. пункте, в окружении застройки	Руины замка	Проходит туристско-экскурсионный тур «Легенды Великого княжества Литовского»

Разработанная типология памятников оборонного зодчества по критериям, учёт которых необходим для использования памятника в системе туризма, позволяет в ходе дальнейшего исследования разработать научно обоснованные практические рекомендации по архитектурно-планировочной организации отдельных объектов туристской инфраструктуры и туристских комплексов.

Список цитированных источников

1. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва усходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. / Навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Бел. Навука, 2006.
2. Власюк, Н.Н. Архитектурно-градостроительные средства восстановления и адаптации исторических усадеб Беларуси для культурно-туристского использования: автореферат дис....канд. арх.: 18.00.05 / Белорусский национальный технический университет., Минск, 2006. – 24 с.
3. История крепостей / В.В. Яковлев. – Москва; Назрань: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. – 396 с.
4. Потаев, Г.А. Рекреационные ландшафты: охрана и формирование. – Мн.: Універсітэцкае, 1996. – 160 с.
5. Стратегия устойчивого развития туризма в Беларуси / В. Ивлиев, Л. Баскакова, С. Сахарова // Архитектура и строительство. – 2003. – №7.
6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь №17 от 6 января 2011 г.
7. Планировка, застройка и благоустройство городов – центров туризма: пособие проектировщику / Г.А. Потаев, Г.Р. Потаева. – Минск: Минсктиппроект, 2011. – 204 с.: ил.
8. Список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР: в 2 кн. – Минск: Белорус. Советская энциклопедия им. П. Бровки, 1990. – Кн. 1,2. – 237 с.

УДК [725.42:664] (476.7) "18/19"

Климук Н.А.

ОБЗОР ОБЪЕКТОВ ПИЩЕВКУСОВОЙ ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ

Целью настоящей работы является выявление объектов пищевкусовой отрасли производства из общей совокупности производственных объектов и комплексов на территории юго-западного региона Беларуси.

Понятие «промышленная архитектура» отражает функциональную типологию, основополагающий принцип которой заключается в том, что сооружения конкретного назначения имеют определенную технологию процессов жизнедеятельности, различные по назначению сооружения имеют разные технологии и, как следствие, разные материальные, пространственные и художественно-образные характеристики. Объекты промышленной архитектуры распространены повсеместно [1].

Период с XIX – по XX вв. истории белорусского промышленного зодчества отличается тем, что основную роль в его становлении сыграли объекты, создаваемые частными лицами. Сооружения далеко не всегда были самыми

крупными, однако развивались в русле общеевропейских тенденций. Более половины зданий производственного назначения создавались частными лицами. Проекты частных построек выполнялись преимущественно инженерами, иногда архитекторами.

Отличием производственных объектов Беларуси является их преимущественное размещение вне городов, поскольку существовали определенные налоговые льготы и инициаторами возникновения этих построек были помещики, крупные землевладельцы, которые могли себе это позволить. Размещение предприятий за пределами городов, в сельской местности, следовало традиции фабрично-заводского строительства первой половины XIX века [2].

В период до Первой мировой войны 60-65% предприятий располагались вне городов, зачастую они входили в состав имений, усадеб. Это были небольшие предприятия по переработке сельхозпродукции [3].

Отдельные промышленные здания пищевой отрасли приближались к усадьбе и могли быть построены в едином комплексе с усадебным домом и парком при реках, озерах, прудах. Поскольку винокурные, крахмальные заводы, мельницы не имели большого числа построек, а, как правило, находились в одном здании, то они включались в композицию парадной части имения.

Внешний вид промышленных строений во многом определялся техническими и экономическими факторами. С 1880-х гг. начинается поиск средств выразительности утилитарных объектов, где сам строительный материал, строительная техника, конструкция должны стать основным источником архитектурной выразительности.

Архитектура производственных объектов становилась многообразнее. Это касалось особенно пищевкусовой отрасли, где в большей степени внешний вид здания формировался под влиянием технологических особенностей [2].

К пищевкусовой отрасли производства можно отнести сыроварение, мукомольное и крахмальное производства, то есть следующие объекты и их комплексы:

- бровар или винокурня (пивоварня);
- спиртзавод;
- сыроварня;
- сахарный завод;
- крахмальный завод;
- мельницы.

На основании вышесказанного выявлены объекты пищевкусовой отрасли производства юго-западного региона Беларуси и составлен общий список данных объектов.

Таблица 1 – Список объектов пищевкусовой отрасли производства юго-западного региона Беларуси

№	Месторасположение	Первоначальное назначение	Сохранность (физическое состояние)	Время строительства	Примечание
1.	Александрия	винокурня	-	конец XIX в.	руины
2.	Аттечизна	спиртзавод	+		
3.	Бартники	винокурня		начало XIX в.	
4.	Белин	винокурня	+		
5.	Белоусовщина	сыроварня	+	первая пол XX в.	
6.	Большие Сехновичи	крахмальный завод	-	вторая пол. XIX в.	руины
7.	Верхнее Чернихово	винокурня	+	кон. XVIII – нач. XIX вв.	
8.	Верховичи	винокурный завод	+	1908 г.	
9.	Вольно	бровар	+	1830 г.	
10.	Гремяче	сыроварня	-	начало XX в.	
11.	Гришицы (д. Велички)	бровар	-		
12.	Грушевка	винокурня хранилище спирта	- ?	XIX в. XIX в.	руины
13.	Железница	водяная мельница	-		
14.	Закозель	винокурня	+	1906 г.	2 паровые винокуни
15.	Зеленевици	винокурня			
16.	Зеновил (Лежайка)	винокурный завод	жилье	кон. XIX – нач. XX вв.	
17.	Ивацевичи	винокурня	?	кон. XVIII – нач. XX вв.	
18.	Интернациональный	бровар	+	XIX в.	
19.	Кабаки	бровар	+	1912 г.	
20.	Каштановка	бровар	+	кон. XIX – нач. XX вв.	
21.	Коссово	винокурня, солодовня	?		
22.	Коссовский фольварок на "Марочовщине"	сыродельня	?		
23.	Кристиново (д. Лопатин)	мельница	-	?	
24.	Ленинский	бровар	+	1904 г.	
25.	Литвинки	винокурня			
26.	Молодово	млын			
27.	Нача Брындзовская	паровая мельница			
28.	Новобережное	винокурня	+	кон. XIX – нач. XX вв.	
29.	Новосады	винокурня	-		
30.	Огаревичи	склеп-сыроварня	-		
31.	Огородники	бровар	-	XIX в.	руины
32.	Остров	винокурня?	+	XIX в.	

Продолжение таблицы 1

33.	Павлиново	винокурня, водная мельница	-	1906 г.	
34.	Полонечка	мельница с плотиной			
35.	Поречье	сахарный завод		1860 г.	в 1889 г. здание приспособлено под винокуренный завод
		винокуренный завод		1889 г.	
		паровая мельница, сыроваренный завод			
36.	Разводо (Барановичи)	пивоварня	?	1871 г.	
37.	Рясна	водяная мельница	-		
38.	Святичи	2 ветряка, водная мельница		конец XIX в.	
39.	Совейки	винокуренный завод	+	1901 г.	
40.	Стайки	спиртзавод, сыроварня?	+		
41.	Старая Мышь	бровар	+	начало XX в.	
42.	Стары Пески	винокурня	+	XIX в.	
43.	Столин	винокурня	+	кон. XIX – нач. XX вв.	
44.	Стригово	сыродельный завод	-		
45.	Сушки	мельница	+		
46.	Флорианово	сыроварня			
47.	Чахец	винокуренный завод	+	начало XX в.	
48.	Юголин	сыроварня	+		
49.	Ястрембель	бровар	+		

При исследовании исторических производственных зданий и их комплексов следует обратить внимание на такие факторы, как сохранность физического состояния здания и его первоначальной производственной функции. Если речь идет о физическом состоянии, то следует выделять стадии разрушения памятника или исторического сооружения. Если говорить о сохранности производственной функции, то можно выделить несколько её видов: сохранность первоначальной производственной функции; замена типа производства; замена производственной функции на иную, непромышленную, функцию (жилая, общественная и т.д.)

О некоторых наиболее интересных объектах с точки зрения сохранности производственной функции следует упомянуть отдельно.

Верховичи. Известны с XVI в. Во второй половине XIX в. была заложена новая усадьба, которая включала усадебный дом, офисину, дом эконома, дома для рабочих, ледник, конюшню выездных лошадей с каретной, амбар, парк, хозяйственный двор, пивоварню, мельницу паровую и ветряк. Сохранился бровар, длинное двухэтажное здание из двух объемов, несколько различающихся по высоте. Его украшает неглубокий ризалит, объединяющий объемы, увенчанный фронтоном, на котором указан год строительства (1908). На ризалите, фланкированном по сторонам пилястрами, расположены три ряда арочных окон разной высоты. Окна лучковые и прямоугольные. Бровар – одно из лучших производственных сооружений подобного назначения времен эклектики.

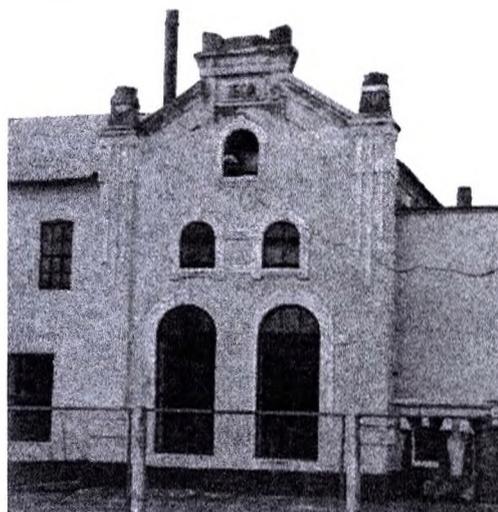
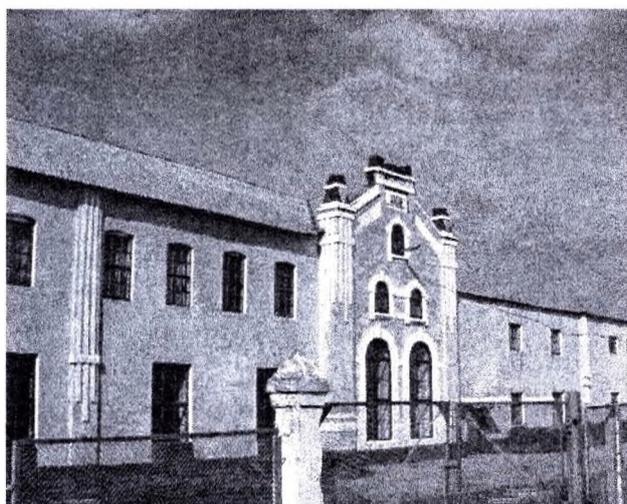
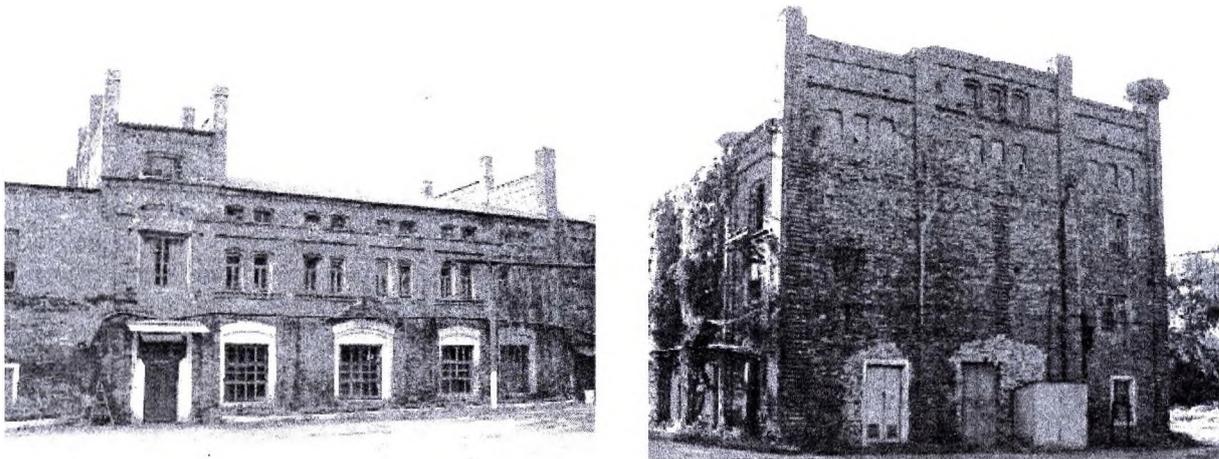

Рисунок 1 – Верховичи. Бровар

Изменение типа производственной функции. Поречье. В 1860 г. в Поречье заработал сахарный завод. Он считался лучшим среди свеклосахарных заводов Минской губернии. Являлся паровым и был оборудован наиболее совершенным оборудованием того времени. Занимал кирпичное четырехэтажное здание [4].

В 1879 году завод сгорел и больше не возобновлял своей деятельности. В 1889 г. здание было приспособлено под винокуренный завод с паровым двигателем и десятью рабочими. Завод являлся единственным в Минской губернии по производству очищенного спирта. Его большое трехэтажное здание дошло до наших дней. Оно кирпичное, глухие плоскости поперечных стен увенчаны аттиками с башенками, украшены регулярными группами декора-

тивных элементов: горизонтальными и вертикальными поясами, рядами глухих ниш, полосами руста, прямоугольными окнами. Продольные стены расчленены многослойными лопатками, поясами поребрика и карнизами. Нын действующий крахмальный завод.

**Рисунок 2 – Поречье. Бывший сахарный, позже винокуренный завод.
Нын действующий крахмальный завод**

Замена производственной функции. Совейки. Из сооружений усадьбы вызывает интерес винокуренный завод. Разрешение на его строительство получил в 1901 г. в Минском губернском правлении Теофил Новицкий. Здание хорошо сохранилось, выделяется профессиональной техникой исполнения; используется в качестве амбара, аптеки, котельной и жилья. Состоит из четырех производственных блоков разной высоты, перекрытых двускатными крышами. Его длина по фасаду 44 м, ширина 18 м. Крайние корпуса двухэтажные, соединяющий их средний – одноэтажный. Здание построено из крупного колотого камня красного и серого цветов разных оттенков, подтесанного под форму прямоугольных блоков. Камни уложены регулярными рядами, создавая красивую кладку. Углы, а также пояс, отделяющий верхний этаж от нижнего, выложены красным кирпичом. Образованные линии фасадов декорированы сеткой из поребрика с гирьками, на фронтонах дата строительства «R 1901» и инициалы владельца <Т.Н> (Теофил Новицкий). Стены фасадов прорезаны двумя большими оконными проемами с полуциркульными завершениями, на боковых и тыльных стенах невысокие лучковые окна. Рядом находится двухэтажное здание (10,5х9 м), построенное в той же технике. Своеобразно обложенные красными тесаными камнями и очерченные белым цветом оконные проемы создают очертания подобно раскрытым бутонам цветов. Используется под жилье. Непродолжительное время в усадьбе работал небольшой завод стеариновых свечей и мыла.

Рисунок 3 – Совейки. Бывший винокуренный завод

Аннотация: В статье рассматриваются архитектурные решения производственных комплексов юго-западного региона Беларуси с градостроительной, пространственной, стилистической точек зрения. Предложены термины и понятия, определяющие комплексы пищевкусовой отрасли производства из общей совокупности производственных объектов и комплексов. Определены критерии отбора объектов исследования для дальнейшего изучения производственных комплексов пищевкусовой отрасли юго-западного региона Беларуси XIX - начала XX веков.

Annotation: In the paper there are considered architectural solutions concerning industrial complexes of the southwestern region of Belarus from the town-planning, spatial and stylistic points of view. In the article there are offered terms and notions defining manufacturing complexes of flavoring industry on the basis of general set of production objects and complexes, and there are also defined selection criteria of research objects for further studying manufacturing complexes of flavoring industry in the southwestern region of Belarus in XIX- the beginning of XX centuries.

Список цитированных источников

1. Промышленная архитектура как часть материальной среды / Е.Б. Морозова. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bsc.by/story/promyshlennaya-arhitektura-kak-chast-materialnoy-sredy>
2. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. кантэксте: у 4 т. Т.3, кн 2: Другая палова XIX-XX ст. / А.І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Беларус. Навука, 2007. – 549 с., іл.
3. Никто не жаждет превращать свои промышленные здания в памятники архитектуры / Г.Л. Залеская – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hata.by/exclusive/docent_galina_zaleskaya-4161/#in_news_begin
4. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук; ред. Т.Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск: БелЭн, 2006. – 576 с.

УДК 728.08.96.69.059.4

Коняев Н.В.

ПЛАНИРОВОЧНАЯ ГИБКОСТЬ И ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

Основными направлениями экономического и социального развития Республики Беларусь на 2004-2010 годы и на период до 2015 года в Беларуси в предстоящие три года предусматривается увеличение производства мяса и молока – на 90%. Рост продукции животноводства намечено обеспечить как за счет повышения продуктивности животных, так и за счет наращивания производственных мощностей. Успешное выполнение контрольных заданий во многом зависит от того, насколько разумно будут использоваться и быстро окупаться капитальные вложения. В 2004 - 2009 годах капитальные вложения сельскохозяйственного производственного назначения в животноводстве направлялись на наращивание мощностей преимущественно путем расширения, реконструкции и технического дооснащения существующих ферм. При этом эффективность капитальных вложений в значительной мере среди многих факторов зависит от технического уровня проектных решений сельскохозяйственных производственных зданий. В разработанных в последнее время типовых и повторно применяемых проектах прослеживается основная тенденция развития сельскохозяйственного производственного строительства – повышение уровня индустриализации зданий и сооружений. Использование сборных железобетонных, деревянных и металлических конструкций позволили получить проекты отдельных зданий с уровнем индустриализации 70-75 процентов, что способствует снижению сметной стоимости и построечных трудозатрат строительства.

Повышение уровня индустриализации непосредственно связано с решением вопросов унификации производственных зданий и типизации конструкций. Введение Государственного общесоюзного стандарта на габаритные схемы сельскохозяйственных производственных зданий в начале 80-х годов прошлого столетия (ГОСТ 20839-79) ограничивало количество типов животноводческих зданий и их конструктивных элементов. Однако анализ включенных во всесоюзный и республиканский перечни проектов показал, что объемно-планировочные и конструктивные решения производственных зданий, входящих в состав животноводческих комплексов, не отвечали требованиям внутриплощадочной унификации. Различие в ширине и размерах пролетов зданий привели к применению необоснованно большой номенклатуры несущих и ограждающих конструкций сельского, промышленного и жилищно-гражданского каталогов.

Известно, что строительная часть проекта (планировочное решение, габаритная и конструктивная схемы) диктуется требованиями размещаемых в зданиях технологических процессов и оборудования. Задача унификации заключается в создании минимального числа типов зданий, удовлетворяющих при однотипном строительном решении параметрам максимально большего количества технологий. Разнообразие основных производственных и вспомогательных технологий вызывает необходимость создания унифицированных зданий многоцелевого назначения.

Разработка зданий многоцелевого назначения обычно ведется по пути увеличения пролета и шага несущих конструкций. В сельскохозяйственном производственном строительстве использование сетки колонн 18x6 и 21x6 м без промежуточных опор в некоторой степени обеспечивает гибкость планировочного решения. Дальнейшее увеличение пролетов и шага несущих конструкций сопровождается резким возрастанием материалоемкости строительства, необходимостью применения тяжелых конструкций промышленных серий и приводит к созданию уникальных экономически неоправданных зданий.

Одно из перспективных направлений повышения уровня унификации производственных зданий заключается в применении модульного блок-секционного метода проектирования и строительства. Институтом «БелНИИгипросельстрой» разработана модульная блок-секция, предназначенная для стойловых помещений наиболее распространенных в республике технологических схем содержания крупного рогатого скота, доильно-молочного отделения с пунктом искусственного осеменения и родильного отделения с профилакторием. Габаритная модульная блок-секция, являясь первичным объемно-пространственным элементом технологического модуля, позволяет компоновать здания производственного назначения различной вместимости животных, обеспечивая при этом гибкость технологии содержания скота и варьирование объемно-планировочного решения здания, создает условия для изменения мощности комплексов в процессе его эксплуатации.

Вопросы планировочной гибкости сельскохозяйственных производственных зданий тесно связаны с вопросами долговечности. При этом долговечность рассматривается в двух аспектах: долговечности формы (объемно-планировочной структуры) и долговечности материальной основы здания (отдельных элементов зданий и способов их соединения). Долговечность формы оценивается степенью соответствия строительных решений технологическим и эксплуатационным требованиям производства в условиях относительно быстрого физического и морального старения оборудования. Срок службы зданий многоцелевого назначения увязывается не со сроками функционирования

ния конкретных технологических процессов, а определяется нормами амортизации самих зданий. Однако нормы амортизации не учитывают фактор морального старения здания. Поэтому фактические сроки службы зданий не совпадают с расчетами. Чрезмерная или недостаточная долговечность зданий приводит к неоправданному расходованию средств и снижению эффективности капитальных вложений.

Желание продлить эксплуатационный период здания при одновременном снижении среднегодовых расходов на содержание порождают тенденцию строительства капитальных зданий, т. е. увеличения степени надежности его материальной основы. Однако приспособление капитального здания, рассчитанного на определенный технологический процесс, в случае модернизации становится затруднительным и связано с дорогостоящей перестройкой и реконструкцией. Следует отметить, что существующие строительные решения сельскохозяйственных производственных зданий, как правило, предусматривают повышение их капитальности и долговечности.

В последнее время многими отечественными и зарубежными специалистами отмечается, что быстро меняющиеся требования к строительным решениям порождают тенденцию сокращения сроков службы производственных зданий, что в свою очередь создает условия, при которых повышение капитальности и долговечности здания становится экономически неоправданным.

Принятый в стране курс на наращивание мощностей преимущественно путем расширения, реконструкции и технического дооснащения существующих ферм вызывает необходимость создания легко трансформируемых и легко демонтируемых сельскохозяйственных производственных зданий из относительно дешевых и недолговечных материалов на основе применения унифицированных блок-секций многоцелевого назначения.

Аннотация: В данной научной статье дан анализ объемно-планировочных решений в разрабатываемых в последнее время типовых и повторно применяемых проектах с целью прослеживания тенденции индустриализации сельскохозяйственного производственного комплекса. Использование сборных железобетонных, клеендеревянных и металлических конструкций, позволяющих получить проекты отдельных зданий с уровнем заводского изготовления 70-75 процентов и более способствует снижению сметной стоимости и построечных трудозатрат строительства, а также применять планировочную гибкость при проектировании сельскохозяйственных производственных зданий и комплексов в целом. Быстро меняющиеся технологии, направленные на увеличение производства молока и мяса, соответственно требуют мгновенного реагирования строительной индустрии на использование новейших и недорогих конструкций и материалов при модернизации и строительстве производственных зданий.

Annotation: In the given scientific article the analysis of space-planning decisions in typical recently typical and repeatedly applied projects for the purpose of procaking of the tendency of industrialization of an agricultural industrial complex is given. Use modular metal-concrete, glue-wooden and the metal designs, allowing to receive projects of separate buildings with level of factory manufacturing of 70-75 percent and more promotes decrease in budget cost and building expenditures of labor and as to apply planning flexibility at designing of agricultural industrial buildings and complexes as a whole.

УДК 711 (038)
Кривицкая М.П.

ВЫСОТНАЯ КОМПОЗИЦИЯ МАЛОГО ГОРОДА

Цель настоящей работы – усилить внимание к вопросам формирования высотной композиции малого города и выявить основные принципы и методы оптимизации вертикальной организации городской среды.

Особенностью Прибужского региона для территорий современной Беларуси в истории градостроительства стало развитие местечек, большинство из которых сегодня, согласно классификации градостроительной политики страны, определены как малые города и имеют большой потенциал для культурного и делового туризма и укрепления приграничного сотрудничества. Кроме того, малый город, сохраняя сомасштабность человеку и антропометрическую совместимость, признан наиболее комфортным и благоприятным для проживания. Развитие малых городских поселений имеет особое значение при создании общей структуры системы расселения. Как отмечалось в программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы. (Указ Президента РБ от 11 апреля 2011 г. № 136), «...в предстоящем пятилетии продолжится реализация мер по дальнейшему развитию малых и средних городских поселений. Усилится их роль как центров развития предпринимательства и инновационных технологий, агропромышленного производства, туристско-рекреационной деятельности» [1, 2, 3].

Из многообразия градостроительных терминов «высотная композиция» раскрывает суть визуального восприятия городской среды человеком в повседневной жизни. Поэтому можно сказать, что основой восприятия города является высотная композиция, которая во многом определяет его облик и своеобразие. Таким образом, проблема индивидуальной выразительности высотной композиции малого города приобретает большое значение в условиях экономической конкуренции. Уникальность и своеобразие малого города делает его привлекательным для туристов и инвесторов [6, 7].

Кроме того, архитектурное решение застройки малого города сегодня не всегда имеет градостроительное обоснование. На эту проблему указано в материалах государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2011–2015 гг., одним из основных направлений которой является улучшение архитектурного облика страны [5, с. 54–59]. Взаимосвязь архитектурной и градостроительной идеи при формировании городской среды раскрывается через высотную композицию города. Результатом оптимизации высотной композиции малых городов как обладающих в структуре городских населенных мест республики станет улучшение архитектурного облика страны.

Градостроительная композиция рассматривается в следующих аспектах – как композиция плана, как высотная композиция, которой принято называть визуально воспринимаемую композицию городской застройки и открытых пространств. Таким образом, под высотной композицией города следует понимать упорядоченное в соответствии с художественными требованиями взаимное расположение созданных человеком и природных компонентов формируемой пространственной среды в вертикальных плоскостях. Особенность градостроительной композиции заключается в том, что ее эстетические качества нельзя рассматривать изолированно от функциональных социальных, экономических, экологических качеств градостроительного объекта. Нельзя создавать город только по законам красоты, забывая, что он должен быть эффективным с позиций организации процессов жизнедеятельности людей, функционирования социальной, производственной, транспортной, инженерно-технической инфраструктур. По физическим качествам в поселениях выделяются два основных типа пространств – застроенные (закрытые) и не застроенные (открытые). По психологическим качествам типология пространств значительно разнообразнее. Существенно различаются пространства для уединения, соседского общения или массовых посещений, сакральные или светские [6, 7].

Своевременность научной оценки градостроительной практики при решении вопросов сохранения архитектурного своеобразия высотной композиции городов определяется угрозой нивелирования исторических панорам, нарушением системы расположения доминант в результате повышения общего горизонта застройки и существующей практики случайного размещения современных высотных объемов. В этих условиях изучение специфики вертикальной организации малых городов и выработка рекомендаций, направленных на сохранение их лучших качеств, представляется весьма актуальными.

Целью практических и научных работ, направленных на формирование высотной композиции малого городского поселения, должно стать предписание рекомендаций по такому размещению структурных составляющих проектируемой или моделируемой высотной композиции, которая обеспечит малый город высококачественной архитектурно-пространственной средой посредством:

- формирования силуэта города;
- соответствия высотной композиции масштабу города и человека;
- выделения главных объектов в городе (обеспечение ориентации в пространстве).

При разработке приемов оптимизации высотной композиции малого города в основу легли принципы градостроительной и природной обусловленности, учёт условий зрительного восприятия и эстетическая целесообразность. Основными задачами оптимизации высотной композиции стали следующие:

- выражение функционального содержания объекта;
- достижение гармонической упорядоченности градостроительной структуры;
- достижение целостности, завершенности композиции.

Стоит отметить, что пространственная среда изменчива, поэтому формирование высотной композиции малого города должно нести стратегический характер.

Для достижения единства и гармоничности города как системы следует использовать последовательное и закономерное размещение нарастающих и убывающих объемов зданий с их разнообразными отношениями, которое удобно фиксировать в плане распределением архитектурных доминант. Места приложения труда и исторические достопримечательности должны служить ключевыми узлами в пространственном каркасе города. Кроме того, при формировании высотной композиции малого города важно определить ее смысловой аспект. Композиционная значимость элементов городской среды определяется силой их воздействия на человека. Выразительными, впечатляющими и запоминающимися могут быть сооружения значительных размеров или выделяющиеся по цвету, силуэту, остроте решения и другим свойствам. Город воспринимается как серия зрительных картин, поэтому важно определить трассы и направления обзора, зафиксировать основные точки панорамного раскрытия. Основное впечатление о городе дают виды при въезде в город и выезде из него. Таким образом, важным моментом при формировании высотной композиции становится планировочный каркас города, в котором отмечаются композиционные центры и оси. Формирование композиционных центров и осей, размещение архитектурных доминант, обеспечивающих ориентацию в пространстве, помогают сформировать силуэт города, выявляющий индивидуальность его облика [6, 8, 9].

Открытым остается вопрос о классификации малых городов по пространственно-композиционным признакам. Это связано с многообразием индивидуальных особенностей и неповторимостью исторически приобретенных и природообусловленных архитектурных черт среды каждого города.

При проведении практических работ, связанных с формированием городской среды и пространственно-композиционной организацией, следует выделять региональные особенности развития высотной композиции. Так, если говорить о городах-местечках Прибужского региона в связи с компактностью планировочной структуры, природными и историческими особенностями формирования, высотная композиция характеризуется собранностью, высокой плотностью размещения элементов, ритмичностью, динамичностью, но вместе с тем, зачастую скученностью. При работе с реорганизацией малого города важно сохранить характерные особенности, но при этом исправить дисгармонию застройки и усовершенствовать функциональную организацию поселения.

Проведенное исследование позволило определить методы и способы оптимизации высотной композиции.

Методы оптимизации высотной композиции малых городов:

– ограничение этажности застройки в малом городе (не более 4-5 этажей), исходя из возможности формирования благоприятной среды для человека и сохранения масштаба малого города;

- сохранение и воссоздание исторических доминант как определяющих характер высотной композиции малой города;
- ликвидация дисгармоничных непропорциональных элементов;
- переход от определения высотных доминант к формированию объёмно-пространственной композиции;
- взятие за основу формирования высотной композиции силуэта города.

Средства и приемы оптимизации высотной композиции малых городских поселений:

- повторяемость форм;
- прием размещения высотных доминант на въездах в город и местах пересечения основных композиционных осей;
- принцип соподчинения;
- соразмерность (пропорциональность);
- уравновешенность композиции;
- единство восприятия деталей и целого;
- принцип раскрытия исторических доминант.

Наиболее универсальными из перечисленных приемов являются уравновешенность композиции и размещение высотных доминант на въездах в город и местах пересечения основных композиционных осей [8, 10, 11].

Кроме того, следует отметить, что:

- оптимизация высотной композиции, размещенной на рельефе со значительными перепадами, требует более тщательной проработки и использования более широкого спектра средств и приемов;
- высотная композиция равномерного объема требует меньших усилий для оптимизации;
- для каждого города требуется индивидуальный подход; следует обратить внимание на непредсказуемость требуемых средств и приемов оптимизации высотной композиции [8, 10, 11].

При создании проектов регенерации исторического центра и проектировании малого города как туристического комплекса, используя исторический, культурный и природный потенциал, в том числе сохранившиеся либо вновь создаваемые объекты историко-культурного наследия, формирование привлекательной высотной композиции становится важнейшей градостроительной задачей, связывающей проектировщика и человека в проектируемой городской среде.

Построение развёрток и перспектив, создание макетов и виртуальных моделей, проведение графического анализа иконографических документов, выполненных с различных видовых точек, призваны характеризовать высотную организацию города, архитектурный облик зданий, своеобразие городских интерьеров. Работа по моделированию и усовершенствованию вертикальной композиции не только является более прогрессивной формой проектирования по сравнению с планированием, но также призвана выявить с помощью градостроительных проектов эстетически привлекательные особенности и неповторимое своеобразие регионального развития малого города.

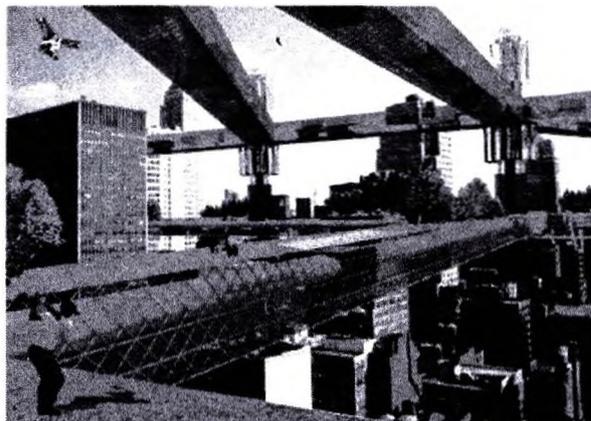
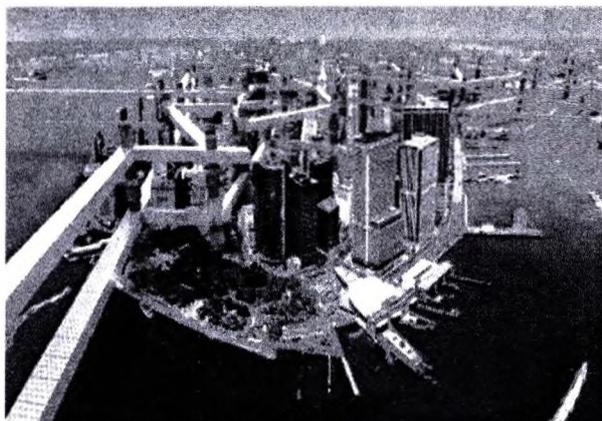
Список цитированных источников

1. Сарокіна, І. – Мясцэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / І. Сарокіна – Вільня: ЕГУ, 2010. – 488 с.
2. Krier, R. *Urban Space* / R. Krier / New York: Rizzoli International Publications, 1979. – 174 p.
3. Програма сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь на 2011–2015 гг.: Указ Прэзідэнта РБ ад 11 красавіка 2011 г. № 136 / [Электрон. рэсурс]. – Режим доступу: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31100136&p2={NRPA}> – Дата доступу: 12.04.13
4. Беляева, Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия / Е.Л. Беляева. – М.: Стройиздат, 1977. – 127 с.
5. Основные направления государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2011–2015 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 30.08.2011 № 385 с комментариями. – Минск: Мин-во арх-ры и стр-ва Республики Беларусь, 2011. – 73 с.
6. Иконников, А.В. Архитектура города: эстетические проблемы композиции / А.В. Иконников. – М.: изд-во лит-ры по строительству, 1972. – 216 с.
7. Иодо, И.А. Основы градостроительства и территориальной планировки: учебник для вузов / И.А. Иодо, Г.А. Потаев. – Минск: УниверсалПресс, 2003. – 216 с.
8. Кишик, Ю.Н. Системная организация высотных доминант / Ю. Н. Кишик // Реконструкция исторических зон городов: сб. науч. тр. – Киев: Гос. науч. исслед-й и проектный ин-т градостроительства Госстроя Украины, 1991. – С. 27–40
9. Кишик, Ю.Н. Архитектурная композиция: учеб. пособие / Ю.Н. Кишик. – Минск: Выш. шк., 2010. – 191 с.
10. Шимко, В.Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование городской среды / В.Т. Шимко. – М.: Архитектура-С, 2006. – 384 с.
11. Pevsner, N. *Visual Planning And The Picturesque* // N. Pevsner, M. Aitchison. – Los Angeles: J.Paul Getty Trust, 2010. – 224 с.
12. Ноткин, И.И. Оценка зрительно-эмоциональных эффектов в среде реконструируемой малоэтажной жилой застройки / И.И. Ноткин, Р.Х. Салихов // Проблемы формирования архитектурно-пространственной среды жилой застройки в различных градостроительных условиях: сб. науч. тр. / ЦНИИП Градостроительства; под ред. Н.Н. Трубниковой. – М., 1979. – С. 61–66.
13. Эстетическая выразительность города / ВНИИ искусствознания Мин-ва культуры СССР; под ред. О.А. Швидковский – (отв. ред.). – М.: Наука, 1986. – 160 с.
14. Gebrüder-Mann, V *The Global European City* / V. Gebrüder-Mann // Goethe Institut [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.goethe.de/kue/arc/dos/dos/sls/sdz/en3481742.htm> – Дата доступа: 01.01.2012.
15. Концептуальные положения регионального развития Республики Беларусь до 2015 года / [Т.С. Вертинская и др.]; под ред. П.Г. Никитенко; Государственное научное учреждение «Институт экономики национальной академии наук Беларуси». – Минск: Право и экономика, 2009. – 99 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕШЕХОДНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ГОРОДАХ

В этой статье говорится об исследованиях, которые были направлены на проведение анализа существующего состояния внеуличных путей передвижения людей и последующую оптимизацию системы пешеходного передвижения. Исследования состояли из научно-исследовательской части и рекомендательно-методической части. В научно-исследовательской части автором был проанализирован мировой опыт по организации пешеходных пространств и опыт постсоветских стран. В результате изучения мирового опыта и собственного проектного опыта, были выведены основные тезисы для рекомендательно-нормативной базы при проектировании и оптимизации пешеходной сети.

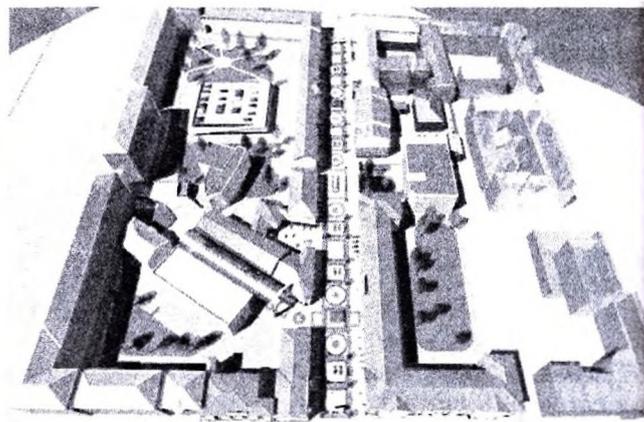
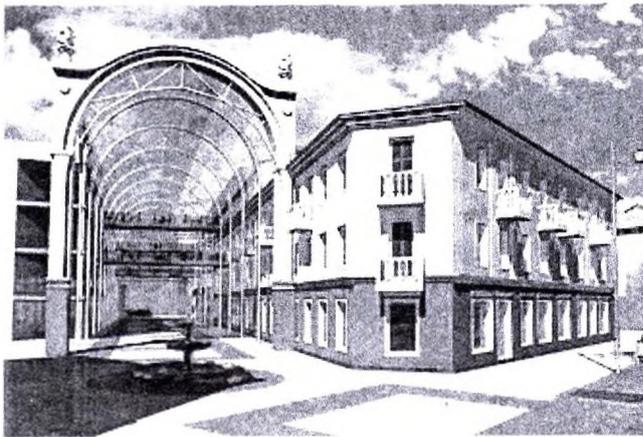
Введение. Жизнь – это постоянное движение... Современная медицина и правила здорового образа жизни утверждают о полезности прогулок и пробежек на свежем воздухе, и их роль в последнее время возрастает. По данным доклада Фонда ООН по народонаселению, в мире почти 3 миллиарда людей живут в городах. И в наш динамичный XXI век нужна скорость, и люди предпочитают поездку на автобусе или автомобиле пешеходной прогулке. Однако чтобы добраться до остановки, до стоянки автомобиля, пройти к магазину или отвести ребёнка в детский сад, люди интенсивно передвигаются по внеуличному пространству – по пешеходным дорожкам, тротуарам, проездам, а порой вытптывают газоны, стараясь пройти по наикратчайшему пути, т.е. стихийно создают свои собственные внеуличные пути передвижения. Сегодня состояние внеуличных пешеходных путей создает значительный дискомфорт при передвижении по ним людей [1]. В рамках данной темы автор проводит диссертационные исследования (руководитель – профессор, доктор архитектуры Иодо И.А.). Исследования направлены на проведение анализа существующего состояния пешеходных пространств и последующую оптимизацию системы пешеходного передвижения.

Рисунки 1-2 – "Воздушные улицы" Нью-Йорка

Основная часть. В научно-исследовательской части автором был проанализирован мировой опыт по организации пешеходных пространств и опыт постсоветских стран. Мировые архитекторы и градостроители предлагают множество новых идей и инновационных подходов. Наиболее интересные проекты – это создание в Берлине на месте разрушенной «Берлинской стены» пешеходного коридора, наполненного объектами общественного назначения. А также фантастичный проект в США, где в небе над Нью-Йорком размещают несколько уровней стеклянных труб, прикреплённых к небоскребам, для передвижения по ним людей. Не уступают по размаху идеи архитекторов – последователей советской градостроительной школы. В Москве разработан проект «хрустальной улицы», которая должна связать пешеходными маршрутами московские достопримечательности. В Киеве планируется создать крупнейшую пешеходную зону вдоль реки Днепр, которая должна стать не только пешеходной, но и, по сути, свободным творческим и театральным форумом, пространством, привлекательным для туристов и творческих людей. Проект пешеходной зоны реализуется и в Минске – в исторической части города. Со временем весь исторический центр Минска станет туристической пешеходной зоной, при этом активные транспортные улицы будут перемещены под землю. Однако все эти проекты созданы для больших и крупнейших городов. Приведённые примеры амбициозны и требуют для их реализации дорогостоящих мероприятий. В большей степени они рассчитаны для благоустройства общегородских центров и повышения туристической привлекательности. Опыт по оптимизации пешеходного движения в малых и средних городах фактически отсутствует. Хотя именно для малых и средних городов этот вопрос является наиболее актуальным; так как именно в малых и средних городах люди передвигаются в основном пешком, во-первых из-за малых расстояний и доступности, а во-вторых из-за менее развитого транспортного обслуживания.

Со временем в европейских городах вектор исследований по поиску оптимальных средств организации пешеходных пространств постепенно смещается. В настоящее время теоретики предлагают множество новых концепций, а бестранспортные пространства приобретают характер интегрированных структур. Ведущий мировой специалист современности в вопросах пешеходных пространств Ян Гейл (Дания) пропагандирует в тех городах, где спрашивают его совета: «...город должен быть комфортен для пешеходов и велосипедистов. Любой город – это город для людей, а не для машин...» [2].

Рисунки 3-4 – Ул.К.Маркса, Минск. Проект пешеходной улицы

Несмотря на важность проблемы, в современных нормах по проектированию не выявлено конкретных рекомендаций по организации системы пешеходного движения, за исключением общих фраз. Дальнейшая работа по развитию концепции пешеходного передвижения в городах видится, во-первых, в разработке типологических моделей в зависимости от преобладающих видов деятельности и градостроительных условий; во-вторых – составление перечня оптимальных качественных и количественных параметров элементов пешеходных пространств различных типов; в-третьих – определение конкретных архитектурно-градостроительных средств по организации этих пространств.

Как показал анализ существующей ситуации в городах, в пешеходных зонах города могут осуществляться следующие наиболее распространённые виды деятельности людей [3,4]:

- Транзитное целевое передвижение (использование пространства исключительно для перемещения к объектам других функциональных зон).
- Транзитно-оздоровительное передвижение (совмещение целевых передвижений и оздоровительных передвижений транзитного характера, в т.ч. бег, спортивная ходьба, вело-роллерное передвижение).
- Пассивный отдых (максимальное расслабление, релаксация, медитация, медленная прогулка, беседы).
- Активный отдых (с подвижной деятельностью в пределах этого пространства, в т.ч. занятия спортом, игры, развлекательные мероприятия, шоппинг).
- Культурно-просветительская деятельность (культурное самовыражение и приобщение к истории, культуре и идеологии) и другие.

Естественно, что пространства для реализации этих видов деятельности должны быть оснащены специфической предметной средой, которая в наибольшей мере будет способствовать решению поставленной задачи. Существует множество решений по созданию бестранспортных пространств, однако большинство из них реализуются фрагментарно и имеют локальный характер. В идеале – должна быть сформирована система равномерно распределённых пешеходных пространств, способная обеспечить наиболее комфортные условия для пребывания и осуществления вышеперечисленных видов деятельности человека. Особое внимание следует уделить существующей на сегодняшний день нормативной документации: в ней широко рассматриваются физические параметры тротуаров и дорожек и досконально разобрана методика создания безбарьерной среды для физически ослабленных лиц (ФОЛ). Однако о необходимости системного и комплексного подхода при построении пешеходной сети упоминается лишь в обобщенной фразе «...о непрерывности пешеходной сети, ...», но как эту сеть построить, а тем более оптимизировать – нормативы умалчивают [5,6].

На основании обобщённого теоретического опыта, а также натурных обследований была выявлена необходимость классифицировать пути пешеходного передвижения по следующим признакам:

- По целевому назначению: к узлам городского и внешнего транспорта; к объектам общественного обслуживания; к местам приложения труда (деловые пути); ко входам в жилые здания; к рекреационным объектам городского и загородного значения (рекреационно-оздоровительные пути).
- По характеру движения: организованное движение значительных людских масс (демонстрации, шествия, парады); импульсное движение (потoki на работу и учебу); прогулочное движение (это свободный процесс передвижения, прогулка).
- По способу передвижения: собственно пешеходные, в т.ч. для физически ослабленных лиц; вело-роллерные; рекреационно-развлекательные (электромобили и конные упряжки); смешанного типа.

Более полувека назад научное сообщество специалистов по Urban & Planning пришло к убеждению, что для городов необходима двухконтурная структура транспортной сети: первый контур – проезды и улицы с непосредственным доступом с пятна застройки, второй – городские «хайвэй», предназначенные для скоростного непрерывного движения между частями города. Проводя аналогию с транспортным движением, можно добавить еще один немаловажный принцип для пешеходного движения:

- По значимости в структуре города: общегородские непрерывные пешеходные маршруты – «пешеходные хайвэй», по которым удобно передвигаться не только пешком, но и на велосипедах, и местные пешеходные пути. Однако в отличие от автодорог, пешеходные пути местные и общегородские неразделимы и образуют единую сеть.

На основе изученных материалов были построены теоретические положения, в которых были сопоставлены основные типологические характеристики внеуличных пешеходных путей: по цели, способу передвижения, времени и интенсивности, архитектурно-средовым условиям, структура и состав средств обустройства. Результатом стала таблица типологических признаков.

Таблица типологических признаков

Типология пешеходных путей по цели Основные характеристики	Коммерческие пути Цели: торговля, услуги	Транзитные пути Цели: транспорт, услуги	Пешеходные пути Цели: прогулка, отдых	Рекреационные пути Цели: спорт, отдых	Коммуникационные пути Цели: связь, услуги
Характер трассировки					
Возможные способы передвижения					
Уровень обустройства I Минимальный II Средний III Высший	II	I	III	III	I
Интенсивность и время использования					
Приоритетные характеристики	Пропускная способность. Информационное насыщение	Прямолинейность. Скорость движения	Пропускная способность. Информационное насыщение. Эстетика	Экологичность. Эстетичность	Количество путей. Безопасность

Целесообразно сделать вывод: в каждом случае требуются свои способы трассировки и свои архитектурно-градостроительные средства обустройства путей передвижения, которые определяются комплексом градостроительных факторов. Внеуличные пространства, в том числе пешеходные пути, являются частью системы открытых пространств города – именно они формируют облик города и являются системой основных позиций восприятия городского пространства. Кроме того, при передвижении пешком у человека формируется ценностное отношение к своему городу, происходит его эстетическое и культурное воспитание. В результате проведённых исследований был сделан основной вывод, который заключается в том, что на сегодняшний день открытым внеуличным пространствам уделяется слишком мало внимания. А ведь человек проходит пешком по одной дорожке десятки раз в день, а по одному пути в день проходят тысячи людей. Человек, сам не подозревая того, передвигаясь по внеуличному пространству, наполняется тем или иным состоянием, приобретает настроение, подвергается воспитательному воздействию. Не стоит забывать о физическом и экологическом влиянии. Человек всегда выбирает наикратчайший путь, задача учёных и архитекторов – сделать его передвижение удобным и безопасным.

В действительности это невозможно описать цифрами, но как показали исследования – методы анализа лежат на поверхности, их лишь необходимо собрать в комплексную процедуру.

Результатом изучения мирового опыта и собственных экспериментов стала возможность вывести основные тезисы для рекомендательно-нормативной базы при проектировании и оптимизации пешеходной сети:

- необходимость соблюдения принципа непрерывности, а также соподчиненности пешеходных путей местной, районной и общегородской систем передвижения;

- необходимость предварительного градостроительного анализа существующего состояния (перед любым проектированием территории), с выявлением сети пешеходного движения, фокусов тяготения, интенсивности движения и типологизацией путей;

- в рамках реконструкции существующих территорий должна проводиться оптимизация существующей внеуличной пешеходной сети;

- в рамках нового проектирования на уровне генерального плана необходимо проектировать общегородскую пешеходную сеть, выявляющую основные потоки передвижения людей, в соответствии с общегородскими существующими и проектируемыми фокусами тяготения;

- в рамках нового проектирования на уровне детального плана и эскиза застройки разрабатывается районная и местная пешеходная сеть, где, помимо принципа соподчиненности, вступает принцип подбора характеристик пешеходных путей, способных обеспечить комфортные условия движения людей;

- определение типологии путей (это может быть отражено в самом генплане или в сопутствующих схемах) – наиболее важными являются деловые и рекреационно-оздоровительные маршруты.

Следует еще раз напомнить, что именно специалисты в области градостроительного проектирования отвечают за сохранение физической безопасности и визуально-психологического комфорта во время пребывания человека в городской среде. Необходимо лишь тщательно проанализировать сложившиеся условия, так сказать, вжиться в роль пешехода и обличить градостроительную логику в конкретную оптимальную форму.

Заключение. «Здоровый город – это город, в котором постоянно формируется и улучшается физическая и социальная среда и организуются свои ресурсы таким образом, чтобы люди могли помогать друг другу в улучшении жизни и максимальном раскрытии своих возможностей» [7].

Сейчас каждому городу приходится создавать свои собственные проекты, работая при этом в тесном контакте с различными специалистами. Однако, как показал анализ существующей ситуации, виды деятельности людей и градостроительные условия схожи для большинства городов, а значит, схожими, по сути, будут и средства организации оптимальной и благоприятной среды. А разрабатываемая концепция системы пешеходных пространств может стать одним из направлений по оптимизации городского пространства. Практическое значение исследовательской работы заключается в том, что на основе проведенного анализа и систематизации материалов по формированию пешеходных зон будут предложены теоретические рекомендации для реорганизации и улучшения качества пешеходных внеуличных пространств. Должны быть разработаны рекомендации в виде типологических моделей, в зависимости от социальных и функциональных условий. В результатах исследования могут быть заинтересованы архитектурные и градостроительные проектные организации, научно-исследовательские учреждения, образовательные учреждения, архитекторы, дизайнеры, формирующие комфортную городскую среду. Основным прикладным результатом должны стать: во-первых, внесение в нормативную документацию по проектированию и учебные пособия раздела об обязательном формировании системы пешеходных пространств с изложением рекомендаций; во-вторых, для проектной документации на уровнях генерального, детального планов и эскиза застройки – разработка системы пешеходных пространств, в качестве обязательного элемента на основных чертежах или на дополнительных схемах.

Список цитированных источников

1. Народонаселение мира в 2001 году. Этапы и веки: население и экологические изменения // Доклад ООН / ООН. – Нью-Йорк, 2001. – 80 с.
2. Gehl J. Public Space. Public Life. Study/ J. Gehl// Christchurch City Council. – New York, 2010.
3. Урбах, А.И. Архитектура городских пешеходных пространств / А.И. Урбах, М.Т. Лин // Стройиздат. – М., 1990. – 200с.
4. Градостроительство и территориальная планировка: Понятийно-терминологический словарь / Редколлегия: Г.А. Потаев, И.А. Иодо, К.К. Хачатрянц, А.И. Ничкасов // Минсктиппроект – Мн., 1999. – 192 с.
5. Градостроительство. Населённые пункты. Нормы планировки и застройки. Технический кодекс установившейся практики: ТКП 45-3.01-116-2008 (02250) / Минстройархитектуры РБ: УП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА». – Мн., 2009. – 63 с.
6. Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения. Государственный стандарт Республики Беларусь: СТБ 2030-2010/ Госстандарт: РУП «Стройтехнорм». – Мн., 2010. – 25 с.
7. Norris, T, Lampe, D. THE HEALTHY COMMUNITY HANDBOOK. Здоровые города. Руководство / Сокращенный перевод с комментариями В.Л. Ушакова, Ю.Е. Абросимовой, О.Б. Ильиной; под редакцией Д. Лемпа / National Civic League. – Denver, Colorado, 1993. – 45p

УДК 726.71(476) (091)

Лаурецкий Н.Г.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ПРОТЕСТАНСКОГО ХРАМА

Введение

Для протестантской архитектуры характерна общая черта, корни которой лежат в самой идее протестантизма – речь здесь идет о простоте, граничащей с аскезой. Эта лаконичность, основанная на символизме сакрального произведения, была свойственна всему раннехристианскому искусству, в том числе и архитектуре. Проектируя протестантский храм, архитектор сталкивается с тем, что большинство решений, используемых в архитектуре иных христианских конфессий, нельзя применить: следует избегать перегруженности деталями и излишней изобразительности – эстетизм архитектурного облика протестантского храма в его минималистичности и четкой выразительности. Поэтому для того, чтобы выделить протестантский храм в городской среде, сделать его уникальным и самодостаточным объектом, архитектор вынужден прибегать к иным способам решения поставленных задач.

Основная часть

Брестская область отличается чрезвычайно высоким уровнем распространения протестантизма на общеполитическом уровне: свыше 270 разнообразных протестантских общин, из чего логично следует большое количество действующих протестантских храмов – в Кобрине, Остромичах, Городце и Леликово в Кобринском районе, в Антополе, Дрогичине и Головчицах в Дрогичинском районе, в Березе, Пинске, Стошанах, Лунинце, Барановичах и др.

Сегодня протестантские храмы являются результатом поиска новых форм, новой образной сущности, возрождая хорошо забытую особенность сакральной строительной культуры – определять архитектурный стиль эпохи, а не быть разделом его "типологического многообразия".

В крупных городах – в Барановичах (храмы ХВЕ «Спасение» и «Вознесение»), Белоозерске, Кобрине. Бресте – здания храмов сколь бы то ни было выразительны и имеют характерный архитектурный облик.

Так, например храм в Кобрине является примером эклектического заимствования: его архитектурный облик включает в себя барочные волюты и ордерную систему в колоннах и сдвоенные арки с элементом-«гирькой», ха-

ракетные, скорее, для древнерусского зодчества. Авторы этой церкви пошли по пути, возникшему и подвергнутому критике во второй половине XIX в., когда стилизаторство и эклектизм, то есть стилесмешение в пользу композиционной целостности и во вред стилиевой целостности, тем не менее, ведет в тупик развитие архитектуры. И вместо того, чтобы стилистически развиваться, архитектура превращается в вариацию композиций из разностилевых элементов, либо бесконечно обыгрываемые архитектурные облики сложившихся стилиевых совокупностей.

Храм Адвентистов Седьмого Дня в Барановичах имеет интересную форму, где вертикальная доминанта достигается не точкой-башней, а общим подъемом главного фасада к центру с вертикальным его членением на характерные для белорусской архитектуры красно-белые участки. Входная группа и общая пластика фасадов являются современным прочтением белорусской готической храмовой архитектуры, как в церкви в Сынковичах или Костеле в Ишкольди.

Архитектура храма Христиан Веры Евангельской «Спасение» в тех же Барановичах тоже своими корнями уходит в готику – высокая скатная крыша накрывает продольно ориентированный объем, обрамленный рядами остроконечных щипцовых фронтонов с витражным остеклением.

К большому сожалению, большинство современных храмов на территории Брестской области – в пгт Антополь (Дрогичинский район), д. Телеханы (Ивацевичский район), д. Стошаны (Пинский район) и еще ряде населенных пунктов являются строениями мало отличимыми внешне от индивидуальных жилых домов. Хотя именно протестантская архитектура, ввиду своих строгих требований к внешнему виду храмового сооружения, может быть наиболее полно раскрыта в условиях Беларуси. При этом стоит различать «дом» – здание, от «Дома»-образа: для протестантского храма всегда был актуален вышеупомянутый образ «дома» – места, где собираются молящиеся, где нет дифференциации людей согласно их статусу, где ничего не скрывается от взора верующего. Этот тип храма появился еще во времена первых протестантских храмов в Скандинавии и Англии.

В первую очередь архитекторам, столкнувшимся с задачей проектирования протестантского храма, следует обратить внимание на достижения в области строительных материалов и конструкций, которые могут быть пригодны для создания архитектурного облика протестантского храма. Так как храм является инженерным сооружением, то возможен акцент на характерные или уникальные строительные конструкции.

Немалую роль в образовании облика и интерьера храма играют и материалы, используемые при строительстве и отделке. В условиях Беларуси такими материалами могут быть кирпич, дерево и железобетон, а также стекло и металлоконструкции. Железобетон отличается относительно невысокой стоимостью и широким диапазоном применения в области формообразования. Но в силу эстетической бедности железобетон стоит использовать с декоративными облицовками или другими материалами в качестве архитектурных акцентов. Также при использовании железобетона его широкие возможности формообразования могут быть использованы в пластике фасадов.

Такими же широкими возможностями при создании архитектурного облика обладает и дерево, при наличии более высоких эстетических качеств, а также высокой экологичности самого материала. Деревянные конструкции исторически развиты на территории Беларуси, что можно наблюдать в ряде культовых сооружений других конфессий, а строевой лес доступен. Кроме того, дерево хорошо использовать как отделочный материал или в совокупности с другими материалами, лишенными такой богатой фактуры – железобетоном или штукатурным кирпичом.

Кирпич в строительстве имеет хорошие теплотехнические, экологические и эстетические характеристики, но дает меньше простора для разнообразия форм. Тем не менее, поскольку кирпичные здания, в том числе и культовые, весьма характерны для белорусской архитектуры, то использование кирпича в строительстве также оправдано и предпочтительно, так как это соответствует белорусской архитектурной традиции.

Еще одним путем решения облика протестантского храма является обыгрывание в интерьере необходимых архитектурных деталей: органа, хоров, световых проемов, источников освещения. Протестантские храмы не имеют алтарей и в большинстве своем массивных предметов сакрального искусства, но в остальном базовые характерные черты их архитектурного облика аналогичны прочим христианским культовым сооружениям. Есть зрительный акцент в виде зоны священнослужителя и есть пространство паствы. Важны грамотное освещение и акустика. Таким образом, грамотная ориентация здания с точки зрения инсоляции позволяет выгодно использовать в интерьере храма витражи, а организация искусственного освещения, наоборот, дает возможность ставить световые акценты во внешнем облике здания. С учетом вышеописанных свойств строительных и декоративных материалов, в интерьере протестантского культового сооружения может быть использовано множество простых и выразительных решений, которые помогут организовать внутреннее пространство, разделить функциональные зоны внутри объема храма.

Не стоит забывать и о том, что церковь, как и любое архитектурное сооружение, претендующее на эстетическое восприятие окружающими, находится в среде и всегда с ней взаимодействует вне зависимости от того, состоит ли он со средой в гармонии или, наоборот, является ее контрапунктом. Архитекторам, перед которыми встает задача проектирования протестантского культового сооружения, также следует учитывать геопластику ландшафта и окружающую среду, как природную, так и градостроительную.

Социальную значимость протестантским культовым объектам придают их дополнительные функции – воскресные школы, помещения для массовых мероприятий. При проектировании протестантских храмов стоит учесть, что поскольку эта конфессия изначально была направлена на просветительскую деятельность, то превращение такого храма в многофункциональный комплекс лишь повышает его социальную роль и делает его более цельным с точки зрения изначальной религиозной идеи. Поэтому в качестве рекомендаций при проектировании можно добавить насыщение протестантской церкви функционалом – организовывать на их базе образовательные и культурные учреждения, библиотеки, концерты и т.п. Поэтому при планировочном размещении протестантских храмов в контексте храмовых комплексов большую роль также играет организация прихрамового пространства, причем как

функциональная: инсоляция застройки, доступность и логичность планировочного решения, так и эстетическая: ракурсы обзора, зрительные доминанты, сомасштабность зданий в застройке.

Заключение

Ввиду того, что Брестская область оказалась предрасположена к развитию протестантизма, на данный момент там наблюдается наиболее высокая плотность протестантских общин и объектов протестантской культовой архитектуры. Поэтому стоит обратить внимание на архитектурные и архитектурно-планировочные решения протестантских храмов с целью повышения их качеств как функциональных, так и эстетических и, как следствие, повышения их привлекательности для окружающих, в том числе и для туристов.

УДК 725.31

Малков И.Г., Власюк М.М.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ВОКЗАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ – ВАЖНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Целью данной работы является повышение интереса к вокзальным комплексам крупных городов Республики Беларусь, как важным элементам региональной архитектуры и градостроительной структуры.

Формирование и развитие материально-технической базы государства напрямую связано с состоянием его транспортной инфраструктуры. Во многих странах она включает сети железнодорожного, автомобильного, воздушного, речного и морского транспорта. Для нашего государства с его относительно небольшой территорией велика роль железнодорожного транспорта. Белорусская железная дорога на нынешнем этапе является одной из ведущих отраслей экономики РБ. Среди других транспортных предприятий страны железная дорога обеспечивает 94% грузооборота и 60% пассажирооборота. Одним из основных элементов в создании условий для передвижения пассажиров на транспорте являются вокзалы. На вокзалах ежедневно ведется обслуживание значительного числа людей, отправившихся в дорогу. Пассажирские вокзалы обычно рассчитываются на многолетнюю эксплуатацию и подобно иным общественным зданиям имеют в своем составе обширный перечень помещений, включающих площади для непосредственного обслуживания пассажиров, служебно-технические и вспомогательные. Кроме того, каждый вокзал с прилегающей площадью является частью градостроительной структуры города или поселка и непосредственно влияет на его архитектурно-планировочную композицию. Оправдано в связи с этим, что вопросу формирования архитектуры железнодорожных вокзалов всегда уделялось существенное внимание.

Под вокзалом понимается комплекс зданий, сооружений и устройств, необходимых для обслуживания пассажиров дальнего следования, расположенный на одной железнодорожной станции (пассажи́рском остано́вочном пункте) с единым административным подчинением. Вокзал включает: пассажирское здание и павильоны; пассажирские платформы с навесами или без них; переходы через железнодорожные пути (вокзальные переходы) в одном или в разных уровнях; малые архитектурные формы и визуальные коммуникации.

Вокзал является частью вокзального комплекса (железнодорожной пассажирской станции, центрального автовокзала и пассажирской автобусной станции), в который входят все функционально и композиционно взаимосвязанные здания, сооружения и устройства, предназначенные для обслуживания пассажиров и проведения билетных, багажных, почтовых и других операций. Вокзалы являются структурными элементами города и его транспортного узла с обеспечением их планомерного развития и согласованного решения основных элементов вокзального комплекса (перрон, здание, привокзальная площадь), блокировки с объектами общегородского значения, а также с учетом ряда архитектурно-художественных задач. Выполнение градостроительных требований влияет на повышение качества обслуживания пассажиров, прежде всего путем сокращения полных затрат времени на все виды обслуживания, создание комфорта (удобства) в получении услуг и пользовании отдельными службами и устройствами в вокзалах, а также приводит к снижению строительных и эксплуатационных затрат.

Анализ современного состояния строительства и реконструкции зданий железнодорожных вокзалов в Беларуси позволяет констатировать, что этому направлению капитального строительства уделяется значительное внимание как Управлением Белорусской железной дороги, в чьем ведении находятся вокзалы, так исполнительной власти городов. В течение последних 5 лет на строительство новых и реконструкцию существующих вокзалов Белорусской железной дороги ежегодно выделялось от 4 до 5 миллиардов рублей. Кроме нового вокзала в г. Минске, введенного в эксплуатацию в 2001–2003 гг., с начала 90-х годов прошлого столетия, т.е. со времени обретения независимости государства, реконструированы вокзалы в городах Жлобине, Орше, Бобруйске, Барановичах и др.

Вокзалы классифицируются по следующим признакам: по размерам, по положению относительно станционных железнодорожных путей в плане и по вертикали, по преобладающей категории обслуживаемых пассажиров.

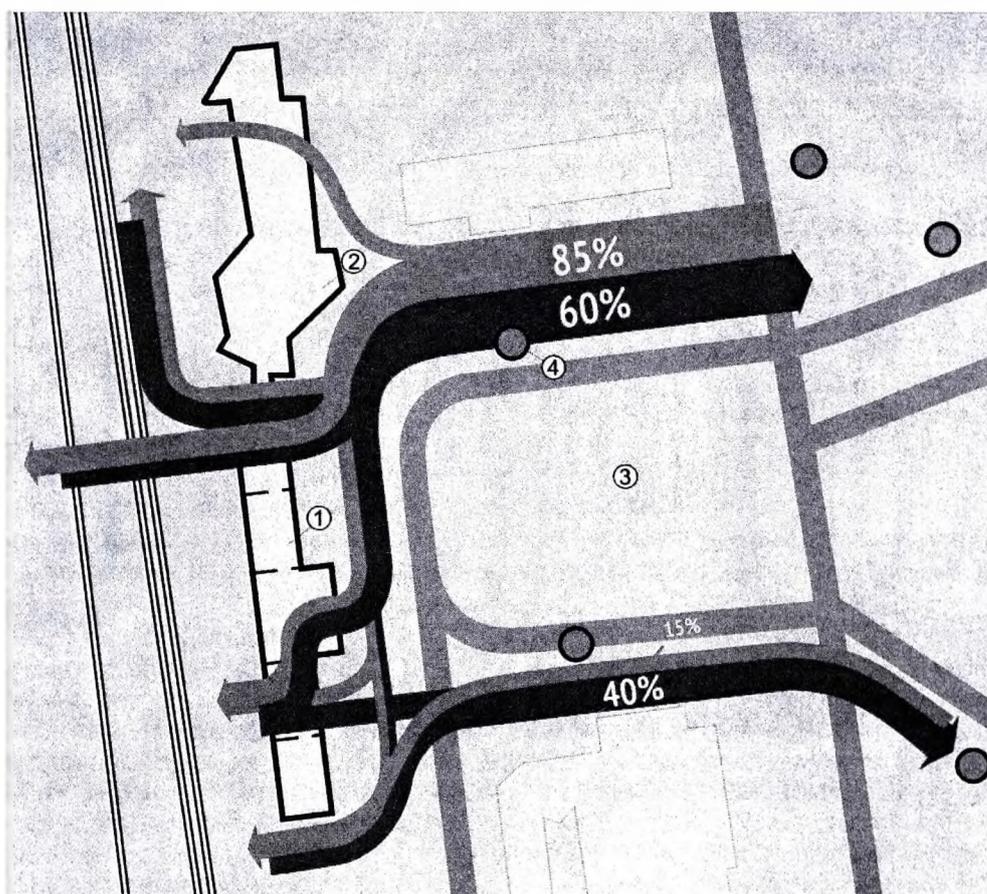
По положению в плане относительно станционных железнодорожных путей существующие делятся на вокзалы бокового или берегового и островного типа. Преобладающим является первый тип. Таковы вокзалы Гомеля, Могилева, Витебска и других. Вокзалы островного типа, характеризующиеся тем, что станционные пути примыкают к зданию с обеих продольных сторон, эксплуатируются в Бресте и Орше. Последние, создавая определенные преимущества в дифференциации прибывающих и отправляющихся пассажирских поездов по названным станциям, островное размещение вокзалов существенно усложняет перспективное развитие вокзальных комплексов и беспрепятственную связь с городской транспортной инфраструктурой.

Различие типов вокзалов по вертикальному формированию объемов связано с положением относительно уровня станционных путей, как привокзальных площадей, так и основных помещений, предназначенных для обслужи-

вания пассажиров. В мировой практике можно выделить три типа вокзалов: повышенный – расположение привокзальной площади и помещений вокзала выше уровня путей; пониженный – привокзальная площадь и помещения расположены ниже уровня путей; горизонтальный – площадь и вокзал находятся на одном уровне. Почти все вокзальные комплексы Беларуси сформированы по последнему типу. Равнинный рельеф страны, преобладание малых и средних по размерам вокзалов явились первопричиной такого решения. Лишь вокзал г. Минска, относящийся к категории особо крупных, сочетает в себе признаки смешанного типа. Основной объем вокзала, ориентированный главным фасадом на привокзальную площадь (горизонтальный тип) дополнен конкорсом, где размещен зал ожидания пассажиров площадью свыше 3000 м² с подсобными помещениями (повышенный тип).

Объемно-планировочные решения вокзалов основаны на группировке помещений по функционально-технологическим признакам и категориям пассажиров. Большинство основных помещений вокзалов находится на пути движения потенциальных пассажиров с привокзальной площади к платформам станционных путей. Компонировка вокзалов при их боковом размещении по отношению к путям предусматривает сквозные проходы с непосредственным выходом на платформу первого пути, либо при помощи подземных туннелей и надпутных переходов на платформы других. Большинство основных помещений вокзалов находится на пути пассажиропотоков ближе к основным выходам ближе на платформы и привокзальную площадь, как правило, в одном уровне с ними. Эксплуатируемые здания основных вокзалов страны являются одно- и двухэтажные.

Компировка помещений вокзалов осуществляется обычно по следующим схемам планировки: анфиладной, однорядной и двухрядной с продольным либо поперечным направлением передвижения посетителей. На рисунке представлены планировочная схема вокзала в г. Гомеле с указанием функциональных зон группировки помещений и направлением основных потоков движения пассажиров, встречающих и провожающих (рисунком 1).

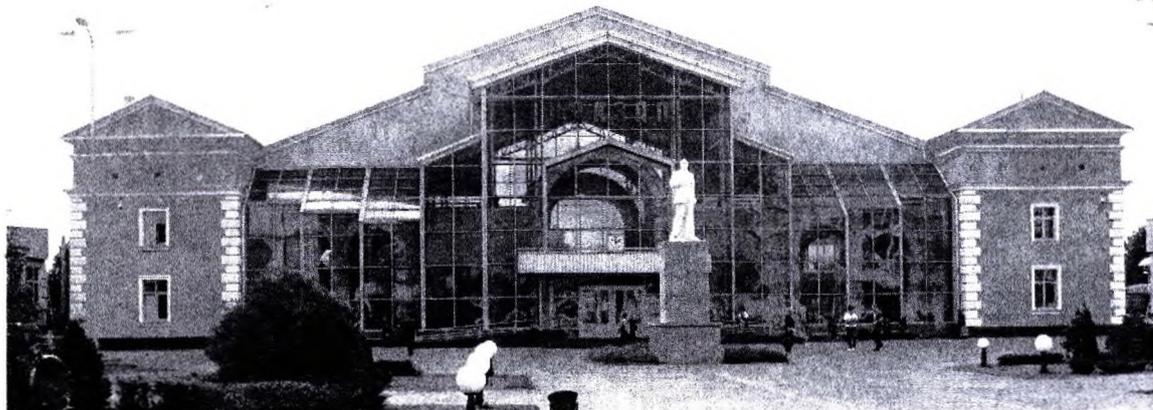
1 – вокзал дальнего следования, 2 – пригородный вокзал,
3 – Привокзальная площадь, 4 – остановки общественного транспорта
Рисунок 1 – Распределение пассажиропотоков на Привокзальной площади в Гомеле

Большинству вокзалов свойственен прием симметричного, относительно главного входа со стороны привокзальной площади, размещения помещений. Считается что такой вариант планировки здания, являющийся традиционным, улучшает эксплуатационные качества здания.

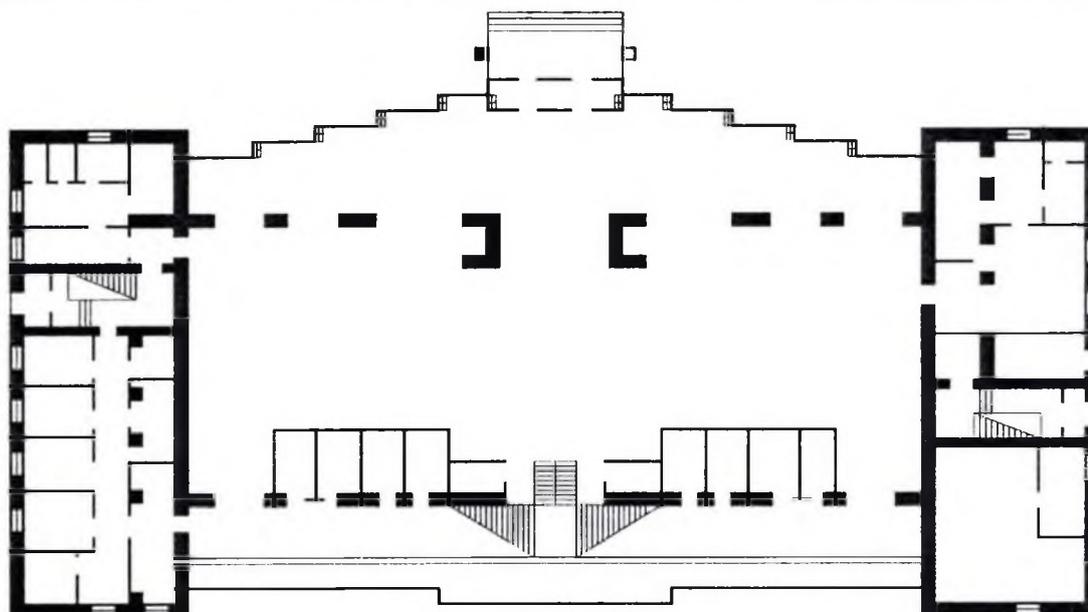
Немаловажным по технологии эксплуатации вокзалов является разделение потоков пассажиров дальнего и местного (пригородного) следования. Соответственно на большинстве вокзалов имеется четкое деление помещений билетных касс. Выявлены два способа размещения помещений билетных касс для потенциальных пассажиров пригородных поездов: внутри основного здания в специальном блоке (гг. Витебск, Минск), в отдельно стоящем здании, сблокированном с основным объемом вокзала (г. Гомель). Понятно, что показанные варианты технологии обслуживания пассажиров непосредственно отражаются как на планировочном решении вокзалов, так и общем композиционном облике вокзальных комплексов. Для вокзалов транзитных станций и при общем небольшом количестве пассажиров такое деление помещений не предусматривается (гг. Жлобин, Осиповичи, Калинковичи).

Реконструированный в 2003–2004 гг. вокзал станции Жлобин являет пример традиционного планировочного решения здания. Растущий и развивающийся, с большим будущим город металлургов Жлобин является также крупным железнодорожным узлом. Учитывая важное градостроительное значение объекта в застройке города и формировании привокзальной площади, старое здание вокзала было решено реконструировать и построить рядом дополнительные здания, необходимые для полного решения функциональных задач вокзального комплекса (рис. 2).

а)

б)

а – фасад, б – план первого этажа
Рисунок 2 – Железнодорожный вокзал в Жлобине

В отличие от описанного реконструированного вокзала г. Жлобина железнодорожный вокзал г. Минска является новой постройкой, проектирование его началось в начале 90-х годов XX столетия, а возведен он был в начале нынешнего столетия. Главный корпус минского вокзала размещен на продолжении оси одной из основных магистралей города – улицы Кирова. Здание запроектировано с пятью надземными этажами и двумя подземными. В центральной части здания размещены операционно-распределительные залы с входами из подземных уровней площади, перронного пространства и с надземных уровней. Операционно-распределительный зал, расположенный в надземном уровне здания, многосветный (атриум), с компоновкой вокруг него уровней вышележащих этажей. Из этого зала пассажиры по эскалаторам, лифтам и лестницам попадают на вышележащие этажи и в подземный уровень, в необходимые им помещения и службы.

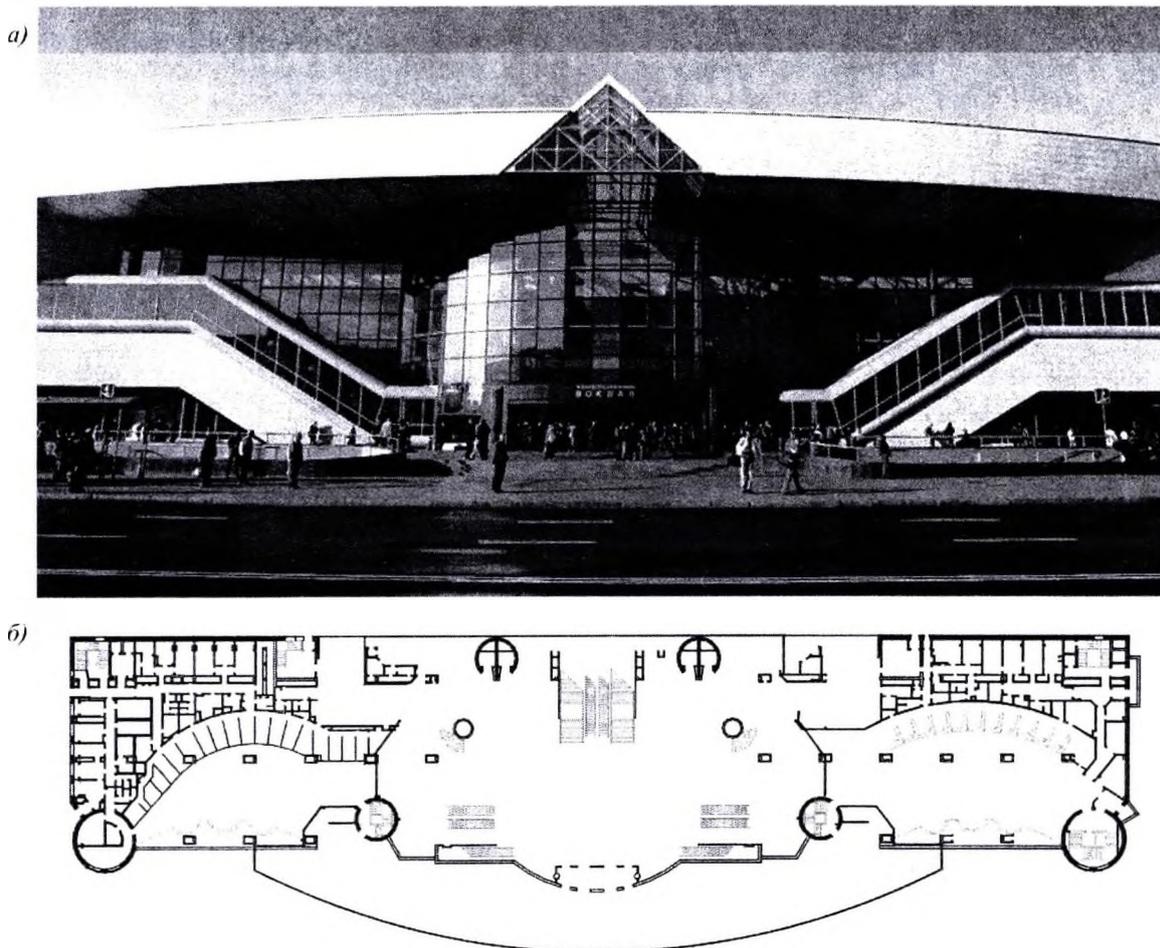
Планировочная структура здания, другие функциональные и эстетические параметры выполнены с целью максимально комфортного обслуживания, пребывания и перемещений пассажиров в здании, на основе изучения опыта проектирования, строительства и эксплуатации зданий подобного назначения в странах СНГ и за рубежом, с применением технологий, материалов и оборудования, соответствующих европейским стандартам (рисунок 3).

Время, изменение социальных условий в обществе, новые транспортные средства – это и многое другое вносят изменения в понимание функционального назначения вокзалов всех видов транспорта, в том числе и железнодорожных. Прежде всего это сказывается на планировочном решении действующих вокзалов, которые претерпевают изменения в результате реконструкции.

Сравнение архитектурно-планировочных решений описанных выше вокзалов показывает, насколько разительны перемены в наборе помещений реконструируемого и нового вокзалов.

Вокзал всегда являлся местом притяжения значительного числа жителей маленького городка, районного центра, крупного города. В современных условиях вокзал из сугубо функционального здания все более превращается

в общественное здание, которому, кроме специального назначения, добавляются функции торговли отдыха и культурно-развлекательного характера. Причем эта тенденция свойственна большинству современных вокзалов любых видов транспорта.

а – фасад, б – план первого этажа
Рисунок 3 – Железнодорожный вокзал в Минске

Еще более наглядно проявляется тенденция введения в состав вокзальных комплексов помещений, ранее свойственных лишь общественным зданиям общегородского назначения, в здании центрального минского автовокзала, введенном в эксплуатацию в 2011 году. Как отмечает автор проекта Центрального автовокзала столицы архитектор И. Виноградов: «Для любого типа объекта, расположенного в центре города, существует масса пространственно-планировочных ограничений, и задача архитектора максимально, в пределах правил, использовать каждый квадратный метр территории. Трехуровневый офисно-торговый центр и пятиуровневый паркинг решено было разместить на огромной платформе, поднятой на семь метров от уровня земли и занимающей в проекции всю выделенную для строительства территорию. Получилось уникальное сооружение, аналогов которому я лично не встречал. Разве что в Монако, с его крайним дефицитом территорий, видел нечто подобное. В комплексе (кроме всего прочего) предусмотрено несколько ресторанов и кафе, а на самом последнем этаже размещены комфортабельные офисы».

Как видим, в состав вокзальных сооружений широко включаются группы помещений, относящиеся к зданиям специализированного назначения – гостиницы, кинотеатры, спортивные сооружения и другое. К слову, сооружение гостиниц на привокзальной площади вполне обосновано, и это мы можем видеть на примере городов Минска и Гомеля. Однако в данном случае следует сделать акценты на том, что современные вокзальные комплексы (именно комплексы, а не вокзалы) должны включать весьма широкую номенклатуру помещений, рассчитанных не только на обслуживание пассажиров, но и являющихся крупными общественными зданиями многофункционального назначения. Естественно, что в таких условиях совершенно по-иному должно трактоваться архитектурно-композиционное решение вновь возводимого либо реконструируемого вокзала.

Существующие здания вокзалов Беларуси условно можно разделить на два типа по потенциальным возможностям активного влияния на формирование градостроительной структуры. Первые, сугубо функциональные вокзалы островного расположения по отношению к железнодорожным путям, не имеющие благоприятных возможностей формирования привокзальной территории и развития объемно-планировочного потенциала самого здания. Таковы, к примеру, вокзалы в городах Бресте и Орше. Железнодорожные станции этих городов, представляющие крупные узлы с большим пассажиропотоком, практически не имеют территориальных ресурсов для развития вокзальных комплексов. Участие таких вокзалов в формировании общей градостроительной композиции весьма ограничено и сводится к локальным композиционным решениям.

Второй тип – вокзалы с боковым или смешанным вариантом расположения по отношению к железнодорожным магистралям. Они являются частью градостроительных образований, непосредственно и органически вливаясь в их структуру. К этому типу следует отнести вокзалы в Минске, Гомеле, Витебске. Крупные здания этих вокзалов являются архитектурными доминантами, замыкая на своем объеме развитую привокзальную площадь и примыкающие, либо завершающиеся возле них улицы. Такие вокзальные комплексы, включающие основное здание и привокзальную площадь, служат крупными политранспортными узлами городского и междугородного транспорта, являются важными архитектурно-композиционными элементами формированиями названных городов (рисунки 4,5).

Таким образом, принципы проектирования вокзальных комплексов претерпевают значительные изменения. Вокзалы из сугубо специализированных зданий по обслуживанию пассажиров превращаются в крупные общественные здания многофункционального назначения, играющие важную роль в формировании архитектурно-композиционного облика важнейших градостроительных зон городов. Являясь для каждого из приезжающих первым местом, где формируется представление о городе, они, кроме своего сугубо функционального назначения, должны являть образцы градостроительной эстетики и культуры конкретного населенного пункта.

Рисунок 4 – Общий вид железнодорожных вокзалов дальнего и пригородного следования в Гомеле

Рисунок 5 – Общий вид железнодорожного вокзала в Витебске

Список цитированных источников

1. Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений: учеб. для вузов / Под общ. ред. И.Е. Рожина. – М.: Стройиздат, 1985. – 543 с., ил.
2. Виноградов, И. Автовокзал для столицы / И. Виноградов // Архитектура и строительство. – 2007. – № 9. – С. 16-17.
3. Кочнев, Ф.П. Пассажирские станции и вокзалы. – М.: Транспорт, 1950. – 360 с.
4. Отраслевые нормы технологического проектирования (ОНТП) железнодорожных вокзалов для пассажиров дальнего следования: утв. Министерства путей сообщения Российской Федерации 31.12.1997 г. – М.: МПС РФ, 1998. – 67 с.
5. Степура, М. Новые вокзалы Минска / М. Степура // Архитектура и строительство. – 2007. – №9. – ABC, 2005. – 272 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УНИКАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ИНЖЕНЕРИИ, ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ И ИХ РУИН

Введение. Основной целью мероприятий по защите мировых памятников архитектуры является их долгосрочное сохранение, а также максимальное сохранение их аутентичности. Культурное наследие исключительно важно для общества, в первую очередь для того, чтобы на примере реальных исторических свидетельств иметь возможность познавать собственную историю. Это высказывание соответствует истине, как для небольших регионов в частности, так и для всей Европы в целом. Защита памятников является одной из составляющих уровня жизни. Следует отметить немаловажный факт, что памятники истории и культуры Республики Беларусь составляют неотъемлемую часть не только нашего культурного наследия, но и всего мирового культурного достояния в целом.

Малейшие ошибки могут привести к потере культурных невозвратимых достояний.

Основная часть. Суть предлагаемой технологии заключается в преобразовании памятника архитектуры или его руин в трехмерную виртуальную модель посредством его сканирования. Таким образом, мы получаем идентичную копию в масштабе 1:1, что позволяет нам создать виртуальную лабораторию за персональным компьютером. Мероприятия по сканированию имеют ряд преимуществ относительно традиционных способов обмеров памятников архитектуры:

- бесконтактная технология проведения архитектурно-обмерочных работ, не наносящая зданию каких-либо повреждений, получение параметров, ранее недоступных или труднодоступных и ветхих объектов;
- минимальное количество задействованных на натурном объекте участников проекта (вплоть до одного оператора), все остальные работы будут проходить в научно-исследовательском центре;
- предполагается процесс автоматизации создания чертежной документации (ортофотопланы, цветовые развертки), что в свою очередь максимально исключает человеческий фактор создания ошибки.

Само существование трехмерной модели памятника архитектуры, следствием чего является создание виртуального культурного архива, даже после утраты оригинального аналога памятника останется в электронных записках навсегда. Это поможет как при восстановительных работах, так и при научно-исследовательских ученым и соискателям, которые смогут без труда изучать старинные технологии и культуру.

С получением трехмерной модели открывается ряд уникальных возможностей, которые помогут ученым более тщательно изучить историческую материю и не упустить ни единой детали. Примером может послужить обычная задача, с которой может не справиться обычный человек, заключающаяся в распознавании и идентификации очень старого и сложного рельефа, ввиду физических ограничений органа зрения человека (рис. 1,2).

Рисунок 1 – Межевой столб форта

Из приведенного примера можно заметить, что следы эрозии бетона и результаты жизнедеятельности живых растительных организмов не дают идентифицировать на местности какую-либо информацию по данному рельефу. Это создает угрозу недостоверной идентификации, что может привести к научной ошибке или же не быть незамеченной вовсе. Но виртуальная модель представляет нам спектр возможностей, которые могут помочь в решении подобных задач. Одна из таких возможностей – это исключение цветовой информации. Это означает, что если для

восприятия и изучения формы рельефа будет недостаточно информации, то мы можем задать комбинацию алгоритмов, которые нам подойдут. Таким примером алгоритма может служить кавити-маска или же аналог патины в природе, которая принудительно затемняет впадины, подчеркивая тем самым выступающие элементы формы (рис. 3).

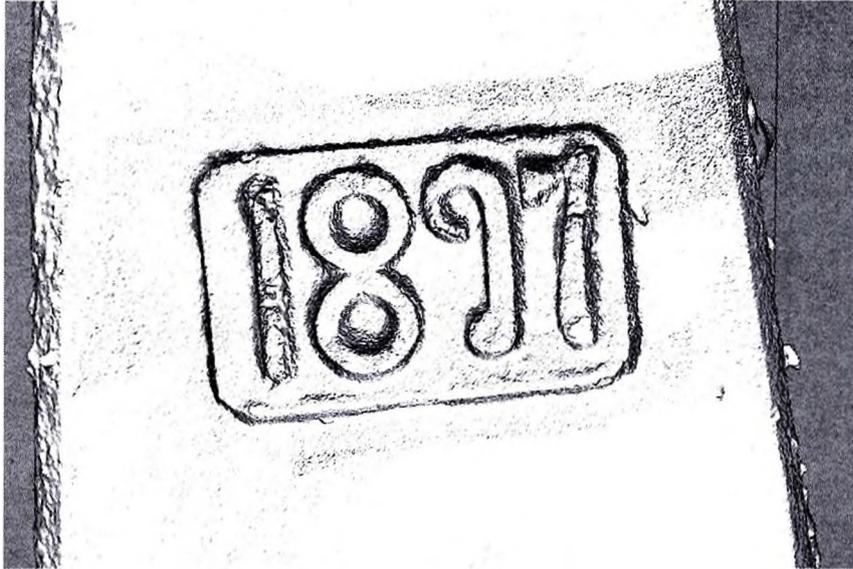

Рисунок 2 – Отсканированная 3D-модель межевого столба форта

Алгоритм использования кавити-масок поверхности объекта можно автоматизировать путем создания баз данных тех или иных деталей, барельефов, гербов, декоративной лепнины и других архитектурных элементов с последующим их систематизированием для дальнейшего сопоставления, выявления принадлежности к своему стилю архитектуры или эпохи. Такая автоматизация повысит возможности поиска необходимых аналогов для научных или восстановительных реставрационных работ. Возможным станет восстановление недостающих частей элемента по одному лишь фрагменту модели. Все это можно проводить прямо в виртуальном пространстве, прогнозируя и параллельно изучая, как лучше вести восстановительные работы.

Следующая важная возможность при работе с трехмерной моделью памятника архитектуры заключается в нестандартном для реальной местности видении объекта. Это означает, что оператор компьютера сможет вращать модель у себя на экране, тем самым иметь возможность взглянуть на нее с таких ракурсов, с которых в реальной жизни никогда не получится. Возможно увидеть достоверный разрез здания или объекта архитектуры в любом необходимом месте. А также увидеть скрытые от глаз элементы, находящиеся под землей или в конструкциях объекта. Эти все возможности позволят сделать в дальнейшем дополнительные открытия.

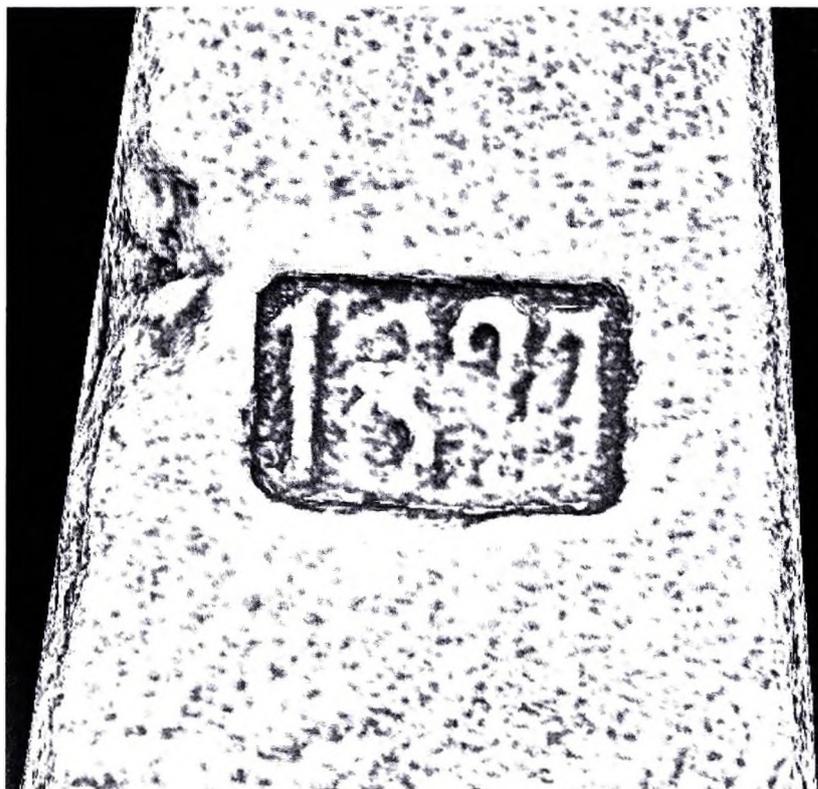

Рисунок 3 – Пример использования кавити-маски на трудночитаемом рельефе

Основным плюсом данной технологии является лабораторный метод изучения объектов архитектуры, не требующий постоянного выезда на место проведения изысканий, что поможет сэкономить финансовые и временные затраты. Точное достоверное сканирование объекта будет нести в себе всю необходимую визуальную информацию. Причем, сканирование можно использовать как мониторинг за состоянием памятника архитектуры, сопоставляя сканы различных временных промежутков, тем самым выявить характер наносимого урона, а также смоделировать все необходимые мероприятия для предотвращения дальнейшего разрушения.

Заключение. Технология объемного сканирования памятников архитектуры и их составляющих, в том числе руин и объектов инженерных достижений, имеет безграничные, еще неизведанные возможности, ввиду начала своего зарождения. Сегодняшнее содействие ее развитию, а также развитие компьютерных технологий ускорит процесс ее становления и получения еще больших результатов, тем самым создав информационную материю, стремящуюся нести в себе все больше материалов для будущих научных открытий.

УДК 711.437:631.2

Малков И.Г., Коняев Н.В.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВОЧНЫХ РЕШЕНИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗОН БЕЛАРУСИ

В настоящее время в Беларуси быстрыми темпами растет и обновляется материально-техническая база сельскохозяйственного производства, интенсивно ведется производственное, жилищное и культурно-бытовое строительство наряду с реконструкцией и модернизацией уже существующих действующих и, по объективным причинам, в свое время недостроенных объектов различного назначения, включая и производственные. Последовательно решаются социально-экономические задачи. Дальнейшая специализация и концентрация сельскохозяйственного производства, его техническое перевооружение и модернизация приводят к формированию качественно новых градостроительных образований – сельскохозяйственных производственных зон, являющихся основой существования агрогородков. Современная сельскохозяйственная производственная зона является ведущим посёлкообразующим фактором и представляет собой важную зону планировочной структуры сельского населенного пункта. Сельскохозяйственная производственная зона – это функционально-хозяйственное и территориальное объединение объектов основного, вспомогательного, обслуживающего назначения сельскохозяйственного предприятия, формирующие относительно самостоятельный градостроительный элемент производственно-селитебного комплекса, состав и величина которого определяется специализацией и объемами производства, функциональной организацией территории хозяйства, характером межхозяйственных отношений.

В основу архитектурно-планировочной организации сельскохозяйственных производственных зон положен принцип функционального зонирования по видам производства, который определил следующее понятие – сектор сельскохозяйственных производственных зон. Сектором сельскохозяйственных производственных зон следует считать часть ее территории, на которой размещены здания и сооружения, имеющие общность назначения и определенную однотипность производственных процессов, единство нормативных характеристик, однородность уровня инженерного оборудования и характер транспортного обслуживания.

Анализ исторических тенденций развития планировочных структур сельскохозяйственных производственных зон в хозяйствах республики показал, что в пятидесятых годах наблюдалось территориальное объединение небольших животноводческих ферм, конно-рабочих дворов, зерноскладов и других построек, создавая единый производственный массив. Формирование таких многоотраслевых производственных зон было целесообразно в силу небольших мощностей отдельных предприятий, отсутствия узкой специализации, низкой механо- и энерговооруженности производственных процессов. Общие размеры их участков были невелики, не обладали территориальной компактностью и четкостью границ. При этом вопросам архитектурной организации и выразительности композиции производственной застройки не уделялось должного внимания.

Со второй половины шестидесятых годов принятый курс на специализацию и укрепление экономической мощи колхозов и совхозов привел к пересмотру принципов проектирования производственных объектов села.

В современных условиях наблюдается следующая тенденция формирования сельскохозяйственных производственных зон в пределах хозяйства – это укрупнение, специализация, централизация.

Процесс создания централизованных укрупненных сельскохозяйственных производственных зон требует выявления путей реконструкции сложившейся сети производственных объектов, сосредоточения их при перспективных поселках, обеспечения территориального единства и компактности, что обеспечивает не только экономическое преимущества застройки, инженерного оборудования, благоустройства, но и позволяет совершенствовать архитектурно-пространственное решение зоны в целом.

Опыт экспериментально-показательного строительства в республике и создание новых производственно-селитебных комплексов на осушенных землях Полесья Беларуси позволяет определять ряд закономерностей и возможные пути оптимизации архитектурно-планировочных решений сельскохозяйственных производственных зон.

При этом рациональное размещение сельскохозяйственных производственных зон достигается в том случае, когда она примыкает к селитбе в виде единой компактной территории с соблюдением санитарно-гигиенических требований, а также на расстоянии до одного километра. В данном случае обеспечивается переходная связь, достигается единство инженерных коммуникаций, создаются предпосылки для формирования законченного градостроительного ансамбля аграрного поселкового типа.

Важен также и учет транспортных издержек при выборе места строительства сельскохозяйственных производственных зон на территории хозяйства по отношению к сельскохозяйственным угодьям и внешним связям.

При компактной планировочной структуре можно выделить последовательную, параллельную, круговую и смешанную системы взаимосвязи между секторами. Более приемлемой можно считать параллельную систему размещения секторов, позволяющую рационально решать функциональные связи, систему инженерного и технологического обеспечения, добиваться оптимальной конфигурации участка и объемно-планировочного решения.

С целью совершенствования архитектурно-планировочных решений сельскохозяйственных производственных зон и рационального использования земель в условиях реконструкции на стадии проектирования целесообразным будет введение коэффициента компактности как отношение суммарной площади участка к занимаемой площади сельскохозяйственными производственными зонами в целом. Оптимизация планировочных решений зависит также от плотности застройки секторов, их удельной емкости, архитектурно-планировочных решений зданий и сооружений. Резервы увеличения плотности застройки имеют практически все производственные сектора за счет совершенствования технологии, внедрения новых конструктивно-технических решений зданий, их блокировки, рациональной организации функциональных связей.

Таким образом, в результате проведения анализа путей формирования сельскохозяйственных производственных зон в современных условиях выявлено, что оптимизация их функционально-планировочных и архитектурно-композиционных решений зависит от следующих факторов:

а) размещения сельскохозяйственных производственных зон на территории хозяйства и по отношению к внешним транспортным магистралям;

б) рациональной компоновки сельскохозяйственных производственных зон в планировочной структуре производственно-селитебного комплекса;

в) рационального решения внутренних функциональных связей и компоновки секторов сельскохозяйственных производственных зон;

г) совершенствования архитектурно-планировочных решений зданий и сооружений, повышения плотности застройки секторов;

д) привлечения средств архитектурной композиции в формировании производственной застройки.

Рациональная организация производственных зон хозяйств вместе с упорядочением сложившегося расселения должна обеспечить наиболее эффективные пути преодоления сохранившихся различий между городом и деревней, благоприятные условия для интенсификации сельскохозяйственного производства и полноценного использования капитальных вложений.

Вплоть до настоящего времени организация производственных территорий сельхозпредприятий разрабатывается в схемах внутрихозяйственного землеустройства, а производственные участки в связи с маломощностью ферм охватываются, как правило, проектами планировки поселков. Масштабная задача коренного социально-экономического переустройства села далеко не исчерпывается вопросами землеустройства, а перевод сельского хозяйства на промышленную основу связан с созданием крупных механизированных производственных комплексов, имеющих иной характер технологических связей и организации и, нередко, требующих значительных санитарных разрывов.

Начиная с 1999 г., в группе сельскохозяйственных производственных зон предприятий Беларуси ведется многовекторное экспериментально-показательное строительство. В настоящее время при подготовке предложений по дальнейшему развитию экспериментальных хозяйств на основе натурного обследования и изучения, включая градостроительный анализ территории, оценку конкретных особенностей труда и производства, трудовых потоков и радиусов доступности мест приложения труда, грузопотоков, сложившейся и формируемой территориально-планировочной структуры, зооветеринарных и санитарно-гигиенических требований, оценки состояния окружающей среды и т.п., выявилась необходимость выделения трех принципиально отличных функциональных зон в каждом хозяйстве:

- зона перспективного агрогородка, включая жилую территорию, участки культурно-бытового и рекреационного назначения, коммунальных и сельскохозяйственных объектов не выше IV класса вредности (разрывы до 100м), а также необходимые территориальные резервы для их последующего развития;

- животноводческая зона, где концентрируются основные предприятия отрасли, комплекующие продукцию центробывоза, и вспомогательные объекты с необходимыми технологическими площадями и территориальными резервами;

- полеводческая зона, охватывающая основные сельскохозяйственные угодья и обеспечивающая заготовку и поставку кормов.

Функционально-планировочная организация территории хозяйства представляет собой более устойчивую основу перспективного развития сельскохозяйственных производственных хозяйств, позволяет планомерно упорядочить застройку и развивать новое строительство на более высоком архитектурно-планировочном уровне, обеспечивает более жесткое резервирование территории для целенаправленного использования.

Для успешной реализации глубинных преобразований на селе необходима разработка прогнозов развития каждого хозяйства в отдельности на длительную перспективу, оценка и разработка основных направлений совершенствования систем культурно-бытового и транспортного обслуживания населения, условий водоснабжения и канализации, газификации и электроснабжения населенных мест и производственных зон, инженерно-территориальная и ландшафтная оценка территории, зонирования и интенсивности производственных вредностей и других вопросов, связанных с планировкой и организацией территории хозяйства в целом. Выявляется актуальная необходимость постепенной замены внутрихозяйственного землеустройства более полноценными проектами планировки хозяйств. При этом схема землепользования, план социального и экономического развития хозяйства должны

стать основными составными частями нового проекта планировки производственных зон, который будет играть роль недостающего в настоящее время связующего звена между проектом районной планировки, с одной стороны, и проектами отдельных агрогородков или производственных зон – с другой. Уместно отметить, что это требует большой организационной и методической подготовки.

Аннотация: В статье затронуты проблемы, возникающие при формировании сельскохозяйственных производственных зон в современных условиях и выявлена их оптимизация по их функционально-планировочным и архитектурно-композиционным решениям, напрямую зависящих от размещения сельскохозяйственных производственных зон на территории хозяйства и по отношению к внешним транспортным магистралям; от рациональной компоновки сельскохозяйственных производственных зон в планировочной структуре производственно-селитебного комплекса; от рационального решения внутренних функциональных связей и компоновки секторов сельскохозяйственных производственных зон; от совершенствования архитектурно-планировочных решений зданий и сооружений, повышения плотности застройки секторов; от привлечения средств архитектурной композиции в формировании производственной застройки.

Выявлена актуальная необходимость совершенствования архитектурно-планировочных решений сельскохозяйственных производственных зон и рационального использования земель в условиях реконструкции на стадии проектирования. Выявлены характерные черты, указывающие на необходимость исследования и планомерного внедрения решения данной проблемы.

Annotation: In article problems arising at formation of agricultural industrial zones in modern conditions are mentioned. Optimization of agricultural industrial zones on them to functionally-planning and architecturally-composite decisions, directly depending on their placing in territory of an economy and in relation to external transport highways is revealed; from rational configuration of agricultural industrial zones in planning structure it is industrial - occupied a complex; from the rational decision of internal functional communications and configuration of sectors of agricultural industrial zones; from perfection architecturally planning decisions of buildings and constructions, increase of density of building of sectors; from attraction of elements of architectural composition in formation of industrial building. Actual necessity of perfection architecturally-planning decisions of agricultural industrial zones and rational use of the earths in the conditions of reconstruction on a design stage is revealed. The characteristic features specifying in necessity of research and systematic introduction of the decision of the given problem are revealed.

УДК 719:712(476)

Матвеева Е.В.

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТЕЧЕК ПРИНЕМАНСКОГО И ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ В XVI-XIX ВВ.

Введение. Подлинное разнообразие культурного наследия Беларуси раскрывается в архитектуре регионов. Носителями региональных отличий могут выступать как крупные территориальные единицы, так небольшие локальные районы.

В основе историко-культурного районирования территории традиционно лежат природные факторы. Освоение земель в бассейнах рек с давних времен велось интенсивнее благодаря более мягким природно-климатическим условиям, плодородным почвам и естественному рельефу, подходящему для создания поселений. Общепринятые названия регионов чаще всего происходят от названий местных рек, озёр, природных ландшафтов. Принеманский и Прибужский регионы расположены вдоль западной границы Беларуси. По сравнению с другими белорусскими регионами система расселения западных областей значительно плотнее, с преобладанием поселений средних размеров – местечек.

Местечко – характерный для Беларуси исторический тип поселения, сочетающий в себе черты городской и сельской пространственной организации. Кроме того, местечко представляет собой многогранный феномен в истории нашего края. Архитектурный облик этих поселений отличается своеобразием благодаря проживанию на компактной территории представителей различных народов и вероисповеданий. В локальных районах, сочетающих в себе богатое природное и историко-культурное наследие, местечко может рассматриваться как центр туристического развития. Подобный подход применён в работе А.И. Локотко «Историко-культурные регионы Беларуси» [1]. Новым перспективным направлением исследований становится сегодня и изучение истории отдельных местечек. Об этом свидетельствует ряд книг, изданных в последние годы в Беларуси, в которых подробно описывается история малых поселений [2, с. 8].

Выбранная для исследования территория охватывает южную часть Принеманского и Прибужский регион. Целью исследования является выявление региональных черт планировочной организации местечек Беларуси для их сохранения и развития в архитектурно-планировочной организации малых городских поселений названных регионов. Изучение архитектурно-планировочной организации местечек позволит расширить представления об архитектурном наследии Беларуси и поможет созданию в них благоприятной среды для проживания.

Основная часть. Пограничье Принеманского и Прибужского регионов занимает обширная природоохранная зона, в которую входят Беловежская и Ружанская пуши. Практически по периметру природного комплекса располагаются местечки: Высокое, Деречин, Дятлово, Жировичи, Зельва, Каменец, Ружаны и др. Перечисленные населенные пункты выбраны для дальнейшего анализа, поскольку имеют хорошо сохранившуюся планировочную структуру.

ру. В этих местечках в аутентичном окружении сохранилось множество памятников истории и культуры, отличающихся своеобразным региональным колоритом. В историко-архитектурных исследованиях пока не определены чёткие границы регионов. В других отраслях науки, в зависимости от предмета исследования, очертания регионов видоизменяются [1, 3]. Принеманский и Прибужский регионы в ряде работ описываются как имеющие близкие характеристики и иногда даже рассматриваются как некое целое [4]. Ниже приводятся краткие исторические сведения и характеристики выбранных местечек. Акцент делается на основные этапы создания градообразующих архитектурных памятников, особенностями планировочной организации поселения и ее связи с природным окружением.

Высокое. Поселение впервые упоминается в летописях XIV в. как Высокий Город. Вплоть до 1939 г. местечко известно как Высоко-Литовск. Высокое сформировалось на высоком левом берегу реки Пульвы. С 1647 г. имение вместе с деревнями стало принадлежать гетману ВКЛ Павлу Яну Сапеге, на правом берегу реки Пульвы был заложен высококовский замок, при котором разбит регулярный парк. Замок в Высоком был оснащён бастионной системой укрепления, обводнен и обнесён валами. С 1671 г. Высокое, по инициативе Бенедикта Сапеги, получило «привилею» на проведение крупных ярмарок, что способствовало экономическому развитию местечка. Тогда же сформировалась планировочная структура центральной части Высокого, была образована торговая площадь, на которой выстроены каменные торговые ряды. В 1785 г. Александр Сапега основал в Высоком костёл и монастырь бонифратров, при котором был открыт госпиталь [5]. В 1815 г. женой Павла Сапеги Пелагеей Потоцкой недалеко от старого замка построен новый дворец в классическом стиле, обновлён и расширен парк.

Деречин. Село впервые упоминается в XV в. В 1537 г. Деречин получил статус местечка. В 1618 г. писарь Слонимский земский Константин Полубинский основал в Деречине Успенский монастырь доминиканцев, при котором открылись школа, библиотека и госпиталь. В 1685 г. местечко перешло во владения Сапег и стало одной из их главных резиденций. В 1786 г. в Деречине построили дворец, в котором размещалась коллекция живописи, хранились древние документы. К началу XIX в. планировка Деречина состояла из рыночной площади и 7 улиц, рядовая застройка местечка была преимущественно деревянной.

Дятлово. Поселение известно по рукописным источникам с 1498 г. как владение князей Острожских. В начале XVI в. на берегу реки Дятловка при торговом пути со Слонима на Вильно был построен деревянный замок, при котором постепенно сформировалось местечко. В 1646 г. владелец местечка Лев Сапега заложил Дятловский костел Успения Богородицы. На месте сожженного во время Северной войны деревянного замка Радзивилами был возведен усадебный дом, позднее принадлежавший Солтанам. Архитектурно-планировочная структура Дятлово радиально-кольцевая. На пересечении улиц местечка сформировалась торговая площадь, имеющая прямоугольные очертания. Архитектурной доминантой площади стал костёл, вблизи которого были возведены каменные торговые ряды, по периметру площади расположились дома-лавки (рис. 1).

Жировичи. Деревня упоминается в документах XV в. как владение Солтанов. В 1613 г. Жировичи получили статус местечка и право на проведение ярмарок [6]. Планировочным ядром Жирович стал комплекс Успенского монастыря, основанный во 2-й половине XV века, на высоком берегу реки Щара. В ансамбль монастыря входят Свято-Успенский собор (рис. 2), Крестовоздвиженская и Богоявленская церкви, колокольня, здание семинарии, монастырский корпус, хозяйственные постройки. Комплекс обнесен высокой каменной оградой с воротами. При монастыре разбит сад, устроена система прудов. Местечко имеет вытянутую вдоль берега реки Щара планировочную структуру. Торговая площадь располагается на окраине местечка, вблизи церкви Св. Георгия, и имеет регулярную планировку [7].

Зельва. Первые письменные сведения о Зельве относятся к 1470 г. В документах, датированных 1524 г., Зельва называется местечком Волковысского повета. В первой половине XVII в. владельцами Зельвы стали князья Сапеги. Известно, что в 1616 г. вся Зельва состояла из трех улиц, на пересечении которых располагалась торговая площадь. Компактная планировочная структура местечка имеет черты регулярной планировки (рис. 3). В 1816 г. в Зельве открыт Анненский кирмаш, имевший большое значение для торгово-экономического развития региона и привлекавший не только местных купцов, но и гостей из соседних стран. В архивных документах отмечается, что Зельва застроена согласно плану, на просторной площади рынка построены большие каменные ряды [8] (рис. 4).

Каменец. В XIII в. при древнем торговом тракте, на обрывистом берегу реки Лесная был возведен укрепленный замок. Каменец был порубежной крепостью, отражавшей нападения многочисленных врагов. Поселение, сформировавшееся позже, имело неправильную радиальную планировочную структуру.

Ружаны. Местечко известно по письменным источникам с середины XVI в. Расцвет Ружан приходится на XVII в., когда на высоком холме возводится величественный замок – резиденция Сапег, который стал планировочным ядром местечка (рис. 5). Торговая площадь сложилась в XVII-XVIII вв., пространство её организовано доминирующими памятниками архитектуры барокко – Троицким костелом и Петропавловской церковью (рис. 6). В местечке было высоко развито ткацкое производство, проводились ежегодные ярмарки.

Региональная архитектура традиционно находится в прямой зависимости от природного окружения. Планировочная структура исторических поселений обусловлена особенностями местного рельефа, архитектурный силуэт, как правило, органично вписывается в природный ландшафт. Определение взаимовлияния природного окружения и архитектурно-планировочной организации поселений позволяет выявить некоторые характерные черты архитектуры определённого региона. Так, местечки, расположенные на равнинной территории Принеманского региона, имеют более компактную цельную структуру с одним планировочным ядром – торговой площадью, прилегающей к главной улице поселения. В таких местечках основным занятием местных жителей были ремесла и торговля, проводились крупные ярмарки, интенсивно развивалось производство. Значение торговой площади как планировочного ядра усиливалось размещением на ней основных культовых сооружений. От площади расходились улицы, которые переходили за пределами поселения в торговые пути. К такому типу местечек в исследуемом регионе относят-

ся Деречин, Зельва, Дятлово. Ко второму типу можно отнести поселения, в планировке которых ведущая роль принадлежала магнатским резиденциям. Живописная холмистая местность в сочетании с водной гладью рек наиболее подходила для создания дворцово-парковых ансамблей, природный рельеф успешно использовался для создания эффектных видовых панорам. Дворцово-парковые ансамбли Сапег в Ружанах и Высоком отличаются поистине широким размахом и представляют собой планировочное ядро всего поселения. Торговая площадь в этих местечках развивалась в некотором отдалении от дворца, каменная застройка площади формировалась зданиями торговых рядов, храмов, лавками ремесленников. В Ружанах от площади к дворцу шла улица, в Высоком связь дворцово-паркового ансамбля с поселением и торговой площадью была скорее формальной (рис. 7) [9, с. 101]. В обоих местечках планировочный акцент сделан именно на резиденцию магната. К третьему типу поселений относятся местечки Жировичи и Камене́ц. Они возведены в сложных природно-ландшафтных условиях: на крутых берегах рек, вблизи болот, что изначально служило естественной защитой поселения. Эти местечки состоят из нескольких планировочных частей, трассировка основных улиц проходит вдоль или перпендикулярно водным артериям. Архитектурно-планировочной доминантой в Жировичах выступает комплекс Успенского монастыря, торговая площадь небольшого размера располагается на периферии местечка и имеет второстепенное значение.

Помимо природно-географических факторов, особенности региональной архитектуры формируются под влиянием различных этнических групп – носителей аутентичных культурных традиций. Истоки региональной архитектуры лежат в традициях местной древней народной архитектуры. Даже утратив своё конструктивное или функциональное назначение, определенные архитектурные приемы и элементы могут и должны сохраняться как символы региона. На формирование архитектурного облика местечек западных регионов оказывала влияние деятельность представителей высших сословий. Для реализации своих строительных программ они привлекали квалифицированных архитекторов, которые при осуществлении проектов руководствовались лучшими образцами европейского зодчества того времени. Обширные владения магнатов, включающие родовые имения, определяли архитектурно-пространственную организацию значительной территории региона. Так, строительная деятельность Сапег охватывала Высокое, Ружаны, Деречин и Зельву [10, с. 29].

Заключение. Планировочная организация местечек Принеманского и Прибужского регионов формировалась на протяжении XVI-XIX вв. и хорошо сохранилась до настоящего времени. Она служит объединяющим элементом для расположенных на территории поселения памятников архитектуры. Отличительной чертой местечек западного белорусского региона является общий, хорошо сохранившийся замысел пространственной организации поселения. Принципы структурирования поселений – выделение и соподчинение планировочных частей (торговой площади, дворцово-паркового ансамбля, монастырского комплекса) ясно читаются в генеральных планах местечек Принеманского и Прибужского регионов.

Выводы:

1. Архитектурно-планировочная организация местечек Принеманского и Прибужского регионов имеет общие характерные черты. В историко-архитектурных исследованиях ряд поселений названных регионов целесообразно рассматривать совместно.

2. Характерные черты архитектурно-планировочной организации местечек во многом обусловлены местным природным ландшафтом.

3. Выделены 3 типа планировочной организации местечек южной части Принеманского и Прибужского регионов Беларуси. К первому типу относятся местечки с цельной компактной структурой и ясно выраженным планировочным центром – торговой площадью; ко второму – местечки с развитой планировочной структурой, композиционный акцент в которой приходится на дворцово-парковый комплекс. Третий тип планировочной организации местечек отличается наличием нескольких планировочных частей, что объясняется сложными ландшафтными условиями и активными перепадами рельефа, торговая площадь в этих поселениях располагается на окраине и имеет второстепенное значение.

Zdzienciol — Marktplatz

Рисунок 1 – Дятлово. Тоговая площадь, 1916 г.

Рисунок 2 – Жировичи. Улица к Свято-Успенскому собору, 1916 г.

Рисунок 3 – Зельва. Фрагмент карты 1933 г.

Sjeiwa, Russland.

Рисунок 4 – Зельва. Торговая площадь, 1916 г.

Рисунок 5 – Ружаны. Фрагмент карты 1932 г.

Рисунок 6 – Ружаны. Тоговая площадь, 1916 г.

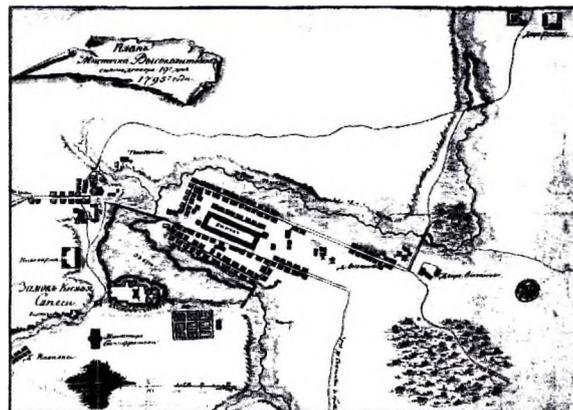

Рисунок 7 – Высокое. План 1975 г.

Список цитированных источников

1. Локотко, А.И. Историко-культурные регионы Беларуси / А.И. Локотко. – Минск: ЕГУ, 2002. – 228 с.
2. Соркіна, І. Мясцічкі Беларусі ў канцыXVIII – першай палове XIX ст. / І. Соркіна. – Вільня: ЕГУ, 2010. – 488 с.
3. Титов, В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX - нач. XX в. – М.: 1983. – 152 с.
4. Шаруха, И.Н. Культурно-географические регионы РБ // Псковский регионологический журнал. – 2006. – №2. – С. 132-140.
5. Смоліч, А.А. Географія Беларусі / А.А. Смоліч. – 4.выд. – Мінск: 1993. – 374 с.
6. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1880-1914. – Т. 14. – С. 134-137.
7. Там же. – С. 897-898.
8. Бондарь, А. Белорусское регулярное градостроительство средневекового генезиса XVI–XVII веков в общеевропейском контексте / А. Бондарь, Ю. Чантурия // Архитектура и строительство – 2009. – №1-2 (200) – Режим доступа: <http://ais.by/sto-gy/1802#>. – Дата доступа: 12.03.2013.
9. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 1. – Оп. – 2. Д. 931. – Л. 1.
10. Чантурия, Ю.В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм / Ю.В. Чантурия. – Минск: Бел. наука, 2005. – 375 с.
11. Морозов, В.Ф. Строительство кн. А. Сапег в Ружанах, Деречине и Высоком // Архитектур. Наслед. Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование: Материалы II Междунар. науч.-практич. конфер. – Брест: БрГТУ, 2010. – С. 27-35.

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЩИТЫ НА ФРОНТОНАХ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ ПРИБУЖЬЯ (20-60-е гг. XX в.)

Архитектурный декор традиционных деревянных домов Прибужья отличался лаконичностью и простотой форм. Резьба в в Брестском, Кобринском и Малоритском районах практически не встречалась [5, с. 67]. Несмотря на это, в середине XX века здесь появились оригинальные образцы художественной шалёвки фронтонов. «Новые жилые дома в ранее не встречавшихся масштабах украшались мастерски вырезанными из деревянных досок причелинами, углами, наличниками» [1, с. 117]. Это явление настолько широко распространилось, что послевоенные авторы даже стали называть его «традиционным видом декора белорусской архитектуры именно нашего времени» [5, с. 68]. Композиции из шалёвки имели свои локальные варианты. Например, типичные для бассейна Припяти солярные мотивы [5, с. 69] в бассейне Буга встречались значительно реже. В то же время здесь были особенности, которые отсутствовали на Пинщине.

Во время реализации польско-белорусского проекта «Пуца без границ» (2002 г.) команда исследователей обратила свое внимание на единственный на территории Брестской области охраняемый государством с советских времен сельский дом – курную хату в д. Рожковка Каменецкого района. Кроме него, в поле зрения Галины Лапинской [3, с. 111] и Николая Власюка [6, с. 10-11] попали высокохудожественно оформленные щиты прилегающих домов: «Представляет интерес, с точки зрения декора, деревянная резьба щитов и наличников хат в д. Рожковка» [6, с. 7]. Оригинальное декоративное решение убранства фронтонов решено было использовать для оформления обложки сборника материалов, посвященного культурному наследию региона Беловежской Пуци. За десять лет до этого, архитектор Владимир Трацевский избрал подобный фронтон из д. Жиличи Каменецкого района для обложки монографии [11].

Одна из наиболее выразительных черт щитов рожковско-жиличского типа – оригинальное набивание досок в верхней трети щита, создающее с причелинами, полотенцами и оставшейся частью щита многоярусную композицию. Белостокский исследователь Ярослав Шевчик называет их «фронтами с навешенными вальмовыми щитами» [4, с. 245]. Сотрудник Белостокского музея деревни Артур Гавл обратил на них внимание когда определял черты выделяющие беловежский регион на фоне остальных: «К таким отличительным чертам можно отнести характерное украшение щита – вырезанных в виде треугольника или двух треугольников с зубчатым краем» [1, с. 118]. В.Трацевский, изучивший фронтоны в Каменецком (Жиличи, Береза) и Брестском (Медно) районах [11, 135-136], назвал данный декоративный элемент «вторым рядом причелин»: «Своеобразно решается венчающая часть фронтона в Брестской области. Кроме ступенчатой зашивки, устраивается второй ряд причелин, расположенных в несколько глубже наружных, составляющих $\frac{1}{4}$, $\frac{2}{3}$ длинны ската. ... В сочетании с богато оформленным основанием фронтона образуется своеобразная и интересная композиция» [11, с. 133; 11, с. 136]. Одними из первых художественную ценность прибужских фронтонов отметили Ю.Лашук и Е.Сахута: «Несколько иной характер декора фронтонов на крайнем западе Брестского Полесья (Каменецкий р-н). ... Плоскость фронтона разделяется на отдельные участки выпиленными по краю накладками, а пространство под коньком украшено вынесенным вперед декоративным фронтончиком с ломаным или плавным контуром свеса. ... Стилистически такой декор тяготеет к северо-западным территориям Белоруссии и соседним регионам Польши, хотя наиболее яркие его проявления отмечены именно на Белорусском Полесье» [9, с. 287-288]. Простыми средствами выразительности плотникам удалось создать оригинальную декоративную композицию. Декоративный щит остается основным декоративным элементом фронтона даже тогда, когда он имеет упрощенный вид вертикально набитого ряда досок. Значение этого элемента еще и в том, что декор ставней, наличников, шалёвки углов на Брестчине довольно скромный, в междуречье Буга и Нарвы «наиболее украшенной частью дома являются щиты» [1, с. 119].

Фронтоны с декоративными щитами в 2005-2013 годах изучены автором в деревнях Брестского (Рогозно), Жабинковского (Рудка, Хмелево), Каменецкого (Ходосы, Городище, Белево, Турна, Олешковичи) и Малоритского (Богуславка) районов. Ими украшены часть домов на Киевском предместье г. Бреста, а также в деревнях Пугачево и Дубровка, включенных в состав города в 1979 году. Вопреки административно-политическим границам, художественная шалёвка на домах близлежащих поветов Подляского воеводства (Черемха, Вилюки, Войновка, Долгий Брод, Чижы) полностью соответствует убранству домов Брестчины. Декоративные щиты встречаются как к югу, так и к северу от Бреста большею выразительностью, разнообразием и числом отличаются щиты в районе Беловежской пуци. В связи с этим уместно говорить о них как о прибужском или беловежском декоративном стиле в деревянной архитектуре.

Самые простые разновидности беловежских фронтонов выглядят как ступенчатая зашивка щита, верхняя треть которого еле заметно выдвинута вперед. В одном из вариантов (фот. 2) декоративный щиток имеет вид простого треугольника. Когда доска набивается под углом, нижний край ряда досок приобретает зубчатый вид. Ко второму типу относится ряд вертикально набитых досок, на нижнем крае каждой из которых выпилено по два зубца. На следующей разновидности помимо зубцов высверлены отверстия (фот. 2). Отверстия могут быть проделаны как в самих досках, так и в украшенных зубцами рейках, которые прибывались к ровному краю декоративного щита (фот. 6). Комбинация обеих техник приводит к появлению ажурного края зубцов (фот. 5). Кроме мелких зубчиков, плотники создавали композиции от двух до пяти крупных зубцов из нескольких рядов шалёвок (фот. 1). К промежуточным вариантам следует отнести щиты с одним-двумя зеркально вырезанными зубцами. Увеличение размера такого зубца приводит к разделению подвесного щита на две параллельные причелинам части (рис. 2). Помимо зубчатого края используются округлые и плавные линии. В частности, край доски обрезается в виде четверти круга (д. Хме-

лево). Волнистым делали также продольный край крайних досок. В результате появлялся рисунок перевернутых языков пламени (фот. 4). В отдельных случаях (д. Рожковка) создавались сочетания выпуклых полукругов и зубцов. В зубчатом ряду над окном мог быть вырезан полукруг (д. Пугачево). Полукруг, напоминающий часть солнечного диска, вырезали также на ровном крае щита (д. Турна). На одном из щитов набито изображение восходящего солнца (фот. 8). На другом фасаде – тоже изображение в уменьшенном виде, над ним в двойном щите выпилен полукруг. Солярная символика представлена единичными примерами. В одном случае (д. Белево) на месте солнца был высверлен крест. Преимущественно, деревянные кресты прибиваются поверх декоративного щита. Дважды встречалось изображение креста ниже декоративного щита, в виде высверленного контура (фот. 5) и прибитой деревянной фигуры. В деревнях Подляского воеводства изображение креста на декоративных щитах не встречено. Редко, в сравнении с мазовецкими Курпями, встречаются ромбические композиции. В Каменецком районе (д. Жиличи) встречаются щиты с несколькими ярусами шалевки, в которых сочетается зубчатые и волнообразные формы.

Окно на фронтонах беловежского типа не является обязательным элементом, но может обогащать композицию. Нависающий над окнами декоративный щит с зубчатым краем придавал им вид стрельчатой арки (фот. 2). Есть примеры, когда самому окну с помощью наличников придавали заостренный вид, гармонично повторяющий решение навесного щита. С другой стороны, форма волнообразных наличников окна в большем масштабе повторяются в причудливых контурах навесных щитов (фот. 3). Во многих случаях беловежский фронтон, в противоположность срубам, не окрашен. В большинстве окрашенных вариантов декоративный щит того же цвета, что и остальная часть. В единичных случаях его красили в более светлые цвета окна или причелин.

Исследователи отмечают влияние на распространение художественной шалёвки «ропетовщины», русской разновидности модерна. Ее основатель Иван Павлович Ропет был оформителем русских павильонов на всемирных выставках 1878 и 1893 годов, иных международных выставках. Им проектировались здания, имеющие представительские функции: посольства, павильоны, народные дома, театры, загородные дачи. Избранная И.П.Ропетом, русская форма историзма, известная под названием «псевдорусский» и, даже, «петушиного» стиля, уверенно заявила о себе в русской архитектуре XIX века со времен А. М. Горностаева. Элементы этого стиля часто встречаются в русской эклектике конца XIX – начала XX века.

Одной из непосредственных причин распространения художественной шалёвки на Брестчине называют беженство [1, 117]. Однако в беженстве побывало абсолютное большинство крестьян Западной Беларуси и Западной Украины, а беловежские щиты концентрируются на ограниченной территории. Шалёвкой украшали свои дома богатые крестьяне [1, 119]. Однако считать его только классовым признаком также вряд ли возможно. Локализация декоративных щитов может говорить о связи местного населения с отхожим лесным промыслом (работой на лесопилках), влиянии убранства царской резиденции в Беловежской пушке и т.п.

Шалёвка изначально укоренилась под влиянием каменного зодчества [12, 25]. Описанные формы беловежских щитов перекликаются с декором дворянских имений, кованым и штампованным убранством карнизов, веранд, фронтонов различного типа публичных зданий конца XIX – начала XX веков. В финальной фазе развития в Прибужье художественной шалёвки описываемого типа имели место обратные примеры (д. Белево): поверх старых причелин и полотенец набивались жестяные с аналогичным узором.

Распространению художественной шалёвки способствовали социально-экономические преобразования. Под их влиянием становятся более доступными совершенные инструменты (сверла, долото, пилы-ножовки, рубанки, фу-ганки [7, с. 42; 1, с. 118]) и новые материалы (тонкая доска, фасадная краска и др.). Срубы домов оббивали шалёвкой, а четырехскатную соломенную крышу заменяли двухскатной.

Вероятно, декорирование верхней трети щита связано с функциональными изменениями конструкции крыши. Теоретически, выдвинутый дополнительный щит мог прикрывать вентиляционное отверстие. Традиционно на прохладных чердаках хранили одежду с целью уменьшить вред, наносимый молью, здесь же сушили травы и колбасу. Соломенно-камышовые крыши отвечали этой потребности. Крыша, накрытая жестью, черепицей, шифером, сильнее промерзает зимой и нагревается летом. Однако в известных нам случаях дополнительных вентиляционных отверстий, за исключением окон, нет. Скорее, дополнительный щит позволяет утеплить чердак и уменьшить негативное влияние дождя и ветра на верхнюю часть конструкции.

Польские исследователи сравнивают декор деревянных домов из Курпя и юго-запада Беловежской пушки, который возник в обоих регионах под влиянием одинаковых факторов, с богатством форм Польских Карпат – Подгалья. В Украинских Карпатах, где встречаются двойные щиты, которые здесь называют дымниками [10, с. 110], то есть дымоходами. В украинских исследованиях архитектуры полесского региона крыши подобного типа называют «четырёхскатной с дымником» [7, с. 154]. В белорусскоязычной литературе также встречается название «дах з дымнікам» [12, с. 26]. В польскоязычной [2, с. 68] и русскоязычной литературе [11, с. 128] она называется дымниковой крышей. Такое название появилось в связи с тем, что в курных хатах дым выходил из-под фасадной части крыши через треугольное отверстие под скатом. Уже в курных хатах в этом месте появляется щит с окном или отверстиями. Широкое распространение дымниковых крыш, даже после изменения конструкции и материала крыши мастера продолжали уделять большее внимание верхней трети фронтона. Уроженец д. Речица Брестского района Арсений Столярчук (1913 р.н.) выбрал вальмовую крышу, т.к. «хата не должны быть похожа на клуню», т.е. над домом не должна быть простейшая двухскатная крыша. Навесной щиток визуально позволяет обозначить место «дымника». На деревянном мещанском доме в Высоком (Каменецкий район) фронтон отделен от фасадной стены только слабо выраженным козырьком в верхней трети пространства между скатами крыши.

Только заимствованиями, трафаретами или модой нельзя объяснить все особенности декоративных щитов. Ряд исследователей считают, что традиционная архитектура тесно связана с представлением плотников о микрокосме,

т.е. о строении и украшении человеческого тела. Строительные термины, которыми обозначали отдельные элементы конструкции крыши, такие как очепа и причелок, красноречиво свидетельствуют об этой связи. Однако к 30-м годам XX века влияние традиционных ценностей ослабло. Под влиянием эмансипации большинство замужних женщин отказывается от чепцов, намиток и т.п.

Более вероятным источником эстетических образцов может служить декоративно-прикладное искусство: мережки скатертей, салфеток, занавесок и рушников. Нижний край рушника просматривается в форме наличников (фото 5, 8). Складки ниспадающей ткани напоминают закругленный или волнообразный край декоративного щита (фот. 2, 7). С рушником «для обрамления иконы» сравнивал его В. Трацевский [11, 133].

Искусно украшенные шалёвкой щиты деревянных домов Побужья были созданы в межвоенный период и в первые послевоенные десятилетия [1, с. 117]. Распространение этого приема в архитектуре приходится на годы мирового экономического кризиса и Вторую мировую войну. Местные жители отмечают, что создание сложного декора на щитах было довольно трудоемким, и современные хозяева не взяли бы его повторить. По мнению видного ученого-слависта Федора Даниловича Климчука, в Брестском и Пинском районах: "...процесс разрушения традиционной культуры начал здесь интенсивно происходить с начала 20-х годов XX в." [8, с. 263], а с 60-х годов этого столетия наблюдался ее кризис. То есть художественная шалёвка укоренялась в период активной трансформации региональной культуры. Узор шалёвки делался под шаблон [1, с. 118], но единообразие при этом не встречается. Е.Маськевич справедливо отмечает, что фронтоны прибужских деревянных домов, возведенных в середине XX в., очень индивидуальны [2, с. 69]. Распространение украшенных художественной шалевкой фасадов можно связывать с влиянием на традиционную архитектуру модерна. Это тем более оправдано, что в их декоре часто встречаются типичные для этого стиля растения и животные [1, с. 118], а также примеры эклектизма. На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в середине XX века в деревянной архитектуре Прибужья имели место эксперименты, уход от традиции и обогащение образцами элитарной культуры. Это привело к созданию локального декоративного стиля.

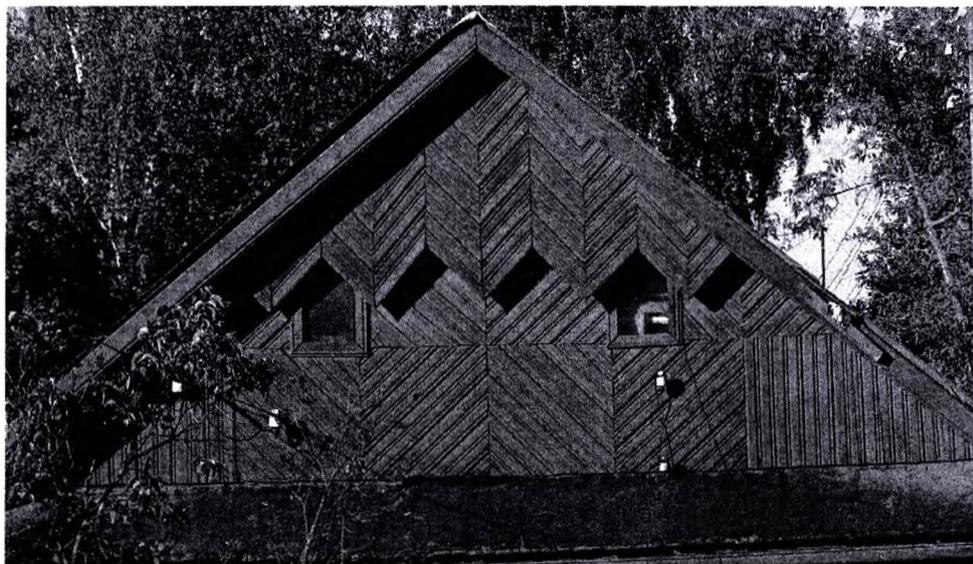

Фото 1 – д. Дубровка

Фото 2 – д. Пугачовка

Фото 3 – Предместье Киевка

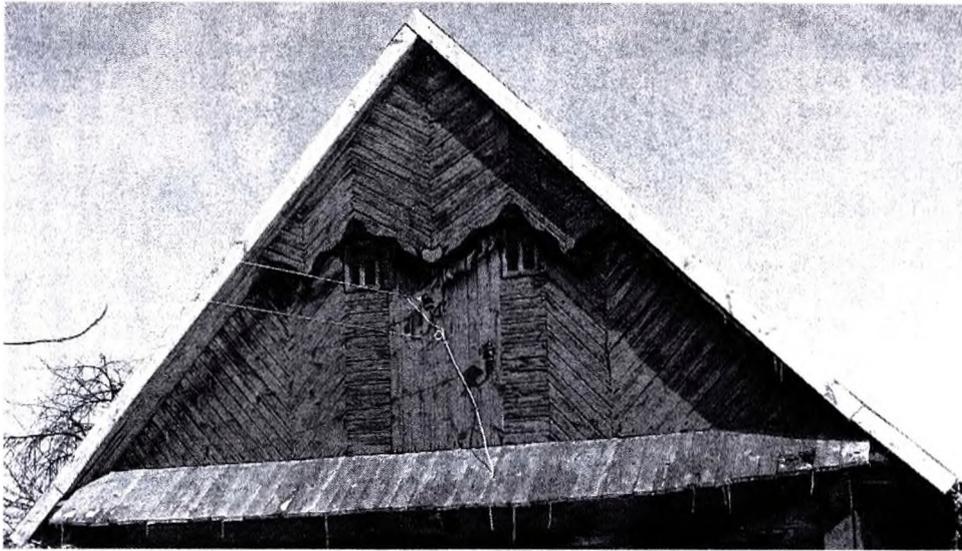

Фото 4 – д. Олешковичи

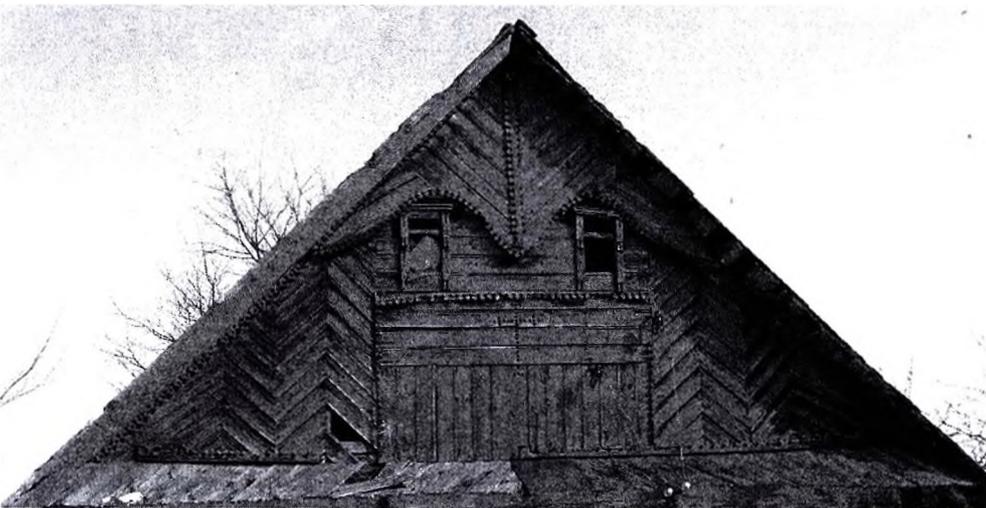

Фото 5 – д. Олешковичи

Фото 6 – д. Рогозно

Фото 7 – д. Белево

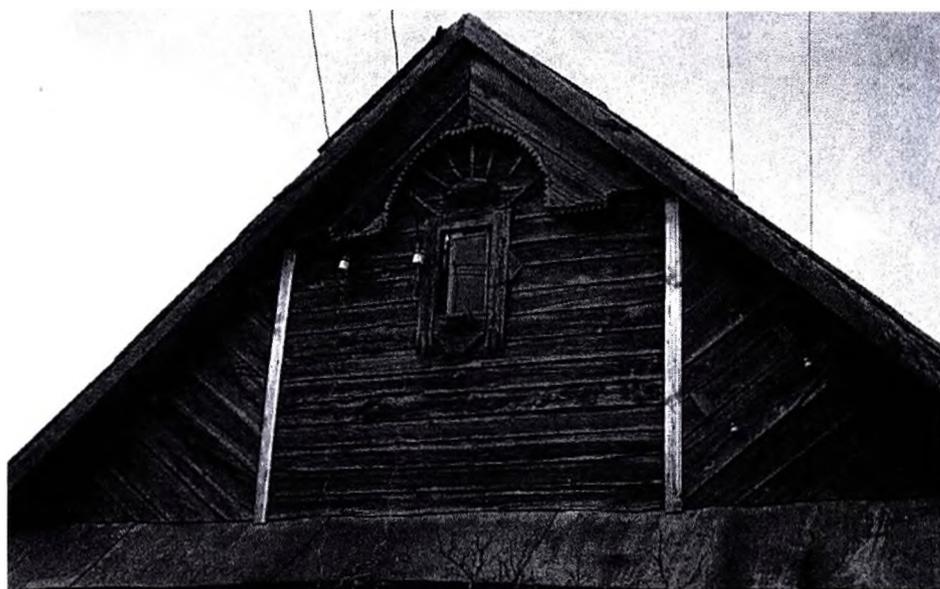

Фото 8 – д. Белево

Список цитированных источников

1. Gawł, A. Zdobnictwo architektoniczne w drewnianym budownictwie na terenie gminy Dubicze Cerkiewne // Dziedzictwo kulturowe regionu Białowieżskiej – wybrane zagadnienia. – Białowieża-Kamieniuki, 2003. – S. 114-122.
2. Mańkiewicz, J. Drewniana architektura północnej części Euroregionu Bug / J. Mańkiewicz, A. Baszkow – Biała-Podlaska: BSRR, 2006. – 96 s.
3. Lapińska, H. Przykłady dziedzictwa kulturowego wybranych polsko-białoruskich gmin regionu Puszczy Białowieskiej – potrzeba ich ochrony i zachowania//Dziedzictwo kulturowe regionu Białowieżskiej – wybrane zagadnienia. – Białowieża-Kamieniuki, 2003. – S. 113.
4. Szewczyk, J. Ludowe zdobnictwo podlaskich domów. – Białystok: Politechnika Białostocka, 2008. – 318 s.
5. Беларускае народнае жылле – Мн.: Навука і техника, 1973. – 128 с.
6. Власюк, Н.Н. Деревянное зодчество приграничных регионов Западного Полесья // Архитектурное наследие Прибужского региона. сохранение и культурно-туристское использование. – Брест: БрГТУ, 2010. – С. 6-16.
7. Данилюк, А.Г. Традиційна архітектура регіонів України: Полісся. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. – 161 с.
8. Климчук, Ф.Д. Традиционная свадьба полесского села Симоновичи // Полесский этно-лингвистический словарь. – М.: Наука, 1983. – 262-280 с.
9. Лащук, Ю.Ф. Декор народного жилища / Ю.Ф. Лащук, Е.М. Сахута // Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья. – Мн.: Наука и техника, 1987. – С. 280-287.
10. Самойлович, В.П. Народна архітектура України в ілюстраціях. – К.: Абрис, 1999. – 281 с.
11. Трацевский, В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии – Мн.: Выш. Шк., 1989. – 191 с.
12. Якімовіч, Ю.А. Драўлянае дойдліства Беларускага Полесья. – Мн.: Навука і техника, 1978. – 152 с.

Musiuk Adam

KONSERWATORSKIE UWARUNKOWANIA REWALORYZACJI I REKONSTRUKCJI KOMPLEKSU OBIEKTÓW KLASZTORU MĘSKIEGO ZWIASTOWANIA NMP W SUPRAŚLU NA PRZESTRZENI WIEKÓW W KONTEKŚCIE KONIECZNOŚCI NADANIA MU NOWEGO PROGRAMU KULTURALNO-TURYSTYCZNEGO*

1. Wstęp

Ostatnie kilka lat, to w Polsce czas zintensyfikowania prac konserwatorskich przy zabytkach. Szczególnie dotyczy to tak zwanej „ściany wschodniej”, a więc terenów przyległych do granicy z Białorusią i Ukrainą, gdzie szczególnie duże środki finansowe trafiły na ten cel. Gro tych środków pochodzi z dotacji Unii Europejskiej i z jednej strony jest bardzo dużym zastrzykiem finansowym przy kosztochłonnych pracach konserwatorskich, z drugiej jednak strony wymaga spełnienia przez inwestora wielu wymagań, nie zawsze pozostających w zgodzie z zabytkiem. Szczególnie drażliwy staje się ten problem, gdy dochodzi do zmiany pierwotnej funkcji obiektów, szczególnie gdy przeznaczamy je na cele turystyczne i kulturalne. W konsekwencji pociąga to za sobą konieczność dokonania szeregu zmian w zabytkach, co z jednej strony je uatrakcyjnia, ale z drugiej nie zawsze w pełni zachowuje historyczny ich charakter.

Doskonałym przykładem do analizy takiego stanu są zabytkowe obiekty znajdującego się na Podlasiu Klasztoru Męskiego Zwiastowania NMP w Supraślu, na których już prawie od trzydziestu lat^{2,3,4} trwają współczesne prace konserwatorskie. Szczególne przyspieszenie prac w słynnej Supraskiej Ławrze widoczne jest jednak w kilku ostatnich latach, a to głównie dzięki pozyskaniu przez klasztor środków finansowych z Ministerstwa Kultury i Dziedzictwa Narodowego RP, z Podlaskiego Urzędu Wojewódzkiego oraz z Urzędu Marszałkowskiego Województwa Podlaskiego, przy czym te dwie ostatnie inwestycje realizują programy Regionalnego Programu Operacyjnego i Narodowej Strategii Spójności Unii Europejskiej. Zarówno ta intensyfikacja prac, jak i wymagania stawiane przez podmioty wspierające prace konserwatorskie wpływają na ostateczny obraz, który obecnie przyjmuje cały zespół monasterski.

W niniejszej pracy zostaną przedstawione zmiany dokonane w Supraskiej Ławrze na przestrzeni wieków, od początków jej istnienia, co będzie tłem do oceny obecnych zmian i wskazania ich tendencji.

2. Początki monasteru i jego pierwotna forma

Historia supraskiej monasteru rozpoczyna się w 1498 roku w leżącym na zachodnich krańcach Wielkiego Księstwa Litewskiego, tuż obok granicy z Koroną, Gródku, kiedy to marszałek Wielkiego Księstwa Litewskiego i wojewoda nowogródzki Aleksander Chodkiewicz funduje prawosławny klasztor z drewnianą cerkwią pod wezwaniem św. Jana Teologa oraz sprowadza pierwszych mnichów⁵. Najbardziej prawdopodobnym jest przybycie do Gródka mnichów z Kijowsko-Pieczerskiej Ławry^{6,7}, jednak pojawiają się także teorie o pochodzeniu mnichów ze świętej góry Athos⁸, bądź nawet z Moskwy⁹, spotykamy się też z głosami, iż mnisi stale i od początku przebywali na dworze Chodkiewicza, a byli to mnisi, którzy razem z nim wrócili z tatarskiej niewoli¹⁰. Pewnym jest jednak, że w szybkim czasie od założenia monasteru zdecy-

* niniejsza praca jest efektem badań realizowanych na Wydziale Architektury Politechniki Białostockiej w ramach prac własnych W/WA/2/2010

² Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru, Supraśl-Białystok 2005., s. 14.

³ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I

⁴ Makal W., Przed odrodzeniem supraskiego monasteru, Supraśl 2003, s. 19.

⁵ Kronika Ławry Supraskiej, Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 1-2.

⁶ Ibidem.

⁷ Jodkovskij J., Cerkow pricosoblennija k oboronie w Litve i Litovskoj Rusi, [w:] Drewnosti. Trudy komissii po sochraneniju drewnich pamjatnikow sostojaszczej pri Imperatorskom Moskowskom Archeologiczekom Obszczestve, t. VI, Moskwa 1915, s. 254.

⁸ Łozowska M., Fundacja klasztoru supraskiego w pierwszej połowie XVI wieku. Próba interpretacji dokumentów uposażeniowych, [w:] Małe miasta. Historia i współczesność, Supraśl 2001, s. 43-54.

⁹ Cereteli E., Jelena Ioannowna Welikaja Knjaginja Litowskaja, Russkaja, Korolewa Polskaja. Biograficzekij oczerk w cwjazi c istoriej tego wremeni, Sankt Peterburg 1898, s. 303.

¹⁰ Hajduk M., Sanktuarium nad Supraślą. Dzieje monasteru, drukarni, biblioteki, [w:] Slavia orientalis, nr 3-4, 1989, s. 511-536

dowana większość braci pochodziła z miejscowej ludności prawosławnej¹¹, co jednoznacznie wskazuje na zadanie klasztoru, który miał służyć jako miejsce modlitwy, kultu religijnego oraz lokalny ośrodek religijny.

3. Rozwój monasteru i wzrost jego znaczenie

W 1500 roku, ze względu na uciążliwość sąsiadującej z monasterem gwarnej rezydencji magnackiej Chodkiewicza, która kolidowała z pustelnicznym życiem braci, mnisi uzyskują jego zgodę na przeniesienie klasztoru do znajdującego się kilkanaście kilometrów od Gródka uroczyska Suchy Hrud^{12,13}. Właśnie to miejsce dało początek Supraskiej Ławrze.

W nowym miejscu jako pierwszą wybudowano drewnianą cerkiew św. Jana Teologa, która była konsekrowana 25 maja 1501 roku¹⁴. Najprawdopodobniej w jej sąsiedztwie ulokowano budynki monasterskie, jednak źródła nie podają ani ich rozmiarów, ani materiału z którego zostały wybudowane^{15,16}. W latach 1503-1511 wzniesiono najważniejszy obiekt supraskiego monasteru, jego dominantę architektoniczną, ale przede wszystkim serce duchowe: murowaną cerkiew pod wezwaniem Zwiastowania NMP^{17,18}. Jak widać pierwsza połowa XVI wieku to przede wszystkim czas prac budowlanych czego potwierdzeniem są kolejne inwestycje, i tak: w latach 1532-1557 wzniesiono z muru pruskiego trzecią cerkiew monasteru pod wezwaniem Zmartwychwstania Pańskiego, która została ulokowana na kryptach ze 132 niszami do pochówku mnichów i dobroczyńców monasteru^{19,20}, w latach 1545-1557 wybudowano murowany refektarz, kaplicę (czasownię), kuchnię i spiżarnię^{21,22}. Zabudowania te znajdowały się w miejscu dzisiejszego Pałacu Archimandrytów²³. W tym też czasie kompleks monasterski był uzupełniany o funkcje pomocnicze: i tak wiemy o ogrodzeniu monasteru murem, wybudowaniu młyna oraz poszerzeniu klasztornych sadzawek^{24,25}. Jednocześnie rósł majątek monasteru – w 1505 roku klasztor dokonał zakupu ziemi, łąk i stawów²⁶. W kolejnych latach własnością monasteru stają się okoliczne wsie: Topilec, Baciuty, Piszczewo, Kościuki, Zacerlany, Zawady, Hajowniki^{27,28} i Choroszcz^{29,30}. Co prawda w 1533 roku nadanie Choroszczy zostaje cofnięte, ale monaster otrzymuje wsie Chwasty, Bacieczki, Łyski, Porosłe, Krupniki, Chworostowo, Pużyce oraz Klewinowo³¹.

Równocześnie ze wznoszeniem zabudowań kompleksu monasterskiego oraz wzrostem jego majątku postępował wzrost znaczenia duchowego monasteru. W pierwszej kolejności, bo już w roku 1505 dzięki wspólnej prośbie o błogosławieństwo do patriarchy konstantynopolińskiego Aleksander Chodkiewicz i prawosławnego biskupa Józefa Sołtana, popartej przez króla Aleksandra Jagiellończyka³², patriarcha Joachim wydaje *Tomos*, który stanowi państwową podstawę prawną istnienia klasztoru, oraz zapewnił jego legalizację pod względem kanonicznym i kościelnym^{33,34,35,36}. Szczególnie dynamiczny rozwój klasztoru nastąpił po roku 1532 gdy jego przeorem został Sergiusz Kimbar doprowadzając do podniesienia monasteru do rangi Ławry. Już w drugiej połowie XVI wieku dzięki prężnemu życiu zakonnemu wraz z szerokim rozwojem kulturalnym monaster stał się ważnym centrum kulturalnym o znaczeniu ogólnosłowiańskim, stając się ośrodkiem myśli teologicznej^{37,38,39,40}. Liczba mnichów w monasterze w tym czasie dochodziła do stu⁴¹. Supraska Ławra pod względem znaczenia zostaje drugim, po Ławrze Kijowsko-Pieczerskiej, ośrodkiem monastycznym Cerkwi

¹¹ Abp Miron (Chodakowski M.), *Monaster supraski w dziejach Kościoła prawosławnego w Polsce*, Chat, Warszawa 2002, s. 50.

¹² *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 1-2.

¹³ Dalmatow N.: *Supras'kij Błahowieszczenskij Monastyr*, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 7.

¹⁴ *Ibidem*, s. 40.

¹⁵ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 2.

¹⁶ Kochanowski W., *Pobazylianski zespół architektoniczny w Supraślu*, [w:] *Rocznik Białostocki*, t. IV, Białystok 1963, s. 358.

¹⁷ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 3-4.

¹⁸ Dalmatow N., *Supras'kij Błahowieszczenskij Monastyr*, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 43.

¹⁹ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 33.

²⁰ Dalmatow N.: *Supras'kij Błahowieszczenskij Monastyr*, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 46.

²¹ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 47-48.

²² Kochanowski W., *Ruiny kościoła bazylińskiego w Supraślu*, PP PKZ Warszawa 1958, s. 6.

²³ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 47-52.

²⁴ *Ibidem*, s. 79.

²⁵ Kochanowski W., *Ruiny kościoła bazylińskiego w Supraślu*, PP PKZ Warszawa 1958, s. 6.

²⁶ Modest N., *Supras'kij Błagowieszczenskij Monastyr*, *Wiestnik Zapadnoj Rossii*, t. II, kn. IV, Wilno 1867, s. 5-23.

²⁷ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 5-10.

²⁸ *Akty izdawajemyje Wilnuskiju Komiseje Wysoczajszegoj Uczreźdennoj dlja razbora drewnych aktow w Wilne*, t. VII, s. 2.

²⁹ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 25.

³⁰ Dalmatow N.: *Supras'kij Błahowieszczenskij Monastyr*, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 44.

³¹ Sokolski W., *Kilka uwag o początkach fundacji klasztoru supraskiego*, [w:] *Białostoczczyzna*, 2/34/1994, s. 13-16.

³² Borowik S., *Nadanie monasterowi supraskiemu Tomosu przez patriarchę konstantynopolińskiego Joachima*, [w:] *Z dziejów supraskiego monasteru. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005*, s. 30.

³³ *Kronika Ławry Supraskiej*. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnienii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 3-5.

³⁴ Modest N., *Supras'kij Błagowieszczenskij Monastyr*, *Wiestnik Zapadnoj Rossii*, t. I, kn. I, Wilno 1867, s. 1-3.

³⁵ Borowik S., *Nadanie monasterowi supraskiemu Tomosu przez patriarchę konstantynopolińskiego Joachima*, [w:] *Z dziejów supraskiego monasteru. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005*, s. 29-41.

³⁶ Bp Sawa (Hrycuniak M.), *Klasztor w Supraślu*, [w:] *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego*, nr 1-2, Warszawa 1983, s. 3.

³⁷ Dalmatow N., *Supras'kij Błahowieszczenskij Monastyr*, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 47-87.

³⁸ Mironowicz A., *Życie monastyczne na Podlasiu*, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 6.

³⁹ Labyncew J., *Ob odnom ważnom momencie w sud'bach bieloruskoj prawosławnoj kultury XVI stoletija w swjazi s istoriej supras'kogo Błagowieszczenskogo Monastyrja*, w: *ELPIS* t. II, z. 2, Uniwersytet w Białymstoku, Katedra Teologii Prawosławnej, Białystok 2000, s. 160.

⁴⁰ Rogow A., *Supras'kij kak odin iz centrow kulturnych sbjazej Belorusii z drugimi clabjanskimi stranami*, [w:] *Sławbjanie w epochu feodalizmu*, Moskwa 1978, s. 321-334.

⁴¹ *Supras'kij Błahowieszczenskij Monastyr*, Grodnrnskoj eparchii, *Cerkownyja Wedomosti*, g. 13, nr. 21, 1900, s. 828.

prawosławnej na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Monaster utrzymywał ścisłe kontakty z czołowymi ośrodkami życia religijnego Cerkwi prawosławnej: Kijowsko-Pieczerską Ławrą, Świętą Górą Athos, z bułgarskimi, greckimi, serbskimi i ruskimi ośrodkami życia monastycznego⁴². Podkreśleniem rangi supraskiego monasteru są też wizyty króla Zygmunta Augusta w 1543 roku⁴³, patriarchy Serbii i Bułgarii Gabriela w 1582 roku⁴⁴ oraz patriarchy carogrodzkiego Jeremiasza II w 1589 roku⁴⁵. Wiele sławy Przynosi Ławrze Supraskiej wysoki poziom śpiewu cerkiewnego⁴⁶, a szczególnie powstały w latach 1596-1601 *Irmologion*⁴⁷.

Jak widać pierwsze sto lat w historii monasteru, w kontekście inwestycji budowlanych, to przede wszystkim zapewnienie mu odpowiedniej bazy religijnej: wybudowano trzy cerkwie, kaplicę i budynki mieszkalne zapewne z przeznaczeniem na cele mniszkie i funkcje pomocnicze, takie jak: kuchnia, czy refektarz. Dopiero w późniejszym czasie zaczynają powstawać obiekty umożliwiające realizację celów stawianych monasterowi w kontekście wzrostu jego znaczenia, jako ośrodka myśli religijnej.

4. Zmiany monasteru po zakończeniu jego pierwotnej budowy

Jak widać, na przestrzeni krótszej niż sto lat, monaster supraski przeradza się z ośrodka jedynie religijnego w prężnie działający ośrodek religijno-kulturalny o znaczeniu naukowym. Taki charakter klasztoru musiał także wpłynąć na program funkcjonalny monasterskich budynków, jednak fakt ten nie został udokumentowany. Co jednak ciekawe, ówczesne realia teologiczno-historyczne zmusiły mnichów do obrony dogmatów wiary prawosławnej, co znalazło potwierdzenie w sztuce sakralnej⁴⁸. Przykładem tego są freski cerkwi Zwiastowania NMP^{49,50,51}. Obronie ortodoksji, nie poprzez izolację od nowych trendów religijnych i filozoficznych, lecz poprzez adopcję treści zgodnych z kanonami prawosławnymi i ostrą polemiką z dogmatami im przeciwnymi podporządkowana została ikonograficzna wymowa wystroju tej cerkwi⁵². Sama cerkiew w trakcie ponad czterystuletniego użytkowania, wielokrotnie zmieniała swój wizerunek. Za najważniejsze należy uznać: dobudowanie centralnej wieży⁵³, przedsionka, dobudówki⁵⁴. W wyniku przemian religijnych w 1664r. wymieniono ikonostas na barokowy⁵⁵, a XVIII wieku część supraskich fresków, do wysokości okien została zakryta rzeźbioną tabulaturą⁵⁶. Dopiero w 1887 roku ówczesny archimandryta Mikołaj Dalmatow przystąpił do odsłonięcia fresków⁵⁷. 21 lipca 1944 roku wycofujący się hitlerowcy wysadzili cerkiew w powietrze⁵⁸.

Dalszym przemianom podlegały także inne obiekty monasterskie, co prawda źródła historyczne informacje na ten temat prezentują w sposób lakoniczny i zmuszeni jesteśmy odczytywać je w sposób pośredni^{59,60,61}, jednak jasno z nich wynika, że w wyniku przemian religijnych, kulturalnych i ekonomicznych zmiany w monasterze miały charakter fundamentalny. Niemalże wpływ na taki stan miały przemiany religijne wynikające z przejścia klasztoru przez Kościół unicki. Co prawda prawosławne środowiska monasterskie wobec unii zajęły postawę konserwatywną, jednak w wyniku silnej ekspansji mniszki suprascy bardzo szybko zmuszeni zostali do przejścia na wiarę unicką⁶². Według archimandryty Mikołaja Dalmatowa najpóźniej w 1614 roku mniszki suprascy byli już unitami⁶³. Za oficjalną i ostateczną datę przejścia monasteru na unię należy jednak uznać rok 1635. Liczba mnichów drastycznie spada, a Ławra w tym czasie traci, także swoją rolę centrum życia monastycznego, stając się ośrodkiem rezydencjonalnym biskupów⁶⁴. Wraz ze spadkiem znaczenia monasteru zmniejsza się także dbałość o same budowle, co powoli zaczyna doprowadzać je do degradacji⁶⁵. Wiadomo, że w końcu pierwszej połowy XVII wieku spłonęła drewniana cerkiew św. Jana Teologa⁶⁶ o której istnieniu ostatnią wzmiankę mamy w 1557 roku. Znajdujemy też zapis archimandryty Dalmatowa dokonany na podstawie wykonanej w latach 1636-1643 ikony św. Jana

⁴² Mironowicz A., Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991, s. 91-94.

⁴³ Maroszek J., Kalendarium klasztoru ojców Bazylianów w Supraślu – czasy Aleksandra Chodkiewicza [w:] Białostoczczyzna, r.2, Białystok 1994, s. 3-13.

⁴⁴ Kronika Ławry Supraskiej. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 82-83.

⁴⁵ Ibidem, s. 88.

⁴⁶ Naumow A., Monaster Supraski jako jeden z głównych ośrodków kultury Rzeczypospolitej, [w:] Z dziejów supraskiego monasteru. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 109.

⁴⁷ Konolop A., Supraskij Irmologij 1598-1601 gg.. jego sudba i istoriczeskoe znaczenie, [w:] Z dziejów supraskiego monasteru. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 180.

⁴⁸ Mironowicz A., Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991, s. 93-94.

⁴⁹ Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 52.

⁵⁰ Stawicki S., Czy Nektarij, autor Tipika był twórcą malowideł supraskich? [w:] Biuletyn Historii Sztuki, 1972, nr 1, s. 30-35; Stawicki S., Malowidła ścienne z dawnej cerkwi Zwiastowania NMP w Supraślu – problemy techniczne i technologiczne, Biuletyn Konserwatorski Województwa Podlaskiego, Białystok 2004, s. 7-45.

⁵¹ Petkovic S., Nektarije Srbini, slikar XVIv. [w:] Zbornik za likovne umetnosti, 1972, nr 8, s. 211-226 (tłumaczenie polskie: [w:] Rocznik Białostocki, 1991, nr 16, s. 293-319).

⁵² Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 9-10.

⁵³ Pokryszkin P., Błagowieszczenskaja cerkow w Suprasl'skom Monastyre, [w:] Sbornik archeograficzekich statiej podniesiennych grafu A.. A. Bobrinskomu, Sankt Petersburg 1911

⁵⁴ Mitrobędzki A., Uzgodnienie konsultacyjne, [w:] Kuźmienko J., Zabytkowa cerkiew w Supraślu. Plan realizacyjny zagospodarowania terenu dla II-ego etapu budowy oraz projekt techniczny rekonstrukcji, Warszawa 1985; Kochanowski W., Ruiny kościoła bazyliańskiego w Supraślu, P.P. Pracowni Konserwacji Zabytków, Dział Dokumentacji Naukowej, Warszawa 1958, s. 9.

⁵⁵ Ścieżkami Prawosławia, Białostoczczyzna, pod redakcją A. Radziukiewicz, POSRP, Białystok 1997, s. 153.

⁵⁶ Dalmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 471.

⁵⁷ Pokryszkin P., Błagowieszczenskaja cerkow w Suprasl'skom Monastyre, [w:] Sbornik archeograficzekich statiej podniesiennych grafu A.. A. Bobrinskomu, Sankt Petersburg 1911, s. 222-237.

⁵⁸ Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 29.

⁵⁹ Dalmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 46.

⁶⁰ Kronika Ławry Supraskiej. Archeograficzekij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 2.

⁶¹ Kochanowski W., Pobazylijański zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 358.

⁶² Mironowicz A., Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991, s. 91-94.

⁶³ Dalmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 98-99.

⁶⁴ Mironowicz A., Największa fundacja Aleksandra Chodkiewicza. Spór o charakter fundacji [w:] Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI – XVIII wieku, Białystok 2003, s. 549-550.

⁶⁵ Ibidem, s. 548.

⁶⁶ Dalmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 46.

Teologa: *Korpusow bratskich widno dwa*⁶⁷, co świadczy o wybudowaniu w tym czasie po wschodniej stronie zespołu Pałacu Archimandrytów, którego budowę historycy umiejscawiają w latach 1635-1655⁶⁸ jednak to datowanie nie jest pewne⁶⁹. W latach 1695-1697 w zachodniej części kompleksu monasterskiego wybudowano murowaną dzwonnice, która spłonęła w 1702 roku⁷⁰, a jej odbudowa trwała do połowy XVIII wieku⁷¹. Pod koniec XVII wieku powstają ogród włoski, sadzawki rybne i sady⁷², zaczątki swoje ma też drukarnia⁷³, która rozkwitnie w pierwszej połowie XVIII w. To właśnie na drukowaniu ksiąg klasztor wydzwignął się z kryzysu. Drukarnia w czasie swojej ponad stu letniej aktywnej działalności stała się podstawą egzystencji mnichów, ale i jednocześnie przyczyną określonych przedsięwzięć budowlanych⁷⁴. W 1710 roku wybudowana została papiernia⁷⁵. W 1753⁷⁶ roku rozpoczęto prace budowlane nowego, dużego murowanego korpusu po południowej stronie zespołu monasterskiego⁷⁷. Zamieszczony przez archimandrytę Dalmatowa inwentarz klasztoru z roku 1764, wymienia wszystkie obiekty składające się obecnie na zespół klasztorny⁷⁸ (wyjątkiem jest murowana cerkiew p.w. św. Jana Teologa, która wzniesiona została w latach 1889-1890⁷⁹, oraz przylegający do niej, wzniesiony w 1888 roku, dom pielgrzyma⁸⁰). Z powyższego wywnioskować możemy, że wszystkie obiekty mieszkalne wchodzące w skład obecnego zespołu klasztorowego, powstały prawdopodobnie w latach 1708-1764⁸¹, a na przestrzeni ostatnich dwustu pięćdziesięciu lat zmiany w budynkach polegały już wyłącznie na zmianie funkcji poszczególnych obiektów i sposobu ich użytkowania, a nie jak wcześniej, na zmianach urbanistycznych.

Z przytoczenia powyższych faktów widać, iż na przestrzeni kolejnych dwustu lat historii monasteru jego obiekty ulegały licznym zmianom. Przyczyny tych zmian były wielorakie. Najważniejszą z nich wydaje się sytuacja materialna monasteru: w czasie prosperity wznoszono liczne, nowe obiekty, stare drewniane zastępowano murowanymi, gdy zaś monaster podlegał degradacji, w pierwszej kolejności, podlegała substancja budowlana. Oczywiście z przyczyn rozbudowy kompleksu monasterskiego, był wzrost liczby mieszkańców, ale okres ten pokrywał się z czasem gdy monaster posiadał duży majątek, a więc tą sytuację możemy, także zaliczyć do przyczyn ekonomicznych. Inną aspektem wpływającym na decyzje inwestycyjne i równie ważnym jak przyczyny ekonomiczne – a dla mnichów zapewne najważniejszym – były przyczyny religijne (jednym z przykładów jest program fresków cerkwi Zwiastowania NMP). Najmniej istotne dla tego kompleksu, ale bardzo ważne w ówczesnych czasach, były przyczyny losowe – w tym przypadku pożar, który strawił cerkiew pw. św. Jana Teologa, czy dzwonnice. Ostatnią z przyczyn, która można wymienić w tym okresie był charakter działalności prowadzonej przez mieszkańców monasteru. W swej pierwotnej formie monaster był przede wszystkim miejscem modlitwy i w pierwszych latach zadawał się bardziej ascetyczną formą, dopiero gdy przyjął rolę centrum myśli teologicznej rozbudowano go o nowe funkcje (np.: biblioteka, pomieszczenia do kopiowania ksiąg, drukarnia, papiernia, inne).

W prezentowanym okresie trudno jest mówić o jakichkolwiek pracach konserwatorskich⁸², ponieważ remonty prowadzono, tak aby zachować sprawność techniczną budynków, a nie przywrócić ich pierwotny wygląd. W wielu też przypadkach budynki starsze zastępowano nowszymi, czy to przez zastąpienie budynków drewnianych murowanymi, czy też przez przebudowy, nadbudowy, dobudowy, czy inne ingerencje w istniejącą wcześniej substancję budowlaną – liczne ślady takiego działania można było zobaczyć w trakcie prowadzonych przez autora artykułu, w latach 2012-2013, prac konserwatorskich Pałacu Archimandrytów.

5. Oddalanie się monasteru od pierwotnej formy religijnej. Jego powolny upadek.

Przełom wieków XVIII i XIX, to kolejne pogorszenie sytuacji monasteru. W wyniku powstania kościuszkowskiego w 1794 roku^{83,84} oraz kolejnych zaborów monaster stracił większość swego majątku i zaczął popadać w ruinę. We władaniu monasteru zostały tylko dwa małe folwarki i ogród. Zaczynało brakować funduszy na pilne remonty budynków. Monaster w tym czasie przestał być samodzielną instytucją, a władze pruskie wypłacały pensje na utrzymanie mnichów, których w klasztorze zostało już tylko ośmiu^{85,86}. W 1803 roku została zamknięta drukarnia. Mnisi zaczęli tracić budynki. W latach 1807-1833 duża część Pałacu Archimandrytów przejęta została na potrzeby szpitala wojskowego⁸⁷. Dochodzi do znaczne-

⁶⁷ Ibidem, s. 141

⁶⁸ Kochanowski W., Pobazyliński zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 378.

⁶⁹ Piłaszewska Z., Supraśl, Zespół poklasztorowy o.o. Bazylianów. Pałac archimandrytów – budynki klasztorne. Dokumentacja historyczno-architektoniczna, dokumentacja PP PKZ, Białystok 1974, s. 14.

⁷⁰ Dalmatow N., Supraslskij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 310-311.

⁷¹ Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorowy o.o. bazylianów (brama, kaplica, refektarz). Dokumentacja konserwatorska z prac budowlano- konserwatorskich w latach 1969-1972, P.P. Pracownie Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1972, s. 4.

⁷² Kronika Ławry Supraslskiej. Archeograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 263-272.

⁷³ Hajduk M., Sanktuarium nad Supraślą. Dzieje monasteru, drukami, biblioteki, [w:] Slavia orientalis, nr 3-4, 1989, s. 529-530

⁷⁴ Dalmatow N., Supraslskij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 201.

⁷⁵ Hajduk M., Sanktuarium nad Supraślą. Dzieje monasteru, drukami, biblioteki, [w:] Slavia orientalis, nr 3-4, 1989, s. 530.

⁷⁶ Musiuk A., Zagadnienia rekonstrukcji i rewitalizacji zabytkowych obiektów monasteru supraslskiego w czasach współczesnych, [w:] Z dziejów supraslskiego monasteru. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej Supraslski Monastyr Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 180.

⁷⁷ Dalmatow N., Supraslskij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 264.

⁷⁸ Ibidem, s. 563-570.

⁷⁹ Ibidem, s. 437.

⁸⁰ Ibidem, s. 441-442.

⁸¹ Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorowy o.o. bazylianów. Dokumentacja historyczno – architektoniczna (Pałac Archimandrytów, budynki klasztorne), P.P. Pracownie Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1974, s. 31

⁸² konserwacja jako sztuka pielęgnowania i ochrony zabytków w formie świadomej i zorganizowanej ugruntowała się dopiero w XIX wieku, por. Borusiewicz W., Konserwacja zabytków budownictwa murowego. Arkady, Warszawa 1985, s. 11.

⁸³ Kronika Ławry Supraslskiej. Archeograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 394-395.

⁸⁴ Sosna G., Troc-Sosna A. Cerkiewna własność ziemska na białostocczyźnie w XV-XX wieku, Zbiór materiałów, Diecezja warszawsko-bielska i białostocko-gdańska, Orthdruk, Białystok 2004, s. 675-676.

⁸⁵ Dalmatow N., Supraslskij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 337

⁸⁶ Kronika Ławry Supraslskiej. Archeograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 403-406.

⁸⁷ Sosna G. Troc-Sosna A. Cerkiewna własność ziemska na białostocczyźnie w XV-XX wieku, Zbiór materiałów, Diecezja warszawsko-bielska i białostocko-gdańska, Orthdruk Białystok 2004, s. 676.

go zniszczenia tego budynku – dewastacji między innymi ulega w tym czasie kaplica i refektarz, gdzie wojsko urządziło arsenał magazynując broń i amunicję⁸⁸. W 1809 roku pożar strawił dom folwarczny i aż do 1822r. robotnicy folwarku mieszkali w monasterskich celach⁸⁹. W latach 1819-1831 monaster w swoich majątkach wybudował nową gorzelnię, browar, budynek mieszkalny oraz stodołę⁹⁰. 14 kwietnia 1839 roku klasztor, w wyniku soboru zjednoczeniowego w Płocku, powraca do prawosławia. W budynku monasterskich zamieszkuje wówczas jedynie pięciu mnichów⁹¹. Od 1834 roku przedsiębiorca przemysłowy Zachert przejmuje Pałac Archimandrytów z przeznaczeniem na fabrykę włókienniczą. W dawnych celach i części reprezentacyjnej pałacu ustawione zostają maszyny włókiennicze, w części pomieszczeń urządzono magazyny. Mimo starań braci monasteru nie tylko, nie udaje się im odzyskać Pałacu Archimandrytów, ale tracą kolejne zabudowania (część skrzydła południowego monasteru)⁹². W oplakany stan znajduje się cerkiew Zwiastowania NMP, której stan archimandryta Dalmatow opisał: *niemal bez dachu, cztery wieże zagrażają runięciem*⁹³.

W omawianym okresie widzimy, że degradacja substancji budowlanej wynika głównie z braku odpowiednich środków finansowych na konserwację. Także, mała liczba braci klasztoru przyczynia się do takiego stanu, gdyż dużą część prac remontowych mogłaby być wykonana we własnym zakresie. Mała ilość mnichów, a także niewielkie środki finansowe przyczyniły się, także do drastycznych zmian przeznaczenia poszczególnych obiektów monasterskich na szpital, arsenał, czy fabrykę, gdyż klasztor był zbyt słaby, aby bronić swego majątku. W tym okresie nie możemy też mówić o jakichkolwiek pracach konserwatorskich, gdyż większość nielicznych prac budowlanych prowadzono bez żadnego poszanowania substancji zabytkowej.

6. Chwilowe odrodzenie monasteru na przełomie XIX i XX w.

Odrodzenie zarówno, życia religijnego, jak i podźwignięcie obiektów monasteru z ruiny następuje gdy archimandrytą zostaje Mikołaj Dalmatow (1881-1906). W ciągu kilku miesięcy udało się mu odremontować zabudowania gospodarcze i przystąpić do restauracji zabudowań monasterskich. Podźwignięta z ruiny zostaje cerkiew Zwiastowania NMP⁹⁴ (początek prac miał miejsce jeszcze za archimandryty Komanieckiego, w roku 1778⁹⁵, zakończono prace zaś w roku 1910, już po odejściu archimandryty Dalmatowa, jednak to za jego czasów wykonano najważniejsze prace). Freski cerkwi w 1887 roku zostają odsłonięte przez *oczyszczenie i obmycie* z pokrywającej je pobiałej wapiennej. W kolejnych latach przeprowadzone zostają dalsze prace konserwacyjne fresków⁹⁶.

Okres ten należy uznać, za czas pierwszych prac konserwatorskich w monasterze. Co prawda ich jakość czasami była podważana, jednak dopiero teraz w sposób świadomy dążono do konserwacji dziedzictwa religijno-kulturowego tego miejsca. Wykonane w tym czasie prace były podporządkowane nadaniu monasterowi funkcji typowo monastycznej oraz przywróceniu *prawosławnego* charakteru⁹⁷.

7. Ostateczny upadek monasteru w okresie pomiędzy wojnami światowymi

15 sierpnia 1915 roku rozwój monasteru został przerwany. Mnisi, podobnie jak większość ludności prawosławnej, ewakuuje się do Rosji uciekając przed nacierającymi wojskami niemieckimi. Przez prawie cztery lata zabudowania monasterskie zostają bez opieki⁹⁸, po I wojnie światowej zaś monaster został przejęty jako *mienie pozaborcze* i od 8.08.1919 roku i nadzór nad nim sprawował Burmistrz Supraśla⁹⁹. W roku 1922 zabudowania monasterskie zostają przeznaczone na szkołę rolniczą, 27 maja 1924 roku zaś na polecenie Wojewody mnisi zostają usunięci z monasteru¹⁰⁰. W 1935 roku w części zabudowań monasterskich zajmują księża salezianie organizując zakład wychowawczy, z cerkwi pw. św. Jana Teologa zdejmują krzyże urządzając tam salę gimnastyczną¹⁰¹. II wojna światowa dopełnia zniszczenia monasteru. Po 17 września 1939 roku teren monasteru zajmuje jednostka Armii Czerwonej i organizuje w nim gamizon wojskowy. W cerkwi Zwiastowania NMP urządzono warsztat mechaniczny z kuźnią, w cerkwi pw. św. Jana Teologa zaś kuchnię i stołówkę¹⁰². Co prawda w trakcie okupacji niemieckiej prawosławnym udostępniona zostaje cerkiew pw. św. Jana Teologa, która po odremontowaniu zostaje wyświęcona, a do monasteru nawet wraca dziesięciu prawosławnych mnichów¹⁰³, jednak dzieła zniszczenia Ławry dokonują wycofujący się z frontu hitlerowcy, którzy w nocy z 21 na 22 lipca 1944 roku wysadzają w powietrze cerkiew Zwiastowania NMP^{104,105,106}, wybuch przy okazji, w znacznym stopniu niszczy otaczające cerkiew budynki. Z całego zespołu monasterskiego ocalała jedynie dzwonnica i usytuowane obok niej, po stronie północnej i południowej, budynki¹⁰⁷.

Omawiane tu trzydzieści lat to największa destrukcja obiektów zespołu monasterskiego w całej jego historii. Właściwie jakiegokolwiek czynności inwestycyjne podjęte w tym okresie miały za zadanie zatarcie prawosławnych korzeni tego miejsca i często polegały na jego profanacji. Czynności konserwatorskie w tym okresie podejmowane były w minimalnym zakresie. Dzieła destrukcji dokończyło zburzenie cerkwi Zwiastowania NMP.

⁸⁸ Kochanowski W., Pobazyliański zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 387.

⁸⁹ Sosna G., Troc-Sosna A., Cerkiewna własność ziemską na białostocczyźnie w XV-XX wieku, Zbiór materiałów, Diecezja warszawsko-bielska i białostocko-gdańska, Orthdruk, Białystok 2004, s. 676.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ Dalmatow N., Supraslskij Blahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 416.

⁹² Kochanowski W., Pobazyliański zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 387.

⁹³ Dalmatow N., Supraslskij Blahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 416.

⁹⁴ Ibidem, s. 437.

⁹⁵ Kochanowski W., Pobazyliański zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 388.

⁹⁶ Dalmatow N., Supraslskij Blahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 438-439.

⁹⁷ Jodkovskij J., Cerkow pripisoblenija k oborone w Litve i Litovskoj Rusi, [w:] Drevnosti. Trudy komisii po sochraneniju drevnich pamjatnikov sostojaszczzej pri Imperatorskom Moskovskom Archeologičeskom Obszczestve, t. VI, Moskwa 1915, s. 263.

⁹⁸ Maroszek J., Straty dziedzictwa kulturalnego klasztoru oo. Bazylianów w Supraślu w 1794-1915, [w:] Białostocczyzna, r.2, Białystok 1994, s. 53.

⁹⁹ Sosna G., Troc-Sosna A., Cerkiewna własność ziemską na białostocczyźnie w XV-XX wieku, Zbiór materiałów, Diecezja warszawsko-bielska i białostocko-gdańska, Orthdruk, Białystok 2004, s. 677-678.

¹⁰⁰ Ibidem, s. 678.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Hajduk M., Sanktuarium nad Supraślą. Dzieje monasteru, drukarni, biblioteki, [w:] Slavia orientalis, nr 3-4, 1989, s. 521-522.

¹⁰³ bp Miron (Chodakowski M.), Monaster supraslski w dziejach Kościoła Prawosławnego w Polsce (1498-1998), ChAT, Warszawa 2002 s. 188.

¹⁰⁴ Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 29.

¹⁰⁵ Hajduk M., Sanktuarium nad Supraślą. Dzieje monasteru, drukarni, biblioteki, [w:] Slavia orientalis, nr 3-4, 1989, s. 522

¹⁰⁶ Bołtryk M., Kronika wypadków supraslskich, [w:] Precz z mnichami, Białystok 1995, s. 178.

¹⁰⁷ Kochanowski W., Pobazyliański zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 388

8. Powojenna odbudowa

W 1945 roku, na zlecenie Wojewódzkiego Konserwatora Zabytków w Białymstoku, rozpoczęto odbudowę obiektów supraskiego monasteru. W pierwszej kolejności zabezpieczono wypalone mury i odgruzowano budynki monasterskie, rozpoczęto też ich odbudowę. W ciągu dziesięciu lat prace zakończono, a budynki przeznaczono na szkołę rolniczą. Prace te nie dotyczyły cerkwi Zwiastowania NMP – gdzie dokonano jedynie transferu ocalałych fragmentów fresków¹⁰⁸ – i Pałacu Archimandrytów¹⁰⁹. Prace przy cerkwi Zwiastowania NMP rozpoczęto dopiero po 12 latach od jej zburzenia, a więc w 1956 roku i trwały one prawie cztery lata. Zakończone zostały w 1960 roku zabezpieczając cerkiew, jako trwałą ruinę¹¹⁰. W 1964 roku przeprowadzono konserwację ocalałych fragmentów fresków¹¹¹.

Po II wojnie światowej, po długich sporach, w rękach prawosławnych z całego majątku monasterskiego, i to dopiero od 1958 roku, pozostaje jedynie cerkiew pw. św. Jana Teologa¹¹² stanowiąca siedzibę miejscowej parafii prawosławnej. Pozostałe obiekty służą szkole, a w odbudowanym w latach 1969-1972 Pałacu Archimandrytów swoją siedzibę znajduje filia Muzeum Okręgowego w Białymstoku. Taki stan trwa, aż do początku lat 80-tych XX wieku.

Przeprowadzone w tym okresie prace należy uznać za najbardziej profesjonalne z dotychczas wykonanych. W trakcie ich realizacji posługiwano się zasadami konserwacji zabytków (szczególnie widoczne to było przy ratowaniu ocalałych fragmentów fresków). Nie ustrzeżono się jednak podczas prac odbudowy budynków monasterskich błędów – za największy, autor artykułu uważa wprowadzenie materiałów żelbetonowych, co przede wszystkim jest widoczne w zmianie charakteru przekryć poszczególnych pomieszczeń oraz wprowadzeniu licznych otworów drzwiowych w miejscach, w których wcześniej one nie występowały. Zmiana przeznaczenia budynków monasterskich na potrzeby szkoły rolniczej poniosła także wiele niekorzystnych zmian, dla przykładu można tu podać konieczność uzyskania pomieszczenia sali gimnastycznej w Pałacu Archimandrytów. Nie wykonano też w trakcie tej restauracji poziomych izolacji przeciwwilgociowych. Często prace przebiegały bez zachowania, czy odtworzenia detali architektonicznych wnętrz. Większość z kilkudziesięciu kominków służących pierwotnie do ogrzania pomieszczeń monasterskich została zakryta tynkiem, bądź pozostawiona wręcz w karykaturalnej formie. Jedynie w dwóch pomieszczeniach, refektarza i kaplicy, przywrócono historyczny wystrój.

9. Współczesna rekonstrukcja i rewaloryzacja oraz wzrost znaczenia monasteru

Początkiem starań o odzyskanie przez mnichów obiektów supraskiego monasteru było pismo z 6 listopada 1981 roku ówczesnego ordynariusza Diecezji Białostocko-Gdańskiej bp Sawy do władz w sprawie przekazania ruin cerkwi Zwiastowania NMP Kościołowi prawosławnemu¹¹³. Ponad rok później, 9 grudnia 1982 roku, taka decyzja zapadła¹¹⁴, a 14 stycznia 1983 roku Wojewoda Podlaski wyraził zgodę na odbudowę cerkwi¹¹⁵. Jako symboliczny początek odbudowy uznaje się 4 czerwca 1984 roku¹¹⁶ (w niektórych źródłach 3 czerwca 1984 roku^{117,118}), gdy wmurowano kamień węgielny pod rekonstruowaną świątynię. Kolejne lata to powolne wznoszenie bryły świątyni, aż do roku 2003 gdy zakończono zasadnicze prace rekonstrukcji bryły cerkwi Zwiastowania NMP¹¹⁹. Równocześnie na terenie monasteru trwają inne prace. W 1987 roku rozpoczęto generalny remont wnętrza ścian cerkwi pw. św. Jana Teologa¹²⁰. Ze względu na ciągle użytkowanie przez społeczność prawosławną tego obiektu od 1958 roku, cerkiew ta była najlepiej zachowanym obiektem na terenie całego monasteru, dlatego też prace miały tu głównie charakter konserwatorski, a największym zadaniem było osuszenie murów i wykonanie izolacji poziomej. Pierwotnie planowano wykonanie iniekcji ciśnieniowej, jednak po nawierceniu otworów iniekcyjnych poziom wilgoci w ścianach spadł poniżej dopuszczalnego. Zrezygnowano więc z kosztochłonnej iniekcji.

Od połowy lat 80-tych XX w. klasztor czynił starania, aby odzyskać prawo własności budynków. W pierwszej kolejności odzyskano budynek przylegający do cerkwi pw. św. Jana Teologa – jego poświęcenia, po wcześniejszym odrestaurowaniu, dokonano 25 maja 1993 roku¹²¹. Obiekt ten został przystosowany do podstawowych potrzeb życia monastycznego – znalazły się w nim: kuchnia, refektarz, kancelaria i cele mniszne.

W 1996 roku, po wieloletnich staraniach, decyzją Urzędu Rady Ministrów RP nastąpił zwrot pozostałych budynków¹²². Stan budynków po przekazaniu określany był jako bardzo zły. Natychmiastowej naprawy wymagała więźba oraz pokrycie dachu. Szczególny problem stwarzała naprawa zniszczonych murów, tynków i gzymsów, których podstawową przyczyną uszkodzenia były zawilgocenia zarówno od wód opadowych zawilgacających mury po przez nieszczelne, zdewastowane dachy oraz od wód gruntowych podciąganych przez mury ze względu na brak izolacji poziomych¹²³. Dopiero po kilkuletnich staraniach, w 2003 roku, monaster uzyskał pozwolenie na rozpoczęcie prac rewaloryzacyjnych całego zespołu klasztorne-

¹⁰⁸ Lebedzińska L., Freski z Supraśla. Katalog wystawy, Kraków 1968.

¹⁰⁹ Kochanowski W., Pobazyliański zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 388-389.

¹¹⁰ Filipczuk Z., Supraśl, pow. Białystok, ruiny kościoła pobazyliańskiego. Projekt wstępny zabezpieczenia ruin, PP PKZ, Białystok 1960.

¹¹¹ Lebedzińska L., Freski z Supraśla. Katalog wystawy, Kraków 1968.

¹¹² Monaster Męski Zwiastowania Najświętszej Marii Panny w Supraślu, Supraśl 2007, s. 35.

¹¹³ Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru - materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 13

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Pismo Wojewody Podlaskiego nr WZ 8334/16/83 z dnia 14.01.1983r

¹¹⁶ Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru - materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 14

¹¹⁷ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹¹⁸ Makal W., Przed odrodzeniem supraskiego monasteru, Supraśl, 2003, s. 19.

¹¹⁹ więcej na temat odbudowy świątyni można znaleźć w: Musiuk A., Rekonstrukcja cerkwi zwiastowania Matki Bożej w Supraślu - na styku kultur, narodów i religii [w:] II Międzynarodowa Konferencja Naukowa: Architektura kultur lokalnych pogranicza: Architektura miejsc kultu i pamięci w dialogu narodów i religii: materiały konferencyjne, Białystok 2009, s. 63-70; Musiuk A., Rekonstrukcja i rewaloryzacja zespołu obiektów klasztoru męskiego w Supraślu, jako przykład prac konserwatorsko-budowlanych budowli sakralnych z XVI wieku [w:] Arhitekturnoe nasledie priużskogo regiona cożraneie i kulturno-turistkoe ispol'zovanie, Učređenje obrazovanja Brestskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, Brest 2012, s. 39-45.

¹²⁰ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹²¹ Ibidem.

¹²² Ibidem.

¹²³ Grochowski J.K., *Opinia techniczno-mykologiczna*, Białystok 1998, s. 4.

go¹²⁴ – wcześniej prace te miały jedynie doraźny charakter i w głównej mierze polegały na naprawie więzby dachowej oraz jej pokryciu¹²⁵. Prace konserwatorskie rozpoczęto w 2003 roku, a już w 2006 roku wyremontowane były wszystkie elewacje budynków monasterskich (z wyłączeniem dzwonnicy i budynku przylegającego do cerkwi pw. św. Jana Teologa). W 2006 roku zakończono, także restaurację ogrodów włoskich przylegających do zabudowań monasterskich od strony południowej. W roku 2007 otwarto w odrestaurowanej części monasteru Muzeum Ikon – klasztor uzyskał jedną z najnowocześniejszych placówek tego typu w Europie. W latach 2007-2008 odrestaurowano część pomieszczeń skrzydła południowego i przeznaczono na Dom Pielgrzyma¹²⁶ – monaster uzyskał bazę hotelową na wysokim poziomie. W połowie 2008 roku monaster otrzymał pozwolenie na budowę¹²⁷ i przystąpił do generalnego remontu dzwonnicy oraz prac restauratorskich budynku przylegającego do cerkwi pw. św. Jana Teologa. Prace te zakończono w 2010 roku. Poczynając od roku 2012 ruszyły wewnątrz Pałacu Archimandrytów prace konserwatorsko-budowlane mające na celu ostateczne jego odrestaurowanie.

Podobnie jak w czasach początku monasteru, równoległe z zakrojonymi na szeroką skalę działaniami inwestycyjnymi rośnie ranga Ławy Supraskiej – odradza się jej życie duchowe oraz wzrasta znaczenie kulturalne, historyczne i oświatowe. W pierwszej kolejności nastąpiło odrodzenie życia monasterskiego, poprzez powołanie w dniu 1 listopada 1984 Domu Zakonnego¹²⁸, a następnie, 13 grudnia 1989 r., restytuowano supraski monaster pod nazwą: Klasztor Męski Zwiastowania NMP w Supraślu^{129,130}. W tym czasie następuje wzrost braci¹³¹. Wyraznym znakiem odrodzenia Ławy Supraskiej było przybycie w 1987 roku, po upływie bez mała 400 lat, patriarchy konstantynopolańskiego Dymitra I¹³² (w 1589 roku monaster gościł patriarchę Konstantynopola Jeremiasza II¹³³). W następnych latach klasztor odwiedzali kolejni patriarchowie: konstantynopolański Bartłomiej, aleksandryjski Piotr VII, serbski Paweł, rumuński Teoktyst, oraz zwierzchnicy Kościołów prawosławnych: Greckiego – Chrystodoulos, Albańskiego – Anastazy, Amerykańskiego – Herman, Fińskiego – Paweł i Leo, oraz wielu metropolitów, arcybiskupów i biskupów¹³⁴. W roku 2012 Ławra Supraska gości patriarchę moskiewskiego i całej Rusi – Cyryla. W 1998 roku na terenie klasztoru działalność charytatywną rozpoczyna Prawosławny Ośrodek Miłosierdzia^{135,136} stając się najprężniejszą tego typu placówką w Supraślu¹³⁷. W 1999 roku powołana została Drukarnia Monasteru Supraskiego, dzięki której następuje kontynuacja supraskich tradycji drukarskich. W roku 2004 powstaje Akademia Supraska, której misją jest pielęgnowanie, rozwój i upowszechnianie tradycji, wartości i duchowości prawosławia jako źródła odpowiedzi na wyzwania współczesności, wkład w życie Kościoła prawosławnego poprzez działalność badawczą, edukacyjną i wychowawczą oraz działania na rzecz zbliżenia i współpracy między kulturami, religiami i wyznaniami w dziele budowy wspólnoty ludzkiej opartej na dobru i szacunku¹³⁸. Siedzibą Akademii Supraskiej zostaje Dom Pielgrzyma. 3 sierpnia 2007 roku pochodzący z XI wieku *Kodeks Supraski* zostaje wpisany na listę Pamięci Świata UNESCO¹³⁹. Ostatnie lata to, także wzrost zainteresowania *Irmologionem Supraskim*^{140,141,142,143,144}. Na terenie klasztoru organizowane są konferencje naukowe oraz liczne odczyty i sympozja^{145,146,147}. Monaster licznie odwiedzają turyści, a ich roczna liczba przekracza sto tysięcy.

Przebieg prac w czasach współczesnych należy uznać za najbardziej profesjonalny. Jest to konsekwencją rosnącej świadomości oraz zaliczeniem Ławy Supraskiej do jednego z najcenniejszych zabytków Podlasia. Niewątpliwym też wpływ na taki stan miał rozwój myśli technicznej pozwalający na zastosowanie środków i technologii wcześniej nie osiągniętych dla

¹²⁴ Decyzja nr 1261 (AR.7351-9-24/2002p) zatwierdzająca projekt budowlany i wydająca pozwolenie na budowę dla Klasztoru Męskiego Zwiastowania NMP w Supraślu, wydana przez Starostę Powiatowego w Białymstoku z dnia 28.01.2003 r.

¹²⁵ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹²⁶ Protokół końcowy odbioru robót: Pierwszy etap odrestaurowania części zabytkowych pomieszczeń klasztornych na potrzeby Akademii Supraskiej (centrum konferencyjno-szkoleniowo-kulturowe) – Dom Pielgrzyma (część noclegowa) realizowany w ramach Zintegrowanego Programu Operacyjnego Rozwoju Regionalnego, działanie 3.1 „Obszary wiejskie” z dnia 21.03.2008r.

¹²⁷ Decyzja nr 632 (AR.7351-9-24/2008p) zatwierdzająca projekt budowlany i wydająca pozwolenie na wykonanie robót budowlanych Klasztorowi Męskiemu Zwiastowania NMP w Supraślu, wydana przez Starostę Powiatowego w Białymstoku z dnia 21.05.2008 r.

¹²⁸ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹²⁹ Decyzja Soboru PAKP nr 238p¹¹ z dnia 13.12.1989r.

¹³⁰ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹³¹ Archimandryta Gabriel (Giba), Odrodzenie życia monastycznego w monasterze supraskim w XX wieku i jego rola dla miasteczka oraz okolic, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru - materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 100.

¹³² Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru - materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 14.

¹³³ Kronika Ławy Supraskiej. Archeograficzny zbiór dokumentów, odnoszących się do historii Siewier-Zapadnoj Rusi, wydawany w imieniu Wilenskiego Uczelnianego Okręgu, t. IX, Wilno 1870, s. 88.

¹³⁴ Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru - materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 14.

¹³⁵ R. N., Diecezja białostocko-gdańska [w:] Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego, 1998, nr 12, s. 13.

¹³⁶ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹³⁷ Charkiewicz J., Prawosławny Ośrodek Miłosierdzia Diecezji Białostocko-Gdańskiej „Eleos” 1996-2006, Białystok 2005, s. 35-36.

¹³⁸ uchwała Zarządu Fundacji „Oikonomos” nr 20/Z/2004 z dnia 16.09.2004 r.

¹³⁹ Iuli, Supraski kodeks światowym dziedzictwem, [w:] Gazeta Wyborcza z 20 września 2007r.

¹⁴⁰ Jasnowski J., Repertuar greckiego napiewa w ukraińskich pieśniewskich zbiorach, [w:] Materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Pamięci prot. D. Raznowoskiego” Moskowskaja gosudarstwiennaja konserwatorija „Konpozitor”, Moskwa 2000.

¹⁴¹ Calaj-Jakimienko A., Kiewskaja notacija kak relatiwnaja sistema (Solmizacija), [w:] Kiewskaja szkoła muzyki XVII stoletija, K'jów-Ławra 2002.

¹⁴² Konotop A., Supraskij Irmologij 1598-1601gg., ego sudba i istoričeskoe znaczenie, [w:] Z dziejów Supraskiego Monasteru - materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 199-206.

¹⁴³ Szewczuk E., Sławjanskij otkleski wizantijskogo sijanija, Nowo-Tihwinskij zjinskij monastyr, Jekaterynburg 2006.

¹⁴⁴ Abijski M., Problema wostanowienija drevnej pewczeskowo tradiciji Supraskogo Blagowieszczenskogo Monastyrja na osnovanij rukopisnogo Irmologiona 1598-1601g.g., [w:] The Third International Conference on Orthodox Church Music „Church, State and Nation in Orthodox Church Music”, University of Joensuu, Finland, 8-14.06.2009 r. (artykuł przyjęty do wygłoszenia).

¹⁴⁵ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹⁴⁶ Kronika Monasteru w Supraślu, t. II.

¹⁴⁷ Kronika Monasteru w Supraślu, t. III.

tego obiektu. O ile rekonstrukcja cerkwi Zwiastowania NMP w dużej mierze oparła się o nowoczesne technologie¹⁴⁸ – prace o charakterze konserwatorskim pojawiają się dopiero przy odtworzeniu fresków świątyni i wystroju wnętrza – to już prace rewaloryzacji budynków były przeprowadzone z szerokim wykorzystaniem technik konserwatorskich¹⁴⁹.

Obecnie klasztor stoi przed pracami kończącymi dzieło odbudowy Supraskiej Ławy. Trwają prace badawcze i projektowe odtworzenia fresków cerkwi Zwiastowania NMP przy zachowaniu oryginalnych XVI wiecznych technologii ich wykonania, w październiku 2012 r. zaś przystąpiono do prac we wnętrzach Pałacu Archimandrytów z ich przeznaczeniem na pomieszczenia Akademii Supraskiej. O ile w przypadku pierwszych prac, sposób ich prowadzenia i przewidywany efekt końcowy nie budzi zastrzeżeń konserwatorskich, a co więcej, końcowy ich efekt może być wydarzeniem na skalę europejską, o tyle w przypadków prac w Pałacu Archimandrytów ich przebieg może budzić kontrowersje. Wynika to z konieczności kolejnej, bardzo drastycznej, zmiany programu użytkowego tych pomieszczeń oraz potrzebie dostosowania obiektu do obowiązujących przepisów.

Podłoże tej pierwszej zmiany tkwi w ekonomii i konieczności pozyskania na prace restauratorskie ogromnych środków finansowych. W Polsce taką możliwość dają dotacje ze środków Unii Europejskiej, jednak wiążą się one z koniecznością spełnienia szeregu wymagań kulturalno-turystycznych, pozostających często w sprzeczności z rozwiązanymi ściśle konserwatorskimi. W obliczu takiego stanu inwestor bardzo często nie ma wyjścia i chcą ratować obiekt zmuszony jest do pójścia na kompromis wyznaczając obiektowi nowy program funkcjonowania. Z jednej strony ma to pozytywny wpływ, gdyż nowe funkcje kulturalno-turystyczne otwierają obiekty dla społeczeństwa, z drugiej jednak strony doprowadzają bardzo często do destrukcji oryginalnej substancji budowlanej i zmiany pierwotnego przeznaczenia obiektu. Taką właśnie sytuację mamy w supraskim monasterze. W wyniku prowadzonych obecnie prac, w niedostępnych od początku lat 90-tych XX wieku pomieszczeniach, pojawi się wielofunkcyjna aula, biblioteka, czytelnia, kuchnia, refektarz, sale wystawowe i konferencyjne wraz z niezbędnym zapleczem. Jako, że nie jest to, ani pierwotna funkcja cel przeznaczonych dla mnichów, ani funkcja ostatniej tu urzędującej szkoły rolniczej, prace konserwatorsko-budowlane w sposób fundamentalny kolejny raz zmieniają Pałac Archimandrytów.

Drugim, chyba nawet bardziej destrukcyjnym działaniem, jest konieczność dostosowania obiektu do obowiązujących przepisów prawa budowlanego. Szczególnie uciążliwe jest to w przypadku przepisów przeciwpożarowych, gdzie pojawiają się konieczność zapewnienia dróg ewakuacyjnych o odpowiednich parametrach, oraz wydzielenia stref. Przepisy te w wielu punktach nie uwzględniają wymagań konserwatorskich, często doprowadzając do wielu absurdów. Innym, wprowadzającym duże zmiany, problemem jest dostosowanie obiektu do potrzeb osób niepełnosprawnych, i tak w Pałacu Archimandrytów pojawi się winda, zapewnione też zostaną odpowiednie podjazdy i pochylnie, zastosowane zostaną odpowiednie rozwiązania w pomieszczeniach sanitarnych. Kolejną przyczyną wpływającą na destrukcję substancji zabytkowej jest konieczność wykonania szeregu instalacji: elektrycznej, alarmowej, przeciwpożarowej, centralnego ogrzewania, wodnej, kanalizacyjnej i wentylacyjnej. Szczególnie ta ostatnia przysparza dużych problemów, gdyż czasami pojawia się konieczność wykonania bruzd o przekroju dochodzącym do 2 m². Przy tych rozważaniach należy też zwrócić uwagę na zagadnienia fizyki budowli, gdyż z jednej strony docieplenie wełną mineralną ścian budynku jest niemożliwe, z drugiej jednak strony, coraz bardziej w użytkowaniu obiektu liczy się ekonomika.

Patrząc na powyższe widzimy, że odzyskanie sprawności technicznej Pałacu Archimandrytów będzie się wiązało z kolejnym zatarciem pierwotnej jego formy.

10. Podsumowanie

Obiekty Ławy Supraskiej, podczas ponad pięciuset lat jej funkcjonowania, podlegały ciągłym przemianom. Tempo i zakres tych zmian w największej mierze zależały od dwóch czynników: ekonomicznego i religijnego. Większość opisanych w pracy zmian prowadziła do oddalenia się od pierwotnych funkcji poszczególnych obiektów, doprowadzając czasami do całkowitego zatracenia substancji zabytkowej. Szczególnie staje się to niebezpieczne w czasach współczesnych, gdzie dzięki cały czas doskonalącym się technologiom konserwatorskim i budowlanym, dokonywane w ciągu kilku lat są zmiany, które wcześniej były rozłożone na całe stulecie. Niestety, ale kierunek ten dotyczy nie tylko obiektów supraskich, a przede wszystkim jest skutkiem obowiązujących obecnie nowych tendencji w wykorzystaniu obiektów zabytkowych ukierunkowanych na wzrost znaczenia kulturalno-turystycznego. Paradoksalnie za kilkanaście lat może się okazać, że najlepiej pod względem konserwatorskim w Ławrze Supraskiej zostaną ocenione prace rekonstrukcji cerkwi Zwiastowania NMP (mimo, że jej odbudowa ruszyła dopiero w 1984 roku), czego przyczyny doszukiwać się należy w pełnym odtworzeniu jej pierwotnego przeznaczenia i taka tendencja, w świetle dbałości o zabytki, wydaje się najwłaściwsza.

УДК 725.182(476)

Морозов В.Ф.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛАССИЦИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ АРХИТЕКТОРА К. ПОДЧАШИНСКОГО В БЕЛАРУСИ. АРХИТЕКТУРА УЧЕБНЫХ ЗДАНИЙ

Введение. Современный этап исследования истории белорусской архитектуры характеризуется обращением к стилистическим проблемам зодчества, причем главный акцент здесь ставится на поиске более глубоких дефиниций стиля и повышенном внимании к смысловым и содержательным аспектам стиля. До сего времени эпоха клас-

¹⁴⁸ por. Musiuk A., Rekonstrukcja i rewaloryzacja zespołu obiektów klasztoru męskiego w Supraślu, jako przykład prac konserwatorsko-budowlanych budowli sakralnych z XVI wieku [w:] Arhitektumoe nasledne pribužskogo regiona cožrańeie i kulturno-turistskoe ispol'zovanie. Učređenie obrazovania Brestskij gousdarstvennyj tehničeskij universitet, Brest 2012, s. 42-43

¹⁴⁹ por. Musiuk A., Rekonstrukcja i rewaloryzacja zespołu obiektów klasztoru męskiego w Supraślu, jako przykład prac konserwatorsko-budowlanych budowli sakralnych z XVI wieku [w:] Arhitektumoe nasledne pribužskogo regiona cožrańeie i kulturno-turistskoe ispol'zovanie. Učređenie obrazovania Brestskij gousdarstvennyj tehničeskij universitet, Brest 2012, s. 43-44.

сицизма в архитектуре Беларуси представлялась достаточно однородным явлением [1, с. 207-268]. Однако исследования последних лет показали, что она включает не только иные по отношению к классицизму стилистические направления, такие, как неоготика, «шинуазри» и «тюркери», но и различные оттенки стиля классицизм – барочный классицизм, строгий стиль, ампир и рациональный классицизм.

Значительный интерес для изучения белорусского зодчества представляет рациональное направление классицистической стилистики. В исследованиях архитектуры Российской империи, куда, начиная с конца XVIII века, входили белорусские земли, отказ от декорировки в постройках классицизма и превалирование в них рациональных черт рассматривался как деградация и упадок стиля [2, с. 464-467]. В работах же современных западноевропейских ученых всячески подчеркивалось значение деятельности известного французского ученого и педагога, профессора Политехнического института в Париже Ж. Дюрана, создавшего особую систему проектирования зданий [3, с. 208-210; 4, с. 29, 30]. Эта система благодаря педагогической деятельности Ж. Дюрана и широкому распространению его архитектурных трактатов значительно повлияла на архитектуру классицизма и способствовала развитию в ней черт рационализма.

Активным последователем системы Ж. Дюрана стал профессор К. Подчашинский, заведующий кафедрой архитектуры Виленского университета. Он опубликовал в середине XIX века учебник архитектуры, выполненный в соответствии с требованиями доктрины Ж. Дюрана и, благодаря своей педагогической деятельности, способствовал распространению учения своего французского учителя на территории стран Восточной Европы. В статье рассмотрено творчество К. Подчашинского на белорусской земле в сфере проектирования учебных зданий.

Основная часть. Рациональный классицизм – одно из достаточно широко распространенных направлений стиля классицизм. Оно возникло во Франции на рубеже XVIII-XIX веков и отражало потребности французского государства времен императора Наполеона Бонапарта в архитектуре простой и экономичной.

Теоретиком и создателем этого направления был выдающийся французский архитектор-педагог, профессор Политехнического института в Париже Ж. Дюран (1760-1834). Он преподавал в Политехническом институте со времени его основания в 1795 году до 1834 года. Ж. Дюран не был практикующим архитектором. Он построил буквально несколько зданий, о которых мало что известно. Однако он разработал теорию рациональной архитектуры и создал своеобразный метод проектирования, который ввел в преподавание архитектуры в Политехническом институте и подготовку военных специалистов, инженеров-строителей и архитекторов.

Теоретические положения своей творческой доктрины Дюран изложил в ряде публикаций, из которых наиболее известны книги «Конспект лекций по архитектуре» в двух томах (1802-1805) и «Чертежи и сравнения всех типов новых и старых зданий» (1800). «Конспект лекций по архитектуре» стал основным учебником, по которому велось обучение архитектуре вплоть до конца XIX века, а книга «Чертежи и сравнения...», где были представлены чертежи наиболее известных классических произведений различных эпох, стран и стилей, стала, по сути, убедительным манифестом равенства стилей и культур в истории архитектуры и тем самым предвосхитила эклектику [5, с. 31].

Основной постулат теории, сформулированной Дюраном в учебнике архитектуры «Конспект лекций...», гласил, что не красота, а потребность, функциональная предназначенность является главной целью деятельности зодчего [5, с. 30]. Отсюда он выводил главный тезис о том, что архитектура должна быть практичной и экономичной. Для этого Дюран разработал свой специфический метод проектирования зданий, который основывался на:

- сохранении строгой симметрии и осевых построений;
- механическом повторении элементов и частей здания;
- общем композиционном построении зданий, основанном на наиболее простых геометрических фигурах: квадрате, круге и на фигурах, созданных благодаря сочетанию этих двух фигур;
- покрывании плоскости, на которой должно быть запроектировано здание, регулярной сеткой, а основным элементом разбивки плана здания является расстояние между соседними линиями, называемое поясом;
- точном построении разреза здания и его плана, а затем из этих двух проекций – построении фасада.

Архитектурная теория Ж. Дюрана благодаря простоте и ясности своих основ и принципов проектирования, соответствию потребностям эпохи получила значительное распространение и существенно повлияла на развитие архитектуры XIX века, в особенности на формирование облика общественных зданий и строительство воинских объектов.

В творчестве большинства зодчих, как правило, не обладавших выдающимися творческими способностями, разработанные Дюраном методы проектирования применялись достаточно прямолинейно и непосредственно. Это в основном приводило к созданию архитектурного облика, который обладал чертами сухости и схематизма, что в определенной мере было необходимо в строительстве воинских объектов, однако ничуть не украшало многие общественные здания. Внешний вид таких сооружений возбуждал критику общественности того времени, а в среде исследователей истории архитектуры воспринимался как черты упадка стиля классицизм. В творчестве же выдающихся зодчих использование методов Дюрана приводило к созданию общественных зданий, имеющих принципиально новый облик и отличающихся новыми пространственными решениями, масштабностью, присущей новым развивающимся городам. К таким зодчим, прежде всего, следует отнести выдающегося немецкого архитектора К. Шинкеля, который, развив теоретические положения Ж. Дюрана, создал собственную творческую доктрину о соответствии функционального назначения здания, его отнесения к определенному типу построек, и стиля, в котором эти постройки выполнялись.

Основными каналами распространения теории Ж. Дюрана была его деятельность в Политехническом институте и книги, которые не раз переиздавались как во Франции, так и в Германии.

В странах Западной Европы и, особенно, во Франции идеи Дюрана получили распространение в архитектуре практически сразу же после начала его работы в Политехническом институте и опубликования его книг – начиная с

первых десятилетий XIX века, и достигли своего апогея в середине XIX века. На обширных же территориях Российской империи они распространились позднее, начиная с середины XIX века вплоть до его конца. Это произошло из-за прерывания контактов с Францией в связи с войной 1812 года. Выходцы из Российской империи в это время практически не обучались во Франции, существовал также запрет на поступление литературы из Франции. Поэтому трактаты Ж. Дюрана в Российской империи так и не были изданы, хотя в самом начале XIX века идеи о их переиздании были распространены в российском обществе.

Влияние рационалистической теории Ж. Дюрана в первой половине XIX века получило лишь незначительное распространение благодаря службе некоторых французских офицеров, которые получили образование у себя на родине, в российской армии, и деятельности военных инженеров Российской империи, в программу обучения которых вносились рационалистические тенденции, и повлияло на строительство воинских объектов.

Да и рационализм, как ведущее направление, был чужд эстетике александровской эпохи, проникнутой романтическими тенденциями и пафосом триумфа России в победе над Наполеоном. Рационалистические тенденции смогли получить наибольшее развитие лишь в николаевскую эпоху. Но и они в определенной степени ограничивались, учитывая нелюбовь Николая I к Франции и всему французскому.

Однако на западных землях Российской империи рациональное направление классицистической стилистики получило значительное распространение намного раньше, чем на всей остальной территории этого обширного государства – с 1820-х годов. И произошло это благодаря деятельности известного архитектора и педагога, профессора Виленского университета К. Подчашинского [6, с. 85, 86]. Этому способствовали не только выдающиеся черты личности К. Подчашинского – талант, напористость, пылкость, но и те особые условия относительной демократизации и свобод, которыми в начале александровской эпохи новый император наделил общественную жизнь на западных землях империи, входивших прежде в состав Речи Посполитой.

К. Подчашинский родился в 1790 году в деревне Жирмуны близ Лиды в семье строителя Радзивиллов-Жирмуных Яна Подчашинского [7, с. 890; 8, с. 12]. Учился он в базилианской школе в Бресте, в гимназии в Кременце и Виленском университете, который закончил в 1814 году со степенью магистра философии. В этом же году К. Подчашинский на средства университета был направлен для обучения архитектуре в Петербургскую Академию художеств, где в 1816 году получил аттестат архитектора и был удостоен второй серебряной медали за архитектурную композицию. В 1816 году он вернулся в Виленский университет и начал преподавать курс архитектуры, как указывалось в университетских документах, «в соответствии с положениями теории Дюрана» [5, с. 48].

Желание К. Подчашинского непосредственно познакомиться с методикой преподавания архитектуры и самим известным педагогом Ж. Дюраном и, главное, поддержка руководства Виленского университета, в частности известного ученого Я. Снядецкого, прекрасно понимающего выгоды от перенесения в методику преподавания Виленского университета и как следствие, на земли бывшего Великого Княжества Литовского, доктрины Ж. Дюрана об архитектуре рациональной и практичной, привели к тому, что К. Подчашинский уже в 1817 году был выслан награничную стажировку в европейские страны. Он посетил Италию, Германию и Францию. Больше всего времени и внимания им было уделено стажировке во Франции, в парижском Политехническом институте, где он на месте изучил современную методику преподавания архитектуры великого французского архитектора-педагога и стал одним из любимых и преданных его учеников, посещая, кроме того, частную академию Ж. Дюрана под Парижем. В 1819 году К. Подчашинский вернулся в Вильно, в 1820 году получил степень адъюнкта, а в 1822 году стал профессором, руководителем кафедры, и проработал в Виленском университете до его закрытия в 1833 году. Он преподавал гражданскую архитектуру, науку о дорогах и мостах, статику строительства, а с 1826 года – курс гражданской архитектуры, совмещенный со статикой строительства [5, с. 49].

К. Подчашинский был известен как отличный лектор. Свои идеи и теории он выразил в многочисленных публикациях. Среди его статей наиболее известна статья «О красоте промышленных изделий» – первый в Восточной Европе труд по вопросам технической эстетики [9]. Среди книг – его главный и наиболее известный учебник «Начала архитектуры», две первые части которого вышли в 1828 – 1829 годах, а третья – в 1856 – 1857 годах. Как указано во введении – он подготовлен в соответствии с требованиями доктрины Ж. Дюрана. Эти книги стали основными учебниками для архитекторов Восточной Европы середины XIX века [5, с. 68 – 80].

К. Подчашинский достаточно известен и как практикующий архитектор. И здесь он внедрял идеи рациональной архитектуры. Несмотря на то, что стиль рациональной архитектуры фактически стал стилем работы К. Подчашинского, в наибольшей степени он смог проявиться в архитектуре учебных зданий Беларуси, где К. Подчашинский внес свой большой вклад.

Наиболее широкое строительство учебных зданий на белорусской земле пришлось на александровскую эпоху. Именно в это время в обществе с наибольшей силой получили развитие идеи либерализма и просветительства. Как считали представители просвещенной аристократии – надо сначала просветить народ, а уж потом его освободить.

В начале XIX века в Российской империи была проведена большая работа по организации народного образования. Было создано первое в Европе министерство просвещения. В 1803 году были организованы учебные округа. Белорусские земли вошли в Виленский учебный округ, который возглавил князь А. Чарторыйский, близкий друг императора Александра I по мечтам юности. Виленский университет был поставлен во главе образования на белорусских землях, и в его функции входила не только организация образования, но и руководство строительством учебных заведений. Для этого были определены должности архитектора учебного округа и его помощника. С 1803 года по 1810 год должность архитектора Виленского учебного округа исполнял профессор Виленского университета М. Шульц, а с 1819 года вплоть до закрытия Виленского университета и ликвидации Виленского учебного округа в 1833 году – К. Подчашинский.

В начале александровской эпохи на белорусской земле специальных учебных заведений строилось мало. Их возведению не способствовала напряженность политической ситуации, сохраняющаяся после разделов Речи Посполитой, а также война с Наполеоном. Для вновь организуемых учебных заведений приспособлялись существующие здания, в основном корпуса упраздненных монастырей. Проектными работами руководил М. Шульц. Однако он был в большей степени историк и теоретик архитектуры, нежели практик и не создал сколько-нибудь интересных учебных зданий.

В 1802 – 1803 годах он выполнил проект деревянного здания гимназии в Свислочи Гродненской области, достаточно примитивной П-образной в плане постройки с повышенной средней частью, плоскими, лишенными декоративной проработки фасадами и простой нарезкой помещений в плане [10]. Наиболее широкое строительство учебных зданий развернулось на белорусской земле с конца второго десятилетия XIX века и было вызвано оживлением общественно-экономической жизни страны после Отечественной войны 1812 года и активной деятельностью на должности архитектора Виленского учебного округа К. Подчашинского.

В это время в архитектуре учебных зданий на белорусской земле получил развитие характерный для александровской эпохи стиль строгого классицизма. Его широкое распространение было в значительной степени предопределено известностью образцового проекта учебного здания, созданного крупным петербургским архитектором Л. Руска, популярностью творчества этого ведущего зодчего александровской эпохи среди архитекторов и заказчиков строительства, но, главное – популярностью строгого стиля виленского классицизма и активной деятельностью на архитектурном поприще К. Подчашинского, воспринявшего этот стиль после возвращения в 1819 году в Виленский университет из заграничной стажировки.

Значительное распространение получили развитые в планировочном отношении композиционные построения учебных зданий, состоящие из главного корпуса и двух боковых флигелей, образующих большой двор для учащихся. Их появление было предопределено проектом гимназии, выполненным в 1809 году архитектором Л. Руска и ставшим образцовым для строительства учебных зданий в Российской империи [11, с. 197].

Наиболее значительным примером подобного решения учебного здания на белорусской земле стала гимназия в Свислочи, возведенная на средства владельца местечка графа Л. Тышкевича в 1820–1824 годах (рис. 1, 2). Создателем проекта был К. Подчашинский [12, с. 120-122]. Постройки располагались на значительном по размеру участке трапециевидной формы. Комплекс состоял из основного, расположенного вдоль улицы здания, двух фланкирующих его корпусов, поставленных торцами к улице и образующих большой прямоугольный двор, находящегося в глубине двора хозяйственного здания и переоборудованной из костела часовой башни.

В проекте Подчашинского было использовано лишь общее расположение корпусов и принцип размещения квартир учителей в боковых флигелях из проекта Л. Руски. В целом же строительством в Свислочи был внесен значительный вклад в формирование нового типа учебного здания. Благодаря многоколонным портикам, общему распластанному характеру постройки, достаточно сильному акцентированию фланкирующую композицию торцов боковых корпусов гимназия в Свислочи приобрела черты общественного здания. В планировке учебного корпуса в отличие от учебных зданий России были использованы некоторые новшества. В центральной части по примеру больничных зданий России конца XVIII века размещался большой с внутренней колоннадой зал часовни и библиотеки. Слева к залу примыкала квартира директора гимназии с отдельным входом. Важным нововведением явилось устройство коротких поперечных коридоров, способствующих изоляции классных комнат.

В общих упрощенных чертах принципы, заложенные в свислочской гимназии, были использованы в здании уездного училища в Бобруйске, запроектированном К. Подчашинским в 1820-х годах (рис. 3) [13, с. 86, 87]. Однако его внешний облик решен уже в безордерной системе, что говорит об определенном влиянии идей рациональной архитектуры.

Рассмотренные постройки в Свислочи и Бобруйске были возведены в романтическом порыве их владельцев без достаточно тщательного изучения условий их функционирования, оказались слишком велики для ограниченного в условиях небольшого города контингента учащихся и впоследствии возникли проблемы с их использованием.

В конце александровской эпохи, начиная с 1820-х годов, в архитектуре учебных зданий со всей полнотой проявилось рационалистическое направление. Его распространение связано с деятельностью К. Подчашинского, который был назначен архитектором Виленского учебного округа [12, с. 120-123]. К. Подчашинский был увлечен идеями своего французского учителя Ж. Дюрана и использовал их, прежде всего, при проектировании учебных зданий. Благодаря деятельности Подчашинского строительство учебных зданий на белорусских и литовских землях стало передовым явлением в архитектуре Российской империи и способствовало созданию нового облика учебного здания – небольшой компактной в плане постройки простой, рациональной, но монументальной архитектуры с тщательно разработанным функционально организованным планом. Это явление не только отражало передовые по тем временам взгляды на архитектуру, как, прежде всего, на «практичное» строительство, но и новые тенденции в застройке городов, когда под влиянием зарождающихся капиталистических отношений стал формироваться взгляд на учебное здание, как на рядовую постройку общественного назначения, мало чем отличающуюся от облика жилого дома. В создании этого типа компактного здания простой архитектурной моделирующей роль сыграло присущее Подчашинскому знание местных условий, опыт работы архитектором Виленского учебного округа и понимание проблем эксплуатации учебных зданий в условиях малого города.

По проектам К. Подчашинского были возведены здания в Бресте, Невеле, Слуцке и Мозыре [12, с. 122-124]. В них наряду с новыми элементами рационального направления использовались традиции ампира. К началу 1820-х годов относится создание зданий училищ в Бресте и Невеле, представляющих собой новое удачное решение облика учебного здания небольшого компактного объема, простой, но монументальной архитектуры без лишних декоративных украшений (рис. 4, 5). Но если здание училища в Бресте сохранило элементы традиций в устройстве доста-

точно развитых обрамлений окон и распластанных очертаниях фасада, то училище в Невеле – это, безусловно, новое решение. От популярного ампира сохранилось здесь стремление подчеркнуть чистую геометрическую форму объема, контрастная архитектурная обработка нижней и верхней частей фасадов, подчеркивание монументальности стены небольшими проемами. И, вместе с тем, здесь уже достаточно отчетливо звучат нарождающиеся в архитектуре александровской эпохи черты рационализма – подчеркнуто пуристическая трактовка объема, использование арочных проемов – характерной архитектурной темы Ж. Дюрана. В облике училища в Невеле ощутимо влияние творчества К. Леду.

В дальнейшем работы К. Подчашинского знаменуют собой радикальный поворот к рациональному стилю Дюрана. В них К. Подчашинский использовал практически все архитектурные средства из творческого наследия французского зодчего и педагога – от простых по конфигурации объемных компоновок и элементов декора фасадов до аналогов его построек. Выстроенная им гимназия в Слуцке (проект 1829 г.) представляла собой компактный прямоугольный объем с плоскими фасадами, расчлененными оконными проемами без наличников и горизонтальными тягами простой профилировки (рис. 6) [8, с. 64]. Центральная часть фасада выделена проемом в виде серлианы на первом этаже и тройным окном с полуциркульным завершением на втором. Здание увенчано небольшой башенкой с часами. Здание слуцкой гимназии имеет прообраз в творчестве Дюрана – проект виллы Лермма [5, рис. 89].

Училище в Мозыре, построенное в 1830-е годы, еще более схематично по своему внешнему облику (рис. 7) [8, с. 66]. Необычно в нем устройство входа с торца здания, что не встречается в общественных зданиях. Возможно, К. Подчашинский стремился уподобить свою постройку античному греческому храму, при этом чрезвычайно упростив моделировку его фасадов. Это предположение не покажется необоснованным, если вспомнить о том, какое большое место в творчестве зодчего занимали храмы с прямоугольной формой плана и каким значительным в архитектуре первой половины XIX в. было влияние известной постройки французского классицизма – церкви Мадлен в Париже.

При постройке училища в Мозыре главное внимание К. Подчашинский уделил созданию нового функционального решения здания. План его, симметричный в продольном отношении, разбит на особые функциональные зоны, где последовательно размещены: зал для собраний, аудитория и затем – квартиры для учителей. Эта начатая К. Подчашинским работа по внедрению в архитектуру учебных зданий новых функциональных принципов планировки была прервана закрытием Виленского университета и ликвидацией Виленского учебного округа. В последующем зодчий был отстранен от выполнения государственных заказов и создавал проекты лишь для частных заказчиков, где тенденции утилитаризма и функционализма в архитектуре уже не могли быть широко использованы. Так, в возведенном по его проекту дворце Булгаков в Жиличах из репертуара форм, предложенного Ж. Дюраном в его трактатах, был применен лишь своеобразно выполненный коринфский ордер, капители которого были значительно упрощены и напоминали египетские (рис. 8, 9) [14, с. 9]. Однако уже в самом конце своей жизни, в 1850-е годы К. Подчашинский создает проект костела в Желудке, осуществленный в 1854 году. Это здание стало самым ярким и последовательным примером реализации рационального направления стиля классицизм в культовом зодчестве николаевской эпохи. Здесь было собрано практически все из арсенала средств и приемов создания рациональной архитектуры, что было разработано Дюраном в его теоретическом труде. Здание имело простейшие очертания плана в виде прямоугольника с едва выступающим трансептом, его формы построены на кратных соотношениях размеров, завершено оно фронтоном треугольного очертания, в его декорировке использован дорический ордер, лишенный всяческих украшений антаблемента, в качестве главной темы декорировки боковых фасадов избрана тема аркад, в интерьере устроен плоский наподобие римского потолок, набранный из одинаковых элементов. В отделке фасадов использован местный материал – бутовый камень (рис. 10).

После ликвидации Виленского учебного округа проектирование учебных зданий в Беларуси велось русскими архитекторами и приобрело общую для всей Российской империи направленность. Внешний облик построек отражал черты распада стиля классицизм: фасады отличались плоскостной трактовкой форм, монотонностью членений, сухостью и схематизмом в прорисовке деталей, отсутствием ордера как средства обогащения пластики стены. Здания приобретали облик казенного учреждения, характеризующийся замкнутостью и обезличенностью архитектурного образа. К ним относились уездные училища в Бобруйске (арх. А. Е. Штауберт) и Могилеве (арх. А. Бусырский) [15, с. 239, 240].

Лишь проект семинарии и училища в Минске (рис. 11), составленный в 1839 году архитектором А. И. Мельниковым, был выполнен в русле рационального классицизма, внесенного в строительство учебных зданий К. Подчашинским. При общей схематичности внешнего облика он отличался тщательно продуманным плановым решением с использованием традиций строительства учебных зданий в России. Так, план главного корпуса с коридором со стороны внутренних двориков и односторонним расположением комнат выполнен под влиянием здания Петербургской Академии художеств. Однако этот последний проект с использованием рациональных идей Ж. Дюрана осуществлен не был.

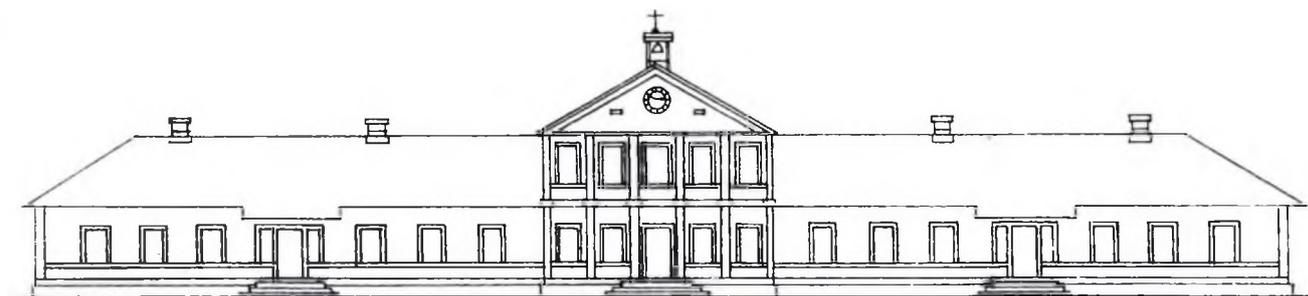
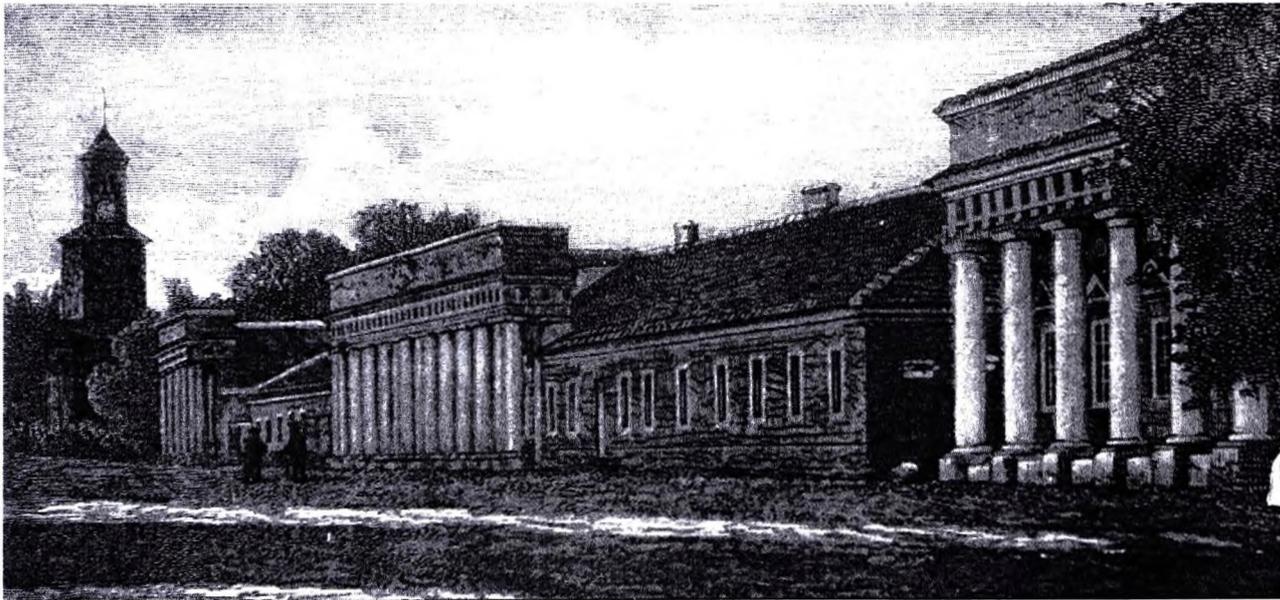
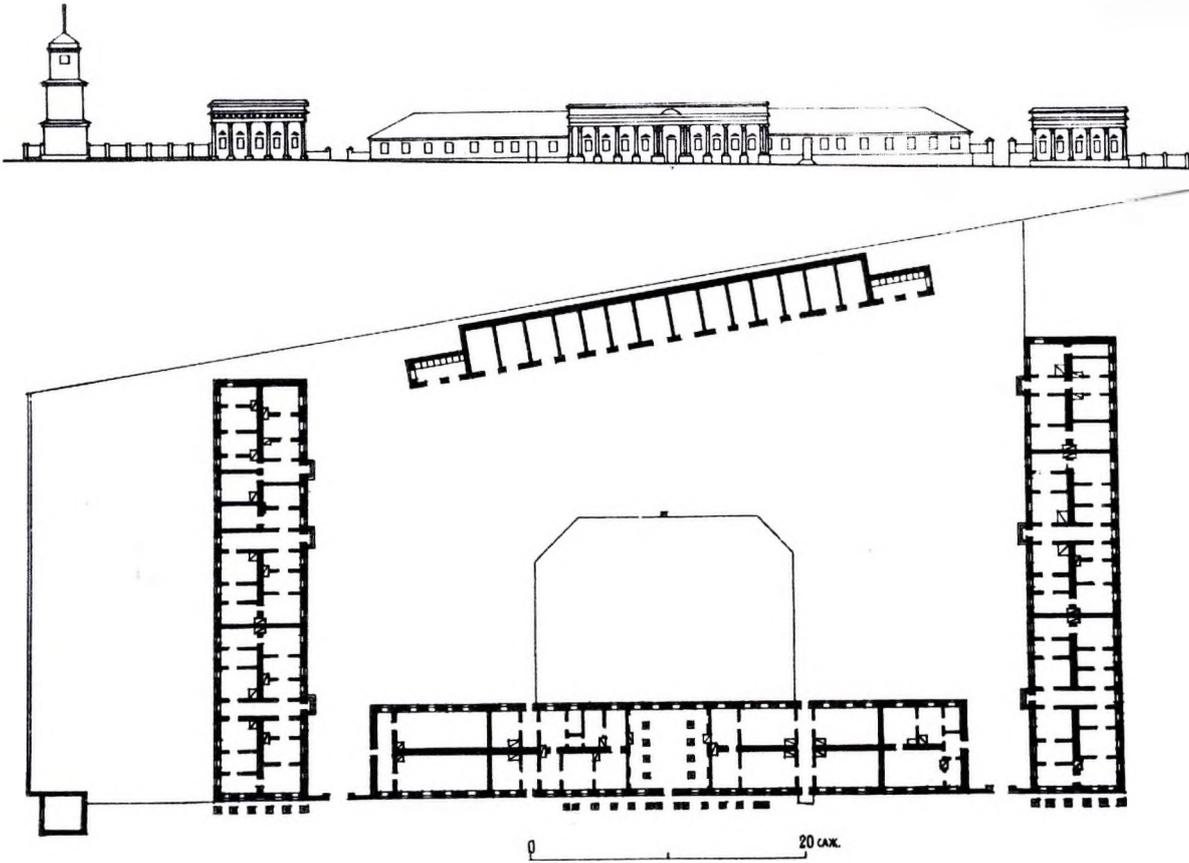
Заключение

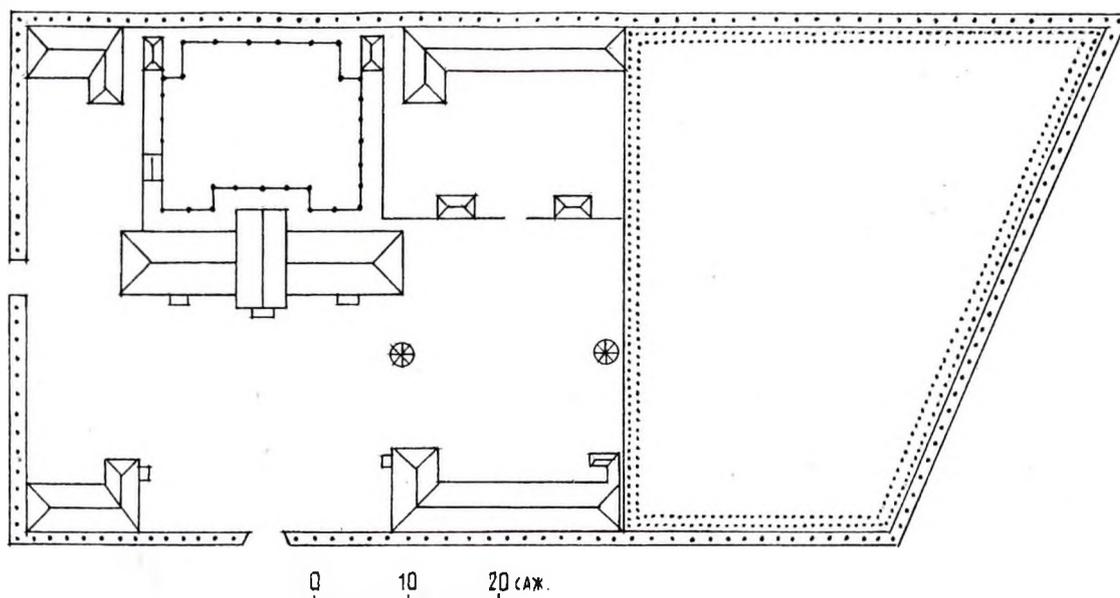
1. Рациональное направление стиля классицизм в Беларуси получило наиболее широкое распространение в архитектуре учебных зданий благодаря деятельности профессора К. Подчашинского.

2. Временем его наиболее широкого развития были 1820 – 1830-е годы. С особой силой рациональное направление классицизма проявилось в архитектуре учебных зданий в Бресте, Невеле, Слуцке и Мозыре. В этих постройках К. Подчашинский создал новый облик учебного здания небольшого компактного объема и простой монументальной архитектуры без лишних декоративных украшений, что отвечало местным условиям строительства в небольших провинциальных городах.

3. Деятельность К. Подчашинского по созданию учебных зданий в русле рационального классицизма была продолжена русскими архитекторами, работавшими в Комиссии проектов и смет МВД Российской империи. Однако

проекты петербургских архитекторов были выполнены без учета местных условия строительства, по своей кубатуре значительно превышали местные потребности. Поэтому они не получили осуществления и не повлияли на развитие белорусского зодчества.

Список цитированных источников

1. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии: учеб. для студентов вузов / В.А. Чантурия. – 2-е изд., перераб. доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1977. – 319 с.
2. Пилявский, В.И. История русской архитектуры: учебник для вузов / В.И. Пилявский, А.А. Тиц, Ю. С. Ушаков. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1984. – 512 с.
3. D'Alfonso, E. Historia architektury i formy i style od starożytności do współczesności / D'Alfonso E., Samss D. – Warszawa: Arkady, 1997. – 288 p.
4. Middlton, R. Architekture of the Nineteenth Century / R. Middlton, D. Watkin – Milano: Elekta, 2003. – 415 s.
5. Rottermund, A. Jean-Nicolas-Louis Durand a polska architektura 1 połowy XIX w. / A. Rottermund. – Wrocław: PWN, 1990. – 166 p.
6. Морозов, В.Ф. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма / В.Ф. Морозов. – Мн.: БНТУ, 2006. – 152 с.
7. Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana: w 38 t. – Warszawa: Druk „Gazety Handlowej”, 1890-1914. – Т. 29-30. – 1902. – 1029 s.
8. Lewandauskas, V. Architectas Karolis Podcasinskis. – Vilnius: Vilniaus dailes akademijos leidykla, 1994. – 160 p.
9. Подчашинский, К. О красоте промышленных изделий / К. Подчашинский // Техническая эстетика. – 1969. – № 5. – С. 23, 24.
10. Swisłocz. Kościół i gimnazjum. Planu budowlane. Pocz. XIX w. // Библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей (БВУ ОР). – Фонд 4. – Д. 286.
11. Евсина, Н.А. Из истории строительства учебных зданий первой половины XIX века / Н.А. Евсина // Русское искусство XVIII – первой половины XIX века. Материалы и исследования. – М.: Искусство, 1971. – С. 189–213.
12. Морозов, В.Ф. Архитектурные школы в монументальном зодчестве Беларуси конца XVIII – нач. XIX в. / В.Ф. Морозов. – Мн.: БНТУ, 2011. – 224 с.
13. Квитницкая, Е.Д. Светские училища Белоруссии в первой трети XIX в. / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследство. – Вып. 26. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 83–92.
14. Марозаў В.Ф. Палац у Жылічах / В.Ф. Марозаў. – Мінск: Польша, 1992. – 76 с.
15. Морозов, В.Ф. Классицизм в архитектуре Беларуси: дис. ... д-ра арх.: 18.00.01 / В.Ф. Морозов. – Минск, 2001. – 348 с.

УДК 725.4

Морозова Е.Б.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ

Промышленная архитектура представляет собой достаточно самостоятельную область зодчества, отличающуюся спецификой организации пространства. Находясь с художественной точки зрения некоторым образом на втором плане предметно-пространственной среды, объекты промышленной архитектуры в то же время являются неотъемлемой частью этой среды, в значительной степени формируя города и поселки. Поэтому история промышленной архитектуры – это необходимая составляющая всеобщей истории края и региона, позволяющая сформировать систему полного исторического знания и представить целостную картину развития архитектуры той или иной местности.

Промышленная архитектура в отличие от архитектуры гражданских объектов имеет важную качественную характеристику – ее развитие шло единым путем, следуя одним и тем же закономерностям во всех странах, поэтому здесь менее выражены региональные особенности. Однако они все же имеют место, и с этой точки зрения представляется интересным рассмотреть западные белорусские территории, которые долгое время были пограничными землями, находившимися под влиянием сразу двух, нередко противоположных друг другу систем, что не могло не отразиться на появлении более значимой региональной специфики.

И первой особенностью развития промышленной архитектуры стал специфический характер мануфактурного строительства, которое, во-первых, имело более продолжительное время существования, а, во-вторых, приняло отличные от европейской практики формы.

Промышленная архитектура как новая область зодчества возникла в Европе в 1710-1720-х гг., предшествовавшее ей мануфактурное строительство к середине XVIII в. практически прекратилось. На белорусских пограничных землях мануфактурное строительство затянулось еще на сто лет и отличалось тем, что сочетало в себе элементы машинного, промышленного производства. Поэтому многочисленные постройки мануфактурного типа в той или иной степени демонстрировали принципы и отдельные приемы фабрично-заводской архитектуры.

Так, можно найти примеры строительства здания с многоуровневым, ярусным построением внутреннего пространства в составе некоторых мануфактур – винокурни в имении Илово (1832), бровара бонифаторов в Гродно, суконных мануфактур Скимунта в имениях Хомск, Поречье, Альбертин (1790-1798), [1, 2]. Этот тип здания представлял собой пространственную «этажерку», заключенную в прямоугольную оболочку, объем делился на совершенно одинаковые этажи, в пределах которых пространство было цельным, нерасчлененным на отдельные помещения-ячейки. Такая внутренняя структура была новой и формировала первый тип объемных объектов промышленной архитектуры, не встречавшийся прежде в мануфактурных постройках.

Интересной особенностью белорусского приграничья являлась и художественная трактовка мануфактур, которая практически полностью повторяла приемы, применявшиеся в это время к объектам новой области – промышленной архитектуры. Внешний облик мануфактур укладывался в трехчастную схему, как и у промышленных объектов мировой практики.

Первая группа – постройки с использованием местных архитектурных традиций, была по численности преобладающей. Характерным примером является чугунолитейное предприятие графа А. Хрептовича в имении Вишнево-Ошмянского уезда, (1773-1800 гг.). Все строения были выполнены из местного камня, масштаб, пропорции, искусство кладки отличалось высоким качеством, точность соблюдения размеров составляла 0,5 см [1].

Вторая группа – объекты с использованием художественного стиля, причем, как и в мировой практике, преимущественно стиля классицизм, также строились, причем таких объектов было достаточно много и представлены они предприятиями в имениях крупных землевладельцев: винокурный и пивоваренный заводы в имениях Сапег Ружаны и Деречин, 1786 г.; комплекс мануфактур А. Тызенгауза в Городнице и Лососне, (1765-1779 гг.) [1, с. 462; 3, 4].

Утилитарный подход в художественном осмыслении мануфактурных построек (третья группа) также имел место, однако, в отличие от европейского строительства, он не идентифицировал новую область архитектуры и не создал интересных объектов.

Участие архитекторов распространялось на объекты, возводившиеся крупными землевладельцами. Например, в проектировании комплексов в Городнице и Лососне принимали участие немецкий и итальянский архитекторы И. Мозер и Дж. Сакко, винокурного завода в Деречине - Я. Беккер [4]. Большинство же мануфактур и производственных объектов строилось инженерами и фабричными строителями. Следует отметить, что практически все относительно крупные постройки возводились приглашенными специалистами, имена местных мастеров неизвестны.

Длительный период мануфактурного строительства закончился в середине XIX в. С 1840-х гг. на приграничных землях стали появляться примеры действительно промышленной архитектуры, следующие за образцами мировой практики. Тип здания с многоуровневым, ярусным построением внутреннего пространства получил достаточно большое применение в пищевой промышленности, тогда как текстильные предприятия, бывшие первыми объектами для данного типа в Европе, не столь широко его использовали: сахарные заводы в деревне Поречье Пинского уезда, спиртзавод в Лынтупах, винокурный завод в Молодovo, пивоваренные заводы в Пинске и Гродно. Этажность и планировочные параметры этих зданий были приближены к мировым образцам, в то же время получившая распространение конструктивная система полного каркаса не применялась, использовался внутренний каркас (металлические колонны разного сечения, арочные перекрытия по чугунным балкам) и несущие наружные кирпичные стены, скатная крыша.

Получил, хотя и ограниченно, применение еще один новый тип – здание с организацией пространства в одной плоскости. Этот тип представлял собой не просто одноэтажное строение больших размеров, довольно распространенное ранее в архитектуре разной функциональной направленности, а здание, где большое и целостное, нерасчлененное одноуровневое внутреннее пространство было способно наращивать свои размеры в обоих направлениях – как по длине, так и по ширине. Такой тип имел несколько разновидностей, его базиликальный подтип можно найти в металлообрабатывающей отрасли (артиллерийские мастерские в Бресте, 1872 г.), где использовались преимущественно западноевропейские технологии, станки и оборудование. Подтип круглого здания, как и в мировой практике, применялся для производственных мастерских железной дороги, причем эта разновидность была более распространена в приграничных районах Беларуси, чем в других ее областях.

Техническое сооружение, как еще один тип промышленной архитектуры, развивалось в соответствии с европейским подходом, согласно которому сооружению придавалось подобие здания со всеми атрибутами такового: имитацией окон, дверей и пр. (наряду с этим в мировой практике существовал и американский подход – форма объекта, определяемая технологическими и техническими условиями производственного процесса, не скрывалась [5]). В имении Рыбники Пружанского уезда кольцевая кирпичеобжигательная печь была обстроена трехнефным зданием со сложной стропильной фермой (1898 г.) [1, 3]. Декорировались водонапорные башни и дымовые трубы, последние строились из кирпича и имели круглое, квадратное, восьмиугольное сечение (водонапорные башни в Гродно, Волковыске).

Художественная трактовка объектов шла в русле мировых тенденций развития промышленной архитектуры: стили и декоративные приемы использовались либо как украшение, либо с целью выразить специфику, своеобразие промышленной архитектуры, хотя ввиду экономического отставания региона объекты были небольшими и в основной своей массе технически несовершенными.

пользование архитектурных стилей с позиций государственной политики русификации белорусских земель. В стилистике классицизма выполнялись производственные объекты военного ведомства: склады и мастерские, пороховые погреба в Брест-Литовской крепости, (1810-1832 гг.); провиантские склады в губернских и уездных городах. Псевдорусский стиль и модерн активно применялись в постройках железной дороги и в значимых объектах городского хозяйства – зданиях депо, мастерских, электростанций, водохозяйства и водопровода: электростанции, пожарные депо, водонапорные башни. Такие объекты строились либо централизованно, как казенные, либо с помощью объединенного капитала товариществ и акционерных обществ.

Но наиболее распространенным было использование неоготики и кирпичного стиля, что соответствовало поиску специфического художественного языка для промышленной архитектуры, имевшему место в общемировой практике. Подавляющее большинство предприятий частного капитала в той или иной мере демонстрировало декоративные элементы этих стилей: винокуренные заводы в Жабчицах Пинского уезда, Савейках Слуцкого уезда, пивоваренный завод в Гродно, (1872 г.) [3]. В кирпичном стиле выполнялись постройки новой, сахарной отрасли производства.

Следует отметить, что отличающие мировую практику, и более всего американскую, поиски средств художественного выражения с точки зрения «функциональной красоты» на белорусских землях не имели места.

Особенностью было также и то, что в связи с льготами по налогообложению большое количество предприятий возводилось в сельской местности, а это не способствовало должной проработке художественной составляющей проектов.

Участие профессиональных специалистов в проектировании расширилось по сравнению с предыдущим периодом, характерным стало использование готовых чертежей, выполненных иностранными инженерами на заводах Варшавы, Вильно, Ревеля, Риги, поставляющих технологическое оборудование [2]. Ряд проектов был разработан русскими гражданскими инженерами, как правило, за пределами территории Беларуси. Так, проекты построек военного ведомства и железных дорог составлялись централизованно в столице Российской империи архитекторами и инженерами для каждой линии отдельно и контролировались Министерством путей сообщения [1, 2]. Проекты частных предприятий создавались инженерами, иногда архитекторами, реже – самими владельцами, и утверждались местной администрацией в соответствии со сложившимся законодательством Российской империи в отношении частного фабрично-заводского строительства.

XX век был наиболее значительным для белорусской практики промышленного строительства, она не только успешно воспринимала типы объемных объектов, формирующиеся за рубежом, но и во второй половине периода (1950-1980 гг.) сама участвовала в их развитии.

В то же время этот период был крайне неоднородным для приграничных районов, первая половина периода (1920-1940-е гг.) характеризовалась отставанием промышленного производства в силу исторических условий политического противостояния II Речи Посполитой и Советской России. Пограничные земли стали спорными территориями, капитальные вложения в промышленное производство здесь не осуществлялись ни одной из сторон. Это привело к задержке в развитии промышленной архитектуры, которая и до этого отличалась провинциальностью, а сейчас стала отставать не только от мировой практики, но и от промышленно развитых районов своих стран.

Послевоенный период (1950 - 1980 гг.) можно считать определяющим в становлении промышленной архитектуры приграничных районов Беларуси. Закрепление западных границ СССР в результате победы во Второй мировой войне сняло все ограничения по развитию промышленного производства. Государство, стремясь преодолеть отставание региона, направляло дополнительные средства на промышленное строительство в западных городах. Не случайно поэтому именно здесь были построены первые промышленные узлы – Восточный в Бресте и Северный в Гродно. Восточный промышленный узел в Бресте стал хрестоматийным примером территориального объекта промышленной архитектуры советского периода не только в БССР, но и в СССР.

Среди объемных объектов строились практически все типы, а в проектировании отдельных типов – пролетное здание, административно-бытовая группа, были достигнуты результаты, ставшие определенным вкладом в мировую практику.

Применение пролетного здания стало приоритетным, чему способствовала машиностроительная специализация промышленного комплекса республики: комплекс заводов Минлеглаппицемаша в Бресте, (1972-1974 гг.); заводы автоматических агрегатов (1968 г.), карданных валов, (1958-1961 гг.), бытовых приборов (1958 г.) в Гродно и др. Приоритетность этого типа проявилась в его использовании в отраслях пищевой и легкой промышленности, традиционно располагаемых в зданиях с ярусной организацией пространства: ковровый, чулочный комбинат в Бресте (1964-1966 гг.); прядильно-ниточный комбинат в Гродно, (1971-1974 гг.). Использовались разные схемы расположения пролетов, в том числе развивалась поперечная схема, размер рядового пролета для крупных объектов принимался 24 м, что являлось передовым для Восточной Европы и соответствовало практике западноевропейских стран и США.

Большие успехи были сделаны в разработке административно-бытовой группы помещений по обслуживанию работающих на производстве. Эти объекты в силу социально-ориентированной политики государства стали одними из лучших в европейской практике. Проходные, бытовые, административные, лабораторные корпуса гармонично входили в промышленные комплексы, формируя главные фасады, становясь своеобразным «лицом» предприятия (молочный завод в Бресте, 1974 г.). Были разработаны унифицированные секции для бытовых помещений, уровень комфортности использования которых, планировочные параметры и технико-экономические характеристики не уступали такого рода объектам в Германии, Австрии, Италии, США. Причем такие секции входили в состав рядовых предприятий Беларуси, тогда как за рубежом аналогичные решения использовались на крупных, известных заводах.

Художественная трактовка промышленных зданий, начиная с 1950-х гг., стала строиться на принципах рационализма и индустриальной утилитарности и развивалась в русле общих архитектурно-художественных средств, принятых в мировой практике. В то же время в архитектуре промышленных объектов использовались специальные приемы усиления значимости, дополнительного декоративного украшения фасадов, в целом не свойственные уже в это время промышленной архитектуре. Столь пафосное отношение к промышленной архитектуре, не встречающееся нигде кроме, как на территории СССР, в том числе БССР, в целом можно считать положительным явлением, поскольку эта архитектура была адресована, прежде всего, рабочим, в большой своей массе имеющим относительно невысокий культурный и образовательный уровень. Стремление сделать среду для них красивой и привлекательной должно было способствовать росту общей и бытовой культуры этого большого по численности слоя населения. Никогда ранее такие задачи не ставились.

В 1980-х гг. в истории промышленной архитектуры начался новый период (период трансформации). К этому времени промышленная архитектура Беларуси и ее приграничных районов полностью встроилась в общемировой процесс развития. Сегодняшние проблемы здесь носят общеевропейский характер. Особенности развития промышленной архитектуры этого региона, существовавшие в период ее становления, в настоящее время утрачены, что в целом закономерно и отражает специфику развития промышленной архитектуры как феномена, особой области зодчества [5].

Непростое положение промышленной архитектуры сегодня некоторыми исследователями расценивается как кризисное явление [6]. Именно в это время наметилась стагнация в развитии типов, использование упрощенных объемно-планировочных схем, низкое качество художественной проработки объектов промышленной архитектуры, сокращение специальных программ подготовки специалистов, научно-исследовательской деятельности в области промышленного проектирования и строительства. Однако кризисные состояния всегда сопровождают развитие цивилизации, это закономерный процесс динамики любой сложной эволюционирующей системы [7, с. 11]. Для промышленной архитектуры такая ситуация является отображением ее нового качественного состояния, в результате которого должны определиться новые пути ее дальнейшего движения. Сегодня можно с уверенностью сказать, что промышленная архитектура приграничья будет полностью развиваться в русле этих новых общих направлений. Будет ли этот процесс иметь региональные особенности, не известно, но если они и появятся, их действие будет крайне ограниченным и не затрагивающим сути явления. Таковы закономерности развития промышленной архитектуры.

Рисунок 1 – Чугунолитейный завод в Вишнево Ошмянского уезда. – Фото Г. Залеской

Рисунок 2 – Чугунолитейный завод в Вишнево Ошмянского уезда. – Фото Г. Залеской

Рисунок 3 – Сахарный завод в имени Поречье. – Рисунок Н. Орды.

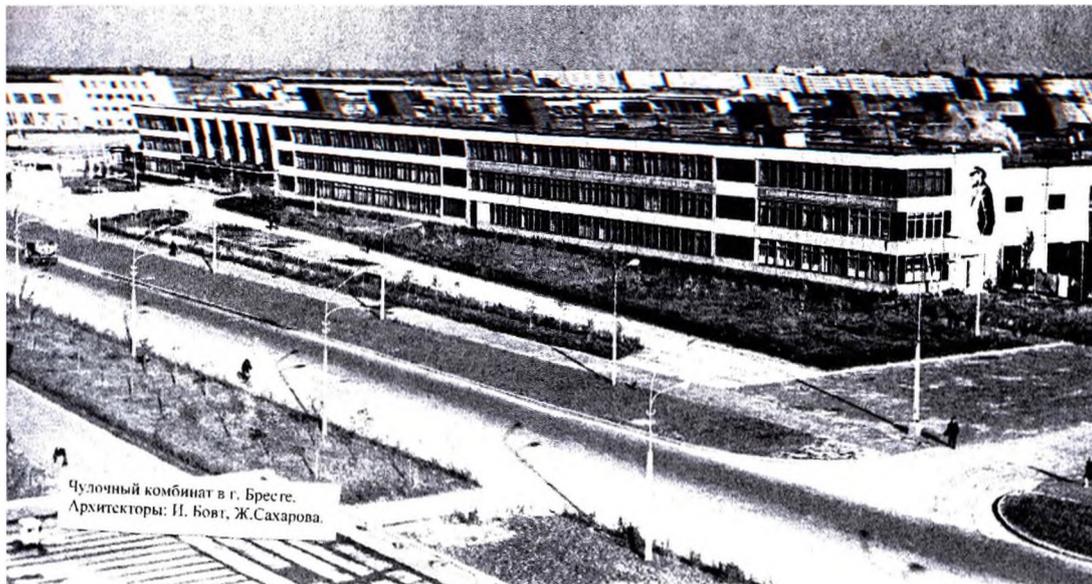
Инженерно-бытовой комплекс электромеханического завода в г. Бресте.
Архитекторы: Л. Афанасьева, П. Бонт, М. Буйлона.

Рисунок 4 – Застройка Восточного промышленного узла в Бресте

Ковровый комбинат в г. Бресте.
Архитекторы: И. Бевт, П. Шпигельман.

Рисунок 5 – Застройка Восточного промышленного узла в Бресте

Чудонный комбинат в г. Бресте.
Архитекторы: И. Бовт, Ж.Сахарова.

Рисунок 6 – Застройка Восточного промышленного узла в Бресте

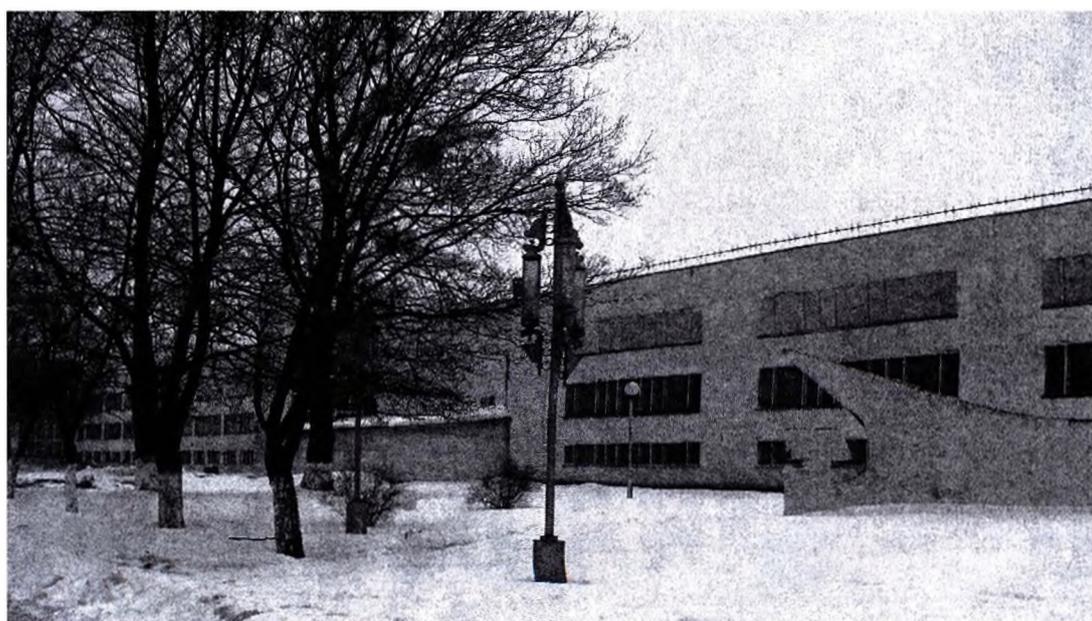

Рисунок 7 – Застройка Восточного промышленного узла в Бресте

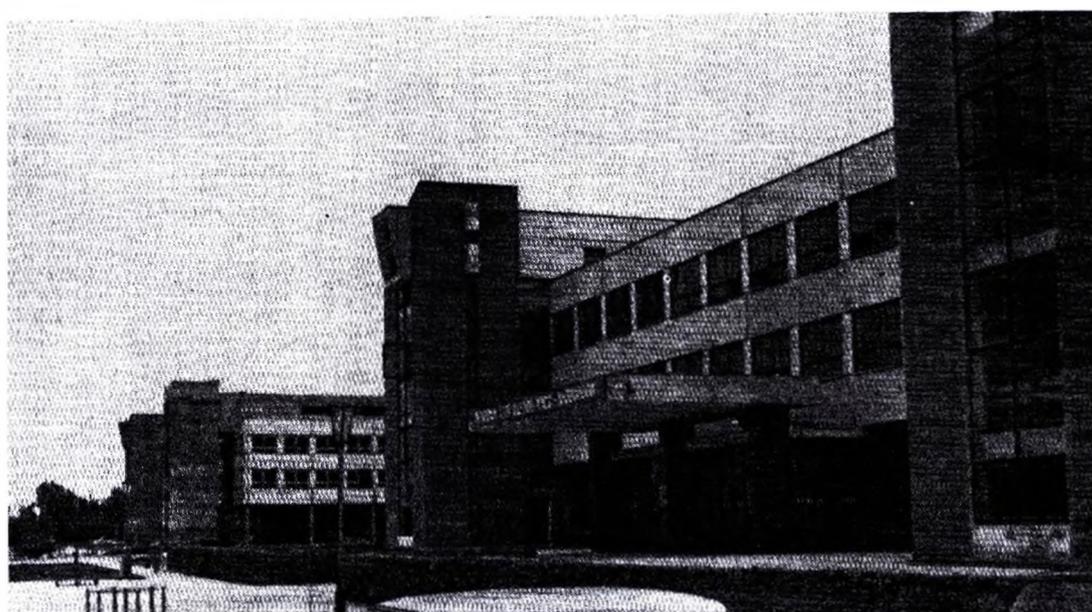

Рисунок 8 – Комплекс заводов Минлегшимашина в Бресте

Список цитированных источников

1. Морозова, Е.Б. Архитектура промышленных зданий / Е.Б. Морозова, Г.Л. Залеская // Архітэтура Беларусі. Нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім еўрапейскім кантэксце. – Мінск: Беларуская навука, 2006-2007. – Т. 3: Другая палова XVIII - першая палова XIX ст. / А.И. Лакотка [i інш]. – 2007. – С. 452-481
2. Залеская, Г.Л. «Фабричные строители» Беларуси конца XVIII - XIX веков / Г.Л. Залеская // Вестник Бел. академии арх-ры. – 2004 – № 1 – С. 56-57.
3. Залеская, Г.Л. Становление архитектуры производственных объектов Беларуси / Г.Л. Залеская // Вестник Бел. академии арх-ры. – 2003. – № 2. – С. 58-61.
4. Проект комплекса мануфактур в Лососне под Гродно, 1780 г. // Архив кафедры польской архитектуры Политехники Варшавской. – № V-III-44.
5. Морозова, Е.Б. Эволюция промышленной архитектуры / Е.Б. Морозова. – Мн: БНТУ, 2006. – 240 с.
6. Блохин, В.В. Тризна по промышленной архитектуре править рано / В.В. Блохин // Промышленное и гражданское строительство. – 1997. – № 9. – С. 60-62.
7. Литвиненко, В.А. Философские проблемы оптимизации технологического прогресса: дис. канд. филос. наук: 09.00.08 / В.А. Литвиненко. – Минск, 1994. – 132 л.

УДК 72.036(476)(091) «1920/1930»

МОРОЗОВ Е.В.

МОДЕРНИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ ЗАПАДНЫХ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ

Современный период развития историко-архитектурного и искусствоведческого знания характеризуется обращением к более углубленному исследованию вопросов, получивших ранее наиболее общее освещение. Одним из таких вопросов являются особенности архитектуры на пограничных белорусских территориях. С одной стороны, потому что именно на землях приграничья в большей степени проявляется региональная специфика и характерные черты архитектуры, а, с другой стороны, в силу определенных исторических причин научные исследования по этой теме в полном объеме еще не проведены. И с этой точки зрения интерес представляет стилиевая характеристика архитектуры западных белорусских территорий в период между первой и второй мировыми войнами.

В европейской гуманитарной науке все чаще применяют понятие «модернизм», рассматривая его как тождественный термин художественному явлению, получившему в общемировой практике название функционализм. Учитывая принадлежность западных территорий Беларуси в межвоенное время к польскому государству, представляется уместным использовать европейский аналог термина функционализм, а именно – модернизм.

В архитектуре западных регионов Беларуси трудно провести столь четкую грань и разделить постройки модернизма (функционализма) на отдельные архитектурные стили. В условиях, когда отношения между заказчиком и архитектором определялись рынком, не было места столь отвлеченным масштабным экспериментам с формами и объемами, как это можно отметить в советском авангарде. В то же время формальный язык архитектуры модернизма в Европе был в принципе универсален, основные его доктрины реализовывались и в постройках, расположенных в западных белорусских регионах.

В первую очередь следует отметить главный для модернизма принцип: организация планировки в соответствии с требованиями функционального зонирования. В отличие от конструктивизма, развивавшегося в условиях плановой экономики СССР, в буржуазной Польше архитекторы в большей мере стремились продемонстрировать этот принцип в объеме здания, так как в 1930-х гг. в глазах заказчиков он уже приобрел определенную эстетическую ценность.

Наиболее значительным по размерам зданием, во внешнем виде которого отчетливо можно прочесть принципы функциональной планировки, является Дом офицеров, построенный в 1935 г. в Гродно (ул. Ожешко) по проекту архитектора А. Дубановича (рисунок 1). Композиция здания формируется вокруг основного объема выступающей над кровлей лестницы полукруглой формы. От этой главной вертикальной коммуникации в стороны расходятся коридоры, связывающие ее с помещениями. Вертикальная полоса остекления лестничного марша призвана была подчеркивать внутреннюю структуру здания. В польской литературе такой прием получил название «термометр» за внешнее сходство со шкалой этого прибора [1, с. 137-138].

Большое количество построек модернизма в западных регионах Беларуси имеет скорее чисто утилитарные формы. В здании гостиницы в городе Глубоком фасады лишены даже самого минимального декора. Окна единого размера поставлены через равные интервалы, что отражает внутреннюю планировку здания с комнатами одинакового размера. Схожий вид имеет здание госпиталя, расположенное в деревне Снов Несвижского района. Архитектор здесь не стремился как-либо разнообразить равномерный ритм окон, обусловленный внутренней планировкой по коридорной системе с размещением одинаковых палат. В то же время помещения сантехнической группы в соответствии с принципами функционализма выделены из общего ряда больничных помещений: они выдвинуты из плоскости фасада и имеют окна другого размера.

Архитекторы шли по пути строгой утилитарности внешнего вида в основном в зданиях, построенных по государственному заказу, которые зачастую возводились по типовым проектам. При проектировании модных в то время городских особняков большое внимание уделялось выразительным качествам функциональной архитектуры, что достигалось использованием формальных композиционных приемов. Такая композиция, как правило, состояла из нескольких геометрических тел разных размеров, врезанных друг в друга.

Самой распространенной композиционной схемой было сочетание трех объемов, где средний был самым высоким, расположенный справа или слева – несколько ниже, а самый низкий и широкий объем уравнивал компо-

зицию с противоположной стороны. Наиболее точный пример такой композиционной схемы демонстрирует особняк в Гродно (ул. Реймонта, 16) (рисунок 2). Примечательно, что в отличие от преимущественно кирпичных построек конструктивизма в восточных регионах Беларуси, в этой постройке стены выполнены из деревянного бруса. Средняя часть особняка имеет два этажа, остальные – одноэтажные.

Рисунок 1 – Дом офицеров в Гродно (1935 г.)

Рисунок 2 – Особняк в Гродно (1920-30-е гг.)

Несколько иной композиционный мотив использован в административном здании в Щучине (рисунок 3). Левая часть постройки отодвинута вглубь участка, что подчеркивается формой горизонтального козырька. Ритмические качества объемного построения здания нашли отражение в его ступенчатом завершении, а также парапете, скрывающем наклон скатной кровли.

Эстетика модернизма строилась на отказе от декора, привлекательность приобретали простые фасады, прорезанные большими окнами, вытянутыми по горизонтали. Эта форма стала характерным стилистическим признаком архитектуры функционализма в целом и модернизма на западных белорусских землях, в ней нашло воплощение стремление осветить помещения естественным светом, обеспечить лучшие гигиенические условия для работы и проживания. Можно привести большое количество примеров подобных зданий в архитектуре и западных, и восточ-

ных регионов Беларуси, в которых горизонтально вытянутые окна являются, пожалуй, единственным стилевым признаком. Так, в деревянном жилом здании в Пинске только характерные крупные окна выделяются на гладких стенах. Здание состоит из двух одинаковых двухэтажных корпусов, поставленных с некоторым смещением относительно друг друга. Сегодня на фоне индустриального строительного наследия второй половины XX в. эта постройка не впечатляет так уж сильно, остается только предполагать, как необычно и современно в 1930-х гг. выглядели эти типовые строения, воплощавшие дух будущей индустриальной эры.

Рисунок 3 – Административное здание в Щучине(1920-30-е гг.)

Модернистская архитектура в западных регионах Беларуси, отвергнув классическую схему фасада с неотъемлемым выделением цокольного этажа, обрамлением окон и устройством венчающего карниза, породила новую традицию его оформления. Такое решение нагляднее всего иллюстрирует здание бывшей фабрики велосипедов и мотоциклов «Неман», существовавшее до недавнего времени в тесной застройке центральной части города Гродно. Обращенный на улицу фасад полностью аналогичен дворовым, равномерно прорезан одинаковыми окнами горизонтальной формы. В верхней части размещены чердачные окна меньшего размера, которые кроме своего функционального назначения играют и определенную эстетическую роль.

Высокий парапет, скрывающий за собой односкатную крышу и прорезанный маленькими окошками, стал характерным элементом модернизма в западных регионах Беларуси. Над одноэтажным жилым домом в Пинске (ул. Полесская, 16) возвышается чердак практически такой же высоты, украшенный небольшими окнами. Данная конструкция, безусловно, более трудоемкая и требует большего количества строительных материалов в сравнении с традиционной конструкцией двускатной кровли, что говорит об эстетической, а отнюдь не о конструктивной или функциональной обусловленности такого решения.

Для декора фасадов, выполненных в стиле функционализм в западных регионах Беларуси, так же как и для конструктивистских построек в восточных регионах, характерным декоративным приемом можно считать имитацию ленточного остекления посредством отодвигания межоконного простенка за плоскость фасада. В жилом доме в Бресте (ул. Советских пограничников, 26) при помощи такого приема фасад делится на горизонтальные полосы.

Не менее характерным элементом модернизма является размещение окон на углу здания. Низкие вытянутые окна, расположенные в чердачной части, придают модернистский вид особняку в Пинске (ул. Равецкой, 4). Происхождение этой формы не вызывает сомнений – угловые окна в архитектуре европейского функционализма отражали каркасную систему здания. В данном примере особняк выполнен из кирпича, а размещение окна в верхней части стены определено тем, что там нагрузка значительно меньше и реализовать такое решение возможно без значительных затрат.

Устройство балконов и террас являлось для архитекторов модернизма важным средством повышения художественной образности и выразительности зданий. Так, балконы на фасаде жилого дома в Бресте (ул. Ленина) выполнены на всю длину здания, имеют сплошное бетонное ограждение и на углах закруглены (рисунок 4). Довольно необычно выглядит балкон на костеле в городском поселке Антополь Дрогичинского района (рисунок 5). Здание имеет традиционный для костела силуэт с возвышающейся по центру башней, однако стены полностью лишены декора, формы сдержанны и лаконичны.

Рисунок 4 – Жилой дом в Бресте (1930-е гг.)

Рисунок 5 – Костел в городском поселке Антополь Дрогиченского района

Террасы, которые в условиях белорусского климата практически не используются, следует отнести к стилистическим признакам модернизма. Причем для модернизма в западных регионах Беларуси, в отличие от конструктивизма в восточных, характерно создание террас не только в общественных, но и в жилых зданиях. На крыше жилого дома в Гродно (ул. Осипенко) над двухэтажной жилой частью устроена обширная терраса с металлической оградой типичного для стиля модернизм рисунка (рисунок 6). Примечательно, что само здание выполнено из деревянных конструкций, а терраса представляет собой скатную крышу с небольшим уклоном и наружным водостоком.

Закругленные в плане, обтекаемые формы, как отмечают польские исследователи, характерны для архитектуры позднего модернизма [1, с. 38–40]. Их распространение в архитектуре западных белорусских земель закономерно, так как основное строительство здесь приходилось именно на этот период, начавшийся после преодоления экономического кризиса в 1935 г. [2, с. 53]. Характерный изгиб фасада определяет внешний вид особняка в Бресте (пл. Свободы, 3) (рисунок 7). Примечательным примером является жилой дом в Лиде (ул. Комсомольская, 3), где выходящий на улицу фасад имеет скругленный угол, подчеркнутый горизонтальными тягами и композиционно уравновешенный декоративным выступом на другой стороне фасада (рисунок 8).

Рисунок 6 – Жилой дом в Бресте (1920-30-е гг.)

Рисунок 7 – Особняк в Бресте (1920-30-е гг.)

Рисунок 8 – Жилой дом в Лиде (1930-е гг.)

Анализируя истоки появления и распространения обтекаемых форм, следует отметить влияние направления американского дизайна, получившего в литературе название «стайлинг» или «New Deal» [3, с. 205–213]. Обтекаемые формы, отражающие дух эпохи 1930-х гг., распространились и в европейской архитектуре того времени, проявившись в позднем функционализме, близком к стилю Арт Деко.

Подводя некоторые итоги, можно заключить, что в западных регионах Беларуси стиль модернизм развивался в архитектурной практике дольше, чем в восточных, вплоть до начала Второй мировой войны. Этот стиль вошел в массовую культуру и получил свое характерное социальное звучание. Архитектурный стиль функционализм, в основе которого лежит функциональный метод проектирования, был мощным наднациональным явлением в европейской культуре, во многом определившим стилистические черты белорусской архитектуры в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Список цитированных источников

1. Soltysik, M.J. Na styku dwóch epok. Architektura gdyńskich kamienic okresu międzywojennego / M.J. Soltysik. – Gdynia: Alter Ego, 2003. – 259 s.
2. Landau, Zb. Gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej / Zb. Landau, J. Tomaszewski. – Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1991. – 80 s.
3. Gössel, P. Architecture in the Twentieth Century / P. Gössel, G. Leuthäuser. – Köln - ... Tokio: Taschen, 2002. – 448 p.

УДК 72.035

Нусс Е.В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АДАМА ИДЗЬКОВСКОГО КАК ПРИМЕР ЭКЛЕКТИЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

С началом нового XXI века белорусские архитекторы все больший интерес проявляют к зодчеству предыдущих столетий и пытаются восстановить отдельные утраченные нити преемственности с прошлым отечественной архитектуры. Один из ее важнейших разделов на сегодняшний день посвящен исследованиям творчества отдельных архитекторов, сыгравших заметную роль в развитии архитектуры региона. Эти исследования часто выявляют широкий диапазон творческих концепций конкретного архитектора, раскрывают направление поисков современной ему архитектуры, позволяют воссоздать действительное творческое лицо зодчего.

Особенностью архитектуры Беларуси являлось то, что на всех этапах ее развития диалектическое партнерство разнообразных художественных влияний становилось ключом к эволюции. Особенно сильно это проявилось в белорусском зодчестве конца XVIII – первой полов. XIX в., когда Беларусь была присоединена к России и в ее архитектуре получило развитие классическое направление. Сильное воздействие на архитектуру оказывали крупнейшие русские города, в особенности Петербург. Не менее важны также для белорусского искусства и связи с Вильно и Варшавой. «Культурными центрами для ... строительства стали Вильно и Варшава, причем Варшава оказывала несравнимо меньшее влияние, связанное, в основном, со следованием прежней архитектурной традиции и с деятельностью зодчих, которые после ликвидации в Варшаве королевского двора вынуждены были искать заработок в провинции. Некоторое повышение влияния архитектуры Варшавы наблюдается после создания Королевства Польского в 1815 году, когда в столице оживилось строительство. Но все эти влияния несравненно менее значительны, чем влияние Вильно, тем более что Варшава оказалась за границей Российской империи, а Вильно стал центром ее западных земель» [1]. Влияние этих центров на строительную практику Беларуси включало в себя как доставку готовых проектов, так и непосредственное участие приглашенных зодчих в возведении того или иного здания.

Архитекторы, пребывавшие в изучаемый период на территории современной Беларуси, были не только создателями проектов зданий: жилых, общественных, культурных. Они также были и проводниками идей, веяний, которые, в свою очередь, оказывали влияние на архитектурный облик как отдельных объектов, так и городов в целом.

Одним из них был Адам Идзьковский (Adam Idźkowski, 1798-1879 гг.), выдающийся зодчий своего времени. Также он занимался литературной, переводческой деятельностью, увлекался изобретательством. Все это характеризует его как человека разносторонних интересов, увлеченного и талантливого.

Несмотря на то, что география проектов и построек архитектора выходит далеко за пределы родной Польши (на север – практически граничащая с Эстонией и Финляндией Нарва, на юг – Рим, Одесса, на запад – Париж), его имя тесно связано с архитектурой Беларуси середины XIX ст. Не последнюю роль в этом сыграл его покровитель генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич, пригласивший зодчего спроектировать свою новую резиденцию в Гомеле.

Проекты и постройки Адама Идзьковского в исследуемых географических границах (рис. 1):

1. Проект ворот кольцевой казармы Брестской крепости (г. Брест);
2. Усадьба Константина Незабытовского (Гродненская область, д. Олешевичи);
3. Ансамбль дворца Румянцева-Паскевича (г. Гомель)
 - 3.1 Гомельский дворец;
 - 3.2 Проект ландшафтного парка вокруг Гомельского дворца;
 - 3.3 Проект моста в Гомельском парке;
4. Усадьба Солтанов (Могилевская область, д. Трилесино);
5. Проект греко-восточной церкви в Могилевской губернии.

Объективно, построено Идзьковским на территории Беларуси не так уж много. Но возможный недостаток количественный в достаточной мере окупается качеством построек. Гомельский дворец, который ныне признается одним из значительнейших архитектурных достояний в республике, трепетно любим как жителями города, так и при-

езжими. Въездные ворота Брестской крепости – еще один признанный памятник Беларуси. И хоть они пострадали во время военных действий 1915, 1941-1945 гг., архитектурные достоинства сооружений доступны взорам и ныне: классицизм соседствует с элементами крепостного строительства – узкие окна-бойницы, башни по краям ворот и одновременно – руст и декоративные лопатки в ложных нишах. Не сохранившиеся до наших дней усадьбы Солтанов и Незабытовских со страниц альбомов, со старых фотографий также производят впечатление произведений стилистически цельных и характерных для общеевропейских тенденций.

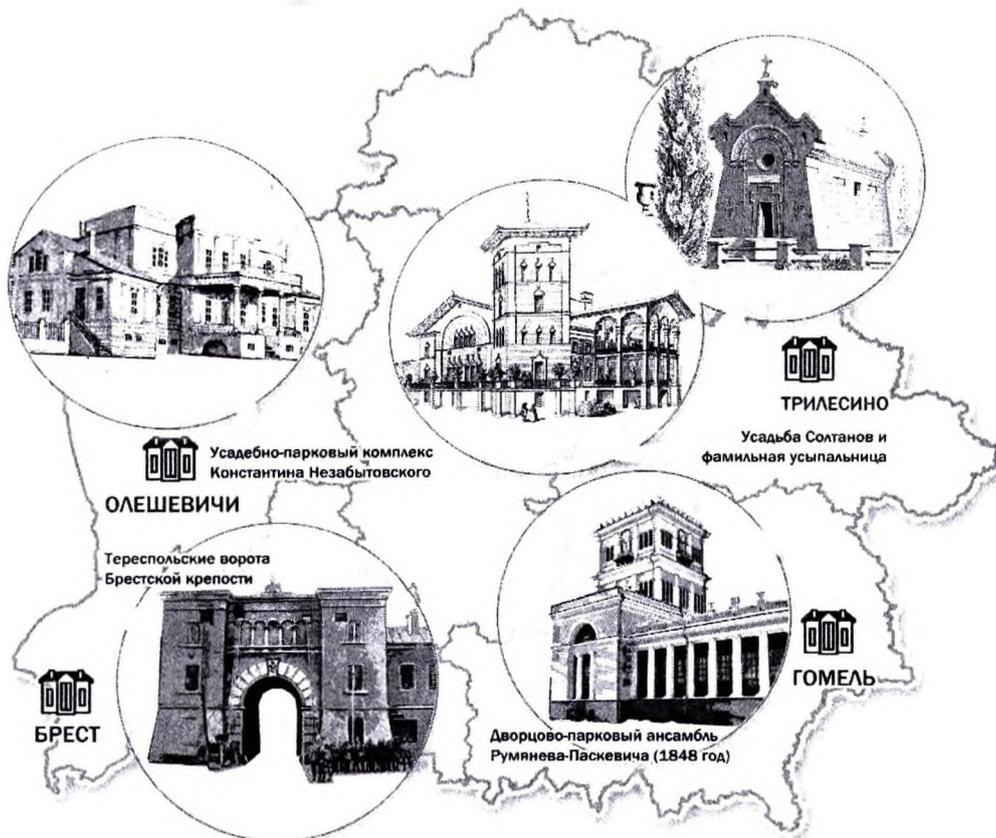

Рисунок 1 – Расположение объектов А. Идзьковского на территории Беларуси (сост. Нисс Е.В.)

Для понимания творчества зодчего, важно упомянуть о его теоретических взглядах. Начиная свою деятельность приверженцем классицизма (одной из причин были вкусы заказчика – Паскевича, представителя царской администрации, излюбленным стилем которой и был классицизм), в дальнейшем он проектировал объекты, в которых стали прослеживаться черты романтизма и эклектизма (египетские, китайские мотивы в оформлении экстерьеров усадеб; искусная смесь готики, средневековой крепостной архитектуры, черт неоренессансного палаццо в гомельском дворце).

В публикациях Идзьковского ярко прослеживаются его взгляды на архитектурное творчество. Будучи приверженцем теории Ж.-Н.-Л.Дюрана о равноценности всех архитектурных стилей, он и проектировал в каждом из них с одинаковой свободой, подтверждением чего является альбом его проектов «Планы зданий...». На главенствующие позиции зодчий выводил античную архитектуру. «Античная архитектура имеет первенство по своей аристократичности, простоте и регулярности, но не может быть единственной формой выражения для современного архитектора. Могут называться прекрасными и произведения в византийском, готическом, египетском, итальянском, индийском, китайском стилях» [1]. Идзьковский особо подчеркивал роль зодчего: она огромна, ибо «от таланта и вкуса зависит окончательный эффект дела» [1].

Один из наиболее ярких примеров эклектичного мышления в архитектуре, идеи о возможности связи разнородных элементов в одном здании можно найти в работе А. Идзьковского «Несколько замечаний об архитектуре и ее прогрессе», изданной в Париже в 1845 г. Не посягая на образцовость архитектуры античности, архитектор допускал применение форм различных стилей: «Различные стили можно понимать как языки в строительном искусстве, и как в каждом языке красоту и великие мысли можно выразить свойственным этому языку способом, так и в каждом архитектурном стиле может быть создана красота форм и гармоничная целостность, если творец обладает чувством прекрасного и выраженными способностями к творчеству. Таким образом для непредубежденного разума могут казаться прекрасными не только серьезные произведения классического искусства, но также сооружения в стиле византийском, готическом, египетском, итальянском, индийском, китайском и т.д, если их счастливое соединение в целое может создать приятное выражение. И таким образом ни ордера, ни симметрия не могут рассматриваться как безоговорочно обязательные» [2].

Он утверждал также, что «...если разнообразие форм может быть почти бесконечным, то почему мы должны были бы ограничиться только их определенной цифрой. Каждая форма, каждый вид строительства может быть красивым, если рука художника сможет придать целой структуре ту желаемую гармонию, которую требует опытный

и сформированный вкус знатока... не стоит удивляться, что современные архитекторы наряду с любимым и популярным классическим искусством сегодня используют и другие виды строительства, которые своим разнообразием так приятно развлекают наш взор и удовлетворяют разум. Потому архитектурные композиции следует считать такими вариациями, как в музыке, которые возникают из-под пера опытного мастера со свойственным ему очарованием для уха, не взирая на то, какие были использованы темы или мотивы. Мотивы те или начальные арии в архитектуре – это виды и вариации различных стилей, из которых рука художника может извлечь со свойственным ему умением очарование и разнообразие для глаза» [3].

В «Теоретических основах архитектуры XIX века» П. Краковский отмечал, что и Идзковский – градостроитель занимает эклектичную позицию: «...кажется, что этого разнообразия даже требует необходимая потребность, становящаяся все больше при увеличении населения, городов, зданий. Многие знатоки сожалеют о малой выразительности даже самых красивых построек на наших улицах, четко симметричных, выстроенных в одну линию, как-то многочисленные примеры мы имеем во многих городах, наращивающих свои размеры. Причиной этого не может быть не что иное, как только то, что произведения прежней архитектуры ограничивались использованием неизменных форм и слишком узкими правилами. Поэтому во всех наших постройках заметны вечные фронтоны, пилястры или колонны, отличающиеся друг от друга только числом или размерами. Не следует потому удивляться, что пресыщение ими часто снижает ценность даже самых выдающихся произведений. Эти обстоятельства должны, наконец, привести к использованию других видов строительства с точки зрения украшения, а тем временем мы убедимся, что новые объекты разнообразят пространственные шеренги наших улиц, явившись не только привлекательными для нашего глаза, но и, прерывая существующие здания, придавая им очарование, которое улицы утратили из-за вечного единообразия. Представим себе длинную и широкую улицу, на которой с обеих сторон высятся разнообразные здания. Здесь римская арка с красивым рельефом, там готический храм с возносящейся к облакам башней, далее египетский дом, за простым объемом которого тянется ряд римских аркад или протяженный ряд греческих колонн, заканчивающихся веселой итальянской выставкой или воздушным индийским крыльцом. С другой стороны обширный базар или магазины, украшенные турецкими или арабскими мотивами, за ними следует красивый дом горожанина в стиле, прежде использовавшемся повсеместно, который отделяет от большого округлого купола какую-нибудь комбинацию англоготического стиля и т. д. Не знаю, мог ли найтись кто-то, кого вид такого города не привел бы в восхищение и удивление. По этой причине мы видим уже во многих странах возникающие здания в разных стилях: как в городах, так и в селах» [3].

Любопытна схожесть концепции с идеей «исторической улицы» Н.В. Гоголя. Ее воображаемый образ он описывает так: «Мне прежде приходила в голову одна мысль: я думал, что не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая вмещала бы в себя архитектурную летопись. Чтобы начиналась она тяжелыми мрачными воротами, прошедши которые, зритель видел бы с двух сторон возвышающиеся величественные здания первобытного дикого вкуса, общего первоначальным народам, потом постепенное изменение ее в разные виды: высокое преобразование в колоссальную, исполненную простоты, египетскую, потом в красавицу – греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую с плоскими куполами, потом римскую с арками в несколько рядов, далее вновь нисходящую к диким временам и вдруг потом подымающуюся до необыкновенной роскоши – аравийскую; потом дикою готическую, потом готико-арабскую, потом чисто-готическую, венцом искусства, дышащую в Кельнском соборе, потом страшным смешением архитектур, происшедшем от обращения к византийской, потом древнею греческою в новом костюме, и, наконец, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключившими бы в себе стихии нового вкуса. Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые тома, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все» [4].

В статье «Проблема времени в западноевропейском урбанизме второй половины XIX века» И. Духан замечает, что архитектура города у Гоголя изображает Историю, «...чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его (народа – И.Д.) жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания, и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения». Архитектурная композиция оказывается погруженной в Историю, а отраженный на архитектурной поверхности образ Истории становится организующим смысловым началом композиционного разнообразия [5].

«Гоголь и Идзковский затронули принципиально важную для последующего развития урбанизма проблему соотношения структуры градостроительного произведения и Истории. Тенденция к адаптации культурного наследия прошлого и одновременно стремление к композиционному разнообразию вели к предельному усложнению структуры пространства, состоящего из многообразных архитектурных объектов, которые, в свою очередь, включали многочисленные исторические пластические мотивы и сюжеты. Чтение такого пространства в категориях визуального мышления классицизма, с его ясным и последовательно иерархичным членением пространственных форм, было бы невозможно. Вообще чисто визуальный способ прочтения такого диссоциированного пространства имел бы следствием опущение хаотической множественности, отсутствия порядка, механического нагромождения форм. Собственно, только что перечисленные характеристики – хорошо известные негативные характеристики архитектур и урбанизма периода эклектики и историзма, данные теоретиками функционализма XX века» [5].

П. Краковский также обращает внимание на характерное для периода раннего историзма свободное оперирование Идзковским любыми элементами для создания новой целостности, отвечающей современным потребностям и вкусам: «Используя стили различных видов архитектуры для наших зданий, мы не ограничены ни формами, ни деталями, какие эти виды в состоянии нам предоставить. Мы можем также добавлять или убирать, с условием, чтобы такая замена была на пользу искусству, опирающемуся на тонкий вкус и логику. Этим способом мы можем создать и усовершенствовать новое разнообразие зданий, подобно как в архитектуре Греко-римской. Надо нам освободиться от нового ошибочного убеждения, будто наша архитектура, которую мы сегодня называем классиче-

ской, была действительно греческой или римской. Мы взяли от нее только части, как то: карнизы, колонны, аркады и т. д. Потому целостность наших построек не является подобием греческих или римских. Наши храмы, наши дома наши театры и прочее не имеют ничего общего со зданиями того же типа у греков и римлян. Потому применяя для себя сегодня архитектуру египетскую, готическую, восточную и иную, мы способны создать и усовершенствовать формы и комбинации, которые могут соответствовать нашим потребностям в соответствии с представлениями которые мы имеем сегодня о том искусстве» [3].

Логично, что следствием теоретических взглядов Идзьковского являлись его проекты (рис. 2-4). «Крайним проявлением эклектизма представляется проект сельского дома из сборника под названием "Composition d'architecture des bâtiments de toute espèce" (1845). В проектах подобных этому, автор реализует свои теоретические положения, с анализа которых он и начинает свою публикацию. «Рисунок этот открывает ряд следующих, чтобы нагляднее подтвердить действенность ... вышеприведенных замечаний о применении различных стилей. Он убеждает не только в возможности создания планов в отдельно используемых стилях, но и в том, что в данном случае удалось соединить в одно целое несколько стилей» [3]. Живописно запроектированная, свободно стоящая резиденция являет собой синтез всех возможных стилей. Вот как описывает здание сам Идзьковский: «Возвышающаяся центральная часть выполнена в форме египетской, с левой стороны видны формы обломков классических коринфского ионического и дорического ордеров, с правой стороны готический стиль и переход новых эпох, фронтоны в восточном стиле, противоположный фасад представляет фантастическое разнообразие. Во всем плоскостном решении этого дома при использовании многих стилей существовала наиважнейшая проблема, дабы все разнородные составляющие привести к определенной гармонии» [6].

Эклектизм, или архитектура выбора, пришел на смену классицизму с его догматизмом и «...сделал игру не просто более свободной. Он не только снял жесткость ограничений формо- и стилеобразования. Архитектура перестала претендовать на единство правил сценографической организации жизни, на четко заданный сценарий» [8].

И одним из проводников подобных идей для белорусской архитектуры, предвестником стал Адам Идзьковский.

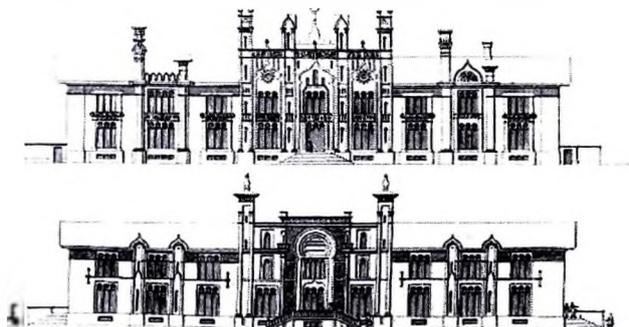

Рисунок 2 – Вокзал в Скерневицах [7]

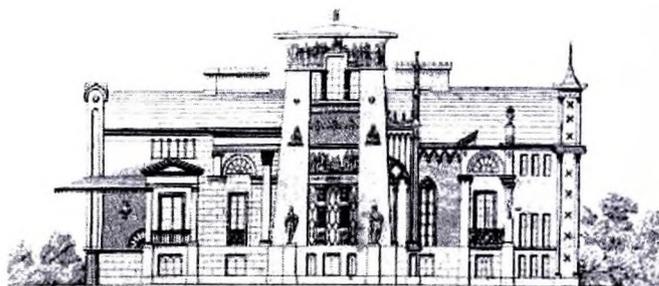

Рисунок 3 – Проект усадьбы [7]

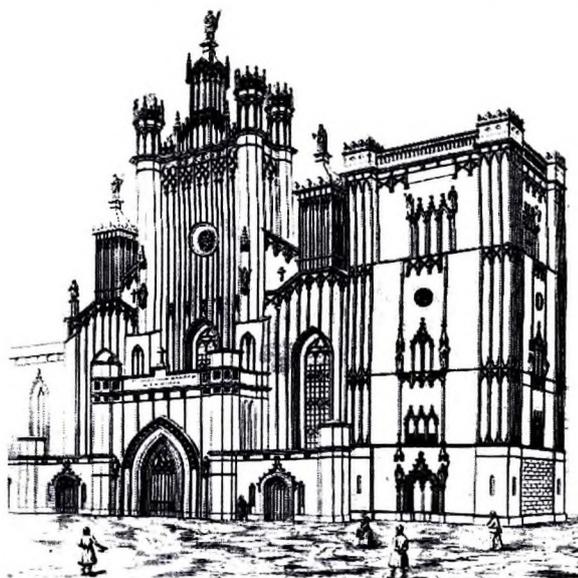

Рисунок 4 – Кафедральный собор св. Яна в Варшаве [7]

Список цитированных источников

1. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха, меценаты, стиль. – Гомель, 1998. – С. 90, 266.
2. Jaroszewski, T.S. Od klasycyzmu do nowoczesności. – Warszawa. 1996. – С. 7
3. Krakowski, P. Teoretyczne podstawy architektury wieku XIX // Seszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego – W-w – Kraków, 1979. – С. 30-32.
4. Гоголь, Н.В. Об архитектуре нынешнего времени // Собрание сочинений в четырех томах. – М., 1968. – Т. 4. – С. 51.
5. Духан, И.Н. Проблема времени в западноевропейском урбанизме второй половины XIX века // Диалог культур: материалы науч. конф. "Виппер. чтения-1992", вып. 25 / Под общ. ред. И.Е.Даниловой. – М.: ГМИИ, 1994. – С. 120-121

6. Idźkowski, A. Compositions d'architecture des bâtiments de toute espèce – Paris, 1845.

7. Idźkowski, A. Plany budowli obejmujące rozmaite rodzaje domow, mieszkań wiejskich różnej wielkości kościołow, gmachow publicznych, mostow, ogrodow, monumentow it.p. szczegolow w Rozmaitych Stylach Architektury przez ... Budowniczego rządowego Członka Akademii Florenckiej Sztuk Pięknych // w Drukarni Banku Polskiego, Warszawa, 1843. – табл. 1, 5, 92.

8. Иконников, А. Архитектор – Homo ludens // Архитектура мира: Материалы конф. "Запад-Восток: личность в истории архитектуры" / Под ред. И.Е. Даниловой. – М.: ARCHITECTURA, 1995. – С. 20.

УДК 711.455

Нитиевская Е.Е., Дарьин Э.Р., Косак М.А.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА В г. ЛОГОЙСКЕ

В 2012 г. были разработаны концептуальные положения развития белорусской национальной архитектуры. Один из пяти ключевых блоков концепции посвящен сохранению и рациональному использованию историко-культурного наследия, всего ценного, что образует культурную среду городских и сельских поселений страны. Сохранение исторически достоверной среды городских и сельских поселений Беларуси, включающей историко-культурные и природные ценности, сложившуюся планировку, застройку, особенности благоустройства и архитектурно-ландшафтной организации территории является наиважнейшей задачей [1].

Многие города и сельские поселения Беларуси имеют древнюю историю и, несмотря на многочисленные войны и разрушения, во многих из них сохранились выдающиеся архитектурные сооружения. К таким поселениям можно отнести Логойск.

Впервые Логойск (Логожеск) упоминается в письменных источниках в контексте событий, датируемых 1077-1078 гг., летописные сообщения свидетельствуют о том, что уже в XI в. Логойск был значительным укрепленным центром на южных рубежах Полоцкой земли. Городище, ставшее в конце XII в. княжеской резиденцией, позднее получило название "замка Логойского" и сохраняло свои оборонные функции до конца XVII в. Общий экономический подъем ВКЛ середины – второй половины XVIII в. сказался и на Логойске: местечко начало постепенно возрождаться. Материальное положение владельцев Логойского графства к началу XIX в. улучшилось настолько, что граф Пий Тышкевич (1756-1858) в 1815 г. заложил к северу от территорий бывшего "замка", в излучине правого берега Гайны, обширный парк с дворцом в стиле позднего классицизма и комплексом хозяйственных построек (см. рисунок 1-2).

Этот дворцово-парковый комплекс был широко известен в западных губерниях "от Киева до Вильно", главным образом благодаря научной, общественной и музейной деятельности сыновей Пия Тышкевича – Константина (1806-1863) и Евстафия (1814-1873). По данным "Инвентаря" Логойского имения, составленного в 1844 г., непосредственно на территории дворцово-паркового комплекса и в его ближайших окрестностях (к западу и к северо-западу от парка) находились следующие строения: дворец, занимавший (обобщенно "в пятне") пространство 106x28 аршин (т.е. примерно 70x20 м); кухня (поварня), большой ледник; конюшня и каретный сарай; прачечная с отдельным строением для сушки белья и одежды; жилой дом для прислуги; дом садовника, баня, пуня и т.д. К Логойскому имению также принадлежали корчма в местечке, полотняный завод, водяная мельница на реке Гайне, дом на Плещинской улице и другие хозяйственные строения. В середине – второй половине XIX в. в состав усадебно-паркового комплекса была включена территория бывшего городища, т.е. северная, большая и наиболее древняя часть "замка Логойского" XV–XVII вв.

В настоящее время единственной более-менее сохранившейся частью дворцово-паркового комплекса в г. Логойске является обширный парк, занимающий около 17 га. Являясь элементом историко-культурного комплекса г. Логойска начала XIX в., парк нуждается в активной охране, особенно учитывая рекреационное назначение Логойского района (следовательно, в первую очередь самого Логойска), определенное Указом Президента РБ [2].

Созданию запоминающегося облика парка способствовали ландшафтные особенности территории: руины замка Тышкевичей возвышаются на крутой террасе реки Гайны высотой более 25 м, занимая площадь 1,5 га. При планировке парка были использованы остатки замковых укреплений с рвами и обрывистыми валами, полукольцом охватывающими замковый двор. Парк протянулся на 700 м вдоль правого берега р. Гайны, замыкая ее террасу на площади 16,5 га. Въездная аллея проходила между садом и парком, охваченным оградой с кирпичными пилонами. Вдоль парка аллея состояла из лип, а со стороны сада была преимущественно ясеновой. Главный вход акцентировала въездная брама со сторожкой.

В основу планировочного решения парка была положена двухлучевая система с активным раскрытием перспектив в сторону реки. К партеру около дворца примыкала большая северная поляна, которая с левой стороны фланкирована массивом лиственных пород. В обрамлении этого массива использовался тополь белый (в настоящее время сохранились 13 экземпляров). С противоположной стороны в массиве преобладала темнохвойная ель, что создавало контраст восприятия ландшафтной картины. На берегу р. Гайны главная ось подчеркивалась симметрично расположенными полукруглыми группами липы в виде беседки (см. рисунок 1).

Вдоль берега проходила прогулочная тропа, сформированная разреженным древостоем из местных пород, что давало возможность просматривания левобережных далей. В юго-восточной части парка расположен небольшой водоем, питающийся от постоянно пульсирующей криницы. Криницы являются особенностью парка. Их насчитывалось огромное количество, сравнимое с количеством проложенных в парке дорожек. Напор воды в криницах был настолько сильным, что некоторые криницы фонтанировали, «пели» [3].

Парк отличался разнообразным составом растений. В нем насчитывалось около трехсот видов древесных и кустарниковых растений, среди них такие редкие виды, как ясень пенсильванский белопестрый, пихта одноцветная, клен татарский, липа золотистая, лиственница (см. рисунок 2).

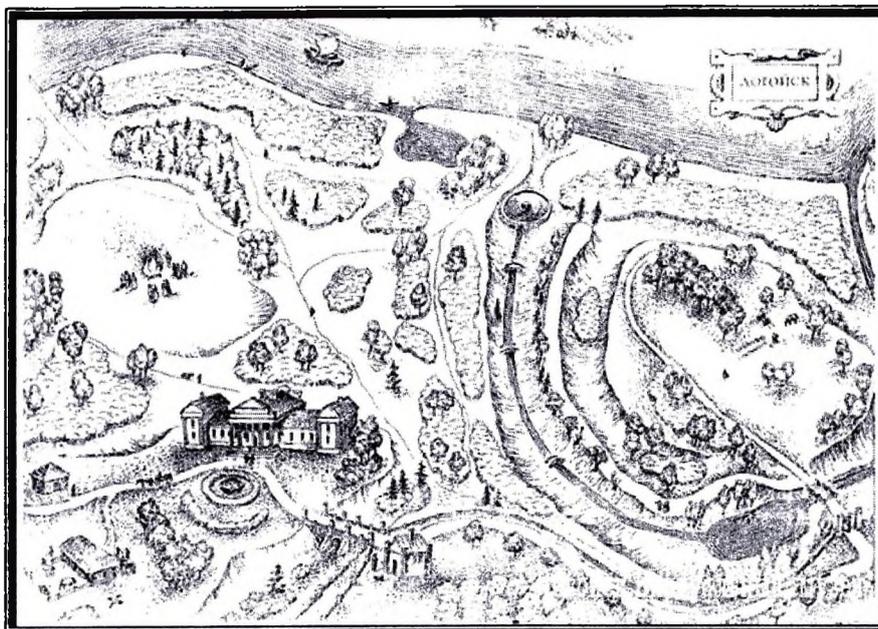

Рисунок 1

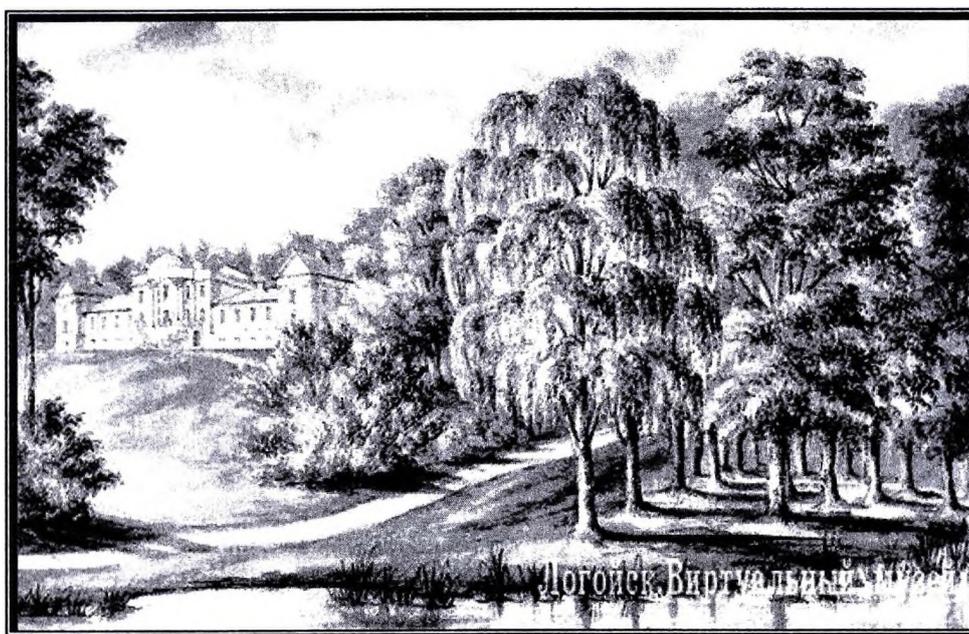

Рисунок 2

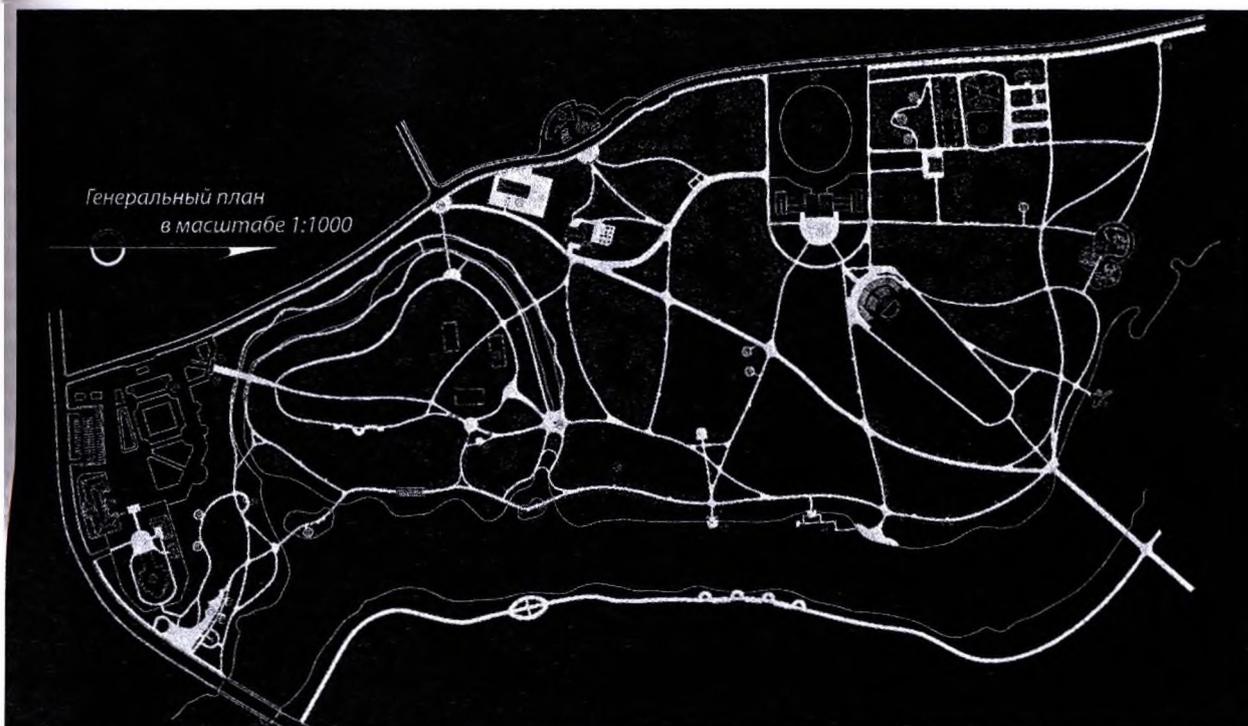
По просьбе Логойского райисполкома архитектурный факультет БНТУ провел конкурс на разработку эскизного проекта «Реконструкция исторического парка в г. Логойске». На первом этапе в конкурсе принимали участие 35 студентов 3-го курса, которые в рамках архитектурного проектирования выполнили эскизные проекты по восстановлению объекта историко-культурного наследия 3-й категории «Фрагменты бывшей усадьбы Тышкевичей: парк». Администрацией г. Логойска были отобраны наиболее интересные проекты, содержащие предложения по дальнейшему восстановлению уникального парка, для дальнейшей разработки.

Примером такого эскизного проекта является работа Дарьина Э.Р., Иванова Ю.А. и Косак М.А. под руководством кандидата архитектуры, доцента Нитиевской Е.Е. Концепция восстановления парка основывалась на необходимости привлечения потока посетителей и предполагает размещение конюшен для прогулок верхом и в каретах.

Функциональным зонированием парка предусмотрено создание историко-культурной зоны с максимальным сохранением сохранившихся замковых укреплений, которые остаются выразительными элементами парка. Предусмотрено создание прогулочной аллеи, проходящей по самым высоким точкам валов (высота 6-8 м, ширина 16-18 м), с раскрытием перспективы на реку Гайну. Восстанавливается водная система с каскадами и криницами вокруг замковых укреплений. Вдоль береговой линии р. Гайны устраивается прогулочная набережная из деревянного настила, которая начинается у подножия храма и включает зону с купальнями. Одна из аллей, ведущих от дворца, приводит к лодочному причалу.

Зона массовых мероприятий включает зеленый театр, который находится на месте северной поляны (в настоящее время здесь располагается стадион). Сторожка, имеющая историческую ценность, восстанавливается и приспособляется под кафе.

В хозяйственной зоне парка есть конюшня, каретный сарай, склад, навес для сена, а также павильон проката исторических костюмов XIX в. Авторами предлагается идея реконструкции дворца Тышкевичей под функцию зала ракосочетаний, с проведением церемоний на территории парка, с прокатом карет и экипажей. Восстанавливается однопортовая башня, которая используется как краеведческий музей. В парке предусмотрена детская площадка для игр (см. рисунок 3).

1. Замок (Дворец бракосочетаний); 2. Партер; 3. Каретный сарай; 4. Навес для сена; 5. Склад; 6. Конюшня; 7. Манеж;
8. Крытый манеж; 9. Лядоуня (Винный погреб); 10. Туалет; 11. Детская игровая площадка; 12. Причал; 13. Зеленый театр;
14. Мостки; 15. Видовые площадки; 16. Сторожка; 17. Кафе; 18. Водонапорная башня; 19. Краеведческий музей; 20. Главный вход;
21. Сохранившееся здание; 22. Каскады; 23. Дерево любви; 24. Старый вяз; 25. Развалины; 26. Беседка; 27. Церковь;
28. Криницы; 28. Воскресная школа; 29. Площадь; 30. Брама; 31. Парковка; 32. Пергола

Рисунок 3 – Логойский парк отдыха с элементами исторической реконструкции. Экспликация

Защита конкурсных проектов студентов архитектурного факультета БНТУ на тему «Реконструкция исторического парка в г. Логойске» проходила на заседании Логойского исполкома в присутствии председателя Антипенко А.Я., научного руководителя разработки проекта зон охраны историко-культурных ценностей г. Логойска Цариковой И.С. и других заинтересованных лиц. Выполненный студентами в рамках архитектурного проектирования реальный проект подтвердил, что возможен поиск новых, нестандартных решений, если при проектировании удастся использовать уникальные историко-культурные и природные особенности.

Список цитированных источников

1. Потаев, Г.А. Концептуальные положения развития белорусской архитектуры // Архитектура и строительство. – 2012. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ais.by – Дата доступа: 15.04.2013.
2. Боровой, Р. Исторический центр Логойска: хронология, планировочная структура и проблемы охраны // Архитектура и строительство. – 2008. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ais.by/story – Дата доступа: 15.04.2013
3. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Минского края / Федорук, А.Т. – Мн.: Полифакт. – Лекция, 2000. – 416 с.

УДК 726.71. (476) (091)

Ожешковская И.Н.

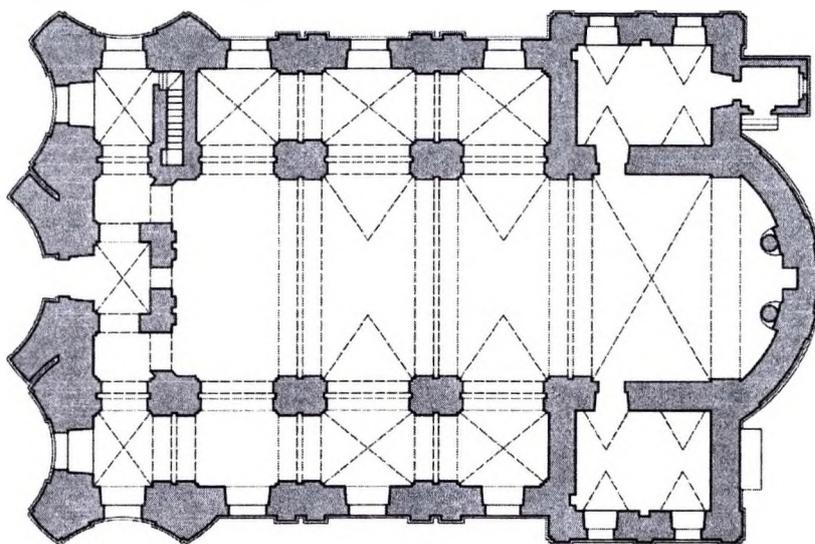
ПРОГРАММА АРХИТЕКТУРНОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ИНОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ В БРЕСТЕ

Одним из интереснейших утраченных объектов историко-архитектурного наследия Бреста является Петропавловская церковь базилианского униатского мужского монастыря. Монастырь был основан униатским митрополитом Иосифом Рутским в 1631 г. на участке рядом с Николаевским собором, знаменитым событиями, когда в его стенах 9 октября 1596 г. православным собором была провозглашена церковная уния. Вместе с Николаевским собором Петропавловский монастырь образовывал архитектурный ансамбль, располагавшийся в центральной островной части старого города на Подзамке вдоль канала, соединявшего оба рукава реки Мухавец. Мужской монастырь первоначально был деревянным, возведение каменной Петропавловской церкви относится к 1788 году.

На протяжении веков архитектурные традиции Бреста, расположенного на пограничной территории между Востоком и Западом, развивались под влиянием различных национальных и конфессиональных особенностей. Вхож-

дение города в состав Великого княжества Литовского определило тенденции развития зодчества, направленные в сторону западноевропейских стран. Это влияние, безусловно, отразилось на объемно-планировочном и стилистическом решении Петропавловской церкви. Для возведенных во второй половине XVIII в. униатских храмов и монастырских церквей объемно-пространственная организация соответствовала общим принципам построения костельных сооружений. Как правило, сооружались базиликальные трехнефные бескупольные храмы с двухбашенным решением главного фасада. Стилистическое решение внешнего облика униатских храмов, в том числе и знаковый религиозный символ конфессиональной принадлежности сооружения – завершающие храм латинские кресты – все это соответствовало типичному барочному виду костелов Беларуси.

В объемно-планировочном решении каменная униатская церковь во имя св. Петра и Павла представляла собой обычный для Белоруссии тип трехнефного базиликального католического храма. Одна полукруглая апсида без оконных проемов, равная по ширине центральному нефу, завершала объемно-планировочное решение храма. Церковь покрывали каменные своды, которые отсутствовали в первом нефу, следующим сразу за двухбашенным притвором. Более широкий центральный неф перекрыт цилиндрическими сводами, боковые – крестовыми. К апсиде с двух сторон примыкали симметричные сакристии прямоугольной формы, перекрытые цилиндрическими сводами. В сакристию, расположенную с левой стороны относительно алтарной части, вел дверной проем в виде небольшой освещенной пристройки-тамбура с крыльцом. Петропавловская церковь не имеет поперечного трансепта. Т-образная форма храма образуется центральным нефом в месте пересечения с сакристиями, которые лишь в незначительной степени выступают за общую массу сооружения. Но при этом выступающая часть обладает большей шириной, чем разбивка основного объема сооружения. Аналогичное объемно-пространственное построение имеет Успенская церковь базилианского монастыря в м. Ушачи Витебской губернии, возведенная во второй половине XVIII в. Петропавловский монастырский храм в Бресте не образует характерного для церквей с православным богослужением подкупольного пространства перед алтарной частью. Фундаментальные богословские расхождения византийской и римской церквей заключаются в различиях Символах Веры. Отсюда различия духовного состояния молящегося в храме: созерцание невидимого – в византийской церкви и активное действенное движение к благочестию – в римской церкви [1, с. 515].

План Петропавловской церкви базилианского монастыря в г. Бресте в 1830 г.

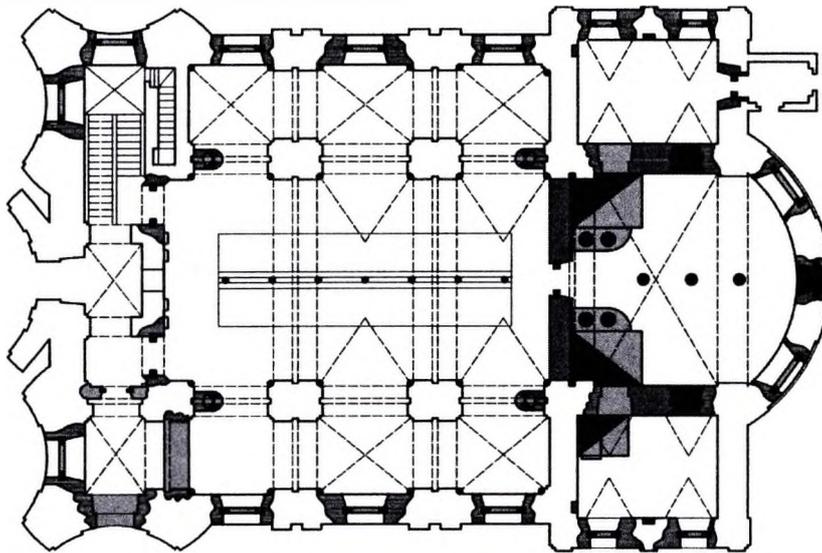
В Петропавловской церкви согласно правилам униатского богослужения, установленными Замоиским собором 1720 г., отсутствовал иконостас. Вместо иконостаса по образцу католического храма был расположен главный алтарь, кроме которого, по обеим его сторонам, а также у стен и колонн находилось еще шесть малых алтарей. Алтари были вырезаны из дерева, позолочены и посеребрены. Они были перенесены из старой деревянной церкви и не вполне подходили к новому каменному храму. Внутри над входом размещались хоры, где находился орган [2, с. 119]. По архивным чертежам удастся проследить строение главного алтаря, главной композиционной особенностью которого является высокая, практически на всю высоту апсиды, заглубленная ниша с полуциркулярным завершением. С двух сторон ниша была обрамлена двумя круглыми колоннами на таком же круглом цоколе [3]. Такой композиционный прием построения большого алтаря был типичен для каменных барочных костелов XVIII в. Как правило, ниша украшалась картинами. Алтарные пристенные колонны завершались карнизом со сложным профилем и лепным декором, по сторонам колонн размещались скульптурные композиции. Сохранившиеся в чертежах фрагменты первоначального интерьера позволяют увидеть когда-то величественное и монументальное внутреннее устройство Петропавловской церкви. Обращают на себя внимание граненые столбы опоры сложного силуэта на высоком цоколе с выразительными архитектурными обломами капители и баз основания. В паре с несущими колоннами «работают» пилястры прямоугольной формы, расположенные у стен боковых нефов.

Главный фасад включал две башни по бокам входа и не был закончен. Из чертежа видно, что поверхность фасада представляла собой сочетание трех выгнутых цилиндрических поверхностей по линии главного фасада и двух по линии бокового, образованных группами пилястр. Между парами пилястр главного фасада расположена глубокая криволинейная ниша, отличающая пластическое решение главного фасада Петропавловской церкви своеобразно.

зием и являющаяся еще одной характерной особенностью проявления стиля белорусского барокко. Следует отметить, что криволинейные выгнутые поверхности характерны только для притвора храма. Для основной части сооружения типична прямоугольная разбивка стен парными пилястрами с нишами и характерными загибаниями между ними.

Исторический центр Бреста в первой половине XIX в. представлял собой своеобразную застройку из более десяти церковных сооружений, включавших в себя православные, католические и униатские храмы. Начало изменениям первоначального облика памятников архитектуры было положено в 1830-е гг. и было связано с реакцией Российского правительства на польское восстание. Одним из первых в 1831 г. был закрыт Петропавловский мужской монастырь. Впоследствии в 1832 г. были упразднены католические монастыри. Это была вторая из четырех волн упразднения, изменения функций и трансформации облика католических и униатских монастырей, вызванных разными обстоятельствами, происходящими на протяжении XIX в. [4, с. 141]. В 1833 г. по стратегическим соображениям, связанными с военной угрозой западным границам империи, начинается целый ряд проектов по реорганизации старого города в боевую крепость. Католические монастыри Бреста были или снесены, или перестроены до неузнаваемости. Судьба двух униатских храмов – Николаевского собора и Петропавловской церкви – связана с капитальной перестройкой и приспособлением к новому использованию. Освободившиеся монастырские постройки требовали специальных архитектурно-строительных работ по выработанным основным принципам реконструкции. Николаевский собор был обращен в греко-российскую церковь. Согласно общероссийским правилам и постановлениям Строительного устава был выполнен проект перестройки архитектором Памаседловым (?) в русско-византийском стиле в 1837 г. [5, с. 100].

В Российском государственном военно-историческом архиве Москвы (РГВИА) находятся обмеры Петропавловской церкви, произведенные в 1834 г. для преобразования храма с целью помещения в нем военной казармы [6]. Эти чертежи позволяют приблизительно представить себе первоначальный облик этого монументального сооружения в том виде, какой он имел до превращения старого города в крепость, до фактического его уничтожения. Если реконструкция инославных монастырей в православные церкви была связана с программой приспособления, основанной на догматических правилах православного богослужения, то реконструкция в учреждение военного типа вовсе не учитывала сохранение памятника архитектуры как сакрального объекта. Организация внутреннего пространства церкви, убранство интерьера, образ храма – все эти составляющие церковной архитектуры игнорировались при данном виде реконструкции. Именно это и произошло при передаче бывшего Петропавловского монастыря базилиан в военное ведомство. Проект перестройки был составлен Брест - Литовской инженерной командой под предводительством инженера – прапорщика Мендиева.

План Петропавловской церкви базилианского монастыря в г. Бресте в 1835 г.

Бывший трехнефный базиликальный храм по высоте основного объема, включавшего боковые нефы, был поделен на два уровня деревянным перекрытием. Третий уровень был получен за счет высоты более высокого центрального нефа. Перекрытия поддерживались вновь установленными деревянными опорами, проходящими по центру всей длины храма, включая и алтарную часть, и установленными в углах колонн и пилястр основного объема храма. В результате перестройки получилось трехэтажное здание, с высотой первых двух этажей более 4 м каждый, а третьего в максимальной точке свода – более 5 м. Первоначальная высота основного объема храма составляла более 15 м. На первом этаже была устроена столовая для солдат, на двух последних – казармы. Для поддержания температурного режима по всем этажам были расставлены стационарные печи. В притворе храма с левой стороны от входа была устроена многомаршевая новая деревянная лестница. При этом встроенная в стену старая лестница, ведущая на хоры, была закрыта. По своим размерам лестница занимала объем, равный ячейке бокового нефа. С противоположной стороны было устроено отдельное помещение, для чего кирпичной стеной был заложен проход в основной объем храма. Для освещения второго яруса в боковых нефах были прорублены дополнительные оконные проемы. Сами оконные проемы всей церкви были уменьшены в размерах и изменили свое очертание с арочного на прямоугольное.

Наиболее серьезной перестройке подверглась алтарная часть храма. По новому проекту она приобретала новое функциональное использование – помещение кухни. На месте главного алтаря по центральной оси храма в стене появляется дверной проем, с двух сторон которого были симметрично прорублены два окна. Изменениям подверглись и дверные проемы, ведущие в сакристии храма: они были смещены в связи с устройством двух больших печей и установкой плит для приготовления пищи. От основного объема храма кухня была отделена кирпичной стеной с дверным проемом. Центральные деревянные опоры, поддерживающие перекрытие, служили опорой для установки мебели: столов и кроватей. При реконструкции была понижена высота двухъярусной кровли центрального и боковых нефов. В результате общая высота храма, которая была более 25 м, сократилась на 4,8 м.

Как отмечают многие исследователи, монастыри Бреста составляют своеобразную группу памятников белорусского барокко. Сохранившиеся архивные материалы позволяют узнать какими были монументальные сооружения исчезнувшего города в 30-е гг. XIX в., что в значительной степени пополняют данные о культурном наследии прошлого. В утраченных храмах наряду с чертами общими для архитектуры всего края обнаруживаются заключающие овал композиции планов и фасады с низкими башнями, характерными для местного варианта стиля.

Список цитированных источников

1. Слюнькова, И.Н. Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси / И.Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 598 с.
2. Квитницкая, Е.Д. Монастыри Бреста XVII – XVIII вв. / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследие: сб. научн. тр. / ЦНИИ-ТИА; под ред. О.Х. Халпахчыана. – М.: Стройиздат, 1979. – Вып. 27. – С. 108 – 121.
3. Российский государственный военно-исторический архив Москвы (РГВИА). – Фонд 349. – Оп. 4. – Д. 145. Монастырь базилианов и уездное училище в городе Брест-Литовске. 1830 г. – 1 л.
4. Слюнькова, И.Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. – М.: Прогресс – Традиция, 2010. – 616 с., ил.
5. Ожешковская, И.Н. Воссоздание архитектурного облика церкви св. Николая в Бресте до 1837 г. (по данным архивных источников) // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 29-30 мая 2012 г. / БрГТУ; редкол.: В.Ф. Морозов [и др.]. – Брест, 2012. – С. 99-101.
6. РГВИА. Фонд 349. – Оп. 4. – Д. 200. Детальный чертеж Базилианской церкви с показанием на оной произведенных в прошлом 1835 году работ; строение сие означено на Генеральном плане. 1834 г. – 5 л.

УДК 338.484.502.12(476.7)

Ондра Т.В.

КОМПЛЕКС ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА БАЗЕ АГРОТУРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В КАМЕНЕЦКОМ РАЙОНЕ «ТРИ КОЛОДЦА»

Одной из разновидностей экотуризма является агрокотуризм. Богатая этнокультура, разнообразие народных праздников, обычаев, ремесел, промыслов, а также изысканная национальная кухня и трогательная природа с каждым годом все больше притягивают туристов, желающих провести отдых в деревне. Здесь множество вариантов интересного времяпрепровождения. Это и походы в лес за грибами и ягодами, и купание в водоемах, и катание на лошадях, и походы в баню, и прогулки по сельским дорожкам, которые ведут вдоль полей и леса к старому мосту, и так далее. А так же охота и рыбалка, а детям будет любопытно познакомиться с домашними животными.

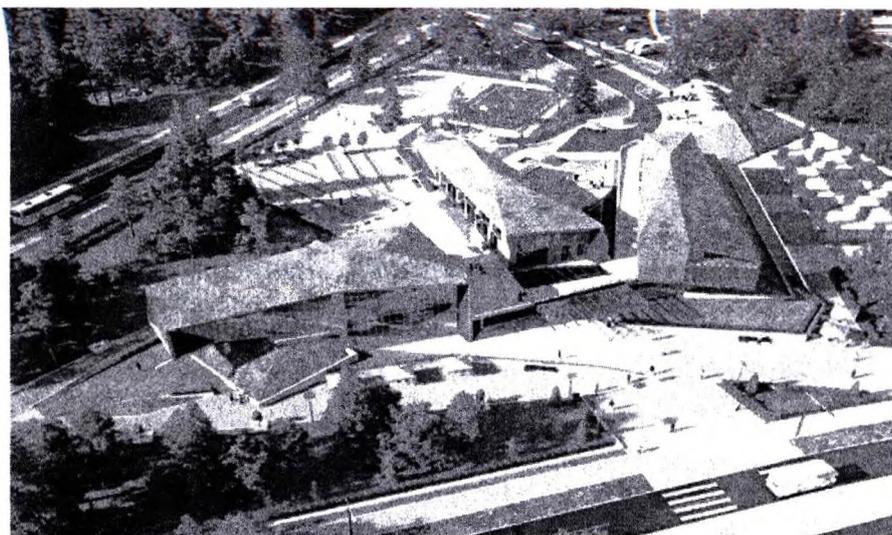
Провести отдых в деревне можно не только летом, но и зимой, организовав корпоративную вечеринку или деловой семинар, увлекательно провести выходные и каникулы в сказочно-прекрасном зимнем лесу, у живой красавицы елки встретить Новый год и Рождество.

Студентами – дипломниками кафедры архитектуры БрГТУ Барановой Н.А. и Варламовой А.В. в 2012 году на стадии дипломного проектирования были разработаны две концепции развития туристического комплекса «Три колодца» (для гр. Романюк Н.А.). В составе комплекса предусмотрено следующее:

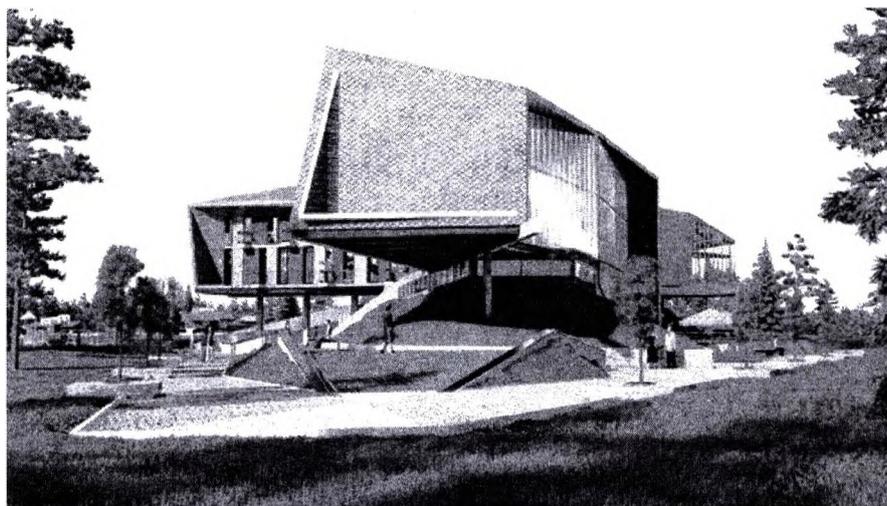
- административно-музейный комплекс с уголками живой природы, включающий места обитания животных с выходом на площадки для выгула. Возможно размещение конюшни для конных экскурсий;
- форум для проведения семинаров и мастер-классов;
- пункт проката экологически чистых транспортных средств для проведения экскурсий в теплое и холодное время года (велосипеды, лыжи, электротранспорт и т.д.);
- лодочная станция на реке Лесная с эллингом и пирсом для проката и проведения водных туристических экскурсий, рафтинга и др.;
- экополигон для практики и внедрения современных энергосберегающих технологий в строительстве экодеревины для всех посещающих;
- костровые площадки на берегу реки Лесной для экопитания;
- детский тематический игровой городок на деревьях и др.

Земельный участок (8 га) жительнице г. Бреста Романюк Наталье Александровне выделен под усадьбную застройку для развития туристического комплекса недалеко от Национального парка «Беловежская пуща» (Видомлянский сельский совет Каменецкого района), где на тихом болотистом берегу речки Лесная расположена скромная деревенька Баранки вместе с одноименным хутором.

Находящаяся в Каменецком районе часть Беловежской пушчи представляет собой один из крупнейших лесных массивов равнинной Европы, сохранившийся до наших дней в относительно ненарушенном состоянии. Здесь же, на территории Беларуси, создано Государственное природоохранное учреждение «Национальный парк «Беловежская пуща» площадью в 152 962 га.

**Рисунок 1 – Гостиница на усадьбе в д. Баранки Камянецкого района
(дипломный проект студентки гр. А-17 Барановой Н.А.)**

**Рисунок 2 – Главный корпус гостиницы на усадьбе в д. Баранки Камянецкого района
(дипломный проект студентки гр. А-17 Барановой Н.А.)**

Национальный парк «Беловежская пуща» расположен на территории трех районов (Камянецкого, Пружанского и Свислочского) и двух областей (Гродненской и Брестской). Рельеф здесь полого-холмистый, равнинные участки чередуются с отдельными возвышенностями и понижениями. Истоки большинства рек находятся непосредственно в пределах лесного массива либо в близлежащих болотах. Вблизи северо-восточной окраины пущи хорошо сохранилось болото Дикое, которое в Европе является одним из крупнейших низинных болот. Естественных озер на территории национального парка нет, но есть более 10 искусственных водоемов.

Красота Беловежской пущи известна далеко за пределами РБ. Можно ли изобразить красоту здешней природы хотя бы символически – в музейном комплексе или здании-памятнике? Любой музей природы должен напоминать саму природу, повторяя ее в формообразованиях, в силуэтах деревьев, изгибах холмов, рек, т.е. быть частью природной среды, не нарушающей, а восполняющей ее. Нужен средовой подход, ведь природа сама – музей, который учит познавать красоту во всех красках любой поры года и даже в течение суток, постоянно меняясь.

В проектах Комплекса экологического просвещения на базе агротуристического комплекса в Камянецком районе «Три колодца» нами предлагается:

- разбить комплекс на следующие зоны: историческо-просветительскую, спортивно-экскурсионную, учебно-практическую – производственную; зону игрового эквоспитания, зону активного отдыха и художественные мастерские национальных ремесел;
- предусмотреть на территории комплекса несколько проточных каналов с организацией острова с камышовыми островками и нескольких пешеходных мостиков;
- в архитектуре усадебной застройки комплекса применить традиционный для западного Полесья стиль, различные приемы сочетаний экологически чистых натуральных строительных материалов и ландшафтного дизайна.

Как вид альтернативной занятости агротуризм на уровне сельского населенного пункта способствует росту благосостояния его жителей и активизации местного сообщества, улучшению инфраструктуры деревни, увеличению налоговых поступлений в местный бюджет. Небольшой по продолжительности опыт развития агротуризма в РБ показывает, что он является перспективным видом экономической деятельности в сельской местности.

При внедрении проекта агротуристического комплекса «Три колодца» предлагается решение следующих проблем, осложняющих работу:

1. Расширение спектра предлагаемых услуг как фактор конкурентоспособности объекта агротуризма (создание комплексных программ отдыха).

2. Улучшение инфраструктуры сельских населенных пунктов (ремонт дорожных и подъездных путей, мостов, обустройство зон отдыха у водных объектов и т.д.).

3. Организация обучения ремеслам для развития у детей художественных способностей (проведение курсов, семинаров, практических занятий).

Этот полудикий индивидуальный отдых на организованных площадках сегодня доступен любому туристу, но не решает проблемы массовых посещений. В каждом районе необходима инфраструктура с программным просветительским центром, прокатом экологически чистых транспортных средств для туристических маршрутов и само наличие этих маршрутов, система экопитания и эквоспитания. В общем, эта программа, рассчитанная не только на сегодняшний отчетный день, но и на день завтрашний, в котором обязательно должно быть место биоэнергетике и экостроительству.

Беларусь обладает значительным потенциалом для развития туристической деятельности. Живописная сельская местность с сохранившейся природной и культурной средой, добрые, гостеприимные люди, экологически чистые продукты, возможность отведать кулинарные изыски глубинки – все это делает отдых в сельской усадьбе привлекательным для отдыхающих не только из Беларуси, но и иностранцев.

С 2007 г. реализуется «Программа участия ОАО «Белагропромбанк» в развитии агротуризма в РБ.

По словам директора Департамента по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь Вадима Кармазина, белорусский сельский туризм сравнительно молод, однако количество сельских усадеб с каждым годом растет. Сегодня в республике зарегистрировано 1814 усадеб, хозяева которых оказывают услуги в сфере сельского туризма. В перспективе планируется увеличить количество «домиков в деревне».

Список цитированных источников

1. Стратегия устойчивого развития туризма в Беларуси / В. Ивлиев, Л. Баскакова, С. Сахарова // Архитектура и строительство. – 2003. – №7.

2. Комплекс экологического просвещения с музеем Природы на Браславских озерах: каким ему не быть / В. Рондель // Архитектура и строительство. – 2011. – №3.

3. Белорусский «экватор» / А.С. Дитлов [и др.]. – Минск: Польша. – 1988. – 328 с.: ил.

4. Агротуризм: опыт, проблемы, рекомендации / В.И. Бельский [и др.]. – Минск: Ин-т экономики НАН Беларуси. – 124 с.

5. Отдых в деревне: прикосновение к истокам народной культуры / С.А. Сергачев. – Мн.: БОО «Отдых в деревне», 2009. – 68 с.

6. Брестская область // Белорусский портал сельского агротуризма – все усадьбы и поместья Беларуси [Электронный ресурс]. – 2012. Режим доступа: <http://www.usadba.by/intpage.php?idoblast=2>.

УДК 726.5.05(476)(043.3)

Панченко Т.А.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ТИП РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ

Формирование и развитие православной архитектуры на территории, соответствующей современным границам Республики Беларусь, характерно для всего периода деятельности Православной Церкви, то есть с XI в. до настоящего времени. Учитывая геополитическое положение территории нашей республики, архитектура Православия в общем историко-культурном контексте развивалась как в благоприятных, так и в неблагоприятных условиях, получила при этом влияние различных идеологических и стилистических концепций. Архитектурные комплексы, основанные Православной Церковью в разные исторические периоды и сохранившиеся до нашего времени, зачастую были перестроены и видоизменены. В последние десятилетия в Республике Беларусь появилась возможность дальнейшего эволюционного развития православного зодчества, развития и расширения знаний в этой области.

После существенных изменений церковно-государственных отношений конца XX в. на территории Республики Беларусь возобновилась практика проектирования и строительства православных объектов, расширения исторически сложившихся православных комплексов. Этот процесс способствует интеграции церковного искусства, но проявляются проблемы, связанные с изучением и анализом исторического опыта формирования, реконструкции и нового строительства культовых зданий и комплексов.

Анализ сложившейся проектной практики показывает, что, переходя от воссоздания, стилизации, иногда просто копирования какого-либо архитектурного прототипа, немногие авторы создают архитектуру, развивающую канонические традиции. Ситуация вполне закономерна, так как в течение почти восьмидесяти лет архитектура Православия была предметом изучения, как правило, историков, археологов и реставраторов, задачей которых является исследование и фиксация уходящего материального культурно-исторического наследия. В современной практике особое внимание уделяется изучению и реконструкции (реставрации) храмов отдельных зданий и сооружений. При этом общие вопросы формирования комплекса в целом, и вопросы архитектурно-пространственной организации, в частности, ни с точки зрения утилитарной, ни с точки зрения символического значения (и особенно в связи между ними) либо не рассматриваются, либо рассматриваются в недостаточной мере. Прервана и только восстанавливается такая творческая практика проектирования и строительства, при которой богословское (духовное) содержание комплекса, его роль и значение являются определяющими.

На современном этапе развития православной архитектуры появляется необходимость не только сохранения и воссоздания действующих архитектурных ансамблей, насыщение их функциями, выходящими за пределы богослужения, но и создание новых православных центров, направленных на развитие религиозной, научной, благотворительной, просветительской, административной, и т.п. деятельности Церкви. О целесообразности их появления и развитии деятельности указывалось в Определениях Освященных Архиерейских Соборов 2000 и 2004 гг., в выступлениях Патриарха Алексия и Патриарха Кирилла [1]. Особенно важным является развитие православных комплексов образовательной, социальной, просветительской, миссионерской направленности. Они являются центрами комплексной духовно-просветительской, образовательной, административно-представительской деятельности Церкви, сочетая различные формы религиозно-просветительской деятельности и социального служения. Это особый тип религиозно-общественного комплекса, именуемый «православный духовный центр».

В настоящее время необходимо развитие понятийного и терминологического аппарата православных объектов и комплексов, расширение их классификации, изучение функциональной и пространственной организации. Не разработаны научные принципы формирования православных духовных центров Беларуси, при сохранении и развитии традиционной символики православного зодчества, учитывая современные тенденции в архитектуре и строительстве. Кроме того, для практики строительства современных духовных центров Русской Православной Церкви за пределами РБ характерно расширение и развитие их функциональных программ, намного более активное строительство новых объектов. Отечественный опыт в этой области архитектуры, напротив, намного более скромнен.

Необходимо восполнить пробелы и систематизировать знания по формированию и развитию архитектурно-пространственной организации православных духовных центров Беларуси, выявлению факторов, определяющих их генезис.

Для изучения архитектуры и пространственной организации духовных центров Беларуси необходимо определить характерные особенности духовных центров, выявить их типичных представителей. Выбор объектов исследования осуществлялся по следующим параметрам:

- наличие просветительской, образовательной, миссионерской и т.п. функций;
- принадлежность комплекса Православной Церкви;
- достаточная фактологическая исследованность, позволяющая делать заключения с наибольшей степенью достоверности.

В период с XI до настоящего времени собраны сведения о 190 православных объектов и комплексов. Из них были выявлены те православные комплексы различного назначения и величины, которые относятся к православным духовным центрам.

Установлено, что в период с XI до конца XX вв. монастырь является наиболее распространённым и многофункциональным православным комплексом. В различные периоды истории Церкви он, выполняя традиционный блок функций, дополняется функциями представительского или административного (архимандрия, лавра, княжеская резиденция, резиденция епископа, резиденция митрополита), просветительского или образовательного характера (школы, училища при монастырях, семинарии). На территории Беларуси уже с XII-XIII вв. появляются монастыри, в которых помимо традиционного блока функций (богослужение, проживание, хозяйствование и.д.), появляются сопутствующие или дополнительные функции (монастырь в составе княжеской резиденции (Борисо-Глебский монастырь в Полоцке), монастырь-усыпальница (Спасский монастырь в Полоцке), монастырь-резиденция епископа (Лещинский монастырь в Пинске). Именно монастырь является историческим прототипом православных духовных центров на территории Республики Беларусь. На каждом историческом этапе была сформирована епархиальная структура управления, сохранились сведения о функционировании кафедральных соборов с постройками, резиденций митрополитов и епископов, духовных семинарий и училищ. В современный период истории Православной Церкви в Беларуси (с 1989 г. до настоящего времени) из общего числа православных комплексов различного назначения и величины, действующих или по которым разработана проектная документация, были выделены те из них, где канонические (религиозные функции) дополнены различными формами образовательной, просветительской и миссионерской деятельности Православной Церкви.

В основе типологии православных духовных центров лежит административная структура Православной Церкви в различные исторические периоды (патриарх – митрополит (синод) – епархия – благочиние – приход).

В общем историко-культурном контексте по целевому назначению были выделены специализированные и универсальные духовные центры. По функциональному назначению (для периода с XI в. до 1989 г.): монастырь, епархиальный духовный центр, резиденция митрополита, резиденция епископа, духовно-образовательный центр. В период с 1989 г. до настоящего времени ввиду расширения и качественного изменения социальной, просветительской деятельности Православной Церкви на территории Республики Беларусь появились новые типы комплексов – духовно-просветительский центр, храм-памятник и приходской духовный центр.

В общем историко-культурном контексте по градостроительному расположению православные духовные центры размещались на территории городских, сельских населённых пунктов и вне территории населённых пунктов. Среди городских выделяются комплексы, расположенные в застройке центральной части (возле или на территории замка (на замчице) – Софийский собор и монастырь, г. Полоцк; Борисо-Глебский женский монастырь, г. Новогрудок; в застройке периферийной части города, в том числе в предместье – Свято-Никольский женский монастырь, г. Могилёв; Свято-Успенский монастырь (Лещинский), г. Пинск. Подавляющее большинство православных духовных центров расположены в городских поселениях (90%). Из них 67% в центральной части и 23% в периферийной застройке. Около 10% духовных центров располагаются на территории сельских населённых пунктов и вне территории поселений. В различные исторические периоды изменялось соотношение православных духовных центров, расположенных в застройке центральной части городских поселений и в её периферийной части, на территории

сельских населённых пунктов и вне территории населённых пунктов. При этом, например, в период XVII-XVIII вв. видна тенденция к уменьшению количества духовных центров на территории центральной части поселений и, соответственно, их увеличение в рядовой застройке периферийной части. К концу XVIII – началу XX вв. тенденция закрепилась, а в течение XX века соотношение православных духовных центров, размещённых в городских и сельских поселениях, разделилось поровну.

В период с 1989 г. до настоящего времени православные духовные центры располагаются на территории различных планировочных зон (центральной, срединной, периферийной), в составе их общественных центров [2]. Комплексы духовных центров являются разномасштабными структурными элементами этих территорий. Их планировочные и функциональные связи встраиваются в общую планировочную структуру поселений. Группа православных духовных центров под каноническим управлением митрополита включает комплексы, которые расположены на территории городских и сельских поселений. Управление Белорусского Экзархата, духовно-образовательный центр Белорусской Православной Церкви размещаются в исторической части Минска в центральной планировочной зоне.

Среди комплексов под управлением епархиального архиерея есть духовные центры, расположенные на территории различных планировочных зон крупных (Могилёв, Гродно, Гомель, Витебск, Брест), больших (Бобруйск, Пинск, Полоцк), средних (Новогрудок) и малых (Мозырь) по численности населения городов. Епархиальные духовные центры Белорусской Православной Церкви в Могилёве, Гродно, Бресте, Гомеле располагаются на улицах общегородского значения либо на жилых улицах, к ним примыкающих. При этом их пространственным центром и ядром являются кафедральные соборы или храмы, встроенные в здания управлений.

В современной ситуации менее 40% епархиальных центров представляют собой целостный комплекс, когда кафедральный собор и епархиальное управление размещены на одном участке, т.е. относятся к цельным структурам. В остальных случаях кафедральный собор с сооружениями для осуществления приходской деятельности размещены на общей территории, а епархиальное управление со своими службами находится либо на смежном участке, либо вообще на некотором расстоянии от кафедрального собора и относятся к двухчастным структурам. Тем не менее, все они располагаются в пределах центральной планировочной зоны (в границах центрального благочиния).

Приходские духовные центры размещаются, как правило, на территории жилых зон. Например, Христо-Рождественский православный комплекс в Солигорске располагается в районе въезда в город со стороны Минска.

Определено, что в различные исторические периоды типология пространственных структур православных духовных центров включает различные группы. По типу архитектурно-пространственной структуры выделяются цельные либо двухчастные структуры. При этом функциональное назначение духовного центра не имеет определяющего значения. Это наглядно видно на примере епархиальных духовных центров, которые могут относиться как к первому, так и ко второму типу. Например, Софийский собор в Полоцке (XIII), Свято-Симеоновский собор в Бресте (XIX) – примеры цельных структур. В случае, когда кафедральный храм и епархиальное управление находятся на отдельных земельных участках – Свято-Борисо-Глебский собор и епископский дворец в г. Турове (XII), Свято-Петро-Павловский собор и епархиальное управление в г. Гомеле (XIX) – двухчастных. Монастыри представляют собой, как правило, цельные структуры (Борисо-Глебский монастырь в Полоцке (XIII), Спасо-Преображенский монастырь в Могилёве (XVII), Свято-Богоявленский монастырь в Полоцке (XVIII)). Тем не менее, есть примеры и двухчастных структур – Свято-Успенский монастырь в Жировичах (XIX). Духовно-образовательные центры, резиденции епископа и митрополита, как правило, представляют собой цельные пространственные структуры.

В зависимости от расположения и количества храмовых сооружений православные духовные центры имеют как моноцентричную структуру (с отдельно стоящим храмом и со встроенным храмом) (Управление Белорусского Экзархата, Минск), так и полицентричную пространственную структуру (с несколькими отдельно стоящими храмовыми сооружениями, с отдельно стоящими и встроенными храмами). Полицентричную структуру имеют духовные центры, в которых размещается несколько храмов (соборы, церкви и т.д.), вокруг каждого из которых может формироваться свой комплекс сооружений. Духовные центры с полицентричной архитектурно-пространственной структурой представляют собой наиболее развитый тип комплекса с широким набором функций и разнохарактерной объёмно-пространственной композицией. Такими структурами обладают большинство монастырских комплексов, крупные духовно-образовательные центры, епархиальные духовные центры (в случае, когда кафедральный храм и епархиальное управление находятся на отдельных земельных участках). В качестве примеров можно привести: Свято-Успенский монастырь в Пинске, Борисо-Глебский монастырь в Полоцке, Свято-Борисо-Глебский монастырь в Турове, Спасо-Преображенский монастырь в Могилёве, Свято-Богоявленский монастырь в Полоцке и т.п. При создании новых православных монастырей на Беларуси распространено решение, при котором воссоздаётся традиционная пространственная схема древнебелорусского монастыря. Такой тип организации застройки получил реализацию в частности при создании Свято-Елизаветинского женского монастыря, основанного в 1999 г. Общая пространственная организация его комплекса решена таким образом, что при входе через западные ворота под высокой колокольней перед посетителем разворачивается весь монастырский ансамбль в определённом сочетании ракурсов [3].

Список цитированных источников

1. Определение Освященного Архиерейского Собора о вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви (Москва, 2004 г.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418315.html>. – Дата доступа: 7.06.2009.
2. Градостроительство. Населённые пункты. Нормы планировки и застройки: ТКП 45-3.01-116-2008 (02250). – Минск: Минстройархитектуры, 2008 – С. 25.
3. Проект. Дом православного сестричества с Водосвятной церковью «Державная» / УП «Творческая мастерская архитектора Дятко Н.М.» – объект 8.02АР – Минск, 2007.

ИСТОКИ «БИОСФЕРНОЙ АРХИТЕКТУРЫ» В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сириус (лат. Sirius), также αБольшогоПса (лат. αCanisMajoris) – ярчайшая звезда ночного неба. В 1844 году Ф. Бессель предположил, что Сириус представляет собой двойную звезду. В 1862 году А. Кларк обнаружил звезду-компаньона, получившую название Сириус В. Видимую звезду называют Сириусом А.

Многие древние культуры придавали особое значение Сириусу. Жители долины реки Нила поклонялись ему задолго до времени основания Рима. В Древнем Египте Сириус считался самой важной звездой и ассоциировался с наиболее почитаемой египетской богиней – Исидой.

Согласно мифологическим источникам, в период истории до правления фараонов Древний Египет находился под властью близнецов Шу иТэфнут, которые способствовали отделению Неба от Земли. Шу иТэфнут – божественные львы-близнецы – были детьми бога Солнца Ра. Их власть символизировалась двумя коронами Египта. В то время существовало Южное царство с двумя столицами – Нехен и Нехеб – и Северное царство, также имевшее двойную столицу – Дел и Пе. Во всяком случае, оставшиеся свидетельства того периода демонстрируют подчеркнуто двойной характер; определенно, именно в то время была открыта гелиопольская тайна вечного дуализма. В последующем объединение Верхнего и Нижнего Египта послужило объединению форм корон двух царств в одну.

В универсальности этой символики можно убедиться и на основе того факта, что у индейцев хопи также есть похожая легенда о богах-близнецах по имени Покангхойя и Полонго-хойя, охраняющих соответственно северную и южную земные оси. Главная задача этих богов состояла в том, чтобы сохранять равновесие Земли.

Подобного рода анализ наводит на мысль, что знания о взаимодействии звёзд и планеты Земля находило отражение в гармоничном развитии конкретной территории и на определённый период времени. Эти взаимоотношения облекались в форму мифа с участием фантастических либо исторически реально существовавших лиц.

В додинастический период Древнего Египта каждая деревня, поселение или город имели собственное божество, поклонение которому усиливалось или приходило в упадок в зависимости от судьбы всей местной общины. Когда же государство было постепенно разделено на административные округа (хеспу, или «номы»), какой-либо один бог или группа богов определялись в качестве покровителей одного или нескольких номов. Уже в самом начале династического периода главным божеством Саиса была Нейт, Бусириса – Осирис, Гермополя – Тот, Пер-Уаджета – Уаджет, Мемфиса – Птах, Крокодилополя – Себек, Фив – Амон, Нехена – Нехбет и Элефантины – Хнему. Бог Тот обучил египтян медицине, астрономии, математике и другим наукам. Амон приобрёл облик бога плодородия. Нейт – богиня войны и охоты. Осирис символизировал загробный мир и возрождение и, по всей видимости, относился к храмовому поселению. Себек ассоциировался с водой. Хнем покровительствовал гончарному делу. Птах – искусствам [1].

Всё это очень напоминает сообщество Культур (поселений) с территориальной организацией на основе конфедеративного устройства. По сути, это прототип того, что мы сегодня можем назвать понятием «биосферная архитектура».

Сейчас можно только выдвигать гипотезы о той логике, которой была подчинена система расселения Древнего мира. Однако если древние египтяне очень серьёзно относились к звёздам и планетам, то подобное соответствие свидетельствует о том, что поселения имели каждый свою культурную специализацию в общей системе расселения. И очевидно то, что концентрация потенциала каждого поселения на конкретной идее позволяла получить определённый результат. Это, по всей видимости, позволяло им использовать Культуру как основу экономического развития региона. Причём, судя по тому, какие направления жизнедеятельности получали развитие, можно сказать, что была создана кооперативная система, обеспечивающая деятельность самодостаточной экономической модели. Таким образом, видимо и достигалось устойчивое развитие территории на довольно длительный период.

Подобные наблюдения имели место и в современной зарубежной практике. Есть красивая гипотеза художника, композитора и писателя Даниэля Готье, опубликованная в статье «Карты вечности». Согласно его наблюдениям, расположение на территории северной Франции готических соборов, посвящённых Деве Марии, отражает расположение основных звезд в созвездии Девы. Это кафедральные соборы в Реймсе, Ле Мане, Шартре, Эвре, Байе, Амьене, Бру, Париже, Лионе, Руане. Однако это только предположение, и до настоящего времени оно так и остаётся предположением.

Вместе с тем, наличие таких аналогий даёт огромный материал для переосмысления процессов, участвующих в «окультуривании» пространства. Наложение планировочной структуры территорий на космические объекты создаёт поле для творческого восприятия пространства.

Наряду с современной научной точкой зрения строения пространства тысячелетия назад сложилось традиционное мифологическое представление об этих процессах. Современное общество также нуждается в выработке комплексных решений в области представлений о процессах культурного восприятия пространства. Актуализируются вопросы, связанные с интерпретацией места и пространства в Культуре.

Осмысление пространства становится предметом интереса всё большего числа научных дисциплин, в связи с чем в области знаний современными исследователями создана новая наука геомифология. Она объединила в себе научное изучение Земли и анализ древних легенд. Как отмечает журнал «Наука», изучение легенд построено на предположении, что исследование фольклора помогут дать представления о событиях будущего.

Ещё в первобытную эпоху стихийно возникают коллективные воззрения на мир, в которых выражается согласованное мнение различных сообществ людей на устройство мира, отношение и оценку его, закрепляемое и передаваемое будущим поколениям. Одной из древнейших форм мировоззрения является мифология (от греч. *mythos* – легенда, повествование, *logos* – слово, учение), которая в фантастической форме объясняет устройство природы и события общественной жизни.

Латинское слово *legenda* означает: «то, что должно быть прочитанным». Весьма часто понятие «легенда» используется как расшифровка условных обозначений или аббревиатур, которые использует программа, топологическая карта, документ [2].

Легендам присуща своя специфика бытования, организация поэтической структуры, свои функции, в них отражается история народа, который создавал эти произведения. Легенды являются сокровищницей социально-экономического, политического, идейно-эстетического и этического опыта народа.

Важность легенды как факта локальной истории проявляется в большинстве своем не в документальности общения, хотя это тоже немаловажно, но прежде всего в содержательности его психологического плана. Отдельное предание интересно уже постольку, поскольку в нем проявляется отношение местного населения к событию, факту или историческим лицам, передающееся путём образного мышления. Благодаря этим разрозненным оценкам складывается впечатление об общей картине жизни городов и их жителей.

В легенды обязательно входят фантастические элементы. Однако если их опустить, остаётся сама историческая основа – действительное событие. В исторической реальности примером служит факт существования раскопанной Шлиманом легендарной Трои. Легенда как бы ориентирует нас на будущее, даёт его «модель» и побуждает к действию [3].

Укоренённость в земле многих священных текстов и писаний, а также легенд и мифов создали идею паломничества, которая несет в себе идею путешествия по Тексту и внутрь Текста. Конкретные места на земле, таким образом, часть этого большого Текста. Базовый текст культуры стоит на земле, вырастает из нее и насыщает её своими смыслами. Взять хотя бы для примера город Иерусалим, который сам по себе уже легенда.

Обращение к легенде инициирует, в первую очередь, изучение исторических этапов и возможных реальных событий конкретного места в будущем. Подобные технологии предков, на наш взгляд, формируются в процессе развития конкретного места и могут быть рассмотрены как реальный программный пакет. Однако для развития пространства важнее то, что в этой реальности прочитывается определённый подтекст места, принципиальной чертой которого являются:

- стремление объяснить или проиллюстрировать смысловую целостность и структурированность места событий;
- особенность взгляда на место, подчёркивающее особенное пространственное представление о его развитии;
- рассмотрение каждого элемента абстрактного пространства как результат отбора акцентов с определёнными исходными установками;
- идеализация действительности, отношение к ней как к сказке, наполненной особым смыслом.

Мысль легенды основана на сложности представления культурного пространства в виде пространства смыслов, заложенных в легенде, определяющих развитие места в глобальном и местном масштабе, что позволяет сформулировать направления деятельности:

1. Осмысление семиотики пространства легенды позволяет проанализировать значение используемых символов в источниках разных народов и различных периодов. Суть этого процесса заключается в использовании имеющихся интерпретаций пространственных представлений для определения правильного понимания значения символа. Анализ множественности источников позволяет достичь положительного результата.

2. В результате, каждому этапу места в последовательной цепи событий может соответствовать только одно смысловое значение, что позволяет выстроить в пространстве красивую и разветвляющуюся систему, наполненную содержанием.

3. Каждое пространственное представление, каждая деталь места и их комплексное видение могут быть рассмотрены как пространственный программный документ. Такая целостная знаковая система, организованная в смысловом пространстве, позволяет определить местонахождение знаков в реальном пространстве.

Подобная организация процесса выражается в стремлении соединения нематериального культурного наследия с разновидностями социального, функционального, экономического и культурного материального пространства и возможности гармоничного сочетания видения предков с современным видением.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что назрела необходимость выстраивания прямой взаимосвязи легенды с реальным развитием пространства. Это позволит показать возможности использования легенды в массовом сознании, определяя его как особенный контекст места.

Обыватель зачастую представляет себе мир таким, каким его рисуют средства массовой информации, и таким, каким ему позволяет его видеть личный «жизненный» опыт. Его взгляд качественно отличается от того, каким он является в виде объекта изучения истории места. Но именно в этом поле – в пространстве пространственных представлений людей – и формируются экономические, социальные и культурные инновации, принимаются решения, действуют важнейшие факторы общественной жизни. Значит, реальное применение наследия предков, полезное ещё и для программного управления развитием городов и регионов.

Объединение и взаимное дополнение методологии и пространственных представлений (мифологий) позволит эффективно и современно влиять на культурное и социально-экономическое развитие городских и сельских поселений путём создания имиджа места и построения конструкции пространственных мифологий.

Считается, что в целом культура движется от вымысла и условности к знанию, к закону. Развитие науки и цивилизации часто обесценивает миф, показывает неадекватность регулятивных функций и ценностей мифа, сущности современной социокультурной действительности. Однако это не значит, что миф исчерпал себя. Миф в современной культуре создает средства и способы символического мышления, он способен ценности современной культуры интерпретировать через идею «героического», что, скажем недоступно науке. В таком подходе усматривается наличие биосферного мышления.

В современном мире человек всё чаще стремится уйти от реальности в новые миры, переместиться на другие планеты, вернуться в прошлое или заглянуть в будущее. В этом случае, любая гипотеза требует своего предметного воплощения для того, чтобы быть всесторонне воспринятой и оцененной. Городской дизайн, граффити, элементы рекламы, футуристические интерьеры создают образ мира, который возможен и достижим, если будет соответствовать мечтам и чаяниям современников и потомков. Прогнозируя вероятные тенденции развития человека и его предметного мира, воплотить мечту в вещь способен дизайнер.

Обращение к дизайну в этом случае обусловлено его теоретико-методологическими особенностями экстраполировать уже существующие проблемы и противоречия материального окружения и поиска новых, требующих осмысления. Именно это определяет наличие присущих дизайну социальных последствий и позволяет переопределить и зафиксировать человеческие ценности, соответствующие определенному этапу развития социума.

Роль дизайнера в формировании городской среды смещается от преобразования ее материального наполнения и формирования ее стилистической окраски к осмыслению ее цифрового аспекта, выявлению коммуникационного потенциала и приведению ее к согласию с современной моделью мира, где доминирующей материей оказывается информация.

Ведь именно дизайну, как интегратору комплексных идей и замыслов, отводится роль связующего звена между решениями в отдельных областях городского функционирования и обеспечением комфортного пребывания человека в урбанистическом пространстве в соответствии с его потребностями и уровнем научно-технологического развития общества.

Дизайн открывает широкие возможности материализации эстетических идей, новые горизонты красоты и величия человека. Дизайн, это уникальное по своей природе явление, востребовал множество естественных дарований человека, ценности эстетики, этики, соединив в себе историю и будущее. Дизайн помогает человеку ощутить насыщенность собственного существования разнообразием возможностей, помогает ощутить обладание собственным богатым воображением.

Смысл дизайнера – стать уникальным, мощным и эффективным возбудителем эстетической и облагороженной активности общества, возвышать личность, открывать перед ней пути совершенствования себя и окружающего социального и природного мира на ценностях прошлого и настоящего.

Это тот случай, когда возможно соединение дизайнера с древней историей, как попытка воссоздать пространственные культурные модели, характерные для древних цивилизаций и как способ осознать себя частью мировой культуры.

По аналогии с Древним миром, для реализации предлагается пространственная структура, основу которой составляет сеть железнодорожных магистралей, состоящих из системы транспортных треугольников. Транспортные железнодорожные треугольники ограничены городами Гомель-Калинковичи-Жлобин, Барановичи-Лунинец-Жабинка, Могилёв-Орша-Кричев, Витебск-Полоцк-Невель (Россия), Лида-Молодечно-Вильнюс (Литва). Внешние взаимосвязи между системами городов основаны на трактовке легенд. Внутренние связи и принцип их взаимодействия предлагается на базе строения биосферы, где в качестве визуального прототипа используется структура сферы радуги, состоящей из спектра семи цветов.

Использование дизайнера в создании имиджа городов и их брендов будет «оживлять» территориальное пространство, «собирать» пространство, намечая его стягивающие культурно-смысловые центры. Таким образом, возможно решение проблемы множественности пространств на одной территории и наоборот – единства культурного пространства на разных территориях. В реализации функций дизайнера проявятся его социально-культурные, функционально-потребительские и коммуникативно-эстетические ценности. Тем самым становится возможным, приблизится к идее реализации биосферной архитектуры.

Система территориальных брендов позволит реабилитировать некогда заурядную территорию, имевшую мало туристических, культурных и имиджевых преимуществ. В облике города любой величины дизайн играет огромную роль. Новое «лицо» городов сможет объединить разрозненный круг мероприятий, инициатив, программ и услуг. Это увеличит конкурентоспособность системы городов и придаст им значение важного туристического объекта.

Мы живем в брендированной культурной среде и наблюдаем появление брендов повсеместно – среди людей, в разных местах, вещах. Все сосредоточено на одном: города применяют основы бренда для достижения своих целей, будь то привлечение большего количества туристов и инвестирование или человеческий капитал. По всему миру мы видим много примеров, как города используют разные подходы для развития бренда с целью улучшения своего имиджа.

Список цитированных источников

1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа: 15.03.2013 г.
2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://elhow.ru/ucheba/opredelenija/> – Дата доступа: 18.03.2013 г.
3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sovam.com.ua/elektronnaya_biblioteka/ – Дата доступа: 20.03.2013 г.

РОЛЬ МЫШЛЕНИЯ В СОЗДАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Когда общество находится в глубоком кризисе, всегда встает вопрос смены парадигмы, способа мышления. Эту закономерность ясно и кратко выразил Эйнштейн: «Проблемы не могут быть решены на том же уровне мышления, которое создало их». Значит, их можно решить только на более высоком и совершенном уровне мышления. Эту закономерность ощущали и выражали многие мыслители. Например, немецкий философ Карл Ясперс предполагал наступление второго осевого времени с радикальной сменой способа мышления. В.И. Вернадский, введший понятие ноосферы, также говорил о смене парадигмы мышления, происходящей раз в тысячелетия.

Здесь напрямую проявляется взаимосвязь между способом мышления общества и сопутствующей реальностью проявленной в виде культурного ландшафта. Однако, по всей видимости, для формирования среды, в которой создаётся культурный ландшафт эпохи, необходимы общественные институты, отвечающие за формирование мировоззрения. Такими носителями творческого потенциала, как известно, выступали создатели школ. Именно они практиковали творческую деятельность в различных областях жизнедеятельности. В свою очередь, наличие цивилизационных школ всегда предопределяло качество мышления целых эпох, отвечающего за культурное пространство и образ цивилизации.

Культурный ландшафт Беларуси также имеет богатую историю, отмечен многообразием форм и глубиной содержания. Его развитие происходило, образно говоря, с одной стороны, под влиянием «восточного», с другой – «западного» стиля мышления.

Восточный стиль мышления. Начало формирования восточного стиля мышления связано с древними цивилизациями Китая, Индии, Междуречья и Египта. Несмотря на самобытность этих культур и возникших на их основе современных восточных культурных ландшафтов, им присущи многие общие черты. Образцы поведения и нормы морали передаются от поколения к поколению. Опыт предков рассматривается как высшая ценность. Человек Востока должен жить в единстве с природой, стремиться к этому единству. Для восточных обществ характерен коллективизм, приверженность человека своему коллективу – семье, роду, общине, касте. Для восточных обществ не характерна демократия и стремление к экономическому прогрессу прежде всего.

Западный стиль мышления. Этот стиль окончательно сформировался в Европе в XV–XVII вв. Западный культурный ландшафт начал формироваться еще в эпоху Античности и в Средние века. Его основными факторами стали: демократия античного полиса, возникшее в эпоху Античности теоретическое познание, христианство с его представлением о человеке как о свободной личности и моральными предписаниями.

Немецкий социолог М. Вебер относил к основным ценностям западной культуры: динамизм и ориентацию на новизну; утверждение достоинства и уважения личности; индивидуализм; рациональность; идеалы свободы, равенства, терпимости; уважение к частной собственности [1].

Вместе с тем, наряду со сложившейся поляризацией мышления, в процессе эволюции в качестве генератора смыслов для культурных ландшафтов выступила поэтапно сформировавшаяся система типов мышления. Наличие разнообразных типов мышления даёт представление об их роли в создании культурных слоёв и ценностей цивилизаций. Мышление можно представить как инструмент, отвечающий за восприятие среды обитания тем или иным обществом. Накопленный практический опыт позволяет переосмыслить эволюцию роли мышления и выявить закономерные процессы на каждом этапе.

1. Первобытный тип мышления. В основе белорусской культуры всегда было богатое наследие народного творчества. Истоки этого творчества изначально лежат в эпохе формирования первобытного типа мышления, позволившего сохранить для нас огромный археологический пласт как культурную среду.

Явления природы, их упорядоченность, закономерную последовательность первобытный человек мог объяснить лишь по образцу и подобию собственного сознательного поведения. Можно с определённой долей уверенности сказать, что жизненный опыт многих поколений людей этого периода позволил усвоить основы соединения среды и человека.

Эта эпоха согласно принятой наукой периодизации делится на три периода, в каждом из которых явно присутствовал обучающий аспект. Первый – палеолит, где по всей вероятности в качестве «школы» выступала стая, в которой человек осваивал законы «вхождения» в среду. В мезолите, очевидно, это община, где среда понималась как система взаимных связей. В неолите, судя по характеру взаимоотношений, школой служила армия, как способ понимания среды как конструкции.

В эту эпоху освоение среды позволило создать основу для построения архитектуры общества. У человека, таким образом, появились первый опыт освоения внутреннего пространства (пещер) и первые искусственные сооружения

2. Мифологический тип мышления. Исторически первой целостной формой или типом объясняющего мышления является миф. Миф представляет собой попытку фантастического объяснения окружающего мира и жизни общества. Мифы имеют характер повествования о событиях прошлого или будущего, о возникновении мира, богов, животных, людей (космогонические мифы), племен (этнографические), круговороте времен года и т.д. В такой атмосфере человек, по всей видимости, смог обрести своё «Я» – своё Имя.

Условно можно выделить несколько «цивилизационных школ», определивших подобное мировоззрение, позволяющих прославить человеку своё имя.

В додинастический период Древнего Египта центральное место занимала двойная звезда Сириус, из чего можно сделать предположение о рождении среды, созданной женщиной и мужчиной – семьёй.

Для династического периода материальным воплощением среды явилась пирамидальная государственная система, создавшая среду, отвечающую развитию человеческих качеств в различных слоях общества.

В эпоху Нового царства создана закрытая жреческая система, сформировавшая сакральную среду.

В архитектуре и территориальном развитии нашло отражение комплексное строительство монументальных сооружений для мира живых и мира мертвых.

3. Философский тип мышления. В VI в. до Р.Х. одновременно в трех крупнейших древних цивилизациях: греческой, индийской и китайской, появились развитые философские системы. Это – древнегреческая философия, индийские учения упанишад и китайский даосизм. Все философские системы интересуют космогония и космология.

Античная философия была первой формой концептуального мышления, оказала огромное влияние на становление западной культуры и не перестает быть актуальной до сих пор [2].

Обучающие системы этой цивилизации создали среду, благодаря которой человек выработал осмысленное и философское отношение к своей жизни и окружающему миру.

Формированием мировоззрения занимались несколько школ. Это Пифагорейская школа – мистическая среда, Милетская школа развивала интеллект человека. Платон в своей «Академии» создал идеальную среду, где создавался новый человек.

В зодчестве нашли проявление упорядоченность и осмысленность в многообразии. Утвердилось понятие шедевра, как эстетическая категория красоты, меры, гармонии.

Величайшие достижения античного Средиземноморья впервые открыли последующим поколениям многие формы культуры: театр, спортивные состязания, орднерную систему в архитектуре и многое-многое другое.

4. Религиозный тип мышления. В период Средневековья мифологический тип мышления вошел в следующую, более высокую, форму мышления – религиозное мышление. Религия – более сложное, чем мифология, явление духовной жизни общества. Наличие усложняющегося вероучения, т.е. системы взглядов, приобретающих все более абстрактный характер, – одно из важнейших отличий религии от мифа. Религия в культурном слое создаёт особый социальный институт – церковь.

В центре религиозного вероучения находится единый бог, обладающий чертами, которые представляют собой гипертрофированные свойства человека – разум, волю, милосердие и т.д. Подлинной конечной основой религиозного мышления выступают не логика и разум, а вера [3]. Творческие концепции создали духовную среду и, как следствие, духовного человека.

Можно выделить три «школы» средневековья, заложивших принципы, которые легли в основу понимания среды. Первая – «Византийская» представляла собой не персонифицированное (анонимное) перенесение тщательно контролируемой церковной теологии в художественные понятия и образы. Вторая находилась в монастыре «Клюни III» во Франции, повлиявшая на формирование первого архитектурного стиля (как среды) – романского. Третья школа – так называемые средневековые цеха «вольных каменщиков» (J.G.V.Fr.Kloss) – строителей готической архитектуры.

Объекты архитектуры выступили в виде центра мира и как прообраз структуры построения космоса. Внутреннее пространство представляло собой «заселённое» космическое пространство и выступало как аспект, связывающий каждого человека с Вселенной.

5. Гуманистический тип мышления. В период Возрождения произошли изменения во всех областях мировоззрения и мироощущения человека – в науке, религии, искусстве.

Ярче всего этот «культурный переворот» выразился в изменении целей и способов творческой деятельности. Новые методы приобретения научных знаний и образования, новая изобразительная система в живописи, новые жанры в литературе, новые формы социального поведения [4].

В этот период среда создала творчески свободного человека. основоположниками трёх школ Возрождения считаются Джорджоне, Леонардо да Винчи, Альбрехт Дюрер.

Произошло становление светской архитектуры. Большее значение приобретали города, как центры торговли и промышленности. Здесь получала преимущественное развитие какая-нибудь одна отрасль производства.

6. Морально-этический тип мышления. Включает осознание необходимости выполнять человеческий, гражданский и профессиональный долг и нести ответственность за собственные действия в любой их этих сфер.

Этот тип мышления в Новое время был сконцентрирован на создании культурного ландшафта в виде нового общества, новых условий жизни и новых взаимоотношений. Среда создаёт образ идеалиста-борца, создавшего человека с высокими моральными качествами [5].

Можно выделить три школы, которые направили усилия на развитие мировоззрения, сформировавшего облик цивилизации. Основателем первой является Клод Никола Леду («социал-утопическая»), основателем следующей – Этьен Луи Булле («романтизма»). Последнюю создал Давид Жак Луи («революционный классицизм»).

Для сформировавшихся в эту эпоху архитектуры и градостроительства характерны цельность, приверженность к ансамблю и синтезу искусств. В произведениях соединялось земное и небесное, реальное и фантастическое, духовное и телесное.

7. Утилитарный (антропоцентрический) тип мышления. Западную цивилизацию Новейшего времени можно назвать техногенной. Быстрое развитие прикладного научного знания, техники и технологий, их применение в сфере производства и услуг – одна из важнейших характерных черт этой цивилизации. Искусственная среда все больше замыкает в себе жизнь человека, вытесняя природу.

Решающими факторами в развитии западной цивилизации являются капиталистические отношения, политическая демократия, правовое государство. Эти факторы обеспечивают быстрый рост благосостояния на Западе и представляют собой целостную систему, которая не может работать, если отсутствует какой-либо из этих трех основных элементов [6].

В эту эпоху, судя по всему, была создана среда, где стало возможным появление человека-прагматика.

Мировоззрение этого типа мышления, вероятнее всего, реализовано через следующие школы XX века: Отто Вагнера («Венская школа»), Луиса Генри Салливена («Чикагская школа»), Вальтера Гропиуса («Баухаус»).

По сути, индустриальная архитектура развила технологию органов чувств – технологию комфорта. На этой технологической основе быстро выросло множество видов промышленного производства, определивших облик цивилизации. Технология, питаемая новой энергетической системой, открыла двери для массового производства.

8. Идеологический тип мышления. Этот тип включает совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т.п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения.

Мышление проявляется в том, каким образом данные научного познания и творчества в сфере культуры преподносятся членам общества в книгах, газетах, журналах, театре, кино, телевидении и вообще во всем том, что люди видят, слышат, читают. Идеология и соответствующий ей «иерархический способ мышления» создается по определенным правилам, которые в совокупности образуют идеологический тип мышления [7].

На этом этапе эволюции создаётся среда для появления творческого типа человека-экспериментатора. На роль источников формирования мировоззрения больше всего подходит «Витебская школа» Казимира Малевича, «мини-макс» Бакминстера Фуллера и итальянская творческая «Студия «Лабиринто».

Архитектура в этот период на практике воплотила культурно-символическую стратегию создания образов. Архитектура стала эмоционально насыщенной, ведущей человека за собой. Стилевое единство определялось единой доктриной и общей философской платформой.

9. Биосферный тип мышления. Развитие биосферного мышления направлено на осознание единства с окружающим миром. В постановке мировоззренческих позиций ученого, занимающегося любым направлением исследований, актуальным является именно биосферное мышление. Биосфера, открытая человечеству благодаря исследованиям В.И. Вернадского, является единственным объектом изучения учёных. В то же время составляющие биосферу компоненты многочисленны. Наиболее объёмными являются ландшафты литосферы – суши Земли. Ландшафты, по сути, та самая среда обитания человека, где наиболее активно взаимодействуют природные и антропогенные процессы.

Считается, что биосферное мышление в центр рассмотрения любых проблем будет ставить биосферу как целостную структурно-функциональную систему, лишь одной из составляющих которой является человек. Благодаря такому типу мышления человек сможет правильно ориентироваться в окружающем мире, используя ранее полученные обобщения в новой, конкретной обстановке.

По-видимому, важное место в биосферном мышлении будет занимать комплексное построение моделей единого культурного пространства. И в этом процессе культура мышления будет являться важной составной частью общей культуры человека. Поэтому под культурой мышления будем понимать качество мышления, общения и поведения, которое обуславливает качество среды обитания. Наличие Культуры в пространстве постепенно преобразуется в обширные культурные общности – цивилизации.

Как показано выше, в течение истории человечества возникали и складывались различные типы цивилизаций. Их характер определялся, в первую очередь, уровнем взаимодействия с Культурой. Некоторый отход цивилизации от Культуры является особенностью лишь XX и начала XXI веков. Можно сказать, что во многих случаях ранние цивилизации создавались и развивались вместе с Культурой и активно взаимодействовали с ней. Осмысленно создаваемое на каждом этапе культурное пространство, в отличие от цивилизации, являлось самоорганизующейся системой [8].

Как утверждает синергетика, самоорганизации поддаются лишь открытые системы. Кроме того, одна из важнейших теорем в кибернетике – теорема Маккалока-Литса – гласит: промоделировать некую сложную самоорганизующуюся систему может только система, на порядок более сложная.

Таким образом, культурный ландшафт – это освоенное человеком не только прагматически, но и семантически, но и символически и культурно пространство земной поверхности, в котором достаточно долго может протекать проживаемая со смыслом жизнь достаточно большой группы людей. Культурный ландшафт служит для человека экраном, на который проецируется весь остальной природный мир, вся Вселенная, которая дана человеку – за редчайшими исключениями – именно в ландшафте. Культурные ландшафты, несомненно, могут служить своеобразным ресурсом и необходимой основой для оформления региональной школы [9].

В данном случае культурный ландшафт как историческая среда вполне сможет выступить в роли школы, способной дать виденье, опережающее своё время. В этом смысле освоение территории и создание культурного ландшафта – это творческий процесс, весьма далекий от завершения и в настоящее время.

Поэтому на данном этапе становится актуальным развитие и внедрение нового подхода к пространству и содержанию понятий «регион», «город», «жилище». Их понимание необходимо для решения актуальных задач природопользования в сферах градостроительной, архитектурной и реставрационной деятельности, создания комфортной среды проживания и определения стратегии деятельности в сфере «устойчивого развития», «устойчивого строительства», «устойчивой реставрации».

Вернадский В.И. в этой связи писал: «Вырастает новая идея, неизбежно, рано ли, поздно ли, но в государственно-реальное время побеждающая, – идея о государственном объединении усилий человечества. Она может иметь место только при широком использовании средств природы на благо государства, по существу народных масс».

Список цитированных источников

1. История мировой культуры (мировых цивилизаций). – 3-е доп. и перер. изд. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2004. – 544 с. (Серия «Высшее образование»).
2. Психология мышления / Под ред. Гиппенрейтер и Петухова. – М: Изд-во МГУ, 1980.

3. История человеческого интеллекта / Перм. ун-т. – Пермь, 1998. – Ч. 1,2: Предыстория – миф – религия. Просвещение
4. Кузнецов, Б.Г. Идеи и образы Возрождения. – М., 1979.
5. Волгин, В.П. Развитие общественной мысли во Франции XVIII в. – М., 1977.
6. Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне, П. Боутке, Д. Причитко; пер. с англ. – 10-е изд. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 544 с.
7. Антонюк, Г.А. Социальная идеализация, идеология и общество // Гуманитарно-экономический вестник. – Мн., 1998. – № 4.
8. Рерих, Н.К. «Синтез». «Культура и цивилизация»: сборник. – М.: МЦР, 1994.
9. Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. – М., 1987.

УДК 711.4

Протащук Н.Н.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ – АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ РАЙОННЫХ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ

В статье уделяется внимание исследованию общественных центров малых городов, являющихся административными центрами районных систем расселения; выявляется проблематика малых городов-центров районных систем расселения и основные архитектурно-градостроительные приемы организации их центров на основе изученного опыта советского периода, белорусских авторов, а также новых веяний зарубежного градостроительства.

Введение. В исследовании пойдет речь о малых городах, то есть о городах, численность населения которых не превышает 20 тысяч жителей, согласно классификации городов Республики Беларусь по численности населения. Но стоит учесть, что каждый малый город имеет свою специфику развития, связанную с влиянием многочисленных факторов, таких как реальные темпы роста, местные условия, экономические возможности и многие-многие другие. Одним из факторов, который стоит учитывать, является функционирование малого города как элемента системы расселения. Изучение города в данном контексте необходимо и на сегодняшний день весьма актуально. Наибольший интерес для исследования представляют города, играющие роль центра районных систем расселения.

Малые города-центры административных районов имеют тесные и многосторонние связи с городскими и сельскими поселениями своего района. В городах размещаются органы управления, административные и юридические службы, строительные, транспортные, ремонтные и другие организации, обслуживающие население района. Вот почему так важен вопрос архитектурно-градостроительной организации общественно-административных центров изучаемых городов.

Основная часть. Для малых городов-центров районных систем расселения характерна концентрация учреждений и предприятий обслуживания, управления общегородского и межселенного значения, они представляют собой места размещения основных архитектурных ансамблей, формируемых как общественной, так и жилой застройкой, объектами приложения труда, средствами ландшафтной архитектуры. Именно центры таких городов являются визитной карточкой всего района, их правильное функционирование жизненно важно для жителей, здесь решаются административные вопросы, проходят все общественные и культурные мероприятия, центр города становится местом отдыха горожан и целью приезда в райцентр жителей прилегающих поселений.

Центры городов указанного типа совмещают в себе совокупность социальных функций, направленных на удовлетворение все возрастающих потребностей населения прилегающих районов. Фактически все малые города-центры районных систем расселения имеют определенный уровень развития специфических центральных функций: политико-административное и организационно-хозяйственное руководство, производство, представленное предприятиями в основном агропромышленного комплекса района, а также предприятиями местной промышленности, производственное обслуживание агропромышленного комплекса района, строительства, транспорта, административные и организационно-хозяйственные функции, общественное обслуживание [1].

На расположение центра в плане существенное влияние оказывают районные дороги и водные пространства. Исторически городские центры развиваются на берегах рек и озер, такие места притягательны и наиболее выгодны для создания благоприятной среды жизнедеятельности. В такой части городского центра уместно размещение объектов культурного отдыха населения, торговли и общественного обслуживания, а также развитие туристской инфраструктуры и расположение наиболее выразительных архитектурных ансамблей. Но помимо связи с водными пространствами, зачастую на формирование центра оказывает влияние расположение основных въездов в город, образованных дорогами районного значения, связывающих районный центр с подчиненными поселениями. Именно этот центр, образованный в месте пересечения основных районных направлений, и является выполняющим все административные и общественные функции районного значения. Таким образом, организация центров зависит от исторически сложившихся приемов планировки, природных условий и технической категории районных дорог. В большинстве случаев в малых городах центр города не разделяется на подцентры, а работает единым комплексом, как на городские нужды, так и на потребности прилегающих территорий.

Вопрос организации и планировочного решения городов-центров районных систем расселения весьма актуален. В первую очередь должна быть выявлена основная проблематика городских центров. Недостатки в планировке и застройке центров исследуемых городов зачастую вызваны недостаточно высоким архитектурно-художественным уровнем застройки и благоустройства; проблемами формирования основных архитектурных ансамблей и главных площадей в ряде городов; отставанием в регенерации исторических центров; неравномерностью развития сети социальной инфраструктуры и общественного обслуживания; необходимостью формирования

пешеходных зон и решения ряда транспортных вопросов, отсутствием в полной мере реализации проектных предложений (проекты генеральных и детальных планов осуществляются на практике лишь частично, в ряде случаев из-за необоснованного усложнения архитектурно-планировочных решений); неполноценность уличной сети города [2].

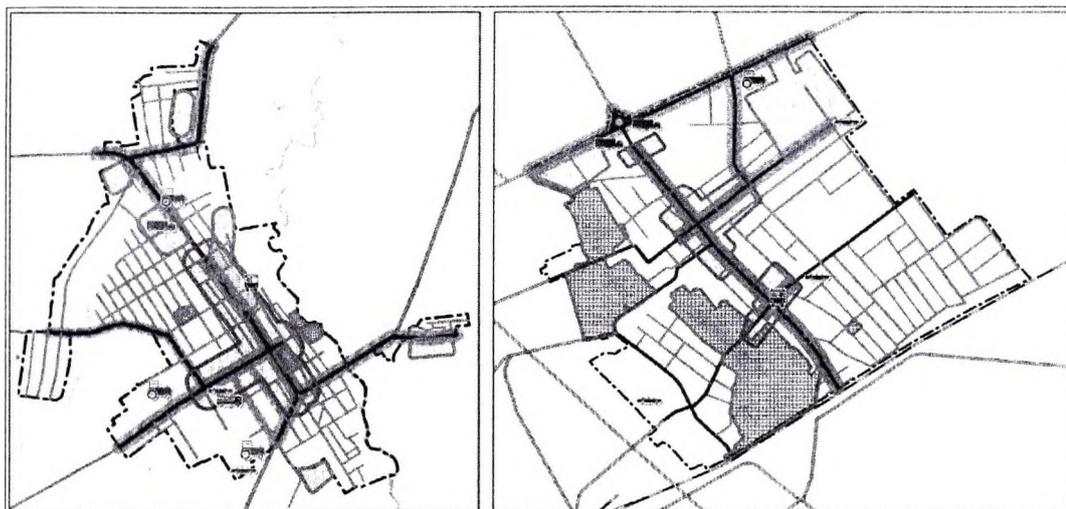

Рисунок 1 – Анализ функциональной структуры города-центра районной системы расселения на примере г. Кличева и г. Свислочь

Очень остро стоит проблема развитости транспортной структуры города-центра. Исследуемые города характеризуются расположением в них градообразующих промышленных предприятий, а также строительных, транспортных, ремонтных и других организаций, обслуживающих район, являющихся зачастую причиной возникновения движения грузового транспорта и специализированной техники по жилым улицам города, создавая ряд неудобств горожанам. А также стоит учесть, что для большинства малых городов проблема транзитного движения транспорта через центр города все еще актуальна.

При формировании общественных центров исследуемых городов необходимо предусматривать наиболее эффективное их использование, как местным населением, так и тяготеющим населением района.

При функционально-планировочной организации общественных центров должны учитываться: ранг города в территориальной системе республики; его величина, административная роль и народнохозяйственный профиль; состав размещаемых учреждений, предприятий и особенности их функционирования; особенности планировочной структуры города и исторически сложившиеся условия размещения общественных центров; размещение общественных центров в уличной сети города относительно транзитных дорог, транспортных узлов, природные факторы, значимость жилой функции, а также роль центров как мест приложения труда [2].

Архитектурно-планировочная организация общественных центров может производиться на основании развития исторически сложившихся центров, организации новых центров, взаимосвязанных с уже существующими, и формирования новых центров на свободных территориях [3].

На перспективу при разработке проектов (особенно на уровне детального плана) необходимо учитывать то, что в центрах городов могут появляться новые функции, вытекающие из постоянно возрастающих материальных и духовных потребностей населения, при этом некоторые виды учреждений целесообразно выносить из общественного центра города [2].

При архитектурно-градостроительной организации центров исследуемых городов может быть использован ряд принципов актуальных веяний современной зарубежной практики, взявших свое начало в США и ставших популярными во многих странах мира («Новый урбанизм» и «Смарт-развитие»). Существенными принципами являются:

- Удобство для пешеходов – 10-минутная пешеходная доступность до большинства бытовых и социальных объектов, дизайн пешеходных улиц, подъездов, фасадов зданий, наличие парковочных мест, скрытых автостоянок и гаражей на задней линии застройки.

- Создание развитой уличной сети из иерархии узких улиц, бульваров и аллей, разрежающих автомобильное движение и облегчающих движение пешеходов.

- Особое внимание качеству архитектуры – человеческому масштабу, красоте, эстетике, комфорту.

- Структура градостроительного планирования: наивысшая плотность застройки в центре города, постепенное уменьшение плотности застройки к окраине. Эта структура является системой, способствующей взаимодействию взаимодополняемых элементов, она совмещает методологию защиты окружающей среды с зонированием. Иерархия структуры предполагает соответствующие типы зданий и типы улиц для каждой зоны от окраины до центра.

- Увеличение плотности застройки, которое предполагает большое число обслуживающих объектов в непосредственной близости от жилья и места работы для облегчения пешей доступности и более эффективного использования территории, создания более удобного и приятного места для жизни.

- Экоустойчивость – минимальное воздействие деятельности человека на экологию, применение экологически чистых технологий [4].

Заключение. Город – это сложный организм, нуждающийся в постоянном росте, развитии и совершенствовании. Города, обладающие статусом центра, имеют весьма сложную структуру, развитие и преобразование которой жи-

ненно важно не только для функционирования самого города, но и для удовлетворения потребностей прилегающего района. Центральная часть такого поселения, является местом протекания общественно-культурных процессов ядром административной жизни территориальной системы, вот почему так важно уделять внимание вопросам ее архитектурно-градостроительной организации. Исследования в данной области могут быть направлены на создание рекомендаций по проектированию городов-центров районных систем расселения, предназначенных для архитектурных и градостроительных проектных организаций, научно-исследовательских и образовательных учреждений.

Список цитированных источников

1. Клевко, Э.Н. Малые города Беларуси. Пособие проектировщику / Э.Н. Клевко, Л.С. Баскова, Д.И. Семенкевич; Минстрой-архитектуры РБ: УП БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА. – Мн., 2006. – 25 с.
2. Рекомендации по совершенствованию территориальной организации Белорусской ССР. Архитектурно-планировочная и пространственная организация общественных центров городских поселений / ГОССТРОЙ БССР, УП БелНИИПградостроительства. – Мн., 1987. – 3, 9 с.
3. Заславский, Е.Л. Планировка и застройка общественных центров поселков и малых городов – районных центров БССР автореферат диссертации / Московский архитектурный институт. – М., 1961. – 12 с.
4. Ремизов, А.Н. Устойчивые принципы «Нового урбанизма» // Градостроительство / Редколлегия: Ю.А. Сдобнов, А.В. Кузьмин, В.В. Иванов, Г.И. Воронцов – М., 2010. – №5. – 92 с.

УДК 711.581

Рачкевич Т.Е., Протасова Ю.А.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПРОЕКТИРОВАНИИ ЖИЛЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассмотрены и проанализированы проекты последних лет для города Минска, выполненные как отечественными архитекторами, так и зарубежными. Для понимания процесса развития методов и приемов проектирования жилых территорий необходимо изучить современную практику проектирования жилых комплексов.

Территория под жилой район «Каменная горка» города Минска расположена в периферийной зоне города и предназначена для застройки массового жилищного строительства. Проект жилого района «Каменная горка» был разработан авторским коллективом института «Минскград» при участии специалистов института «Минскпроект» для территории, находящейся на западе столицы в границах улиц Притыцкого, Кунцевщина, Колесникова (4-е городское кольцо). На севере район ограничен коттеджным массивом Масюковщина. Территория для проектирования составляла 449 гектаров и имела хорошее транспортное обеспечение. Жилой фонд данного жилого района будет насчитывать около 1,8 млн. м² жилья, что обеспечит жильем 80 тысяч человек. Проектом предусмотрена разбивка территории на пять самостоятельных образований с квартальной застройкой, в примагистральной зоне вдоль МКАДа – размещение общественных и коммунально-обслуживающих учреждений. В непосредственной близости к станции метро и вдоль общегородской магистрали авторы размещают интегрированное высокоплотное жилье. Запроектированная в жилом районе система улиц и проездов позволила иметь свободные от транспорта жилые двory. Планировочным ядром района является подковообразная зеленая зона, пересекающая все микрорайоны, где разместятся детские садики, школы, спортивные и детские площадки. В центре всех микрорайонов запроектирован общественный центр, включающий территорию местного рынка, центр бытового обслуживания, физкультурно-оздоровительный комплекс с бассейном, кинотеатр, музыкальную школу, ресторан, кафе, библиотеку, молодежный развлекательный центр.

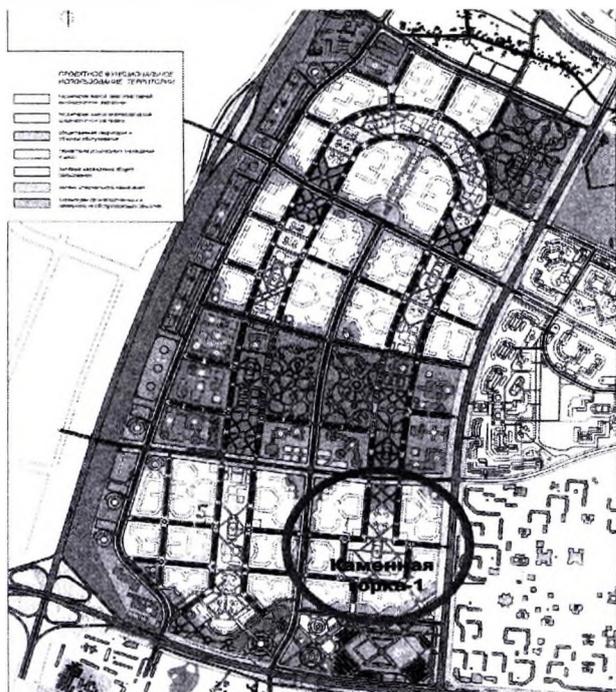

Рисунок 1 – План жилого района «Каменная горка»

Рисунок 2 – Вид района «Каменная горка» в Минске

Плотность жилого фонда от 6000 до 7600 м²/га, плотность населения 240-300 чел/га. В проекте уделено внимание инвалидам-колясочникам – им под жилье отведено десять жилых домов. Также проектом предусмотрены паркинги для личного автотранспорта общей вместимостью 1000 машин в каждом микрорайоне.

Рассмотрим другой пример освоения периферийной территории города Минска, так называемые южные ворота в столицу со стороны проспекта Дзержинского – микрорайон «Дружба». Территория свободна от застройки и ограничена проспектом Дзержинского, веткой железной дороги направления Минск-Брест и участком Лошицкой водно-зеленой системы. Сам район естественным тальвегом делится на три части.

Рисунок 3 – Проект района «Дружба» в Минске

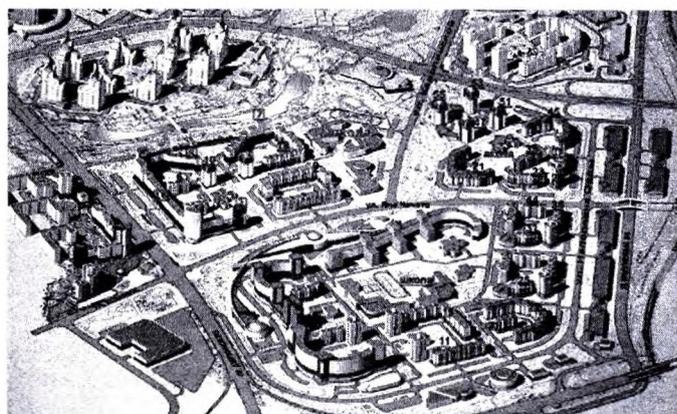

Рисунок 4 – Проект района «Дружба»

Площадь нового района составляет около 126 гектаров. Главная идея проекта – создание на юго-западе Минска престижного жилого многофункционального комплекса с развитой инфраструктурой и благоприятной экологической обстановкой. По структурно-планировочному делению проектируемая территория относится к жилому району микрорайонного типа с квартальной организацией групп жилых домов. Жилые кварталы, школы, объекты обслуживания соединены пешеходными коммуникациями, ведущими к рекреационной зоне района у водохранилища. С точки зрения транспортного обслуживания этот район будет обеспечен всеми видами городского транспорта. На железнодорожной линии будет размещена станция пригородного электротранспорта «Курасовщина», что позволит жителям района легко и быстро добираться как в центр города, так и в пригородные зоны отдыха.

Территории вдоль железной дороги отводятся под размещение многоуровневых гаражей – стоянок, что обеспечит изоляцию жилых территорий от негативных явлений транспорта и соблюсти соответствующие санитарные нормы. Шесть паркингов емкостью 800 машино-мест каждый решат сразу две проблемы – шумоизоляции и парковки. Со стороны кольцевой дороги жилая застройка будет отделена зоной общественного центра с учреждениями управления, финансово-делового назначения, бытового обслуживания населения.

В центре жилой застройки по проспекту Дзержинского будет размещен основной общественный центр района, организовано культурно-бытовое обслуживание, будут построены магазины, молодежные центры, спортивные клубы, медицинские учреждения. Территория общественного центра органично вплетена в ландшафтно-рекреационную зону. При создании проекта учтены все требования по озеленению района, доступности общественных учреждений. Проектом микрорайона «Дружба» также предусмотрено возведение кварталов для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата, инвалидов и престарелых, где будет создано единое коммуникационное пространство. Учтены особенности их передвижения, доступность транспорта и социально-бытовых центров. Еще одной особенностью станет расположение в каждом микрорайоне центров общения пенсионеров, инвалидов.

Территория всего района представлена как единый градостроительный ансамбль. Со стороны МКАД въезд в город формируется созданием доминирующего ансамбля, замыкающего все главные панорамы города. Он пространственно взаимосвязан со сложившейся застройкой Малиновки и будет напоминать ворота. На главном въезде в жилой район со стороны проспекта Дзержинского разместятся торгово-развлекательный и молодежно-досуговый центры. Район будет застраиваться преимущественно девяти-, шестнадцати- и девятнадцатизэтажными крупнопанельными домами, а в акцентных точках появятся здания по индивидуальным проектам. Особый подход к застройке въездных ворот в столицу – проспекта Дзержинского. Здесь вырастут преимущественно высотные 22-этажные дома по индивидуальным проектам.

Одним из ярких проектов жилого комплекса на территорию в серединной зоне города Минска является проект жилого комплекса «Каскад», разработанного архитектурной мастерской под руководством белорусского архитектора Б.Э. Школьниковца. Жилой комплекс «Каскад» расположен в западной части центра города Минска. Площадь земельного участка жилого комплекса составляет более 16 га. Его границами являются улицы Скрыганова, Кальварийская, Бирюзова, железная дорога «Минск-Молодечно». Территория «Каскада» разделена на функциональные зоны: жилую, общественного центра, коммунальную, территорию детского сада. Площадь озеленения составляет почти половину всей территории застройки. Комплекс гаражей и административно-торговых помещений, расположенных по периметру «Каскада», выполняет функцию своеобразного шумового барьера со стороны железной до-

роги и улицы Кальварийской. Таким образом, внутри жилого комплекса формируется среда, благоприятная для проживания населения. Территория имеет хорошее транспортное обеспечение: наземные виды транспорта и метро. В жилом комплексе «Каскад» предполагается создание высокоразвитой современной социальной, образовательной, спортивной и торговой инфраструктуры. Проектом предусмотрено строительство большого количества офисов и помещений социально-бытового назначения. Важной особенностью жилого комплекса является система многоэтажных паркингов, что позволит улучшить благоустройство и безопасность внутридворовых территорий и решит актуальный вопрос сохранности личных автомобилей жителей «Каскада» и их гостей. Организация местных проездов автотранспорта исключает транзитное движение через комплекс и решает проблему безопасности прогулочной зоны и игровых площадок для детей. Озелененные благоустроенные пешеходные зоны соединяют все дома комплекса в единое целое.

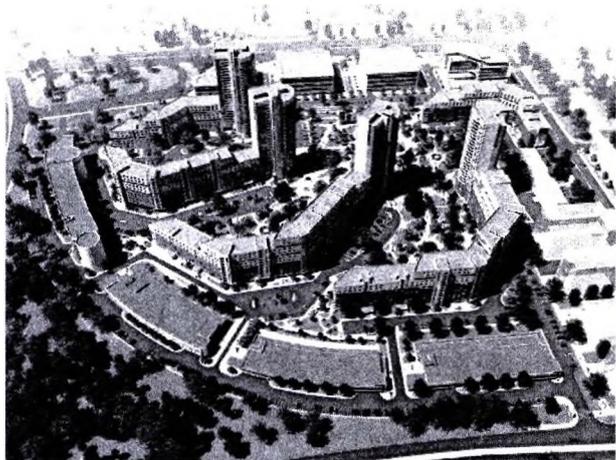

Рисунок 5 – Проект комплекса «Каскад» в Минске

Рисунок 6 – Вид комплекса «Каскад»

Принцип широтной ориентации, положенный в основу композиционного расположения домов жилого комплекса, позволяет достичь максимальной освещенности домов и внутридворовых территорий. Принцип повышения этажности в глубину застройки позволяет сформировать четкий градостроительный акцент и многоплановую панораму застройки. Существующая ступенчатость высоты зданий от 5-ти до 25-ти этажей визуально воспринимается как живописный каскад водных струй, что предопределило выбор соответствующего названия для жилого комплекса.

Опыт последних десятилетий свидетельствует, что в развитии больших городов выкристаллизовывается общая, главенствующая идея улучшения стандартов жизни. Наблюдается большой интерес к вопросам экологии и охраны окружающей среды параллельно с увеличением конкурентного потенциала конкретного места.

В современных проектах большое внимание уделяется внутреннему планировочному построению жилых территорий по принципу улиц, которые делятся на транспортные и пешеходные. К пешеходным коммуникациям примыкают детские сады, школы, некоторые объекты и площадки общего пользования. Транспортные проезды выделяются в отдельные коммуникации, на которые нанизываются гостевые стоянки и паркинги. Разделение пешеходных и транспортных потоков делают среду жилых образований не только безопасной, но и социально ориентированной. Вместе с тем, пешеходные пространства скорее носят характер коммуникаций, а не пешеходных улиц, в силу отсутствия архитектурного замысла этих пространств. Возврат в приемах застройки к квартальной возвращает дифференциацию пространства на «приватное» и общественное, что позволяет межеть территорию и создавать кондоминиумы. При анализе проектов можно говорить, что автомобиль становится полноценным потребителем жилой среды наравне с человеком.

И еще одна новация – в современных проектах рассматриваются проблемы передвижения людей с ограниченными физическими возможностями, для них предусматривается специализированное жилье и безбарьерная среда. Перечень объектов обслуживания, размещаемых в современных жилых образованиях, гораздо насыщенней, чем нормативный, и ориентирует потребителя среды на здоровый образ жизни и более разнообразный досуг.

Вместе с тем, в практике проектирования и строительства жилых комплексов наметилась устойчивая тенденция по расслоению их по стоимости (а, следовательно, и по разнообразию, комфортности) на социальное (массовое) и коммерческое, или элитное. Как правило, социальным жильем застраиваются городские окраины или периферийная зона города за счет освоения свободных территорий на основе комплексных проектов жилых районов по морально устаревшим образцам позднесоветской технологии крупнопанельного домостроения и нормам соцкультбыта, например, район «Каменная горка», «Дружный» и т.п.

Элитные жилые комплексы появляются в срединной, или центральной, зоне города за счет сноса малоценной или несоответствующей статусу места застройки. Эти проекты разрабатываются с учетом современных требований к планировочной организации жилых территорий, насыщения ее разнообразными объектами соцкультбыта и, как правило, требуют внешних инвестиций. Жилые комплексы представляют собой территории смешанной застройки, в которых соотношение жилой и коммерческой недвижимости 60% к 40% – комплекс «Московский», «Клевер-парк», «Каскад» и другие. Организация жилой застройки основывается на принципе квартала, что позволяет организовывать территориальные кондоминиумы. Стоимость жилья в таких жилых комплексах значительно превосходит среднюю стоимость по городу. Количество парковочных мест на 1000 жителей также превосходит нормативную. Жилые дома разрабатываются по индивидуальным проектам.

Список цитированных источников

1. Садовская, Е. Новый столичный район / Е. Садовская // Архитектура и строительство. – 2006. – №1. – С. 106–107.
2. Градюшко, Н. Каменная Горка: комфортный для жизни район или гигантский «человек» (мнения экспертов) / Н. Градюшко [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://realt.onliner.by/2012/09/18/gorka-12> – Дата доступа: 03.02.2013.
3. Микрорайон «Брилевичи» / «Дружба 2» [Электрон. ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://tsz.by/og/druzhba-2/news/240> – Дата доступа: 03.02.2013.
4. Деловой и жилой миниполис «Каскад» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.univest-m.by/business/building/kaskad> – Дата доступа: 03.02.2013.

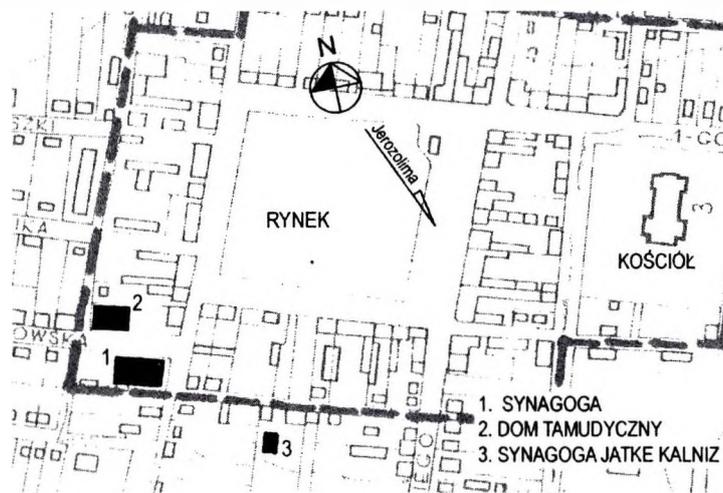
Trojnieł P.

SYNAGOGI W AUGUSTOWIE – ANALIZA FORM

Przedwojenny, wielokulturowy krajobraz Podlasia, także Augustowa współtworzyła społeczność żydowska. Społeczność ta została wymordowana podczas II wojny światowej, a Żydzi którzy przetrwali holocaust, po wojnie w większości wyemigrowali z Polski. W chwili obecnej jedynymi śladami po tej części mieszkańców Augustowa są pozostałości po Nowym cmentarzu żydowskim przy ulicy Zarzeczce oraz znacznie przebudowany budynek dawnej synagogi przy dawnej ul. Mickiewicza (ob. Żabiej) będący obecnie częścią Urzędu Skarbowego, jedynej zachowanej z pięciu istniejących na początku XX wieku¹⁴⁹.

Podstawowym celem niniejszej pracy jest poddanie analizie i ocenie przykładów augustowskich synagog zbudowanych w XIX i XX wieku, w czasie dynamicznego rozwoju miasta. W tym okresie liczba ludności żydowskiej stanowiła znaczącą część społeczności miasta.

Miasto Augustów zostało założone w 1555¹⁵⁰ roku i posiadało przywilej „*de non tolerandis judaeis*”¹⁵¹. Jednak wydaje się, że zakaz ten nie był przestrzegany co potwierdza min. przywilej z 1578 roku którym „*król Stefan Batory zezwolił Żydom w Augustowie używać takich praw jakie służą innym mieszkańcom*”¹⁵². Jednak mimo królewskiego pozwolenia początkowo liczba żydowskich mieszkańców była niewielka i w 1676 roku wynosiła jedynie 11 osób¹⁵³. Gmina żydowska w Augustowie podlegała początkowo kahałowi w Tykocinie, a usamodzielniała się w 1674 roku i już wtedy posiadała bożnicę oraz mykwę¹⁵⁴. Dynamiczny rozwój miasta zapoczątkowany został w 1807 roku, kiedy Augustów został siedzibą władz powiatowych. Wraz z rozwojem miasta po 1816 pojawiła się propozycja przeniesienia władz województwa z Suwałk do Augustowa, a w 1823 roku, w związku z budową Kanału Augustowskiego¹⁵⁵ plany te rozpoczęto realizować ogłaszając projekt. W okresie tym wzrosła znacznie liczba mieszkańców, także żydów. O ile na początku wieku XIX w Augustowie mieszkało 462 Żydów (tj. 23,7%)¹⁵⁶, w 1820 r. już 1167 osób wyznania mojżeszowego (ponad 30%)¹⁵⁷, a w 1860 r. 3764 starozakonnych (tj. 45% ludności)¹⁵⁸. To właśnie w okresie dynamicznego rozwoju miasta powstała Wielka Synagoga augustowska, oraz prawdopodobnie, zbudowany po sąsiedzku około połowy XIX w. Dom Talmudyczny (ryc.1). Główna Synagoga w Augustowie została wybudowana w stylu klasycystycznym w latach 1840-1843 poprzedzonymi pracami projektowymi w 1839 roku¹⁵⁹ przy zbiegu ówczesnych ulic Wilczej oraz Stodolnej (ob. Polnej i Zygmuntońskiej). Pod drugiej stronie ulicy Stodolnej zlokalizowany był okazały budynek Domu Talmudycznego (nieznana pozostaje dokładna data budowy).

Ryc. 1 – Plan Augustowa z zaznaczoną lokalizacją synagog, oprac. autor

¹⁴⁹ Jewrejskaja Encyklopedia, T. III, s. 852.

¹⁵⁰ Tomecka, Barbara, Augustów. Studium historyczno-urbanistyczne do planu ogólnego zagospodarowania przestrzennego miasta wykonana na zlecenie Biura Dokumentacji Zabytków w Suwałkach, PKZ Oddział Białystok, Białystok 1980, str. 17

¹⁵¹ Przywilej ten zabraniał żydom w takim mieście zamieszkiwania i posiadania nieruchomości, przyp. autor

¹⁵² Żydzi na Suwalszczyźnie, maszynopis, Archiwum ŻIH, str. 24

¹⁵³ Tomecka, Barbara, op.cit, s.14

¹⁵⁴ Ibidem, str.24

¹⁵⁵ Tomecka, Barbara, op.cit. S. 18

¹⁵⁶ Szlasyński Jarosław, Makowski Andrzej, Augustów Monografia Miasta, Urząd Miejski w Augustowie, Augustów 2007, s.52

¹⁵⁷ Żydzi na Suwalszczyźnie, op.cit. s. 25

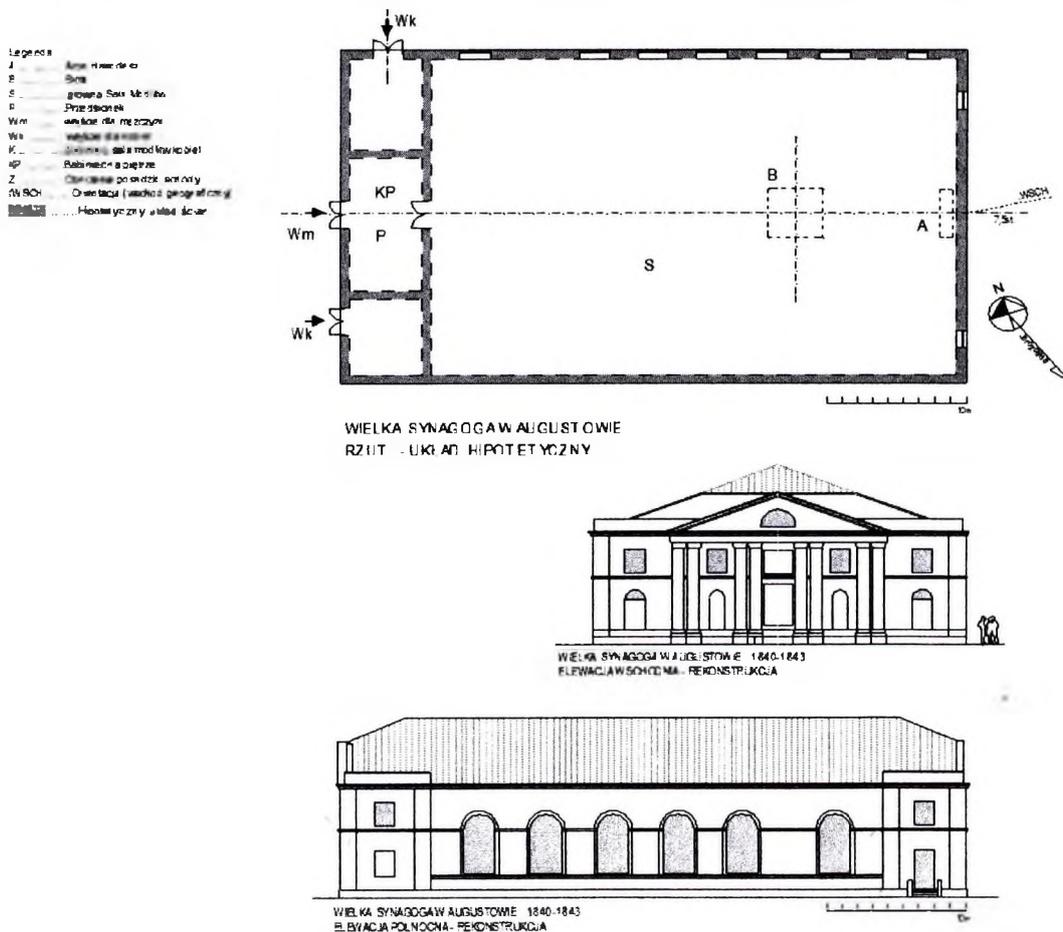
¹⁵⁸ Jewrejskaja Encyklopedia, op.cit. s.852

¹⁵⁹ Szlasyński... op.cit. s.186

Z planów przeniesienia stolicy województwa do Augustowa finalnie zrezygnowano po powstaniu listopadowym. Mimo to w ciągu II poł. XIX w. nadal wzrasta, choć już nie tak dynamicznie jak wcześniej, liczba mieszkańców miasta i w 1895 r. w Augustów liczy 9627 mieszkańców¹⁶⁰. Odsetek mieszkańców żydowskich w 1897 r. spada do 28,5% przy utrzymaniu podobnej jak w 1840 roku liczby (3637)¹⁶¹. W trakcie I wojny miasto zostało częściowo zniszczone. Spadła także liczba ludności do 8762¹⁶² mieszkańców w roku 1921, w tym także żydowskiej (do 2261 – 25,8%)¹⁶³. Po odzyskaniu niepodległości Augustów stał się siedzibą władz powiatowych i wchodził w skład województwa białostockiego. W okresie dwudziestolecia międzywojennego żydzi stanowili mniejszość, choć w znaczącej liczbie ok. 2500 mieszkańców i posiadali dwie synagogi¹⁶⁴. Kolejny przykład architektury synagogalnej Augustowa to bożnica *Jatke Kalniz Beth Midrasz* wybudowana w międzywojniu wg projektu z 1925 roku w latach 1925-1928¹⁶⁵ przy dawnej ul. Mickiewicza (ob. Żabiej), w miejscu wcześniejszego drewnianego domu modlitwy. Obiekt ten przetrwał lekko zniszczony II wojnę światową i mocno przebudowany stanowi dzisiaj część Urzędu Skarbowego w Augustowie.

Wielka Synagoga (1839-1843)

Projekt Wielkiej Synagogi w Augustowie (ryc. 2) sporządzono i uzgodniono z Komisją Rządową Spraw Wewnętrznych i Oświecenia Publicznego w listopadzie 1839 r.¹⁶⁶. Wiosną 1840 r. rozpoczęto prace prowadzone przez budowniczego Józefa Fuksa i zakończone w 1843 roku. Był to jeden z najciekawszych obiektów sakralnych regionu i największy w tym okresie w Augustowie. Jako zobrazowanie dynamicznego rozwoju Augustowa niech świadczy fakt, że wymieniowy budowniczy Józef Fuks w tym okresie prowadził jednocześnie trzy budowy najważniejszych obiektów sakralnych: ww. synagogi, oraz nowego, murowanego, neoklasycystycznego kościoła (1842-1845)¹⁶⁷ a także, drewnianego kościoła protestantów (1849-1851)¹⁶⁸. Nieznany pozostaje autor projektu architektonicznego. Wielka Synagoga augustowska była obiektem znaczącym, jednak podane w monografii Augustowa¹⁶⁹ wymiary nowej synagogi wydają się jednak przesadzone (autorzy monografii podają wymiary: długość 63,5 m, szerokość 36,5m, wysokość 10m). Wymiary te sugerują, że był to obiekt trzykrotnie większy od zbudowanej 20 lat wcześniej Wielkiej Synagogi Suwałkach i ponad dwukrotnie większy od Wielkiej Synagogi

Ryc. 2 – Rekonstrukcja Wielkiej Synagogi w Augustowie (hipotetyczna), oprac. autor

¹⁶⁰ Tomecka, op. cit. s.20

¹⁶¹ *Jewrejskaja...* op.cit. s. 852

¹⁶² Tomecka, op. cit. s.21

¹⁶³ *Jewrejskaja...* op.cit. s. 852

¹⁶⁴ Szlasyński Jarosław, Makowski Andrzej, op.cit. s. 501

¹⁶⁵ Wilczyk, Wojciech, *Niewinne oko nie istnieje*, Atlas sztuki korporacja ha!art, Kraków 2009, s.50

¹⁶⁶ op.cit. s. 186, Historię powstania przedstawiono dokładniej w monografii Augustowa

¹⁶⁷ *Ibidem*, s. 184

¹⁶⁸ *Ibidem*, s. 186

¹⁶⁹ Szlasyński op.cit.

w Białymstoku zbudowanej w 1913 roku. Ponadto szerokość działki którą zajmuje obecnie spółdzielnia mleczarska zbudowana na zrębie wyburzonej synagogi wynosi ok. 28-29 m (przy ul. Polnej). Wg autora tego opracowania przybliżone w miary synagogi ok. 24-28m szerokości, oraz ok. 38-45 metrów długości, czyli i tak skali największych synagog w regionie Synagogę w Augustowie (ryc. 3) zbudowano w stylu klasycystycznym. W szczególnie staranny i dekoracyjny sposób opracowano elewację wschodnią, oraz północną zlokalizowane od strony zbiegu ulic Wilczej oraz Stodolnej (ob. Polnej i Zygmuntońskiej). Elewację wejściową – zachodnią zrealizowano z uproszczoną dekoracją architektoniczną, co widać na fotografiach częściowo wyburzonego obiektu zamieszczonych w Księdze Pamięci Augustowa¹⁷⁰ (ryc. 4). Nieznany pozostaje układ wnętrza. O klasycyzującym, konsekwentnym w stosunku do formy zewnętrznej charakterze wnętrza świadczy fotografia fragmentu zniszczonej ściany wschodniej zamieszczona w ww. Księdze Pamięci¹⁷¹ (ryc. 5). Zachowane materiały ikonograficzne pozwalają jednak na określenie podłużnego układu jaki zastosowano przy budowie Wielkiej Synagogi, co wynika z rozmieszczenia i wielkości okien na elewacjach. Przedstawiony w części rysunkowej rzut jest hipotetyczną rekonstrukcją opierającą się na zachowanych zdjęciach.

Przeprowadzone analizy architektury synagogalnej regionu wykazały że synagoga augustowska, klasycystyczna w swojej architekturze, wpisuje się obowiązujący na Podlasiu i regionie północno-wschodniej Polski nurt. Zgodne jest to także z ogólną tendencją na całych ziemiach polskich, którą wcześniej w swoich opracowaniach podkreślali już Piechotkowie, wg której klasycyzm był szczególnie popularny w architekturze synagogalnej I połowy XIX wieku. W grupie głównych bożnic Podlasia tezę tą potwierdzają, również klasycystyczne w formie, obiekty w Siemiatyczach, Krynkach i Orli. Innymi przykładami zgodnymi z tym nurtem na terenach bezpośrednio sąsiadujących z Podlasiem są obiekty w Stawiskach, Suwałkach, Białej Podlaskiej i Siedlcach. Formy klasycystyczne związane są z różnymi układami stosowanymi w budowanych synagogach. W części są to, wywodzące się z wieków wcześniejszych układy centralne, głównie z obiektami sięgającymi swoimi korzeniami XVIII wieku (Krynki, Orla, Biała Podlaska), ale również są to układy podłużne, stosowane w zdecydowanej większości bożnic nowobudowanych od początku XIX wieku (Siemiatycze, Augustów, Suwałki, Siedlce). W obiektach tych elewacje frontowe oraz tylne, wschodnie były symetryczne podkreślając monumentalność i rangę synagog. Należy zauważyć, że w szczególnie dekoracyjny sposób traktowano elewacje eksponowane. W Orli i Krynkach były to fasady frontowe skierowane w stronę rynków w tych miejscowościach. W Siemiatyczach i Augustowie były to natomiast elewacje wschodnie eksponowane od strony ulic (w Augustowie także elewacja boczna), co wynikało z lokalizacji bożnic oraz ich orientacji.

Dom Talmudyczny (ok. poł. XIX w.)

Ciekawym przykładem architektury synagogalnej jest Dom Talmudyczny (lub tzw. Przyszkółek), który znajdował się w bezpośrednim sąsiedztwie Wielkiej Synagogi, po drugiej stronie dawnej ulicy Stodolnej (obecnie Zygmuntońskiej). Był to duży obiekt zbudowany na rzucie prostokąta, dwukondygnacyjny w części zachodniej, wejściowej oraz tej samej wysokości wysoką salą główną w części wschodniej. Budynek ten przekryty był prostym dachem dwuspadowym o spadku około 30-35 stopni. Na podstawie jedynej znanej autorowi fotografii tego obiektu (ryc. 6) można stwierdzić, że dekoracja architektoniczna tej bożnicy była skromna, ograniczona do gzymsów. Elewacja wejściowa była płaska bez detalu, z centralnie umieszczonym prostokątnym wejściem głównym, i dwoma kondygnacjami prostokątnych, typowych okien. Na elewacji bocznej, od strony ul. Stodolnej umieszczono cztery wysokie okna doświetlające salę główną modlitw. Okna te zakończone były łukiem pełnym, podobnie jak dwa okna drugiej kondygnacji w części zachodniej tej elewacji. Nieznany pozostaje układ wnętrza, jednak z układu okien można domniemywać, że rozwiązanie funkcjonalne Domu Talmudycznego w Augustowie oparto na typowym w tym okresie układzie podłużnym. Przeprowadzone analizy porównawcze obiektów tego typu w regionie wykazały podobieństwa tego obiektu do budynków Domów Talmudycznych w niedalekich Suwałkach oraz Kolnie (ryc. 7). Obiekty te powstały także ok. poł. XIX wieku. Wszystkie te trzy obiekty były zlokalizowane bezpośrednio obok głównych synagog, w dzielnicach zamieszkiwanych przez ludność żydowską, w niedalekiej odległości od rynku miejskiego. Wszystkie były również tradycyjnie orientowane. Zachowany obiekt w Kolnie posiada podobne gabaryty i proporcje oraz posiadał podobne rozwiązania architektoniczne: oszczędne w detal elewacje oraz bardzo zbliżony układ otworów okiennych. Dom Talmudyczny w Suwałkach znany jedynie z rzutu i opisu architekta powiatowego Karola Majerskiego, który w 1857 roku dokonał kontroli stanu Wielkiej Synagogi oraz Przyszkółka (czyli Domu Talmudycznego) w Suwałkach. Oba obiekty w Suwałkach i Kolnie posiadały to samo rozwiązanie funkcjonalne oparte na układzie podłużnym, z charakterystycznym i oryginalnym układem głównej sali modlitw o rzucie prostokąta ustawionego prostopadłe dłuższym bokiem do osi bożnicy oraz wnętrza podzielonego na nawy rzędem słupów (w Suwałkach jednym, a w Kolnie dwoma). To samo rozwiązanie posiadała także jedna z białostockich synagog – tzw. synagoga Nowo-Zielona (ryc. 8), znana z zachowanego w archiwum w Grodnie projektu rozbudowy w 1907 roku¹⁷². Przeprowadzone badania wykazały, że z Przyszkółkiem w Suwałkach synagogę Nowo-Zieloną łączy także rozwiązanie klatki schodowej, umieszczonej na zewnątrz głównej bryły budynku. Czy w przypadku zachowanego obiektu w Kolnie było podobnie, nie jesteśmy w stanie stwierdzić. Wnętrze białostockiej synagogi również zaaranżowane było podobnie jak w przykładach w Suwałkach i Kolnie. Aron hakodesz znajdował się w niszy ściany lub niewielkiej wybudówki umieszczonej symetrycznie na elewacji wschodniej. Bimę zlokalizowano na osi bożnicy w centralnej części sali głównej, z lekkim przesunięciem w stronę zachodnią. W bożnicy tej, podobnie jak w innych obiektach z tego okresu nie obniżono posadzki. Dwuspadowy, wysoki dach posiadał kalenicę ustawioną prostopadłe do osi głównej. Elewacje synagogi Nowo-Zielonej podobnie jak obiektów w Kolnie i Augustowie były skromne, tynkowane i oprócz gzymsu nie posiadały dekoracji architektonicznej. Salę główną podkreślało 12 wysokich okien zakończonych półkoliście. Zachodnią część wejściową, dwukondygnacyjną, z babińcem na piętrze, wyznaczały w elewacjach prostokątne okna w dwóch poziomach.

¹⁷⁰ *Sefer Izkor Augustów*, s. 347

¹⁷¹ *Sefer Izkor Augustów*, s. 349

¹⁷² NAHB w Grodnie, f.8, o.2, d.1897. Projekt rozbudowy Domu Modlitwy tzw. Synagogi „Nowo-Zielonej” przy ul. Brańskiej w Białymstoku, 1907 r

Wszystkie te opisane podobieństwa dotyczące lokalizacji, gabarytów i proporcji budynku, a także podobnych rozwiązań architektonicznych elewacji pozwalają na zaryzykowanie stwierdzenia hipotezy, że w Dom Talmudyczny w Augustowie tworzył razem z obiektami w Suwałkach, Kolnie oraz białostocką synagogą Nowo-Zieloną grupę bożnic o tych samych rozwiązaniach architektonicznych opartych na układzie podłużnym, z salą modlitw ustawioną poprzecznie do osi głównej i podzieloną na nawy (ryc. 9).

Bożnica Jatke Kalniz Bet Midrasz, (zwana także *Jotke Kloiz* 1925-28)

Bożnica *Jatke Kalniz* powstała przy dawnej ul. Mickiewicza wg projektu inżyniera B. Basińskiego z 1925 roku (ryc. 10) na posesji Icki Rotenberga i Borucha Gutszteina¹⁷³ w miejscu wcześniejszego drewnianego domu modlitwy i służyła rzemieślnikom branży mięsnej. Projekt zatwierdzono do realizacji we wrześniu 1925 roku, natomiast realizację zakończono w roku 1928. Synagogę zaprojektowano na rzucie prostokąta o wymiarach 10,65m x 16,60m z przekryciem dachem naczółkowym o spadku ok. 45 stopni. Projekt przewidywał wybudowanie murowanych ścian zewnętrznych oraz wstawienie do środka konstrukcji drewnianej podpierającej galerię dla kobiet oraz wieżbę dachową. W północno-wschodnim narożniku budynku zaprojektowano drewnianą, wewnętrzną klatkę schodową prowadzącą na babiniec. Projekt nie przedstawia wystarczająco jasno kwestii rozdzielenia wejść i dróg kobiet i mężczyzn. Jedyny rzut poziomy posiadający cechy rzutu przyziemia i piętra jest w tym zakresie nieprecyzyjny. Wiadomo, że galeria z babiniec miała obiegać wnętrze sali modlitw z trzech stron: południowej, zachodniej oraz północnej i miała rzut w kształcie litery „U”. Sala modlitw miała kształt prostokąta i ustawiona była dłuższym bokiem prostopadle do osi bożnicy (układ podłużny). Architektura projektowanego budynku miała być bezstylowa, elewacje tynkowane, a jedyną dekoracją architektoniczną miał być prosty gzyms obiegający budynek. Elewacja wschodnia została zaprojektowana jako jednokondygnacyjna, pozostałe, tej samej wysokości, jako dwukondygnacyjne, odzwierciedlające babiniec i podział na dwie kondygnacje wzdłuż tych ścian. Wysokie okna sali modlitw umieszczone w elewacji wschodniej, oraz górnej kondygnacji pozostałych elewacji zaprojektowano jako zakończone półkoliście. Bożnica *Jatke Kalniz* była tradycyjnie orientowana, ale posadzka nie była obniżona w stosunku do otoczenia. Synagogę zrealizowano jednak ze znacznymi, widocznymi na elewacjach zmianami. Elewacje zostały wykończone w duchu tzw. stylu ceglanego, z czerwonej cegły (ryc. 11). Zmieniono również formę dachu. W wersji realizacyjnej bożnicę przekrywał prosty, dwuspadowy dach, o mniejszym niż planowany, spadku (ok. 30 st.). Budynek obiegały gzymsy kostkowe z cegły: kordonowy – jedyny zachowany (częściowo) element architektoniczny obiektu, oraz gzyms na wysokości oparcia półkolistych zwieńczeń okien górnej kondygnacji. Środkowe okno elewacji wschodniej, nad *Aron-hakodeszem* zostało zmniejszone do formy półkolistej. Również półkoliste okno, tyle że większe, znalazło się w szczycie elewacji bocznej, północnej. Od strony północnej do elewacji dostawiono przybudówkę mieszczącą przedsionek. Obiekt ten przetrwał lekko zniszczony II wojnę światową i mocno przebudowany stanowi obecnie część Urzędu Skarbowego w Augustowie (ryc.12). Jednak skala przekształceń tego budynku jest tak wielka, że trudno dopatrzeć się w nim obecnie jakichkolwiek cech świadczących o dawnej funkcji. Świadczy o tym również nieświadomość dyrekcji urzędu użytkującego obecnie obiekt. Jedynym elementem pozwalającym na identyfikację tego budynku są pozostałości ceglanego gzymsu kostkowego szczytów oraz elewacji bocznych, oraz ta sama, dwuspadowa forma dachu. Pozostałe elementy elewacji: okna i ich kompozycja, a także wykończenie elewacji zostały zmienione i przebudowane, a pozostały detal skuty. Jednoprzestrzenne wnętrze zostało podzielone stropem na dwie kondygnacje mieszczące obecnie pokoje gościnne US i pomieszczenia techniczne na parterze, oraz pokoje biurowe na piętrze. Adaptacja bożnicy *Jatke Kalniz* w Augustowie oraz późniejsza rozbudowa budynku o nowe, główne skrzydło US całkowicie zatarty ślady poprzedniej funkcji obiektu.

Badania wykazały, że augustowska bożnica *Jatke Kalniz* ze swoimi ceglanymi elewacjami wpisuje się w szerszy na Podlasiu trend, widoczny już od końca wieku XIX-ego. W tym okresie elewacje wykończone żółtą i czerwoną cegłą licową cieszyły się popularnością, a przykłady bożnic z regionu północno-wschodniej Polski potwierdzają obecność tego trendu także w architekturze synagogałnej. Jak podkreśla Adam Turecki, twórca terminu „białostocka szkoła muratorska”¹⁷⁴, *pod koniec wieku dziewiętnastego ceglane budynki obejmowały niemal całe spektrum funkcji od budynków mieszkalnych po obiekty użyteczności publicznej i świątynie*¹⁷⁵. W okresie tym powstało na Podlasiu również kilka synagog zbudowanych w tym, tzw. „stylu ceglanym”. W grupie głównych synagog były to obiekty w Czyżewie Osadzie, Sokółce oraz Milejczycach. Z cegły zbudowano także główną synagogę w Dąbrowie Białostockiej, o prostej bryle przekrytej dachem dwuspadowym. Inne mniejsze „ceglane” podlaskie bożnice powstały w Krynkach, Knyszynie, Białymstoku (ryc.13). Wszystkie wymienione obiekty powstały na rzucie prostokąta oraz w oparciu o rozwinięcie układu podłużnego. Ceglane elewacje tych obiektów dekorowane były charakterystycznym repertuarem detalu wyrobionego z cegły (gzymsy kostkowe, płyciny, lizeny, obramienia otworów, belki nadokienne).

Podsumowanie

Przeprowadzone analizy wskazują, że augustowskie synagogi wpisywały się w tendencje panujące w czasie w którym powstawały. Wielka Synagoga augustowska, imponująca w swojej skali, była jednym z najciekawszych przykładów architektury synagogałnej regionu. Wyróżniała się dojrzałą, klasycystyczną architekturą, czym wpisywała się w nurt klasycystycznych obiektów rządowych i świątyni chrześcijańskich tamtego okresu. Ranga obiektu i jego oryginalne rozwiązania architektoniczne wskazują na potrzebę dalszych badań i poszukiwań materiałów, które pozwoliłyby na zrekonstruowanie układu wnętrza tego obiektu.

Również Dom Talmudyczny w Augustowie prezentuje rozwiązania typowe dla obiektów tego typu w regionie. Prawdopodobnie był jednym w grupie obiektów, które powstały w wyniku ewolucji układu podłużnego, gdzie główna sala modlitw

¹⁷³ Projekt murowanego domu modlitwy na posesji Icki Rotenberga i Borucha Gutszteina przy ul. Mickiewicza nr 5 i 6 w Augustowie, archiwum T. Wiśniewskiego, oryginał AAN

¹⁷⁴ Turecki, Adam, Białostocka szkoła muratorska [w] Białostoczczyzna nr 2/ 1996 s. 32-34.

¹⁷⁵ Ibidem, s. 34.

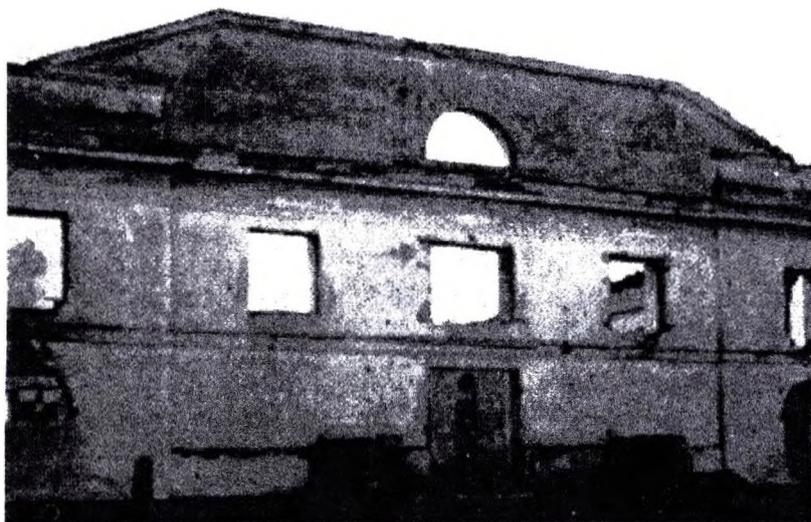
posiadała ciekawe rozwiązanie wnętrza z poprzecznym, w stosunku do głównej osi, ustawieniem sali oraz jej poprzecznym podziałem na nawy. Innymi przykładami tego typu rozwiązania były Przyszkółki w Suwałkach, Kolnie oraz synagoga Nowo-Zielona w Białymstoku.

Z kolei bożnica Jatke Kalniz stanowi ciekawy przykład małego, cechowego domu modlitwy, zbudowanego w duchu tzw. stylu ceglanego, czym także wpisuje się w jeden z nurtów architektury początku XX wieku regionu północno-wschodniej Polski. Jej układ funkcjonalny powstał w oparciu o układ podłużny, z prostokątną salą modlitw ustawioną poprzecznie do osi, co zapewne było spowodowane uwarunkowaniami lokalizacyjnymi oraz chęcią spełnienia wymogu orientacji bożnicy. Projektowany układ funkcjonalny zakładał redukcję przedsionka, co było charakterystyczne dla synagog końca XIX i początku XX wieku, widoczne np. w wielu synagogach Białegostoku¹⁷⁶ tego okresu. Jednak podczas realizacji tej bożnicy od strony północnej dobudowano niewielki parterowy przedsionek.

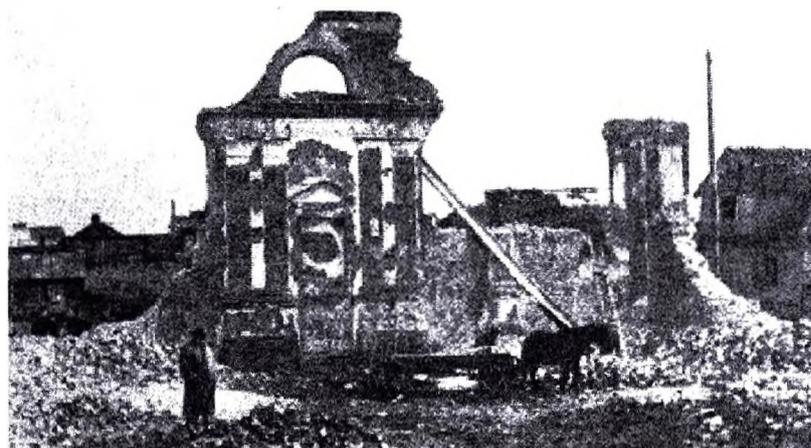
Synagogi w Augustowie – analiza form – ilustracje

Ryc. 3 – Wielka Synagoga w Augustowie, widok ogólny (fot. Księga Pamięci)

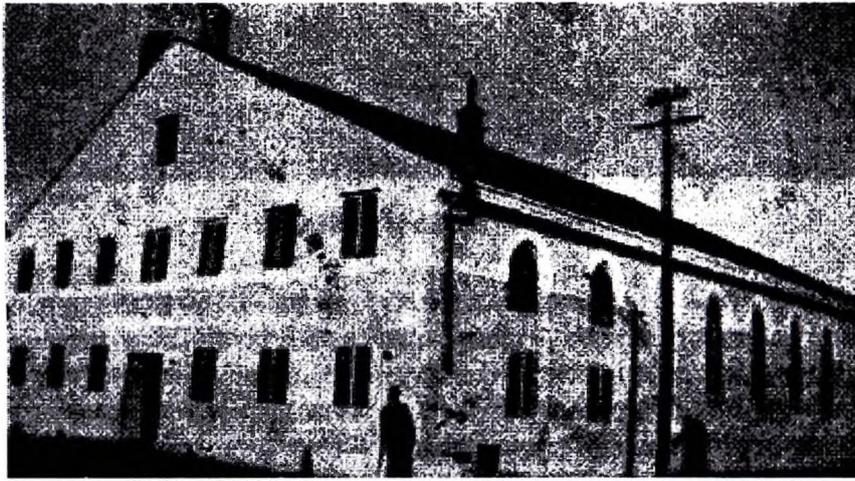

Ryc. 4 – Wielka Synagoga w Augustowie, widok zniszczonej po wojnie fasady frontowej (fot. Księga Pamięci)

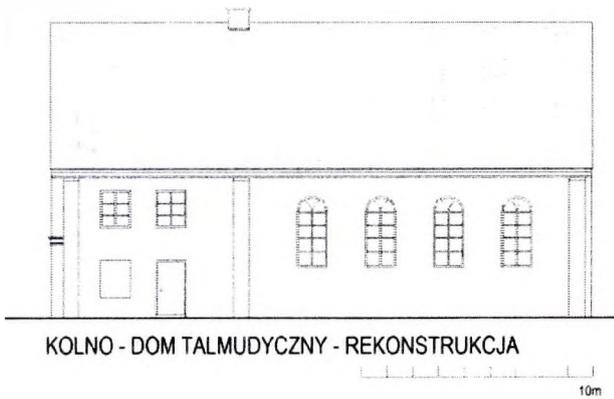

Ryc. 5 – Synagoga w Augustowie, widok zniszczonej ściany wschodniej od strony wnętrza (fot. Księga Pamięci)

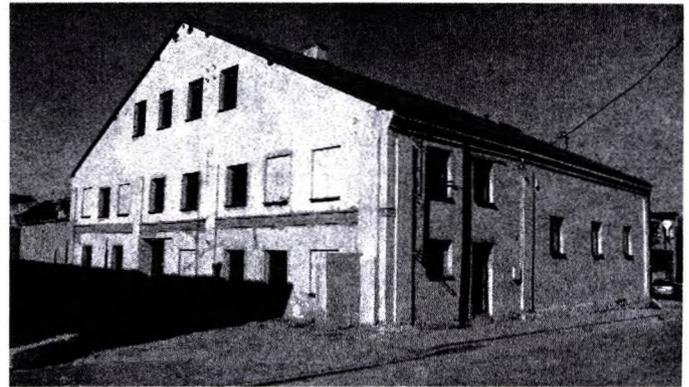
¹⁷⁶Trojnieł, Piotr. Białostockie synagogi końca XIX wieku, III Международная конференция "Архитектурное наследие Прибужского региона" – Brześć, 2012

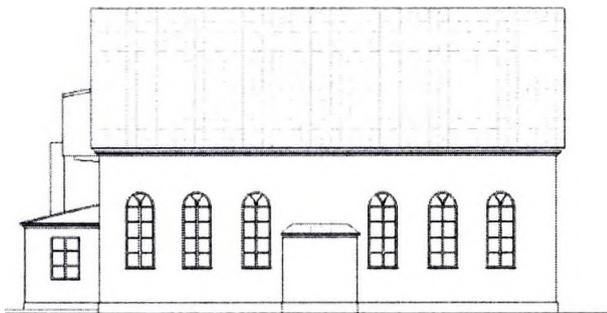
Ryc. 6 – Dom Talmudyczny w Augustowie, (fot. Księga Pamięci)

KOLNO - DOM TALMUDYCZNY - REKONSTRUKCJA

Ryc. 7 – Kolno – Dom Talmudyczny, rekonstrukcja, stan 1932, opr. autor, oraz fotografia stanu obecnego. fot. autor

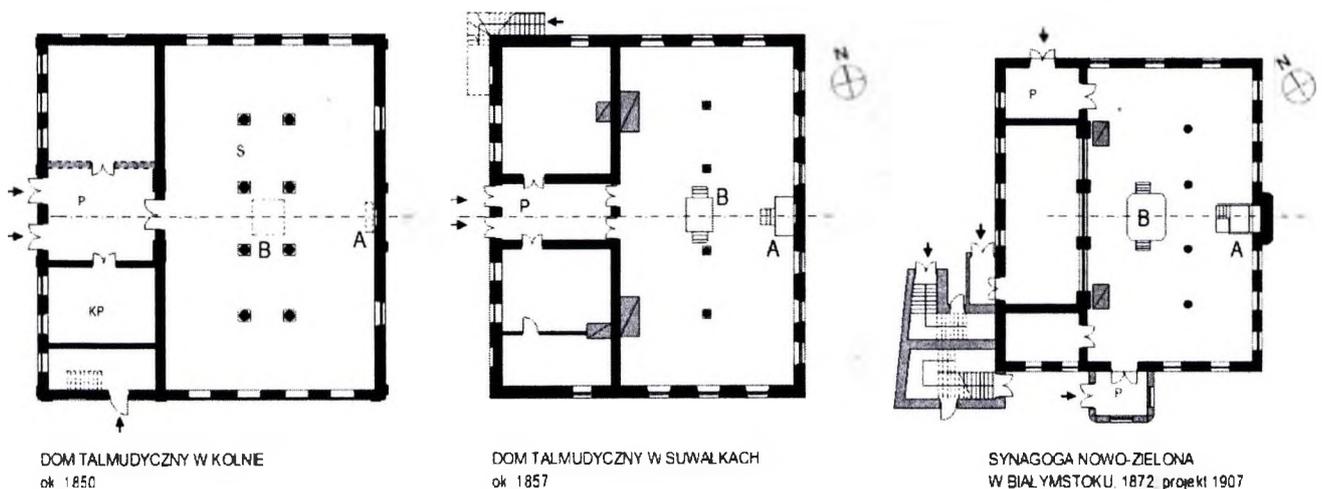

Synagoga Nowo-Zielona ELEWACJA WSCHODNIA

Synagoga Nowo-Zielona ELEWACJA PÓLNOCNNA

Ryc. 8 – Synagoga Nowo-Zielona w Białymstoku, 1872, projekt rozbudowy w 1907, rekonstrukcja opr. autor

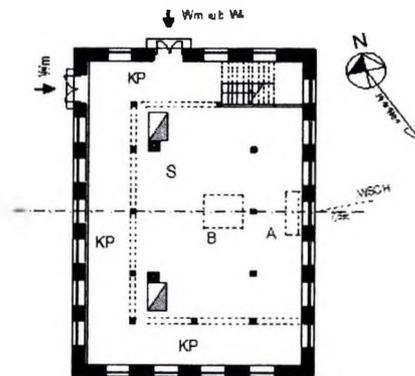
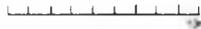
DOM TALMUDYCZNY W KOLNIE
ok 1850

DOM TALMUDYCZNY W SUWAŁKACH
ok 1857

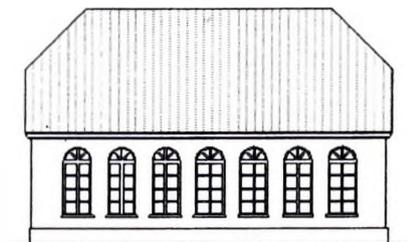
SYNAGOGA NOWO-ZIELONA
W BIAŁYMSTOKU, 1872 projekt 1907

Ryc. 9 – Zestawienie rzutów bożnic w Kolnie, Suwałkach i Nowo-Zielonej w Białymstoku, oprac. autor

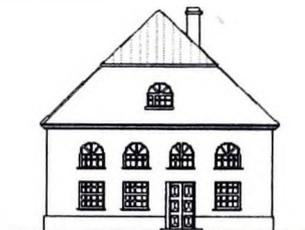
- Legenda
- A - Arkona - sześcian
 - B - Brama
 - S - Główna Sala Młodzieży
 - P - Prezbiterium
 - Wm - Wyjście dla mężczyzn
 - Wk - Wyjście dla kobiet
 - K - Balkon sala młodzieżowa
 - KP - Kuchnia i sanitariaty
 - Z - Czynności techniczne
 - WSCH - Orientacja wschodno-geograficzna

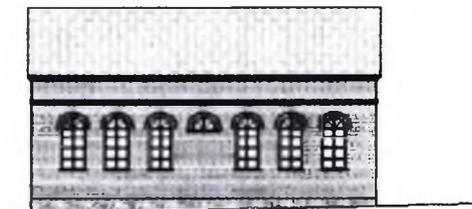
SYNAGOGA 'JATKE KALNIZ' RZ UT
PROJEKT 1925

ELEWACJA WSCHODNIA PROJ. 1925

ELEWACJA PÓŁNOCNA PROJ. 1925

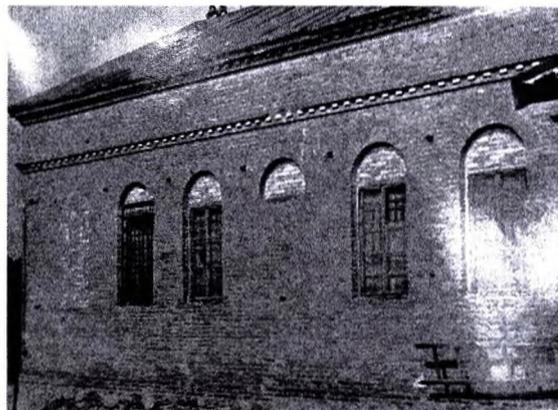

ELEWACJA WSCHODNIA
WERSJA ZREALIZOWANA
REKONSTRUKCJA 1925

ELEWACJA PÓŁNOCNA
WERSJA ZREALIZOWANA
REKONSTRUKCJA 1925

Ryc. 10 – Bożnica Jatke Kalniz w Augustowie; Projekt z 1925 r. oraz rekonstrukcja elewacji wersji zrealizowanej, oprac. autor

Ryc. 11 – Bożnica Jatke Kalniz w Augustowie, stan po wojnie (fot. Archiwum ZIH)

Ryc. 12 – Bożnica Jatke Kalniz, stan obecny, widok od str. pld-wsch., detal gzymsu, fot. autor, 2011

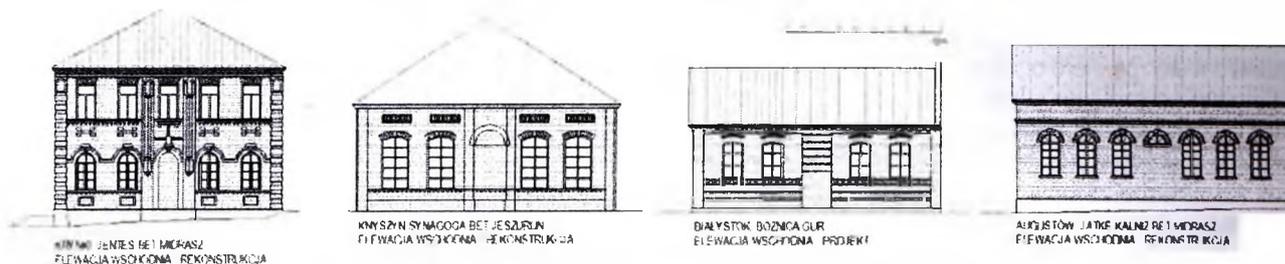

Рис.13 – Zestawienie elewacji wschodnich „cegłanych” synagog na Podlasiu, oprac. autor

УДК 691.51

Тур Э.А., Басов С.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ВОКЗАЛА «БРЕСТ-ЦЕНТРАЛЬНЫЙ»

Железнодорожный вокзал Бреста – один из старейших в РБ. Сегодня здание вокзала «Брест-Центральный» входит в число памятников архитектуры РБ, является действующим музеем мрамора под открытым небом.

В начале 1880 года был объявлен конкурс на лучшее архитектурно-планировочное решение здания вокзала. За основу был принят проект, разработанный архитектором Б. Лорбергом. 28 мая 1886 года в присутствии императора Александра III вокзал был открыт. Он был построен в виде средневековой крепости, островного типа с четырьмя водонапорными башнями и был одним из крупнейших и красивейших вокзалов того времени. В здании размещались помещения почтовых отделений и дежурных жандармов. Вокзал был оборудован водяным отоплением. Внутренняя отделка была высококачественной, пол паркетный, внешняя кладка стен выполнялась с особенной расшивкой швов, кровля была железной. Внутреннее украшение помещений зависело от класса пассажиров. В залах для пассажиров 1-го и 2-го классов полы были паркетные, для 3-го класса – дощатые, в подсобных помещениях – асфальтовые. Вскоре вокзал стал первым на российских железных дорогах, где было установлено электрическое освещение – 160 лампочек по 20 свечей появились в залах и на перронах и 12 фонарей по 50 свечей освещали привокзальную площадь [1].

Во время Первой мировой войны 2/3 общего объема здания вокзала было разрушено. Полностью было разрушено кровельное покрытие, часть несущих конструкций, фасады и стены.

После того, как Брест вошел в состав Польши в 1922 году, принимается решение о реконструкции здания вокзала. Реконструкция продолжалась почти до 1929 года. Новый фасад вокзала, по мнению польских архитекторов, был выполнен в так называемом «народном стиле». Он основывался на использовании архитектурных стилей, таких как ренессанс, барокко и классицизм. Основной объем оставался таким же. Увеличилась по высоте центральная башня-ризолит, которая стала двухэтажной и сильно выступающей за основную линию фасада вперед. Центральный фасад слева и справа прикрывался двумя широкими симметричными двухэтажными башнями, опирающимися на вертикальные опоры, идущие до середины первого этажа. Здание было оштукатурено, а все детали были окрашены в белый цвет, что придавало ему выразительность. На первом этаже вокзала размещались ресторан, буфет, багажное отделение. В центре зала ожидания был построен фонтан [1]. До 1941 года внешний облик железнодорожного вокзала оставался неизменным. В годы Великой Отечественной войны была повреждена кровля и стены. После войны работниками станции выполнялись ремонтные работы. В 1945 году было принято решение расширить вокзальный комплекс. Заказчиком строительства выступила Белорусская железная дорога. В 1950 году было принято решение о реконструкции вокзала.

В период с 1953 по 1956 год было построено новое здание вокзала, напоминающее отдаленно Московский университет. Появились колонны, характерные для советской архитектуры. В облицовке внутренних помещений и фасадов здания были применены цветные породы мрамора и гранита, доставленные из разных регионов СССР – Урала, Карелии, Украины и Грузии. Десять пород мрамора, гранит, гранодиорит, примененные при отделочных работах, позволяют рассматривать здание вокзала как необычный музей минералов. В результате реконструкции появился всем известный сегодня шпиль и пятиконечная звезда, возникли новые пристройки. В результате в Бресте была воздвигнута одна из жемчужин сталинского ампира: со шпилем, колоннами, люстрами и высокими окнами. Полвека простояло здание вокзала практически в первоизданном виде (только в 1993 году польская компания PKZ произвела реставрацию фасадов, шпиля и звезды, в подвале главного здания проложила более 500 погонных метров труб, позднее уже отечественные мастера по швейцарской технологии заменили полы в камерах хранения). Практически весь вокзальный комплекс – станционные здания, переходы, платформы, перроны – нуждался в реконструкции. Вследствие изменений эксплуатационных норм состояние трех залов – пограничного, таможенного и международных касс – было признано аварийным, их пришлось закрыть на капитальный ремонт. Кроме того, требовали срочной замены устаревшие, изношенные внешние и внутренние коммуникации: система электроснабжения, водопровод, канализация. И в 2008 году на республиканском уровне было принято решение о реконструкции брестского вокзала.

Проект реконструкции вокзала станции «Брест-Центральный» разработали специалисты архитектурно-строительного отдела УП «Белжелдорпроект». Он прошел согласование в Министерстве культуры. Это обусловлено тем, что брестский вокзал внесен в Государственный список историко-культурных ценностей Беларуси. Менять

его облик можно только с соблюдением исторически сложившихся размеров, рисунка оконных проемов, дверей, внешнего и внутреннего оформления и других параметров.

Сегодня на станции «Брест-Центральный» продолжается масштабная реконструкция. Задача предстоит не из легких – сохранить исторический облик вокзала, используя материалы и технологии XXI века, обеспечив при этом максимум комфорта для пассажиров и железнодорожников. Научный подход к вопросам реконструкции и реставрации памятников историко-культурного наследия в Республике Беларусь берёт своё начало с 1969 года, с момента создания физико-химической лаборатории при специальных научно-реставрационных производственных мастерских Министерства культуры БССР. Научные исследования по вопросам реставрации историко-культурного наследия продолжают в настоящее время на кафедре инженерной экологии и химии Брестского государственного технического университета.

Авторами в 2010 - 2012 годах были проведены физико-химические исследования строительных растворов материалов и окрасочных составов фасадов здания железнодорожного вокзала на станции «Брест-Центральный».

Цель исследования – изучение технологических особенностей исходных штукатурных растворов, определение первоначальных окрасочных составов и разработка методических рекомендаций по проведению ремонтно-реставрационных работ на фасадах здания. Для исследований были представлены штукатурные, затирочные и кладочные известково-песчаные растворы и цементно-известково-песчаные растворы, а также фрагменты стены здания.

Для анализа представленных образцов применялись микрохимический, гранулометрический и петрографический методы исследований [2, 3,4].

Цвета лакокрасочных покрытий и отделочных составов указаны по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. Цвет покрытия определялся путём визуального сравнения образца с эталонной типографской выкраской. Для устранения метамерии определение цвета проводилось при рассеянном естественном освещении [5]. Результаты испытаний приведены в таблице 1.

Установлено, что все соответствующие (по слоям) исследованные штукатурные известково-песчаные растворы практически не отличаются соотношением компонентов и составом.

Лицевая поверхность фасада со штукатуркой «под бучарду» окрашена лакокрасочным составом светло-бежевого цвета, близким к образцу Ginsten 60L90.C11.H85 или Ginsten 90L93.C14.H85 (по каталогу «3D plus» компании CAPAROL). Лицевая поверхность фасада с гладкой штукатуркой окрашена лакокрасочным составом светло-бежевого цвета, близким к образцу Palazzo 240L95.C10.H80 (по каталогу «3D plus» компании CAPAROL). Лицевая поверхность лепнины окрашена лакокрасочным составом молочно-белого цвета, близким к образцу Hell-Weiß L96.C2.H109 (по каталогу «3D plus» компании CAPAROL).

Перед данными штукатурными и покрасочными работами старые составы были удалены полностью, отсутствуют все следы прежних покрасок и штукатурных работ.

Таблица 1 – Результаты испытаний строительных растворов и окрасочных составов

№	Наименование объекта	Результаты исследований
1	2	3
1	Плоскость стен 1-го и 2-го этажей, штукатурка под «бучарду»	<ul style="list-style-type: none"> ● Известково-цементно-песчаный штукатурный раствор тёмно-серого цвета состава с количественным соотношением компонентов 1:1:3. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном, кварцевый песок. В составе раствора обнаруживаются редкие, мелкие (до 0,2 мм) включения извести. pH водной вытяжки около 8. Штукатурный состав хорошо сохранился. ● Декоративный известково-песчаный штукатурный раствор цвета «какао с молоком» (толщина слоя около 1 см). Цвет близок к образцу «Palazzo 170L78.C16.H80» по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. Состав с количественным соотношением компонентов известь: песок=1:3. В нём присутствует около 5-7% по массе минеральных добавок: слюды размером 0,1-0,15 см, кристаллов мрамора и кварца размером от 0,1 см до 0,3-0,4 см, а также красно-коричневые пылевидные частицы охры. pH водной вытяжки около 8 (данная величина показателя указывает на завершение процесса карбонизации и отсутствие подсоса капиллярной влаги извне или от фундамента). Штукатурный раствор хорошо сохранился, состав пористый («дышащий»). Отмечена высокая адгезия данного декоративного раствора к нижележащему штукатурному слою. ● Цементно-песчаная затирка тёмно-серого цвета состава с количественным соотношением компонентов 1:3. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно мелкой (размер зерна 0,25-0,125 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном, кварцевый песок. pH раствора около 9. ● Грунтовка на основе полимерного связующего. ● Лицевая поверхность образца окрашена лакокрасочным покрытием пастельного светло-бежевого цвета на основе полимерного связующего. Цвет покрытия близок к образцу Ginsten 60L90.C11.H85 или Ginsten 90L93.C14.H85 по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. Покрытие длительно эксплуатировалось без ремонта и могло значительно потерять изначальный цвет под действием ультрафиолетового излучения (даже в случае использования в рецептуре лакокрасочного материала пигментов неорганического происхождения). pH водной вытяжки лакокрасочного покрытия около 7,5. На поверхности лакокрасочного покрытия (ЛКП) чётко прослеживаются крупные микропоры и «лопнувшие» в результате внутренних напряжений участки. Вся поверхность ЛКП усеяна продуктами карбонизации подложки (кристаллами карбоната кальция), кроме того, изредка встречаются отдельные красно-коричневые частицы охры и слюды, вероятно, мигрировавшие на поверхность ЛКП из декоративной штукатурки. Отмечена хорошая адгезия ЛКП к подложке.

Продолжение таблицы 1

2	Плоскость стены 3-го этажа, штукатурка гладкая	<ul style="list-style-type: none"> ● Известково-цементно-песчаный штукатурный раствор тёмно-серого цвета состава с количественным соотношением компонентов 1:1:3. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном, кварцевый песок. В составе раствора обнаруживаются редкие, мелкие (до 0,2 мм) включения извести. pH водной вытяжки около 8. Штукатурный состав хорошо сохранился, отмечена высокая адгезия раствора к подложке. ● Декоративный известково-песчаный штукатурный раствор цвета «какао с молоком» (толщина слоя около 1 см). Цвет близок к образцу «Palazzo 170L78.C16.H80» по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. Состав с количественным соотношением компонентов известь:песок=1:3. В составе присутствует около 5-7% по массе минеральных добавок: слюды размером 0,1-0,15 см, кристаллов мрамора и кварца размером от 0,1 см до 0,3-0,4 см, а также красно-коричневые пылевидные частицы охры. pH водной вытяжки около 8 (данная величина показателя указывает на завершение процесса карбонизации и отсутствие подсоса капиллярной влаги извне или от фундамента) Штукатурный раствор хорошо сохранился, состав пористый («дышащий»). Отмечена высокая адгезия данного декоративного раствора к нижележащему штукатурному слою. ● Цементно-песчаная затирка тёмно-серого цвета состава с количественным соотношением компонентов 1:3. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно мелкой (размер зерна 0,25-0,125 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном, кварцевый песок pH раствора около 9. ● Грунтовка на основе полимерного связующего. ● Лицевая поверхность образца окрашена лакокрасочным покрытием пастельного светло-бежевого цвета на основе полимерного связующего. Цвет покрытия близок к образцу Palazzo 240L95.C10.H80 (по каталогу «3D plus» компании CAPAROL). Покрытие длительно эксплуатировалось без ремонта и могло значительно потерять изначальный цвет под действием ультрафиолетового излучения (даже в случае использования в рецептуре лакокрасочного материала пигментов неорганического происхождения). pH водной вытяжки лакокрасочного покрытия около 7,5. На поверхности лакокрасочного покрытия (ЛКП) чётко прослеживаются крупные микропоры и «лопнувшие» в результате внутренних напряжений участки. Вся поверхность ЛКП усеяна продуктами карбонизации подложки (кристаллами карбоната кальция), кроме того, изредка встречаются отдельные красно-коричневые частицы охры и слюды, вероятно, мигрировавшие на поверхность ЛКП из декоративной штукатурки. Адгезия ЛКП несколько хуже, чем у образца 1, ЛКП местами легко механически отслаивается от подложки.
3	Лепнина	<ul style="list-style-type: none"> ● Известково-цементно-песчаный штукатурный раствор тёмно-серого цвета состава с количественным соотношением компонентов 1:1:3. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном, кварцевый песок. pH водной вытяжки около 8. ● Декоративный известково-песчаный штукатурный раствор цвета «какао с молоком» (толщина слоя около 0,1-0,2 см). Цвет близок к образцу «Palazzo 170L78.C16.H80» по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. Состав с количественным соотношением компонентов известь:песок=1:3. В составе присутствует около 5-7% по массе минеральных добавок: слюды размером 0,1-0,15 см, кристаллов мрамора и кварца размером около 0,1 см, а также красно-коричневые пылевидные частицы охры. pH водной вытяжки около 8 (данная величина показателя указывает на завершение процесса карбонизации и отсутствие подсоса капиллярной влаги извне или от фундамента). Штукатурный раствор хорошо сохранился, состав пористый («дышащий»). Отмечена высокая адгезия данного декоративного раствора к нижележащему штукатурному слою. ● Цементно-песчаная затирка тёмно-серого цвета состава с количественным соотношением компонентов 1:3. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно мелкой (размер зерна 0,25-0,125 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном, кварцевый песок. pH раствора около 9. ● Грунтовка на основе полимерного связующего. ● Лицевая поверхность образца окрашена лакокрасочным покрытием молочно-белого цвета на основе полимерного связующего. Цвет покрытия близок к образцу Hell-Weiß L96.C2.H109 (по каталогу «3D plus» компании CAPAROL). pH водной вытяжки лакокрасочного покрытия около 7,5. На поверхности лакокрасочного покрытия (ЛКП) чётко прослеживаются крупные микропоры и «лопнувшие» в результате внутренних напряжений участки. Вся поверхность ЛКП усеяна продуктами карбонизации подложки (кристаллами карбоната кальция). Отмечена хорошая адгезия ЛКП к подложке.

При проведении реставрационных работ следует учитывать, что оригинальный штукатурный слой выполнен известково-песчаными составами, обладающими высокой пористостью, газо- и паропроницаемостью. В данных штукатурных составах полностью прошли процессы карбонизации. В связи с этим к материалам, используемым при проведении реставрационных работ, предъявляются следующие требования: материалы по своим эксплуатационным характеристикам должны быть аналогичны первоначальным; материалы должны быть химически совместимы с оригинальными и обладать высокой щелочестойкостью.

Проведению штукатурных и окрасочных работ должны предшествовать такие вспомогательные работы, как ремонт и восстановление кровли, водосточных систем, а также работы по гидроизоляции здания.

Поэтому рекомендуется следующая схема проведения ремонтно-реставрационных работ:

- удаление деформированных (разрушенных) фрагментов штукатурного слоя и остатков предыдущих лакокрасочных слоёв;
- подготовка поверхности под покраску: восполнение утраченных фрагментов штукатурки, по необходимости – новые штукатурные работы; грунтование поверхности фасадов;
- окрашивание поверхности фасадов [6].

При обследовании состояния штукатурного слоя (визуальный осмотр, метод простукивания) следует выявить ослабленные участки штукатурки, которые в обязательном порядке подлежат удалению. При глубокой деструкции штукатурки её фрагменты следует удалить механически. Отбивку штукатурки следует осуществлять небольшими участками, по возможности стараясь сохранить подлинную (оригинальную), в особенности – декоративную штукатурку. Удаление деструктированного слоя следует проводить до прочно держащихся фрагментов оригинальной штукатурки. Следует аккуратно удалить старые цементно-известково-песчаные затирочные составы до декоративной штукатурки. Оставшуюся после простукивания, прочно держащуюся штукатурку следует обеспылить. Допускается промывка поверхности холодной водой.

Для восстановления штукатурного слоя рекомендуется использовать не содержащие цемента штукатурные смеси на основе известкового вяжущего. Смеси должны обладать водостойкостью, высокой паропроницаемостью и адгезией к основанию [6]. В частности рекомендуется штукатурная смесь «Пралеска ССМ 30 Ретро В ПМ 1», «Тайфун Мастер №28» или аналогичная, специально предназначенная для выполнения реставрационных штукатурных работ по основаниям исторических зданий и памятников архитектуры, где требуется применение растворов, не содержащих цементное вяжущее. В этом случае состав штукатурки и его эксплуатационные показатели будут наиболее близки аутентичному штукатурному слою. Для восполнения небольших разрушенных фрагментов, выравниванию неровно затёртой штукатурки и затирки микротрещин рекомендуется использовать известковую затирку на основе диспергированной белой извести «Calcimir Kalkschlamme» (компания CAPAROL) или аналогичную, других производителей [7].

Перед оштукатуриванием поверхность необходимо тщательно обеспылить и очистить от остатков разрушенной штукатурки и загрязнений. Оставшуюся после простукивания, прочно держащуюся штукатурку следует механически очистить от слоёв старой краски. Для этого необходимо использовать жёсткие щётки, а также скребки и шпатели [2, 4].

Очищенную и обеспыленную поверхность следует обработать грунтовкой изготовленной на основе высокоактивной гидратной извести. Грунтовка должна обладать высокой паропроницаемостью, максимально приближенной к значению паропроницаемости минеральных составов. Грунтование проводится с целью уменьшения водопоглощения основания и улучшения адгезии к основанию последующего слоя лакокрасочного покрытия. Для обработки минеральных известковых поверхностей рекомендуются грунтовка «Пралеска Грунт Прайм Ретро В М 1 СС», адгезионная грунтовка «Histolith Calcino-Grund» (компания CAPAROL) или аналогичные составы других производителей, предназначенные для грунтования кирпичных стен и стен, оштукатуренных известковыми штукатурками, на исторических объектах и памятниках архитектуры с основаниями, выполненными без применения цементного вяжущего. При проведении штукатурных, затирочных и грунтовочных работ следует соблюдать инструкции и рекомендации предприятия-изготовителя строительных материалов, используемых в реставрационных работах [7].

Окрашивание поверхности следует проводить составами, формирующими покрытие с высокой паропроницаемостью и низким водопоглощением. Для этого в наибольшей степени подходят водно-дисперсионные краски, изготовленные на основе акриловых полимеров, модифицированные силиконовыми смолами и содержащие силикаты. Такие краски образуют наиболее микропористое покрытие, гидрофобное покрытие с низким грязеудержанием и могут наноситься на высокощелочные основания известковых штукатурок. В частности рекомендуются краски «AmphiSilan - Caparol» и «Capasilan - Caparol», которые специально предназначены для проведения реставрационных работ по богатым известью основаниям. Могут применяться также высококачественные известковые краски «Histolith Fassadenkalk», «Histolith Innenkalk» или «Calcimur Fassaden-Kalkfarbe» компании CAPAROL, специально предназначенные для реставрационных работ по известковым основаниям, имеющие хорошую паропроницаемость, возможно применение аналогичных красок других производителей, специально предназначенных для реставрационных работ [2, 3, 4, 7].

Не допустимо использование при окраске данных высокощелочных поверхностей обычных водно-дисперсионных красок на основе акриловых полимеров. В этом случае может произойти омыление полимерного плёнокообразователя, что сопровождается шелушением краски, отслоением её от подложки и изменением первоначального цвета. Кроме того, низкая паропроницаемость покрытия может привести к его отслоению от подложки [6].

Производить покраску фасадов рекомендуется не ранее, чем через 28 суток после выполнения всех подготовительных (штукатурных и т.д.) работ.

При проведении покрасочных работ следует соблюдать инструкции и рекомендации предприятия-изготовителя лакокрасочных материалов, используемые в реставрационных работах.

Список цитированных источников

1. Муфель, И.Б. Брестский железнодорожный вокзал – западные ворота страны / И.Б. Муфель, С.Т. Шпудейко – Минск: Энциклопедикс, 2005. – С.17.
2. Никитин, Н.К. Химия в реставрации: справ. пособие / М.К. Никитин, Е.П. Мельникова. – Л.: Химия, 1990. – 304 с.
3. Ратинов, В.Б. Химия в строительстве / В.Б. Ратинов, Ф.М. Иванов. – М.: Стройиздат, 1969. – 198 с.
4. Ивлиев, А.А. Реставрационные строительные работы / А.А. Ивлиев, А.А. Калыгин. – М.: ПрофОбрИздат, 2001. – 272 с.
5. Фрессель, Ф. Ремонт влажных и повреждённых солями строительных сооружений / Ф. Фрессель. – М.: ООО «Пэйнт-медиа», 2006. – 320 с.
6. Брок, Т. Европейское руководство по лакокрасочным материалам и покрытиям / Т. Брок, М. Гротеклаус, П. Мишке. – пер. с англ. под ред. Л.Н. Машляковского. – М.: Пэйнт-Медиа, 2004. – 548 с.
7. Тур, Э.А. Исследование минеральных материалов, используемых при постройке дворцового комплекса Сапег в Ружанах / Э.А. Тур, С.В. Басов. Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-историческое использование: сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 29-30 мая 2012 г., под общ.ред. доктора архитект., проф. В.Ф. Морозова. – Брест: БрГТУ, 2012. – С.101-104.

MONASTYR ŚW. ŚW. MARTY I MARII NA ŚWIĘTEJ GÓRZE GRABARCE – HISTORIA DAWNA I WSPÓŁCZESNA

Święta Góra – krótka historia i hierofanie

Święta Góra Grabarka¹⁷⁸ to miejsce niezwykle.

Należy ono do najbardziej znaczących, czczonych powszechnie ośrodków prawosławia w Polsce. Pielgrzymują tu wszyscy zwłaszcza w święto Spasa (Zbawiciela) czyli Przemienienia Pańskiego¹⁷⁹.

Początki Świętej Góry sięgają czasów wprowadzenia chrześcijaństwa na Podlasie w wieku XII. Wówczas powstały też pierwsze cerkwie w Drohiczyńcu, Mielniku, Bielsku Podlaskim, Brańsku, Surażu. Lecz był to też czas licznych najazdów tatarskich. W obliczu jednego z nich nastąpiło zaginięcie cudownej ikony „Spasa Izbawnika” przechowywanej dotąd w cerkwi Bogurodzicy w Mielniku. Ikona nie uległa wówczas zniszczeniu lecz w cudowny sposób się „objawiła” na Górze Grabarce. Tak ocalona, nie powróciła już nigdy do Mielnika. Choć z biegiem lat padła łupem grabieżców, lud zachował ją jednak w swej pamięci, a Grabarka stała się jednym z miejsc jej kultu¹⁸⁰.

Powszechny rozgłos uzyskała Grabarka w wieku XVII. Do dziś zachowała się pamięć o cudownym uzdrowieniu ludzi w czasie panującej tu latem 1710r. epidemii morowego powietrza. Cholera zabijała wówczas tysiące ludzi, a ich ciała nie nadążano grzebać. Prastara legenda głosi, że jeden z mieszkańców Siemiatycz miał wtedy objawienie, że śmierci można uniknąć tylko na Świętej Górze. Moc zachowania od zarazy miała mieć woda z cudownego źródła znajdującego się nieopodal góry. Uznano to za Bożą wskazówkę i pozostali przy życiu ludzie, nawet chorzy, niosąc wspólnie krzyż, wyruszyli w podróż ku wskazanej górze. Tam po postawieniu krzyża, wznosili błagalne modły. Odnaleźli również źródło – „krynicę” i napili się wody. Zgodnie z objawieniem stał się cud – śmierć ich ominęła. W podzięk Bogu za ocalenie postawili w tym miejscu jako wotum cerkiewkę¹⁸¹. Potem zaczęli nazywać to wzgórze „świętą górą”¹⁸².

Krzyż postawiony kiedyś na górze stał się pierwowzorem wszystkich późniejszych, po dziś dzień niesionych tam na wszelką intencję krzyży. „Ci, którzy przychodzą na Grabarkę z prawdziwą, głęboką wiarą, nie tylko prawosławni ale i katolicy, są uzdrawiani” – pisał w połowie XIX wieku *Kwiercet*. Woda z położonego u podnóża góry źródła ma moc cudownego uzdrawiania niezależnie do wyznania.

Droga pielgrzymowania

Od tego momentu Święta Góra Grabarka stała się znany centrum kultu, a później również bez wątpienia największym centrum pątniczym ludności prawosławnej na tych ziemiach¹⁸³.

Pielgrzymowali¹⁸⁴ doń, zwłaszcza „na Spasa”, wszyscy wyznawcy prawosławia. Niosąc ze sobą różnej wielkości krzyże pokutne i dziękczynne, szukali tu otuchy i pocieszenia zdrowi i chorzy, szczęśliwi i strapieni. Zanosili dziękczynne modlitwy za świat, wyrwani od śmierci ludzie cudownie uzdrowieni. Modlili się za dusze żywych i umarłych, za ich wspólne przyszłe spotkanie i zmartwychwstanie.

Po kilkudziesięciu latach komunizmu w Polsce, to właśnie na Świętej Górze Grabarce nastąpiło odrodzenie tradycji pielgrzymowania. W maju 1980 roku przybyli tu na pierwszą modlitwę, jako zorganizowana grupa, pierwsi pielgrzymi. Od tego czasu, każdego roku, w okresie paschalnym, tysiące młodych ludzi z Polski i zagranicy spotyka się na Świętej Górze.

¹⁷⁷ Jerzy Uściłowicz, prof. nzw. dr hab. inż. arch., Zakład Architektury Kultur Lokalnych, Wydział Architektury Politechniki Białostockiej; Director International Union of Architects UIA Work Programme „Spiritual Places”

¹⁷⁸ Wieś Grabarka jest niewielką wsią położoną nad rzeczką Moszczoną, w południowej części Niziny Północnopodlaskiej, na Wysoczyźnie Drohiczyńskiej, w odległości ok. 8 km na wschód od Siemiatycz. Istniejący tutaj monastyr Św. Św. Marty i Marii, rozlokowany na leżącej w uroczysku Sumieńszczyzna Świętej Górze Grabarce ok. 0,5 km od tej wsi, znajduje się pomiędzy dwoma historycznymi, nadbużańskimi miastami – Mielnikiem i Drohiczyńcem.

¹⁷⁹ Święto Przemienienia Pańskiego należy do najważniejszych świąt w Cerkwi prawosławnej. Na wschodnim pograniczu Rzeczypospolitej nazywa się je tradycyjnie Spasem (scs. Spasitiel-Zbawiciel-Jezus Chrystus).

¹⁸⁰ Kult Św. Spasa Izbawnika w XIVw. był już głęboko zakorzeniony w świadomości religijnej ludu nadbużańskiego, stąd liczne na owe czasy wezwania cerkwi i monastyrów Św. Spasa w Drohiczyńcu, Mielniku i Surażu. Objawienie się ikony jest pierwszą hierofanią, która uczyniła z Góry Grabarki miejsce kultu i pielgrzymowania.

¹⁸¹ Dokładna data budowy cerkwi Spasa nie jest znana. Wybudowano ją zapewne tuż po ustaniu epidemii. Pierwsza wzmianka, zawierająca dokładny jej opis, pochodzi już z 1726r. Wzniesiono wówczas tymczasową drewnianą cerkiew pod wezwaniem Spasa (Przemienienia Pańskiego), która według tradycji miała być cerkwią przeniesioną z Mielnika i później rozbudowaną na Grabarce.

¹⁸² Góra utożsamiana jest zawsze z „centrum kosmicznym”, „Kosmicznym Drzewem”, „centralną kolumną” lub „drabiną Jakubową”. Jest wyrazem odwiecznego dążenia człowieka ku niebiosom, ku Bogu. Tutaj krzyżują się wszystkie poziomy, osie kosmiczne (axis mundi), tutaj zagęszczona jest i „porywana” w górę materia, tutaj dokonuje się jej „duchowa egzaltacja”. Jest to miejsce „święte”, centrum świata (omphalos), przejście z rzeczywistości ziemskiej w rzeczywistość niebiańską, przeskok ze stanu materii w stan ducha, stworzenia w Boskość, widzialnego w niewidzialne. Góra Niebieska jest „sklepieniem niebios”, na którym stoi tron Pana Stworzenia: „Bóg Góry, Bóg Wysokości” (hebr. El Szaddaj). Góra stała się szczególnym miejscem nauczania Jezusa (Ew. św. Mateusza 5:1); wyboru spośród Jego uczniów dwunastu apostołów (Ew. św. Marka 3:13-14); Jego Przemienienia na górze Tabor (Ew. św. Mateusza 17:1-9; Ew. św. Łukasza 9:28-36). Na górze Oliwnej Chrystus rozpoczął swoją mękę (Ew. św. Łukasza 22:39.). Na wzgórzu Golgoty dokonała się Jego zbawcza ofiara i z góry Oliwnej również nastąpiło Jego Wniebowstąpienie (Dz. Apost. 1:11-12). Góra, a w szczególności góra Syjon, pozostaje w świadomości chrześcijańskiej „górą świętą”, miejscem Wieczernika, prefiguracją przyszłego raju, Królestwa Bożego. Niebiańskiego Jeruzalem.

¹⁸³ Do czasów I wojny światowej w obecnych granicach Polski znajdowało się pięć prawosławnych monastyrów żeńskich w: Radeczniczy k/Zamościa, Leśnej k/Białej Podlaskiej, Turkowicach k/ Hrubieszowa, Wirowie k/ Drohiczyzna oraz w Krasnymstoku k/Sokołki. Po ewakuacji w 1915r. nie wznowiły one już nigdy swojej działalności. W okresie międzywojennym, na terenach wschodnich Rzeczypospolitej, działało również pięć monastyrów żeńskich: w Wilnie, Grodnie, Korcu, Zimnem i Obyczach. Po zmianach granic po II wojnie światowej nie było już żadnego monastyru żeńskiego. Pierwszą restytucją dokonaną w 1947r., był właśnie monastyr Św. Św. Marty i Marii na Świętej Górze Grabarce.

¹⁸⁴ W greckim wydaniu Dziejów Apostolskich życie chrześcijan, jak również całe chrześcijaństwo, określa się „drogą” (Dz. Ap. 9:2; 18:25 i in.). Odpowiednikiem geometrycznym drogi jest najczęściej oś geometryczna, będąca zarazem „osią świata”, „osią komunikacji z Bogiem”, „drabiną aniołów”, „drabiną Jakuba”, „filarem osiowym”, „Drzewem kosmicznym”, „Górą kosmiczną”. „Świętą drogą” w perspektywie kosmologicznej jest Chrystus – drogą będącą rekapitulacją wszelkich dróg wiodących w czasoprzestrzeni kosmicznej ku „Boskiemu centrum”. Droga ta, prefigurowana w Starym Testamencie w widzeniu Izajasza „o powrocie wyzwolonego ludu Bożego na Syjon”: „(I będzie tam droga bita, nazwana Drogą Świętą. Nie będzie nią chodził nieczysty; będzie ona tylko dla jego pielgrzymów. Nawet głupi na niej zabłądzi (...). Lecz pojdą nią wybawieni. I wrócą odkupieni przez Pana, a pojdą na Syjon z radosnym śpiewem (...)” (Ks. Izajasza 35:8-10)) – spełniła się w Zbawicielu, który Sam mówi o Sobie do Apostołów: „Ja jestem drogą i prawdą i życiem. Nikt nie przychodzi do Ojca inaczej jak tylko przeze mnie” (Ew. św. Jana 14:6). Wskazuje to jednoznacznie na Niego, jako na jedyną drogę wiodącą do Zbawienia, którą winien podążać każdy chrześcijanin.

Wspólne stawianie i święcenie krzyży, modlitwa, spowiedź, Eucharystia, a także rozmowy z duchownymi, śpiewanie religijnych pieśni i słuchanie liturgicznej muzyki cerkiewnej – wypełniały program spotkań młodzieży. Bo to właśnie młodzież jest po dziś dzień nośnikiem tej żywej tradycji pątniczej prawosławia na tych ziemiach.

Śladem młodych, po paru latach wyrusza z Białegostoku na Święto Przemienienia Pańskiego pierwsza piesza pielgrzymka, nieliczna, bo zaledwie kilkunastoosobowa, a i to pilnowana dokładnie przez Służby Bezpieczeństwa. Każdego roku coraz liczniejsza, urosła do kilkudziesiętnych grup pątniczych z Białegostoku, Sokółki, Czarnej Białostockiej, Siemiatycz, Bielska Podlaskiego, Mielnika, Jabłecznej, Lublina, Warszawy, a także z Białorusi, Litwy i Ukrainy (fot. 1). Dla wszystkich, zarówno pątników, jak i tych, którzy ich witają i goszczą na trasie w swych domach, pielgrzymka ustanawia wielkie mistyczne przeżycie. Część pielgrzymów idzie w pojedynkę z własnym krzyżem, część wspólnie, dźwigając ogromne, kilkumetrowe krzyże. Ich wielkość, to według lokalnych tradycji, rozmiar chorób i cierpień osób, w których intencji są niesione. To jakby symbol „ciężaru grzechów” ich fundatorów. Wszystkie drogi zmierzające na Świętą Górę, to jakby odnowienie, rytualne powtórzenie owej dawnej, lecz ciągle w świadomości ludu obecnej, drogi życia, dziś nastawionej na pokutę, uzdrowienie i przemianę (*metanoia*).

Czasem nieustającej modlitwy, wznoszonej przez dziesiątki tysięcy wiernych pielgrzymujących na Świętą Górę, jest święto Przemienienia Pańskiego (Spasa). Obchodzone 19 sierpnia, istniejące w kalendarzu chrześcijańskim już od IV wieku, dziś zaliczane jest w Cerkwi prawosławnej do dwunastu najważniejszych. Uroczystości rozpoczynają się w wigilię święta – 18 sierpnia. Przed wieczornym nabożeństwem przybywają wówczas wielotysięczne rzesze wiernych, pielgrzymów, a wśród nich i kapłanów, witanych uroczystie przez kościelnych hierarchów. Po przybyciu, u podnóża Świętej Góry, pielgrzymi piją jak dawniej wodę z cudownego źródła. W strumyku obmywają też chustami chore miejsca. Pozostawione po ablucjach chusty są skrzętnie zbierane przez mniszki monasteru, a później, wraz z chorobami które „przyjęły na siebie” – palone. Nabierają też wody w naczynia, by zanieść ją do swych domów, dla bliskich, potrzebujących jej cudownej, uzdrawiającej mocy. Po tym niecodziennym rytuale, wraz ze swoimi krzyżami udają się na górę, krok po kroku, na kolanach obchodząc po trzykroć w skupieniu i modlitwie (fot. 2), ulokowaną na szczycie, drewnianą cerkiew Przemienienia.

Święta Góra Krzyż

Krzyż¹⁸⁵, bo on obok góry i wody stanowi wyróżnik znakowy i przestrzenny Grabarki jako szczególnego miejsca prawosławnego kultu – to symbol męki Chrystusa, ale przede wszystkim Jego zwycięstwa i chwały. W lokalnej tradycji stawiano go w miejscach słynących z cudownych objawień i hierofanii. Stawiano je na rozstajach dróg i przy każdej wsi, na jej krańcach, by broniły przed śmiercią, chorobami czy żywiołami. Stawiano je z wdzięczności Bogu za ocalenie życia, za wyleczenie z choroby czy wybawienie z nieszczęść.

Przez te wszystkie lata przyniesiono na Świętą Górę tysiące krzyży, różnych w formie i funkcji (fot. 3,4). Dziś już najstarsze pochodzą z XIXw. i noszą ślady dawnych zwyczajów. Na niektórych z nich zachowały się kolorowe wstążki, na pamiątkę sceny, która rozegrała się na Golgocie, pod krzyżem umierającego Chrystusa, gdy Bogurodzica przewiązała krzyż kolorową tkaniną. Na nielicznych krzyżach zachowały się też skrawki białego płótna z wyciętymi wzorami, jako symboliczna opłata za duszę zmarłego.

Na krzyżach widnieją najczęściej napisy: *Spasi Gospod*i (Panie Zmiłuj się) oraz wyszczególnione są imiona osób bliskich, rodziny, w intencji której krzyż jest stawiany (*Spasi i Sochrani, Za zdrowie, Za upokoj, Mir ich prachom*). Są też krzyże pokutne, które przydały Grabarce stosowaną czasem nazwę „wzgórza pokutników” (fot. 5).

Po rytualnym poświęceniu na górze krzyże wkopywane są w ziemię. Po każdej pielgrzymce Święta Góra staje się bogatsza o nowe krzyże, a wraz z nimi o ludzkie troski, bóle, dziękiczynienie lub modlitwę o Boże miłosierdzie. Co roku po święcie Spasa, kolejne słoje stawianych wokół cerkwi krzyży naznaczają święty czas i świętą przestrzeń góry, zagęszczają święty krąg wokół sanktuarium (fot. 6). Nigdzie indziej w Polsce nie ma góry usianej taką ilością drewnianych krzyży: ogromnych, bo nieraz kilkumetrowych i małych – kilkucentymetrowych, cztero- i sześcioramiennych, prostych i ubogaconych, niczym biblijne „drzewo życia”. Stoją tak jeden przy drugim, czasami jeden na drugim, jakby w objęciach, pomiędzy drzewami, które, jak głosi kolejny przekaz, w solidarnej obronie tego świętego miejsca w czasie okupacji – jak mafioron Bogurodzicy Opiekunki rozpostarty nad ludźmi podczas jej modlitwy za ich zbawienie – pochyliły się w stronę cerkwi i okryły ją swymi koronami. Ocaliły ją¹⁸⁶.

Wieczorem Święta Góra zaludnia się pielgrzymami. Nabożeństwo wieczorne, tzw. *wšenoszcznoje bdienije*, rozpoczyna się o godzinie 18. i jest celebrowane zawsze przez zwierzchnika Cerkwi prawosławnej w Polsce w asyście biskupów oraz

¹⁸⁵ Krzyż jest wyrazem zwycięstwa, chwały i życia, osiągniętych poprzez upadek, pokorę i śmierć. Jest symbolem Wszechmogącego Boga i królewskim znakiem triumfującego Chrystusa, tak jak to określa św. Jan Chryzostom: „Ja nazywam Go królem, ponieważ widzę Go ukrzyżowanym; On jest królem umierającym za swoich”. Jest ikoną ekonomii Zbawienia upadłej ludzkości, kompensacją trynitarną miłości Boga do człowieka: „Krzyżująca Miłość Ojca, ukrzyżowana Miłość Syna, Miłość Ducha Świętego triumfująca przez drzewo krzyża” – objawieniem Bożej mocy (I List do Koryntian 1:18). Krzyż niejednokrotnie przedstawiany jest przez greckich Ojców Kościoła jako symbol Chrystusa, który rozpościerając się na „drzewie męki” obejmuje całe Uniwersum. Jest On więc wyrazem kosmicznego charakteru czynu zbawczego Chrystusa.

Krzyż identyfikuje się też z rajskim „Drzewem życia” i „Drzewem Kosmicznym”, które są zarówno symbolem Chrystusa, jak i symbolem rzeczywistości rajskiej i całego Wszechświata zmierzającego ku zbawieniu. Fakt, że rajskie „Drzewo życia” wyrosło w Edenie stanowi jego centrum, a cztery rzeki wypływające z niego, kreślą w kosmosie znak krzyża, zaś krzyż wzniesiony na Golgocie - centrum świata, stanął w miejscu, gdzie został stworzony Adam i gdzie znajduje się jego grób – stanowi jedno z istotnych uzupełnień symbolologicznych wskazanego planu odniesienia. Krzyż jest wreszcie biblijną „drabiną Jakubową” po której wstępują i zstępują aniołowie, tak jak to wspaniale wyraził Jakub z Sarug: „Chrystus na krzyżu znajdował się na ziemi jak na drabinie bogatej w stopnie”.

¹⁸⁶ Po I wojnie światowej cerkiew na Grabarce nie została zamknięta, jak to czyniono z większością kaplic Cerkwi prawosławnej, ponieważ obok niej znajdował się cmentarz i odprawiano w niej nabożeństwa pogrzebowe. W okresie międzywojennym w cerkwi kilka razy w roku, odprawiano nabożeństwa licznie przybyłym wiernym. Okres II wojny światowej oszczędził cerkiew przed zniszczeniem. Pod koniec lat 60. zostaje przeprowadzony jej gruntowny remont. Wnętrze otrzymuje nowy, niezwykle oryginalny wystrój ikonograficzny, autorstwa Adama Stalony-Dobrzańskiego i Jerzego Nowosielskiego.

W nocy 12/13 lipca 1990 r. cerkiew została podpalona. Ogień strawił całą świątynię. Ocalała jedynie Ewangelia i dwie ikony - Zbawiciela (Spasa) i św. Mikołaja. Po jej odbudowie, dzięki licznym ofiarom wiernych i pomocy rządu polskiego 17 maja 1998 r. metropolita Sawa dokonał poświęcenia odbudowanej świątyni.

Munie przybyłych kapłanów, mniszek i mnichów, diakonów. Później odbywa się całonocne czuwanie ze wspominkami za zmarłych. Z rąk do rąk krążą wypisane uprzednio kartki z imionami zmarłych. To za spokój ich duszy modlą się nieustannie w skupieniu wszyscy kapłani i wierni – nad grobami, w cerkwiach, pomiędzy krzyżami¹⁶. O północy, po wezwaniach cerkiewnych dzwonów, na monasterskim cmentarzu służy się *panichidę*. Całą noc trwa spowiedź wiernych i odbywają się rytmicznie, trwające jedna za drugą, przez całą noc, Święte Liturgie, podczas których tysiące pielgrzymów, przystępuje do Świętej Eucharystii.

Całą noc słyhać religijne śpiewy, które w gęsto rozsianych po górze grupach, w przerwach pomiędzy kolejnymi nabożeństwami, śpiewają wierni. Jak w transie, rytmicznie pulsuje też nieustannie, radosny starocerkiewny śpiew *troparionu Przemienienia*: „Przemieniłeś się na górze, Chryste Boże, pokazując uczniom Twym chwałę Twoją, albowiem mogli ją wchłoniąć; niech rozbrzmi i dla nas, grzesznych światłość Twoja wieczna; za modlitwy Bogurodzicy, Dawco Światła, chwała Tobie”. Tysiące świec płonie, rozcinając swym ciepłym blaskiem mrok nocy, jakby zapowiadało już świt i cudowną światłość Przemienienia Pańskiego. Niektórzy na klęczkach znów obchodzą ze świecami cerkiew Spasa (fot. 7). Z tyłu cerkwi, od strony cmentarza pańnicy składają ofiary z owoców natury, które następnego dnia, po procesji wokół świątyni, kończącej nabożeństwo eucharystyczne, zostaną poświęcone. Wiele już osób na chwilę zasypia na ziemi, pod otwartym niebem. Jakby wtuleni pomiędzy drzewa i stojące pod nimi krzyże (fot. 8), jednoczą się we wspólnym oczekiwaniu na ponowne przyjście Zbawiciela.

Превъразниа сѣ на горѣ, хрѣсте бже,
показавши ученикомъ твоимъ славу твою,
якоже можаше: да возиметъ и намъ грѣшнымъ
свѣтъ твой приносѣщымъ,
молитвами ещи, свѣтодавецъ, слава тебе.

Cerkwie

Święta Góra Grabarka, stanowi w całości teren sanktuarium – prawosławnego monasteru Św. Św. Marty i Marii. Znajdują się tu obiekty reliktowe o wysokiej randze i dużym znaczeniu. Należą do nich przede wszystkim: drewniana, zabytkowa cerkiew Przemienienia Pańskiego (Spasa), drewniana cerkiew Ikony Matki Bożej Radość Wszystkich Strapionych, studzienka ze świętą wodą na źródleku Trościaniec, krzyże wotywny w kompleksach zwartych i pojedyncze, istniejący cmentarz oraz powstały niedawno dom pielgrzyma, schody wiodące od podnóży Świętej Góry do jej szczytu z cerkwią oraz, nieco wcześniej, ogrodzenie z kamieni polnych z bramami i furtami wejściowymi. Znajdują się tutaj także liczne twory natury: źródleko i pochylone ku cerkwi wielkie sosny. Występuje tu także niecodzienna naturalna konfiguracja terenu.

Centralnym elementem założenia jest cerkiew Przemienienia Pańskiego wraz otaczającymi ją kwaterami wypełnionymi krzyżami wotywnymi. Cerkiew – katholikon wznosi się na jednym z najwyższych miejsc góry. Jest ona świątynią orientowaną, z silnie eksponowaną bryłą. Stanowi centrum kompozycyjne i znaczeniowe całego założenia monasterskiego. Po I wojnie światowej cerkiew na Grabarce nie została zamknięta, jak to czyniono z większością kaplic Cerkwi prawosławnej, ponieważ obok niej znajdował się cmentarz i odprawiano w niej nabożeństwa pogrzebowe. W okresie międzywojennym w cerkwi kilka razy w roku, odprawiano nabożeństwa licznie przybyłym wiernym. Okres II wojny światowej oszczędził cerkiew przed zniszczeniem.

Pod koniec lat sześćdziesiątych, zostaje przeprowadzony jej gruntowny remont (fot. 9). Wnętrze otrzymuje nowy, niezwykle oryginalny wystrój ikonograficzny, autorstwa Adama Stalony-Dobrzańskiego i Jerzego Nowosielskiego (fot. 10). Świątynia ta i jej wystrój nie zachowały się jednak. Cerkiew ta została podpalona, pożar strawił ją całkowicie (fot. 11)¹⁶⁷. Odbudowa trwała prawie 8 lat i chociaż było wiele koncepcji jej ponownego wzniesienia (z piękną koncepcją zaproponowaną przez Jerzego Nowosielskiego włącznie) zdecydowano się na dość wierną – choć przy zastosowaniu bardziej odpornego na ogień, muranego już budulca ścian z drewnianą okładziną – jej rekonstrukcję (fot. 12).

Drugim najistotniejszym miejscem kultu była drewniana cerkiew Ikony Matki Bożej Wszystkich Strapionych Radość (fot. 13), położona w stosunku do poprzedniej na południe¹⁶⁸.

Na terenie monasteru znajdują się także i inne obiekty ważne z punktu widzenia użytkowego, różnorodne pod względem stylistycznym, o zróżnicowanej tektonice i w różnym stanie technicznym. Należy do nich wspomniana już studzienka ze świętą wodą na uroczysku Trościaniec (fot. 14). Na tym terenie znajdowały się niestety także, niezbyt fortunnie zbudowane, o dość „krzykliwej” tektonice lub o złym stanie technicznym, obiekty. Ze względu na swoje położenie i

¹⁶⁷ W nocy z 12/13.07 1990 r. cerkiew została podpalona. Ogień strawił całą świątynię. Ocalała jedynie Ewangelia i dwie ikony - Zbawiciela (Spasa) i św. Mikołaja. Po jej odbudowie, dzięki licznym ofiarom wiernych i pomocy rządu polskiego 17.05 1998r roku J.E. Metropolita Sawa dokonał poświęcenia odbudowanej świątyni.

¹⁶⁸ Od wiosny 1948 r. do klasztoru na Św. Górze Grabarce, zaczęły przybywać siostry. Poza drewnianą cerkwią, stróżówką i szopą nie było tu żadnych innych zabudowań. Do otoczonej lasem krzyży cerkwi przylegał niewielki cmentarz. Siostry nocowały początkowo na cerkiewnej dzwonnicy lub korzystały z gościnności gospodarzy pobliskich wsi. Przed rozpoczęciem zimy 1948/49 z malej stróżówki powstał dom składający się z czterech pokoi, kuchni, składówki i piwnicy, który wyposażono w 10 łóżek.

W 1949 roku liczba sióstr znacząco wzrosła. Założono ogród i wykopano na wzgórzu studnię. Zima Po zimie 1949/50 zdecydowano się na budowę ogrzewanej świątyni. Rozpoczęto ją w 1950r. wraz położeniem kamienia węgielnego w nowo wykonanych fundamentach. W 1956 roku zakończono budowę świątyni. Została ona poświęcona w dniu 6 listopada 1956 roku w cześć Ikony Matki Bożej Wszystkich Strapionych Radość ("Wsiach Skorbiaszczych Radość"). Budynek był eksploatowany jako obiekt sakralny z pomieszczeniami mieszkalnymi zakonnic. Ostatni remont zimowej cerkwi przeprowadzony został w 1990 r

nadmierną ekspozycyjność – naruszają właściwy, duchowy charakter Świętej Góry. Poprzez swoją „ostrą” i nadmiernie wyeksponowaną tektonikę i wyniesienie znacznie ponad teren, koncentrują zbyt na sobie uwagę. Zamiast naturalnie wpisywać się w zielen, stanowią dla niej konkurencję.

Idee

W 2002 r. powstała w Cerkwi prawosławnej inicjatywa rozbudowy istniejącego założenia monastycznego, w związku z którą ogłoszono konkurs architektoniczny. Jednym z pilniejszych potrzeb była budowa drugiej świątyni, o dość dużej jak na istniejące uwarunkowania przestrzenne powierzchni 1200m² oraz rozbudowa istniejących zabudowań monastycznych o dom pielgrzymów.

Podjęte zamierzenie konkursowe¹⁸⁹ dotyczyło budowy nowej cerkwi (soboru) z dzwonnica, rozbudowy istniejącego korpusu monastycznego, budynku inwentarskiego, dróg, alei pieszych, placów, dziedzińców i parkingów a także kompozycji zieleni i rozwiązań tzw. małej architektury, które służyć miały zaspokojeniu potrzeb religijnych samego monasteru Św. Św. Marty i Marii i całej społeczności prawosławnej Polski i krajów sąsiedzkich.

Zasadniczymi wytycznymi ideowymi było stworzenie kompleksu monastycznego, który w swym wyrazie architektury, kompozycji przestrzennej oraz rozwiązaniu funkcjonalnym i ikonograficznym byłby żywą kontynuacją tradycji prawosławnej, zarówno w skali lokalnej – Podlasia i Polski – jak w skali uniwersalnej, światowej; ujawnił by godnie właściwą rangę i znaczenie Grabarki dla prawosławia w Polsce i na całym tzw. pograniczu polsko-białorusko-ukraińsko-rosyjskim. Miałby on stać się kompleksem memorialnym, dającym świadectwo o korzeniach prawosławia w Polsce, odwołującym się do wielowiekowej tradycji cerkwi, do najstarszych i najbardziej znaczących, choć już niekiedy nieistniejących materialnie, ale wciąż żywych duchowo i zakorzenionych głęboko w świadomości ludu, „relikwii” sztuki cerkiewnej tych ziem, tj. architektury starożytności (średniowiecznej), grodowej, tak, by stał się on żywym symbolem dawnego i żywego istnienia na tych ziemiach Cerkwi prawosławnej. W intencjach projektowych ważne było by był on monasterem tradycyjnym – monumentalnym, prostym, powściągliwym i skromnym w formie, ale też unikatowym, czytelnym w treści teologicznej i bogatym w treści duchowej. Był monasterem, który rozwinął by istniejący na Świętej Górze i wyczuwalny przez wszystkich związek Boga, człowieka i całej stworzonej natury – Stwórcy i Jego stworzenia. Nie zniszczył lecz umocnił to, co stanowi o jedności tego miejsca na świecie jako o istnym „Raju na ziemi”. Miał być zespołem, który nie tylko rozwiąże dzisiejsze, doraźne potrzeby egzystencjalne, ale w możliwie najlepszy sposób umożliwi zaspokojenie nowych potrzeb w przyszłości, bez konieczności nieskoordynowanego mnożenia nowych budowli i infrastruktury. Był przy tym możliwym do zrealizowania przez społeczność prawosławną naszego kraju własnymi siłami, w miarę materialnych możliwości wiernych, etapami, z prostych, naturalnie pozyskanych materiałów i w zgodzie z naturą.

Kontrowersyjną sprawą była planowana budowa domu pielgrzyma. Lokowanie budowli o tak dużej skali rozwiązania i tak obszernym programie funkcjonalnym po stronie południowej Świętej Góry, na terenie najwyższej położonym, o największej ekspozycyjności, nie było właściwe. Należało tej inwestycji poniechać w tym miejscu, bo obiekt dominował by znacznie nad Świętą Górą. Winno się raczej przewidzieć rozbudowę istniejącego kompleksu monastycznego i jego okazjonalne, okresowe użytkowanie przez pielgrzymów.

Monastyr

W projekcie uznano, że istniejący budynek główny monasteru można z powodzeniem przebudować. Za konieczne ze wszech miar i możliwe do spełnienia jest zachowanie istniejącego drzewostanu. Został on nie tknięty (fot. 15).

Układ przestrzenny całego zespołu podporządkowany został położeniu głównego jego obiektu – cerkwi monastycznej. Sobór ten, zgodnie z warunkami konkursu, miał powstać w miejscu istniejącej, dziś modernizowanej, cerkwi Ikony Matki Bożej Wszystkich Strapionych Radość. Taka lokacja była uzasadniona, choć też i kontrowersyjna, ze względu na proponowaną wielkość nowej świątyni. Teren ten ma bardzo dużą ekspozycyjność, położony jest od strony reprezentacyjnego wjazdu, ma naturalne walory krajobrazowe z niesamowitą konfiguracją terenu i pięknym otoczeniem przyrodniczym. Dużym utrudnieniem były dość gęsto lokowane drzewa, zwłaszcza przy planowanej dużej powierzchni użytkowej świątyni.

Zgodnie z tradycją prawosławną cerkwie wznoszone na miejscu poprzednio tutaj wyświęconych świątyni miały to samo wezwanie. Z uwagi na kanon zorientowania części ołtarzowej świątyni na wschód kosmologiczny – wschód słońca w święto Ikony Matki Bożej Radość Wszystkich Strapionych, które obchodzi się 24 października/6 listopada – oś główna świątyni została nachylona ku stronie południowej pod kątem 19°. Oś ta, zaznaczona głównie przez dzwonnica z cerkwią połową oraz układ podłużny pronaosu, wyprowadzona została na główną drogę dojazdową do monasteru, zapewniając dużą ekspozycyjność cerkwi w kompozycji całego założenia monastycznego. W ten sposób cerkiew ta koresponduje z istniejącą cerkwią Spasa. Obie świątynie są ku sobie zwrócone i obie „zmierzają” jakby ku Wschodowi. Ma to swoje szczególne znaczenie eschatologiczne, zwłaszcza w kontekście znajdujących się tutaj krzyży.

Nowoprojektowana cerkiew i korpus monastyczny miał zintegrować kompozycyjnie całą przestrzeń Świętej Góry, powiązać wszystkie obiekty w jedną przestrzenną strukturę (fot. 16). Nawiązano przy tym do tradycyjnych rozwiązań prawosławnych monasterów Świętej Góry Atos: Filoteu, Esfigmeu, Kotlomusiu, Skitu Proroka Eliasza w monasterze Pantokratora i in. i monasterów Bułgarii: w Rile czy Bačkovie, z ich zdecydowaną, prostą, geometrycznie jednoznaczną kompozycją, zbudowaną na planie kwadratu, jako główną figurą geometryczną (fot. 17).

¹⁸⁹ Opisany projekt został wykonany w ramach rywalizacji konkursowej (autor: prof. arch. Jerzy Uścińowicz przy współpracy asystenta: arch. Piotra Trojniela). Projekt ten otrzymał I Nagrodę główną w konkursie ogólnopolskim na opracowanie: „Konceptji architektoniczno-urbanistycznej założenia monastycznego Św. Św. Marty i Marii na Świętej Górze Grabarce” (2002 r.).

Cerkiew zaprojektowana została jako kompozycja koncentryczno-podłużna¹⁹⁰, rozwinięta wzdłuż wskazanej, poziomej osi wschód-zachód oraz wokół pionowej osi korpusu głównego świątyni. Pierwszą wyznacza głównie układ dwu dominujących wysokościowo wież: wieży trójkątowej dzwonnicy i kopuły z bębnum świątyni oraz jej podłużnego pronaosu. Drugą natomiast buduje kompozycja dośrodkowa świątyni.

Budynek monasteru stanowi natomiast kompozycję zamkniętą, statyczną, zbudowaną tak, by stanowiła ona tło dla świątyni. Oparty jest on na planie kwadratu z wewnętrznym dziedzińcem.

Poszczególne elementy obu obiektów kompozycyjnie ze sobą korelują. I tak:

- oś poprzeczna monasteru skoordynowana jest z osią pionową korpusu świątyni (kopułę);
- północna linia zabudowy monasteru kompozycyjnie wiąże się z wieżą dzwonnicy cerkwi;
- oś podłużna świątyni trafia na bembę agapy-trapezy;
- dzwonnica monasteru łączy się kompozycyjnie z narthexem cerkwi.

Powyższy związek kompozycyjny jest również wyprowadzony na przestrzeń okalającą zespół, próbując zbudować syntetyczną strukturę całości Świętej Góry, a mianowicie:

- oś prześwitu pomiędzy ww. narthexem a dzwonnicy z ołtarzem polowym (oś poprzeczna „małego”, kwadratowego dziedzińca) trafia na cerkiew Spasa;
- oś alejki wiodącej do cerkwi Spasa i kończącej się na jej zwieńczeniu kopułowym wyprowadzona jest na kopułę bemy nowej cerkwi oraz na nowoprojektowaną studzienkę-wodopój;
- oś drogi reprezentacyjnej wiodącej na „wielki” dziedzińiec oraz oś widokowa alejki wyprowadzonej od bramy wschodniej kończy się na nowoprojektowanym baptysterium;
- oś alejki (nazwanej symboliczną „Drabiną Jakubową”) wiodącej do cerkwi Spasa kończy się w pobliżu bramy głównej monasteru itd.

Ponadto „małe”, kołowe obejście procesyjne wokół świątyni nowoprojektowanej przenika się z „wielkim” dziedzińcem w miejscu wejścia do refektarza pielgrzymów, w pobliżu dzwonnicy monasteru. W części wspólnej obu geometrii znajduje się wspomniany wodopój.

Poszczególne elementy struktury wytwarzają też swoje własne kompozycje i relacje geometryczno-liczbowe o szczególnych konotacjach symbolicznych:

- baptysterium wyprowadza oś „Gaju Oliwnego” z symbolicznymi dwunastoma i jednym drzewem (12+1);
- w centrum kwadratowego „małego” dziedzińca rosną istniejące 4 sosny;
- kwadratowy dziedzińiec wewnętrzny monasteru („Rynek Miasta Nowego Jeruzalem”), przez swoje osie główne, wyznacza 4 wejścia do korpusów monastycznych, a w jego centrum rośnie milenijne „drzewo życia” z którego wypływają 4 źródelka,
- wokół dziedzińca ustawiono 12 kamieni węgielnych z opisu muru „Nowego Jeruzalem”, a wokół nich przebiega obejście – symboliczna ulica „Nowego Jeruzalem (Apok. Św. Jana 21:12-17, 21)

„Wielki” dziedzińiec monasteru, został od strony północnej i wschodniej otoczony przez „żywy płot” wys. 1.20m z krzewu różanego. Po stronie wschodniej, w oddali, ulokowano budynek inwentarski z ogródkiem, otoczony sadem owocowym. Sad ten oddziela od otaczającej przestrzeni zaprojektowany w samym krańcu parking.

Pomimo dość obszernego programu powierzchniowego zgodnie z naczelną wytyczną ideową, nie wycięto żadnego drzewa.

Nowa świątynia

Zaprojektowana cerkiew jest świątynią orientowaną¹⁹¹ i w przestrzennym rozwiązaniu stanowi bezpośrednią transpozycją klasycznego w ortodoksji, modelu świątyni krzyżowo-kopułowej, zbudowanego na planie tzw. „krzyża wpisanego” i zwieńczonego sklepieniem kopułowym. Nawiązuje do charakterystycznej dla naszych terenów murowanej architektury cerkiewnej typu grodowego, mającego swój najbardziej spektakularny pierwotyp w cerkwiach tzw. rzemiosła grodzieńskiego. Przedstawicielkami tej grupy świątyń, pochodzących w większości z XII w. są grodzieńskie cerkwie: Św.

¹⁹⁰ W pielgrzymowaniu, w jego aspekcie czasowym i przestrzennym, zawsze, tak jak w przypadku świątyni, mamy do czynienia z linią i z centrum. Można by nawet uogólnić, że pielgrzymowanie jest wydłużoną w czasie i rozrzedzoną w przestrzeni świątynią, wielką świątynią, w której, „... człowiek jest kapłanem”. Tak jak w każdej świątyni, czy tej, której zamknięcie stanowią ściany, czy też tej, którą zamyka linia horyzontu - od czegoś dochodzimy i wokół czegoś krążymy. Idziemy drogą albo wzdłuż jakiejś linii ku czemuś, albo też wokół jakiegoś centrum.

Centrum to symbolika środka, *omphalos*, w szczególności zaś „środek krzyża”, „centrum świata”, „Boskiego centrum”, „ogniska życia”, początku i kresu, szczytu, początku i końca, α i Ω , „punktu styczności stworzenia z Boskością”, „bramy niebios”. Św. Dionizy mówi niejednokrotnie o miłości Bożej, która „promieniuje z Boga jako centrum”, rozlewając się w kosmosie w postaci nieskończonej ilości okręgów, docierających do najdalszych sfer wszystkich istot, iżby je zjednoczyć i w cyrkularnym ruchu przywrócić wiecznemu prapoczątkowi. Wszystkie promienie okręgów łączą się w jednym punkcie środkowym - z sobą nawzajem i z tym środkiem. Ich zbliżenie ku centrum jest wyrazem zjednoczenia, oddalenie zaś od niego - wzajemnego dystansu. Również św. Maksym Wyznawca wskazuje, że wszystko zostało stworzone przez Logos, które jest „Boskim centrum”, „ogniskiem wydzielaającym stwórcze promienie”, jako poszczególne *logoi* stworzeń. Jest to centrum, ku któremu zmiierają byty stworzone jako do swojego dostatecznego celu. Św. Maksym Wyznawca powiada bowiem: „Tak jak w centrum koła znajdują się jeszcze niepodzielne wszystkie proste, które z niego wychodzą, tak w Bogu, ten, który został uznany za godnego osiągnięcia Go, poznaje za pomocą wiedzy prostej i bezpojęciowej idee wszystkiego, co zostało stworzone”.

Centrum – istniejące we wszelkich strukturach geometrycznych jako element najważniejszy – jest w nich nośnikiem początku i końca zarazem – przyczyną i kresem tego co stworzone (α i Ω), źródłem i ujściem. Jest więc najbardziej adekwatnym geometrycznie, symbolicznym uobecnieniem Boga. Znajduje to wyraz we wszelkich teofaniach, hierofaniach, które w centrum prastruktury zaistniały, zwłaszcza tym najistotniejszym – Objawieniu. „Dokonałeś zbawienia pośrodku ziemi” powiada psalmista w Psalmie 73. Św. Maksym Wyznawca mówi: „Chrystus jest ośrodkiem w którym zbiegają się linie”. Tylko Bóg – według św. Maksyma – pozostaje w absolutnym spoczynku. Stawia to Go poza czasem i przestrzenią – co doskonale odpowiada kategorii centrum w sensie geometrycznym.

¹⁹¹ Strony świata definiowane są zawsze przez centrum (*omphalos*), kierunki (*axis mundi*) i bieguny-strony świata (góra-dół, wschód-zachód, północ-południe).

Św. Paweł, mówiąc w liście do Efezjan o „szerokości, wysokości, długości i głębokości miłości Chrystusowej” (List do Efez. 3:18), definiuje geometrycznie krzyż przestrzenny, który zorientowany jest swoimi ramionami na sześć kierunków świata (wschód, zachód, północ, południe, zenit i nadir), a którego centrum stanowi Bóg. Wspomina także o tym św. Klemens z Aleksandrii, mówiąc o Bogu - „Sercu wszechświata”, od którego rozchodzą się nieskończone przestrzenie skierowane w tych właśnie kierunkach: „zwracając Swój wzrok w tych sześciu kierunkach, jakby ku liczbie wciąż równej, dopełnia świat; On jest początkiem i końcem; w nim dopełnia się sześć faz czasu i od Niego otrzymują one swoją nieskończoną rozciągłość: oto tajemnica liczby Siedem”

Św. Borysa i Gleba na Kaloży, tzw. Niżna na Starym Zamku i Preczystej Bogurodzicy oraz odkryta w trakcie badań archeologicznych cerkiew w Wołkowysku. Zaprojektowana świątynia poszukuje również formalnych powinowactw z cerkiewiami grodowymi Mielnika, Drohiczyzna i Bielska Podlaskiego. Jest kontynuacją ich tradycji istnienia na tych ziemiach i symbolicznym odnowieniem, również ze względu na wspólne wezwanie Bogurodzicy (Preczystej) cerkwi dolnej, stanowiącej jakby historyczny pierwotyp prawosławnej świątyni Podlasia, zwłaszcza jego rejonu nadbużańskiego.

Bezpośrednią analogię formalną dla zaprojektowanej świątyni stanowi jednak architektura istniejącej do dziś dnia cerkwi Św. Św. Borysa i Gleba na Kaloży w Grodnie. Jest ona również kamiennie-ceglana. Ma salową dyspozycję wnętrza o układzie 9. połowym i okrągłe w przekroju filary. Posiadała też dawniej kopułę na wysokim bębnie, dziś niestety utraconą.

Naczelną ideą przestrzennego uformowania projektowanej świątyni był jej podział na część cokołową, stanowiącą postument pod stojący jakby na nim, o mniejszym o 3m obrysie – korpus główny. Część cokołowa zbudowana jest z naturalnego kamienia polnego. Część korpusu głównego, w partii dolnej również wymurowanej z kamienia polnego, wyrasta jakby z postumentu stanowiąc pomnik – symboliczną egzemplifikację tradycyjnej cerkwi prawosławnej na naszych ziemiach. Przy dużym programie powierzchniowym świątyni jej kubatura jest niewielka, albowiem ponad cokół wznosi się jednie niewielki korpus, zbliżony swym gabarytem do istniejącej cerkwi Spasa. Podosypana pod kamienne mury świątyni skarpa niweluje dużą skalę obiektu. Tworzy to również wrażenie naturalnego wyrastania świątyni z „tutejszej” ziemi i na odwrót, głębokiego w niej zakorzenienia (fot. 19).

Drugą istotną ideą architektoniczną było geometryczne wpisanie świątyni pomiędzy istniejące sosny. Zachowano je w całości, a 4. z nich, wyrastające z „małego” dziedzińca, stały się symbolicznymi 4. drzewami natury zaznaczającym 4 strony świata, *axis mundi*. Drzewa w sposób organiczny korespondują ze świątynią. Rzucone na jej białe ściany cienie i bliki światła stanowić miały żywą, organicznie zmieniającą się jej fakturę.

W świątyni tej, tradycyjnie dla świątyń ruskich, w połowie wysokości ich ścian, w niewielkich blendach narożnych, zaprojektowano pas arkaturowy wypełniony reliefową płaskorzeźbą, przedstawiającą ikonograficznie główne święta prawosławne (rząd święt ikonostasu). Relief ten miał być jakby transpozycją okładów ikon („ryz”) z wyeksponowanymi ikoniecznie licami i dłońmi Chrystusa, Matki Bożej i Świętych Cerkwi, wykonanymi z płytek mozaikowych. Taki też relief przedstawiający Ukrzyżowanie zaprojektowano na wschodniej ścianie dzwonnicy, w świątyni połowej.

Projektowany katedra jest obiektem wielosegmentowym, dwupoziomowym. Jego świątynia górna składa się zasadniczo z dwu elementów: z dzwonnicy, pełniącej w części przyziemia funkcję świątyni połowej przeznaczonej dla nabożeństw otwartych oraz 2 poziomowej świątyni będącej właściwą cerkwią monastyczną (soborem).

Wspomniana cerkiew połowa Zwiastowania Matki Bożej ma pełny program liturgiczny (fot. 17). Składa się z hieratejonu z obszerną, widoczną na zewnątrz konchą absydialną oraz dwóch pastoforiów. W nich znajdują się dojścia na poziom dzwonnicy oraz do katakumb. Natomiast sobór składa się z półkolistej hieratejonu, stanowiącego typologiczną transpozycję Anastasis z Bazyliki Grobu Pańskiego w Jerozolimie, kwadratowego korpusu głównego – naosu, wydłużonego pronaosu oraz narthexu. Program liturgiczny świątyni rozwiązany został również klasycznie, trójdzielnie, wzdłuż osi podłużnej. (fot. 20). Trójdzielne prezbiterium składa się z bemy z absydą ołtarzową (z ołtarzem, synthrononem i „górnym miejscem”) oraz dwóch aneksów pastoforalnych: prothesis i diakonikonu. Wokół absydy prezbiterialnej (Anastasis) przebiega ambit ze schodami do części prezbiterialnej dolnej cerkwi. Drugą część, wydzieloną od pierwszej klasycznym temponem i przestrzenią solei, stanowi naos z wydłużoną częścią wstępną – pronaosem, podobną do stosowanej w cerkwiach ruskich trapezy. Trzecią częścią świątyni jest narthex z wejściem głównym. W nim znajdują się też schody do świątyni dolnej i na poziom chóru. W części podziemnej natomiast, pod dzwonicą znajdują się katakumby z mauzoleum i kaplicą Ofiarowania Matki Bożej.

Struktura świątyni dolnej jest właściwie powtórzeniem górnej. Jest jakby wprowadzeniem i rozwinięciem funkcji sakramentalnej przyziemia. Cerkiw ta posiada dwa dodatkowe, zamknięte paraklezjony. W północnej części korpusu ulokowano wejście do podziemnego łącznika prowadzącego do monastynu. Poprzez schody można tutaj dojść do refektarza pielgrzymów. W części środkowej łącznika, pod położonym na „wielkim” dziedzińcu wodopojem, znajduje się studzienka do poświęceń wody. W naosie i pronaosie świątyni dolnej Narodzenia Przenajświętszej Bogurodzicy (Preczystej) zaprojektowano charakterystyczne dla cerkwi wczesnochrześcijańskich nieckowate obniżenie nawy głównej, w celu lepszego uczestnictwa wszystkich wiernych w celebrowanych nabożeństwach. Posiada ono również istotne konotacje symboliczne odnoszące się do ikonografii Narodzenia Bogurodzicy. Stosownie do tradycyjnych rozwiązań tego typu na środek cerkwi wyprowadzono ambonę.

Obie świątynie – górna i dolna – mają okalające nawę główną tzw. ambity pielgrzymów, tutaj pomyślane jako nawy boczne przeznaczone dla długotrwałego, całonocnego „czuwania” w modlitwie. W części górnej dzwonnicy, przeznaczonej na ołtarz połowy, do celebrowania liturgii na zewnątrz zaprojektowano ikonografię mozaikową. W ścianie absydy zaproponowano ikonę Eucharystii, w konsze absydialnej – ikonę Matki Bożej Blacherniotissy, natomiast w blendzie górnej – Mandylion. Ściana dzwonnicy w czasie nabożeństwa staje się jak gdyby ścianą zewnętrznego ikonostasu – tam mogą być umieszczane przed każdym nabożeństwem ikony rzędu namiestnego – Pantokratora i Matki Bożej (fot. 18). Ołtarz połowy ulokowano w oszklonym cyborium, zaś w miejscu wrót królewskich i drzwi diakońskich przewidziano ażurowe drzwi z ikonicznym wypełnieniem witrażowym¹⁹².

¹⁹² Świątynię rozplanowano na planie kwadratu o boku 18,60m z półokrągłą absydą o promieniu zewnętrznym 6,30m oraz prostokątnym pronaosem o wymiarach 12,60 x 18,00m, dodanym do korpusu od strony zachodniej. Ulokowana od strony zachodniej dzwonnica rozplanowana jest na prostokącie o wymiarach 12,60x3,60m. Wysokość świątyni sięga do podstawy krzyża 30m, zaś dzwonnicy – 24m. Zaprojektowana została w technologii tradycyjnej, murowanej, z podstawowymi elementami nośnymi żelbetowymi. Konstrukcję nośną stanowiły ściany zewnętrzne, murowane, warstwowe i wewnętrzne słupy oraz wsparte na nich łuki i podciąg. Elementy przekrycia wewnętrznego stanowiły w części nadziemnej sklepienia kolebkowe, stożkowe i sferyczne oraz żelbetowe stropy płytowe. Ściany cokołowe i ściany korpusu do zmiennej wysokości zaprojektowano jako warstwowe, z zewnętrzną warstwą z kamienia polnego. Konstrukcję nośną wieży dzwonnicy stanowiły jednorodne ściany zewnętrzne, murowane, z elementami żelbetowych rdzeni, belek i ręków wylewanych, na poziomie dzwonnicy. Przekrycie zewnętrzne cerkwi stanowił dach o tradycyjnej konstrukcji drewnianej typu krążynowo-płatwiowego, zapewniający wentylowanie przestrzeni poddasza.

Korpus monastyczny i dom pielgrzyma

Budynek monastynu (fot. 16) stanowi przebudowę i rozbudowę istniejącego budynku klasztorowego. Tak jak w dawnych greckich monasterach, zaprojektowano jako dyspozycję dośrodkową, rozplanowaną na kwadracie, z dziedzińcem wewnętrznym jako *quasi* wirydarzem. Jest on symboliczną transpozycją rynku miasta Nowego Jeruzalem (Ap. Św. Jana 21:12-22) i starotestamentowego „Ogrodu w Edenie”. Ma to swoje szczególne konotacje symboliczne. W jego centrum ulokowano milenijne „Drzewo życia”, na skrzyżowaniu osi głównych wytyczonych przez biblijne 4 źródła-wodopoje. Wokół placu ulokowano 12 kamieni węgielnych (Ap. Św. Jana 21:18-22), a wokół nich zaprojektowano obejście, będące transpozycją symboliczną ulicy Nowego Jeruzalem. Mur okalający dziedziniec ma długość równą 144 łokciom, tyle ile posiadał w opisie Nowego Jeruzalem mur miasta. Wokoło dziedzińca, wewnątrz budynku, wiedzie otwarty westybul. W analogii do w biblijnego opisu wizji Nowego Jeruzalem, do monastynu prowadzi XII bram.

Monastyr nawiązuje swym charakterem do rozwiązań dawnych średniowiecznych założeń monastycznych, których nacelną zasadą była obrzeżna lokacja domykająca wewnętrzny dziedziniec oraz pozostawanie ich w relacji podrzędności hierarchicznej w stosunku do budynku świątyni. Zastosowano tutaj regulame porządku rytmu i symetrii oraz wyważoną wysokość zespołu i prostotę rozwiązania formalno-stylistycznego. Miało to wszystko podkreślić rangę cerkwi i jej pierwszorzędne znaczenie w zespole. Potrzebę wzajemnej korespondencji kompozycyjnej świątyni i monastynu zapewnia kaplica ponad wejściem głównym, dobudowane ośmioboczne w planie baptysterium i niewielka zakończona biforialnie dzwonnica. Forma budynku jest bardzo powściągliwa, prosta. Stara się nie rywalizować z cerkwią tylko ją wspierać, stanowić dla niej tło. Nawet jej najistotniejsze elementy, starają się pozostawać w „zaciszu” świątyni. Stanowią elementy ważne, lecz nie dominujące.

Zarówno rozbudowane części monastynu jak i świątynia, a także podziały posadzek „wielkiego” i „małego” dziedzińca oraz dziedzińca wewnętrznego, w swej geometrii mają wspólny modułowy rytm. Wiąże to je wszystkie w jedną, strukturalną całość.

Resumé

Efekty konkursu nie zostały skonsumowane. Nie powstał na jego podstawie projekt późniejszego domu pielgrzyma ani też sama cerkiew. Widocznie tak miało być. Niewątpliwie zadeklarowana w założeniach konkursowych skala znacznie przerastała inicjatywne i finansowe możliwości Cerkwi. Program był znacznie przesadzony w wielkości. To nie podlegało dyskusji.

Dziś jednak do projektu regulacji przestrzeni Świętej Góry Grabarki się powraca. W znacznie zmienionej skali i w rozsądnym planie funkcjonalno-przestrzennym i inwestycyjnym. Dawna cerkiew Ikony Matki Bożej Wszystkich Strapionych Radość jest obecnie poddawana remontowi, modernizacji i rozbudowie przy zastosowaniu naturalnego budulca tych ziem – drewna i polnego kamienia (fot. 21)¹⁹³. Są już także plany uczynienia z murowanego budynku monastynu – domu pielgrzyma. Projekt wszedł już w swoją fazę realizacyjną. Ale to już temat wymagający osobnego przedstawienia.

+

Grabarka jest miejscem magicznym. Jak we wszystkich miejscach świętych stało się to z woli Boga, jedynie poprzez człowieka. Bóg je wybrał, a po wskazaniu przez Niego, zostało ono jedynie przez człowieka „odnalezione”¹⁹⁴. Poddany temu co mu objawione, a poprzez święte symbole w czasie i przestrzeni ukazane, zostaje w nie włączony i uświęcony zarazem. Na tym polega sens czasu i przestrzeni świętej w którą on wchodzi. Stać się one mają wraz z nim przedłużeniem działania Boga, a nie jego konkurencją, kontynuacją a nie zastąpieniem. Na tym polega ich sakralność*.

Summary:

The Holy Mount of Grabarka is located in the north-east of Poland, in the area of the cultural, religious and national borderland. It is the most important centre of religious life for the Orthodox faithful in Poland. For centuries it has borne witness to the existence of spiritual values. It is a place of constant prayer, emanating from the mouths of the sisters of the Orthodox Convent of Saints Martha and Mary.

This work is presenting the project of adaptation and development of the Grabarka monastery. This project is trying in the ideological way to transmit the tradition of the Polish Orthodox Church. Using language of symbols and archetypes through forms and orders of architecture and the landscape planning composition he is trying to transfer ideological values of the orthodox sacred tradition to the space of history, culture and the nature.

This paper presents also the process of evolution of traditional spatial and functional structures and application of new architectural and iconography conventions. It covers problems in art as well as new essential ideological aspects of symbolical and liturgical nature.

The effects of design and creation work presented in this paper, serve as a basis to classify these objects as traditional. This assessment of the synthesis of art and theology achieved here is left to the reader himself.

¹⁹³ Projekt architektoniczno-budowlany remontu, modernizacji i przebudowy zabytkowej cerkwi prawosławnej Ikony Matki Bożej Wszystkich Strapionych Radość położonej na terenie Prawosławnego Klasztoru Św. Św. Marty i Marii na Świętej Górze Grabarce, na działce nr 498 we wsi Grabarka, wpisanej do rejestru zabytków pod nr A-405. Autor: Jerzy Uścińowicz, Archiwum Prawosławnego Klasztoru Św. św. Marty i Marii na Św. Górze Grabarce, Białystok-Grabarka 2010-2013.

¹⁹⁴ Zob. Van der Leeuw, *Phänomenologie der Religion*, s. 357

* Niniejszą pracę wykonano w ramach badań naukowych WWA/3/2011, realizowanych w Zakładzie Architektury Kultur Lokalnych Wydziału Architektury Politechniki Białostockiej w roku 2013.

